

26.3912)

А 751

к 9.

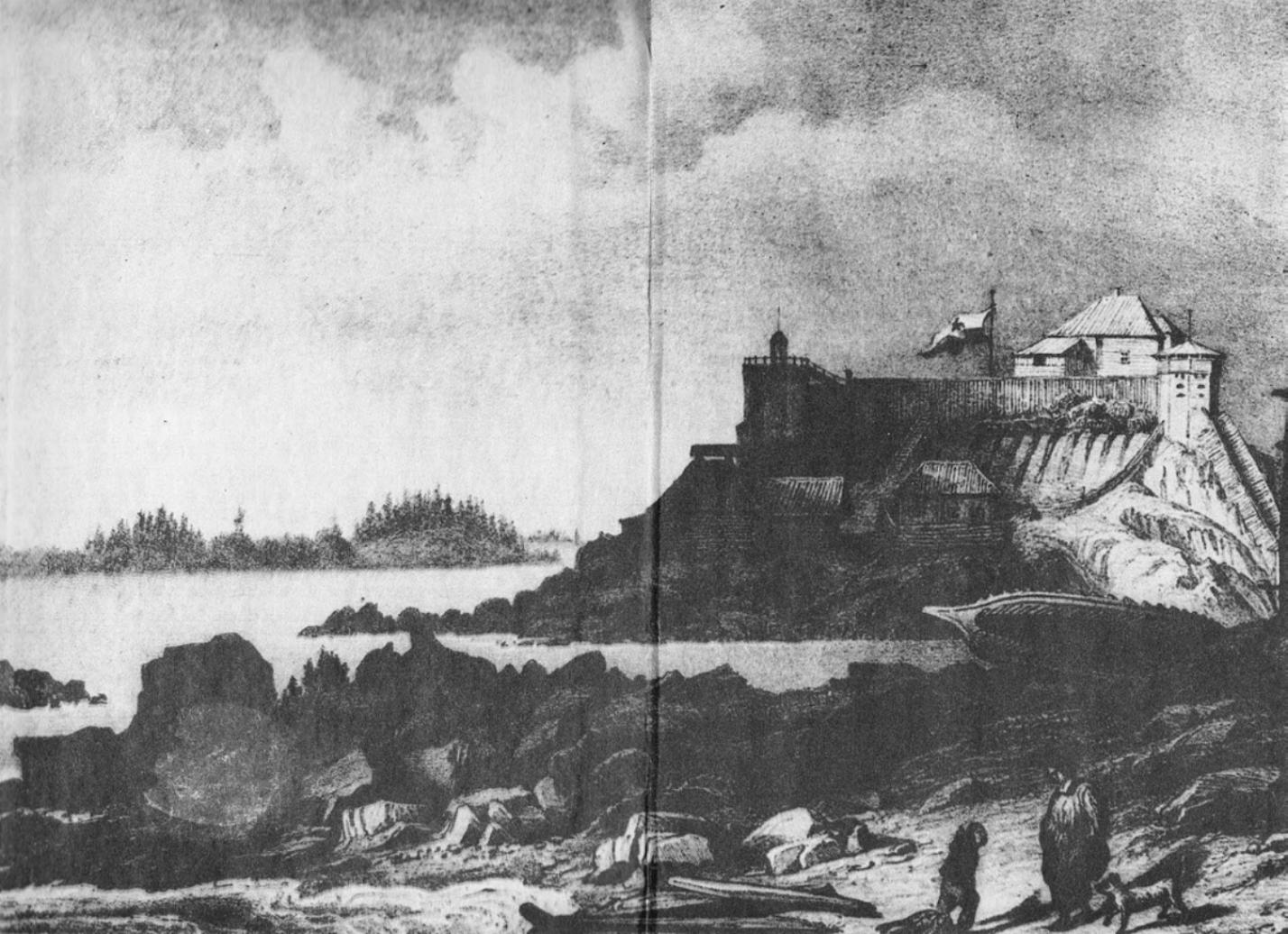

А. И. АЛЕКСЕЕВ

СУДЬБА
РУССКОЙ
АМЕРИКИ

26.89(2)

кр.

497

А. И. АЛЕКСЕЕВ

СУДЬБА
РУССКОЙ
АМЕРИКИ

спр

ЧИТАЛЬНЫЙ ЗАЛ
ХАСЬИНСКОЙ РАЙОННОЙ
БИБЛИОТЕКИ

Магаданское
книжное
издательство
1975

✓
10497 25

Хасьинская ЦБС
Магаданской обл.

91(C)

A 47

A $\frac{0284-034}{M-149(03)-75}$ 35-75

© Магаданское книжное издательство, 1975 г.

Предисловие

Русская Америка — одна из волнующих страниц в истории Русского государства. Истории образования Российско-Американской компании, а затем и Русской Америки посвящены многие работы советских, русских и зарубежных ученых. Предлагаемая вниманию читателей книга доктора исторических наук и кандидата географических наук А. И. Алексеева является историко-географическим исследованием.

В нем последовательно и точно трактуются вопросы формирования территории и границ Русской Америки, с документальной пунктуальностью прослеживается вся история географического изучения Алеутских островов и северо-западной части Северной Америки, анализируется экономическое состояние Российско-Американской компании на различных этапах ее существования, рассматриваются причины продажи Русской Америки и ликвидации Российско-Американской компании.

Читатель найдет в книге сведения об исследованиях В. И. Беринга, А. И. Чирикова, М. В. Неводчикова, А. Толстых, П. К. Креницына, М. Д. Левашова, Г. А. Сарычева, Г. И. Шелихова, Г. И. Давыдова, Ю. Ф. Лисянского, В. М. Головнина, Л. А. Гагемейстера, А. Ф. Кашеварова, Л. А. Загоскина, И. Г. Вознесенского, И. Я. Васильева и многих других русских мореплавателей, путешественников и ученых, простых промышленников и отважных мореходов и землепроходцев.

С интересом читаются страницы, посвященные истории русского селения в Северной Калифорнии — форта Росс, столицы Русской Америки Ново-Архангельска, первого русского селения в Северной Америке — Павловской гавани на Кадьяке, Капитанской гавани на Уналашке. Правдивы исторические портреты Г. И. Шелихова, А. А. Баранова, Л. А. Загоскина, А. Ф. Кашеварова, И. Г. Вознесенского, других деятелей и исследователей Русской Америки.

Основанная на архивных материалах и старых, порою забытых, публикациях книга охватывает 126 лет истории исследования и освоения русскими людьми Алеутских островов, Аляски и северо-западного побережья Северной Америки. Многочисленные иллюстрации — портреты, виды, картографические материалы — заметно оживляют чтение книги, которая написана простым, доступным каждому интересующемуся историей нашей Родины языком.

А. И. Алексеев хорошо знает Дальний Восток, где он много плавал, будучи офицером-гидрографом Тихоокеанского флота, где он часто бывает сейчас и истории которого он посвятил всю свою жизнь, все свои книги. Это, а также отличное знание архивных материалов помогло ему написать нужную, полезную и интересную книгу, в которой воссоздана история Русской Америки.

Академик А. Л. НАРОЧНИЦКИЙ.

Вместе с моими друзьями, участниками первой в истории нашей археологической науки совместной экспедиции американских и советских археологов на Алеутские острова, вернулся я домой, в наш городок ученых на Оби. И сразу же снова встретился с алеутами, с туманами и штормами Берингова моря. На этот раз на страницах новой книги доктора исторических наук и кандидата географических наук, человека так много сделавшего для изучения славного прошлого и великих дел русских мореплавателей и путешественников — Александра Ивановича Алексеева.

История русских владений в Северной Америке полна героизма и драматических событий. Отважные землепроходцы, мореходы не остановились на берегах Тихого океана, смело, с безграничной русской отвагой направились дальше, через эти пенные волны. И вот в поисках новых стран и земель, неведомых миру, они открыли Алеутские острова, вступили на землю самой Северной Америки.

За открытием последовало географическое изучение, хозяйственное освоение. На дикие Алеутские острова пришла новая — русская жизнь, русская культура, отголоски которой дошли и до наших дней: русские слова, русские имена звучат и сегодня в алеутской речи на Уналашке.

В самом конце восемнадцатого века образовалась Российско-Американская компания. Шелихов и Баранов, Кусков, Загоскин, Вознесенский, Врангель, безвестные мореходы и служащие этой компании шаг за шагом расширяли сферу своих действий. Русские прочно обосновались в Северной Калифорнии: форт Росс известен и теперь всему миру как памятник русской активности в Новом Свете, Российско-Американская компания торговала практически со всеми странами Тихоокеанского бассейна. Образовалось определенное понятие: Русская Америка!

Об этой русской земле, о ее драматической судьбе и рассказывает А. И. Алексеев. Новая его книга — первая работа по исторической географии Русской Америки. Она замечательным образом, живо и колоритно, передает своеобразие истории этого отдаленнейшего заморского края старой России, насыщена множеством интересных фактов, волнующих событий, ценных документов, многие из которых вообще впервые становятся известными миру. Автор собрал также уникальные карты, виды местностей, портреты жителей Русской Америки, общественных и государственных деятелей того времени. Такие материалы не только оживляют книгу, но и органически входят в текст повествования как ее документальная часть.

Перед читателем предстает и красочная история Алеутских островов, и матерой земли — Аляски. Перед нами разворачивается судьба «вновь приобретенных земель», жизнь их коренного населения, тесно связавшего свою судьбу с русскими и Россией. Это они, алеуты и эскимосы, а также индейцы, участвовали в освоении богатств Русской Америки, строили поселения, в том числе столицу этого края — Ново-Архангельск. Там строились корабли, развивались морские и пушные промыслы, рыболовство.

Эта книга представляет собой новый ценный вклад в историю и историческую географию не только нашей страны, но и всего Тихоокеанского бассейна. Она рассказывает о вкладе русских в историю Американского континента, что, несомненно, заинтересует и американцев, чье внимание все больше и больше привлекает прошлое Аляски, Алеутских островов.

И в заключение мне хочется вспомнить слова нашего знаменитого поэта на мраморном надгробии в ограде бывшего Знаменского монастыря в Иркутске, под которым покоится прах Григория Шелихова, деятеля Российско-Американской компании: «Колумб здесь Русский погребен!»

Колумбам русским и посвятил свою книгу А. И. Алексеев.

От автора

Исподволь, мучительно долго, в течение по крайней мере десяти лет, сначала ошупью, а затем более уверенно подходил я к облюбованной проблеме — судьбе исконно русских земель на Тихом океане и в Северной Америке. В 1974 году минуло 175 лет, как была оформлена Российско-Американская компания. Обширная научная и художественная литература и помогала и затрудняла работу. В основном в книгах затрагивались политические и экономические причины продажи Аляски, Алеутских островов и форта Росс; рассказывалось о географических исследованиях в Северной Америке и на Алеутских островах. Художественные произведения обычно посвящались каким-либо отдельным сюжетам истории Русской Америки.

Мне же хотелось показать в доступной каждому читателю форме всю историю исследования и освоения русскими людьми Алеутских островов, Аляски, Тихоокеанского побережья Северной Америки вплоть до Калифорнии. Мне хотелось показать внутреннюю жизнь Русской Америки, рассказать о простых людях, едва ли не каждодневно совершавших подвиги во славу России, поговорить о местных жителях Алеутских островов и Северной Америки, напомнить о выдающихся событиях в истории Русской Америки. Мне хотелось также в меру моих сил подумать, порассуждать о причинах, которые привели русское правительство к продаже Русской Америки правительству США за сущий пустяк — за 7 миллионов 200 тысяч долларов, что составило всего по 2 цента за акр площади.

Кроме литературы, приведенной в списке в конце книги, я использовал материалы следующих архивов: Архива внешней политики России (АВПР), Архива Академии наук (ААН), Архива Географического общества СССР (АВГО), Центрального государственного архива Военно-Морского Флота (ЦГАВМФ), Центрального государственного военно-исторического архива (ЦГВИА), Центрального государственного архива древних актов (ЦГАДА), Центрального государственного архива РСФСР Дальнего Востока (ЦГАДВ), Государственного архива Иркутской области (ГАИО), материалы других республиканских, краевых и областных архивов. Воспользовался я также добрыми советами члена-корреспондента АН СССР А. В. Ефимова, члена-корреспондента АН СССР А. И. Крушанова, члена-корреспондента АПН СССР А. И. Соловьева, доктора географических наук Л. А. Демина, ученого секретаря Приамурского филиала Географического общества СССР А. А. Степанова. Всем им я говорю: «Огромное спасибо!» Особую признательность выражаю академику А. Л. Нарочницкому и академику А. П. Окладникову, взявшим на себя труд прочитать рукопись книги и сделавшим ценные замечания. Я благодарю также профессора Р. А. Пирса (Канада) за предоставленные для книги иллюстрации.

Все даты, за исключением особо оговоренных, приведены по старому стилю; стиль и орфография впервые публикующихся материалов сохраняются.

Введение

Среди героических подвигов русского народа в течение нескольких веков особое место занимает полная отваги и мужества эпопея присоединения к Русскому государству необъятной, казалось бы, непроходимой Сибири; таинственного, богатейшего, сказочного Дальнего Востока; выход на просторы Тихого океана, открытие там Курильских и Алеутских островов и, наконец, достижение Северной Америки. Освоение всех этих земель и островов завершилось образованием Русской Америки. Россия привольно расположилась на трех материках: в Европе, Азии и частично в Северной Америке. Как же все-таки это произошло?

Автор не ставил целью показать всю историю присоединения к России Сибири и Дальнего Востока, но во введении все-таки необходимо кратко об этом рассказать. Ведь благодаря стремительному продвижению русских людей на восток вся Сибирь была пройдена из конца в конец за каких-нибудь 50—60 лет. От знаменитых походов Ермака в 80-х годах XVI века до выхода русских людей на побережье Охотского моря прошло немногим больше полувека, а до исторического плавания С. Дежнева и Ф. Алексеева из Ледовитого океана в Тихий — чуть больше 60 лет.

На этом длительном пути были и многочисленные жертвы, и удивительные открытия. В 1632 году на великой Лене-реке уже был основан Якутский острог — с 1681 года город Якутск, а через семь лет, в 1639 году, отряд томских казаков во главе с И. Ю. Москвитинным вышел на побережье Охотского моря в устье реки Ульи, где поставил острожек и откуда совершил плавание на север до Тауйской губы, на юг — до устья реки Уды.

Бурное, стремительное продвижение русских на восток в XVI столетии шло в трех направлениях: северо-восточном, восточном и юго-восточном. Движение в восточном направлении завершилось плаванием И. Ю. Москвитина, основанием в 1646 году Охотского зимовья — острога, откуда в дальнейшем и были предприняты плавания на Камчатку и далее на восток — в Америку. Движение в северо-восточном направлении завершилось историческим плаванием на кочах С. Дежнева и Ф. Алексеева вокруг Азии до берегов Камчатки, а по недоказанным данным, и до берегов Америки в районе Берингова пролива. Движение же казаков в юго-восточном направлении привело к открытию полноводного Амура и первым плаваниям по нему В. Д. Пояркова, Е. П. Хабарова, И. А. Нагибы и других, к основанию на Амуре многих острогов, освоению и закреплению за Россией левобережного Приамурья с центром в крепости Албазин.

Из всех этих направлений русской колонизации на востоке наиболее интенсивным, активным оказалось восточное, практически слившееся с северо-восточным. С основанием Охотского острога предпринимаются попытки плаваний на кочах на восток вдоль северного берега Охотского (Ламского, Пенжинского) моря. Первым достоверно известным таким плаванием было плавание Алексея Филиппова в 1648—1652 годах до губы Тауйской и Ямской и составление первой «Росписи...» (лоции) посещенных мест.

Между тем казаки, шедшие в северо-восточном направлении, освоили Колыму, Чукотку, побывали на Камчатке в 1686—1688 годах (Голыгин, Кузнецов, Морозко и другие). Исторические походы В. В. Атласова в 1697—1699 годах закрепили успехи русских. На Камчатке были построены остроги. Атласов первый прошел Камчатку по всей ее длине и видел в 1700 году первые Курильские острова.

Но по-прежнему на Камчатку и на Чукотку совершались сухопутные путешествия и по внутренним водным (речным и озерным) путям. А это было не только трудно, утомительно, но и очень опасно. В сущности, каждый такой поход вдоль северного побережья Охотского моря, Пенжинской и Гижигинской губ, зачастую происходивший по землям и местам «немирных» народов, был походом военным: в любой момент можно было ждать нападения и, следовательно, нужно было быть всегда готовым отразить его. Поэтому вплотную встал вопрос о том, чтобы найти морской путь на Камчатку.

По указу Петра I об отыскании морского пути на Камчатку в 1713 году в Охотск была отправлена партия кораблестроителей и мореходов. Под руководством К. Плоских они построили первую в Охотске и вообще на Тихом океане русскую лодку «Восток», на которой в 1716—1717 годах под командой К. Соколова и морехода Н. М. Трески был открыт морской путь на Камчатку.

В эти же годы стало известно и о существовании Шантарских островов. Д. Анциферов и И. Козыревский в 1711—1713 годах побывали на первых Курильских островах Шумшу и Парамушир и узнали о существовании целой гряды островов вплоть до таинственного царства Японского. Козыревский составил «чертеж как Камчадальского носу, також и морским островам, коликое число островов от Камчадальского носу до Матмайского и Нифона островов (то есть до Хоккайдо и Хонсю. — А. А.)...»¹ По словам А. С. Пушкина, «открытие пути через Пенжинское море (имеется в виду Охотское море. — А. А.) имело важное следствие для Камчатки. Суда с казаками приходили ежегодно, экспедиции следовали одна за другою»². На Камчатке выросли Большерецк и Нижнекамчатск в устьях рек Большой и Камчатки, а в верховьях Камчатки строился Верхнекамчатск.

До Петра I доходили слухи об открытиях русских на востоке государства. Важно было найти морской путь в Китай и Японию, выяснить, соединяется ли Азия с Америкой или между ними существует пролив. И в 1719 году 2 января воспитанники Морской Академии геодезисты Иван Евреинов и Федор Лужин получили предписание: «Ехать вам до Тобольска, и от Тобольска, взяв провожатых, ехать до Камчатки и далее куды вам указано (следовательно, существовала еще и другая, секретная инструкция: «куды вам указано». — А. А.) и описать тамошния места: сошлася ль

¹ ЦГАДА, ф. 199, № 533, тетр. 2, л. 4.

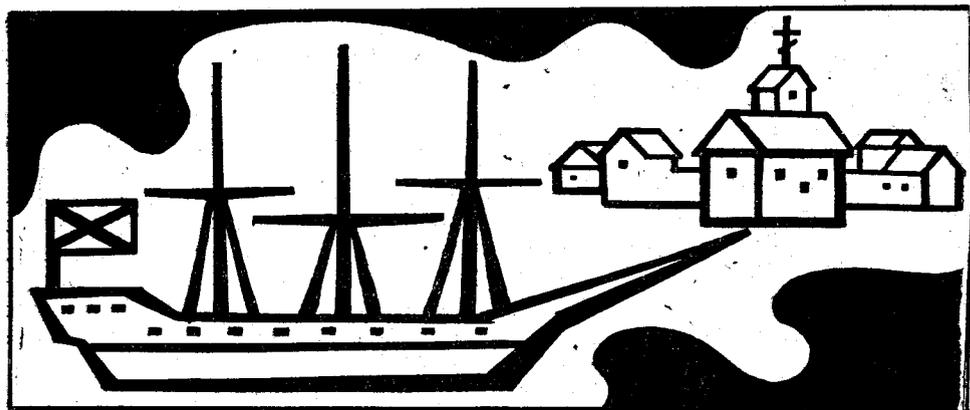
² А. С. Пушкин. Полн. собр. соч. Т. 9. 1958, с. 499.

Америка с Азией, что надлежит zelo тщательно сделать, не только Зюйд и Норд (юг и север. — А. А.), но и Ост и Вест (восток и запад. — А. А.), и все на карту исправно поставить»¹.

Плавание, в котором кроме геодезистов участвовали первые в Охотске мореходы Кондратий Мошков, Андрей Буш, было совершено на той же лодке «Восток» в 1720—1721 годах. Геодезисты описали первые шесть островов, но по рассказам составили карту всех Курильских островов и Камчатки. Первая же часть указа Петра I о проливе между Америкой и Азией осталась неисполненной по вполне понятным причинам — из-за отсутствия необходимого снаряжения и мореходных судов. Но проблема Северной Америки теперь уже была выдвинута в ряд проблем, подлежащих решению и непосредственному исполнению.

Вопрос сводился к практическому воплощению принятого решения. И первым шагом на этом пути стала Первая Камчатская экспедиция под командованием Витуса Беринга. С этого времени возникла проблема Русской Америки, рассмотрению судьбы которой и посвящена данная книга.

¹ Полное собрание законов Российской Империи, т. V. СПб, 1830, № 3266, с. 607.

* ГЛАВА ПЕРВАЯ

В поисках Америки

Сведения, доставленные И. Евреиновым и Ф. Лужиным, а также многочисленные «сказки» служилых и промышленных людей требовали подтверждения. И вот по замыслу Петра I стала готовиться грандиозная по своим масштабам Великая Сибирско-Тихоокеанская, или Великая Северная, экспедиция. Многочисленные ее отряды под начальством опытных морских офицеров в течение двух десятков лет искали пути в Америку, в Японию, искали пролив между Азией и Америкой, искали новые земли в Тихом океане; описывали, наносили на карту береговую черту не только найденных земель и островов, но также и огромные пространства береговой черты севера и северо-востока Азии. Во главе всей этой величайшей географической экспедиции был поставлен офицер русского флота Витус Йонссен Беринг (1681—1741), или Иван Иванович Беринг, как звали его в России.

За последние годы выявились некоторые подробности биографии этого человека, о нем написано множество книг, созданы кинофильмы, поэтому возможно довольно точно изложить его биографию до службы в Русском флоте.

Родился Беринг в датском городе Хорнесе в 1681 году. Родителями его были Ионас (Юнас) Свендсен — церковный попечитель и Анна Педерсдаттен Беринг¹. Мореплаватель носил фамилию своей матери, вто-

¹ Эти сведения заимствованы из статьи М. И. Белова «Дания и Витус Беринг». — В кн.: Путешествия и географические открытия в XV—XIX веках. М. — Л., «Наука», 1965.

рой жены Свендсена, происходившей из известного в Дании рода Берингов, родоначальником которых был некий Иенс Мадсен Беринг, живший в середине XVI века в Виборге (Viborg) — области Дании, занимающей часть округов Виборгского и Аальборг (не следует путать с Выборгом — Viirigi), в своем имени Бьёринг, откуда и произошла фамилия Беринг¹.

У Витуса Беринга были два родных брата Иунас (Ионас) и Йёрген, а также сестры, одна из которых была замужем за вице-адмиралом Русского флота Сандерсом. Витус Беринг так же, как его двоюродный брат Свен и товарищ Сиверс — будущий адмирал Русского флота, — плавал до 1703 года в Ост-Индию на голландском корабле. По словам датского историка К. Нильса, Беринг поступил на русскую службу в 1703 году после окончания офицерской школы в Амстердаме, откуда его и Сиверса адмирал Корнелий Крюйс пригласил служить в России.

В 1704 году Беринг участвовал в Азовском походе Петра I, а в 1705 году, командуя шхуной, доставлял на остров Котлин строевой лес для строительства Кронштадтской крепости. В 1710—1711 годах капитан-лейтенант Беринг участвовал в русско-турецкой войне, командуя шнявой в Прутском походе Петра I. Беринг навсегда связал свою судьбу, свою жизнь с Россией, с русским военно-морским флотом.

С 1712 года Беринг снова на Балтийском флоте: Он участвовал в Северной войне. По личному приказу Петра I Беринг провел из Копенгагена в Архангельск корабль «Перл», а из Архангельска в Таллин (Ревель) — новый корабль «Селафаил». По утверждению К. Нильса, Беринг во время пребывания в Архангельске интересовался возможностью плавания северо-восточным морским путем, говорил о плаваниях в устье Оби с поморами, плававшими туда и далее на восток. С 1717 по 1724 год Беринг командовал различными кораблями, и в их числе 60-пушечным кораблем «Мальбург». В 1724 году он выходил в отставку², но уже в 1725 году в чине капитана 1-го ранга снова служил на флоте. Этому-то опытному моряку и была доверена величайшая русская экспедиция.

На первый план грандиозного замысла Петра I по исследованию севера и северо-востока Азии выдвигалась задача разрешить вопрос о соединении Азии с Америкой. Незадолго до своей кончины, 23 декабря 1724 года, Петр I подписал указ о снаряжении экспедиции, которая получила название Первой Камчатской экспедиции. В написанной лично им инструкции начальнику экспедиции Берингу, опубликованной Екатериной I 5 февраля 1725 года, говорилось:

«1) Надлежит на Камчатке, или в другом там месте, сделать один или два бота с палубами.

¹ Б. Г. Островский. Беринг. Л., 1939, с. 22—23.

² Б. Г. Островский. («Беринг». Л., 1939) сообщает, что, по-видимому, Беринг был недоволен, что его обошли в чинах (остался капитаном 2-го ранга после войны), и поэтому попросил отставку, которая (без ведома Петра I) была им получена. 10 марта он имел паспорт на руках, наверное, уезжал, но уже в августе 1724 года Петр I вспомнил о Беринге и приказал узнать, желает ли Беринг продолжать службу капитаном 1-го ранга, на что последовало согласие.

2) На оных ботах возле земли, которая идет на норд, а по чаянию (понеже оной конца не знают) кажется, что та земля часть Америки.

3) И для того искать, где она сошлась с Америкой, и чтоб доехать до какого города Европейских владений, или ежели увидят какой корабль Европейской, проведать от него, как оной кюст (берег.— А. А.) называют, и взять на письме, и самим побывать на берегу, и взять подлинную ведомость и поставя на карту приезжать сюда»¹.

Возглавивший первый начальный этап Великой Северной экспедиции — Первую Камчатскую экспедицию Витус Беринг имел помощников: лейтенантов Мартына Петровича Шпанберга и Алексея Ильича Чирикова. В составе экспедиции кроме офицеров находилось свыше 60 нижних чинов.

Экспедиция отправилась из Петербурга в Охотск в начале 1725 года, а прибыла туда только в январе 1727 года. Летом 1727 года на построенном в Охотске шитике «Фортуна» все имущество и личный состав экспедиции перевезли в Большерецк, откуда зимой на собаках — в Нижнекамчатск, где уже 8 июня было спущено на воду судно «Св. Гавриил».

13 июля 1728 года экспедиция вышла в море и направилась к устью реки Анадырь. 1 августа был открыт залив Креста. Все вновь открываемые места Беринг называл по церковному календарю и никогда не давал им имен участников экспедиции и даже лиц царской фамилии (только острова Шумагинские были названы в честь умершего матроса Никиты Шумагина, там похороненного). Так, в данном случае «поелику в сие число празднует церковь наша происхождение древ честного и животворящего Креста, то и назвал он губу, в коей находился, губою Св. Креста», — отметил В. Н. Берх². На том же основании был назван и открытый 10 августа остров — именем Св. Лаврентия.

Беринг, «будучи у чукотского острова от тех чукок известился, что земля их делает две губы и обращается к устью реки Колымы. А всюду прилегло море, в котором великие отмели, и всегда несет льды; а в соседстве де окромя их чукотского народу никаких островов и земель не знает, и **потом** (подчеркнуто мной. — А. А.) он Беринг доходил до северной ширины 67 градусов 19 минут и длины от устья реки Камчатки 30 градусов 14 минут, а в правой стороне по курсу и от острова земли не видели и земля больше к северу не простирается и наклоняется к западу, и потому он Беринг рассуждал, что данной ему указ исполнил и возвратился назад»³, — говорилось в докладе правительствующего сената Елизавете Петровне 24 сентября 1743 года об итогах экспедиции.

А сам Беринг докладывал об этом следующим образом: «А 15 дня того ж августа пришли в ширину северную 67 градусов 18 минут, рассуждал, что по всему видимому и по данной инструкцы блаженныя и вечно достойныя памяти его императорского величества исполнено, понеже

¹ Полное собрание законов Российской Империи, т. VII. СПб, 1830, № 4649, с. 413.

² В. Н. Берх. Первое морское путешествие россиян. СПб, 1823, с. 44.

³ АВПР, ф. 339, оп. 888, д. 1, л. 2 об.

В. И. Беринг.

земля более к северу не простирается, а к Чюкоцкому или к Восточному углу земли никакой не подошло, и возвратился»¹.

Несомненно, здесь имеется в виду остров Св. Лаврентия. Беринг шел от него, придерживаясь азиатского берега, и в тумане, который господствовал в то лето, не заметил островов в Беринговом проливе. Войдя в этот пролив и достигнув широты $65^{\circ} 30'$, Беринг 13 августа собрал совет офицеров, чтобы обсудить, что делать дальше. Густой туман помешал увидеть противоположный, американский берег, а он был совсем-совсем близко...

На совете М. П. Шпанберг предложил плыть на восток до 16 августа, а затем повернуть обратно, считая, что если и дальше нигде не будет видно американской земли, то, следовательно, она не соединяется с азиатской. В этом предложении был определенный смысл: за двое суток экспедиция наверняка встретила бы острова Гвоздева (Диомида) или собственно Америку.

Другого мнения придерживался А. И. Чириков. Он настаивал на плавании вблизи берегов до тех пор, пока судно не подойдет к устью Колымы. Чириков следующим образом обосновывал свое мнение: «Понеже известия не имеется, до которого градуса ширины из Северного моря, подле восточного берега Азии, от известных народов Европейским жите-

¹ Экспедиция Беринга. Сб. документов под ред. А. Покровского. М., 1941, с. 64.

лям бывали, и по оному не можем достоверно знать о разделении морем Азии с Америкой, ежели не дойдем до устья реки Колымы или до льдов — понеже известно, что в Северном море всегда ходят льды — того ради надлежит нам непременно, по силе данного Вашему благородию (то есть Берингу. — А. А.) указа, подле земли итти, ежели не воспрепятствуют льды, или не отыдет берег на запад, к устью реки Колымы, до мест, показанных в означенном е. и. в. указе; а ежели земля будет наклоняться еще к N, то надлежит, по двадцать пятом числе сего настоящего месяца в здешних местах искать место, где бы можно было зимовать, а наипаче против Чукотского носа на земле, на которой по полученной сказке на Чукоц, чрез Петра Татаринова, имеется лес. А ежели до означенного числа будут противные ветры, то в то время всегда искать зимовой гавани»¹.

Если бы члены экспедиции последовали совету Чирикова, было бы совершенно точно доказано существование пролива между Азией и Америкой и повторено впервые после Дежнева и Алексева плавание по Чукотскому морю в обратном направлении — из Тихого океана в Северный Ледовитый, но зато не была бы открыта сама Америка. Начальник экспедиции принял соломоново решение: приказал держать курс на север, и «Св. Гавриил», добравшись до широты 67° 18', то есть, находясь уже в Чукотском море, повернул обратно. В проливе снова был туман, и снова не удалось увидеть ни островов Гвоздева, ни тем более самой Америки.

1 сентября экспедиция прибыла в Нижнекамчатск, где и зазимовала. В 1729 году Беринг предпринял еще одну попытку пойти на восток в поисках земли. О ней слышал он от Козыревского, когда был на Камчатке, но помешали сильные ветры и течения, а также густые туманы. Беринг дошел морем до Большерецка, а оттуда 23 июля прибыл в Охотск. В марте 1730 года после пятилетнего отсутствия экспедиция возвратилась в Петербург.

В письме к родной тетке Маргарет Беринг 1 марта 1730 года есть строки, которые проливают свет на отношение Беринга к назначению его начальником экспедиции: «Я должен признать, — писал он, — что желание моей молодости — попутешествовать — исполнилось, ибо это путешествие совершалось мимо Китая и Японии, но при этом оно не может сравниться с путешествием в Ост-Индию, как по суше, так и по морю»².

Несмотря на то, что Берингу не удалось окончательно решить вопрос о проливе между Азией и Америкой, мысль об этом не покидала его. Можно, наверное, говорить об уверенности Беринга в существовании такого пролива. Так, в статье в «Санктпетербургских ведомостях» в 1730 году (№ 26), написанной не без ведома мореплавателя, проведена мысль о наличии пролива между Азией и Америкой. Датская газета «Светские

¹ Цит. по В. А. Дивину. Великий русский мореплаватель А. И. Чириков. М., 1953, с. 51.

² М. И. Белов. Дания и Витус Беринг. — В кн.: Путешествия и географические открытия в XV—XIX веках. М. — Л., «Наука», 1965, с. 49.

и научные новости» от 27 апреля 1730 года (№ 17) прямо написала, что Беринг «продолжал плавание до 67° 19', где обнаружил, что действительно имеется северо-восточный путь, так что из устья Лены можно на кораблях пройти, насколько это мог позволить сделать лед на севере, на Камчатку»¹.

Велико было научное значение этой экспедиции в связи с географическими открытиями. Беринг представил интересные этнографические сведения о якутах, чукчах, коряках, камчадалах. Экспедиция произвела несколько точных астрономических определений и составила карту Чукотки на основе достоверных данных.

На Камчатке Беринг и офицеры слышали о существовании поблизости американской земли, и мысль об этом не давала им покоя. Беринг занялся разработкой грандиозного плана исследований на севере и востоке Азии и на Тихом океане. Одним из главных в плане был пункт о плавании к берегам Америки.

Но в это время произошли события, которые предвосхитили намерения Беринга. В течение XVII и первой половины XVIII веков сибирская администрация неоднократно предпринимала попытки уговорить «немирных чукоч» платить ясак. Иногда это удавалось, но основная часть чукчей оставалась «незамирной».

Якутский казачий голова Афанасий Федотович Шестаков не раз предлагал свои услуги для открытия новых земель и приведения в подданство новых народов. В 1726 году он отправился в Петербург и представил там карты Северо-Восточной Сибири, на которых в соседстве с крайним северо-востоком Сибири обозначен берег под названием Большая Земля. На одной из дошедших до нас карт есть подпись: «Сию карту сочинил въ Санктъ Петербурхе Якутской жител Афанасей Федотовичъ Шестаковъ». В Петербурге Шестаков брался привести в подданство непокорных чукчей, а затем проведать землю против Чукотского носа и объяснить ее жителям².

Карта эта была составлена по указаниям Шестакова. Сам он был неграмотным, но хорошо разбирался в географическом положении края. С его слов на карту были нанесены уже указанная Большая Земля против теперешнего мыса Дежнева, Курильские острова по описи И. Евреинова и Ф. Лужина, показаны многие детали, говорящие о том, что крайнюю восточную окраину России казачий голова знал превосходно. Вместе с картой был представлен проект экспедиции. Он предусматривал приведение в подданство царя жителей Чукотки и Камчатки, открытие новых земель и островов. Намечалось также плавание к берегам Большой Земли³.

На этом плавании мы и остановимся. В команде Шестакова и Дмитрия Ивановича Павлуцкого — драгунского капитана, помощника началь-

¹ М. И. Белов. Дания и Витус Беринг. — Указ. соч., с. 53.

² Л. С. Берг. Открытие Камчатки и экспедиции Беринга. М. — Л., 1946, с. 96—98.

³ Подробности об экспедиции Шестакова и Павлуцкого см. в книге А. И. Алексеева «Сыны отважные России». Магадан, 1970, с. 34—49.

ника экспедиции, возглавившего ее после гибели Шестакова в 1730 году, было несколько штурманов и геодезистов: Я. Генс, И. Федоров, М. Гвоздев, И. Спешнев. В 1731 году Д. И. Павлуцкий приказал Я. Генсу с геодезистами и штурманами на судне «Св. Гавриил», на котором совершил плавание Беринг, идти как можно скорее из Большерецка в Анадырский острог.

Весной 1732 года в приказе Павлуцкого от 1 мая из Анадырского острога, в частности, говорилось, что «велено нам обще со штурманом и подштурманом... (то есть Гвоздеву, Генсу и Федорову.— А. А.) на боте Гавриле (Св. Гавриил.— А. А.) кругом Камчацкому носу к Анадырскому устью и против Анадырского носу, которая называется Большая земля, проведаны острова коликое число оные, и на тех островах люди какие имеются-ль осмотреть и вновь прискивать и ясак брать с таких, с которых ясаку в сборе не бывали»¹.

Ввиду болезни Я. Генса в экспедиции остались Иван Федоров, Михаил Гвоздев и опытный мореход Кондратий Мошков, плававший с Берингом в первой его экспедиции. Подштурман Федоров, несмотря на тяжелую болезнь, все-таки пошел в плавание. Кроме них в плавание отправились три матроса, толмач и 32 служилых-морехода.

Из Нижнекамчатска вышли 23 июля 1732 года. Плыли вдоль берегов Камчатки, а затем Чукотки. 27 июля обошли Камчатский нос, а 3 августа «Св. Гавриил» оказался в устье реки Анадырь. Отсюда следовали по указаниям морехода Мошкова, так как он здесь уже бывал. Сначала перебрались к Чукотскому носу, до которого пути было двое суток, где и стали на якорь. Гвоздев с несколькими служилыми отправился на берег. В устье небольшой речки наполнили свежей водой две бочки. На берегу увидели олений стада. Моряку Ефиму Пермякову удалось застрелить двух оленей, и их привезли на судно. Свежая пища была весьма кстати.

На другой день к «Св. Гавриилу» приблизились две байдары, но, несмотря на призывы толмача Егора Буслаева, чукчи побоялись подойти к боту. Тогда было решено на следующий день сходить на шлюпке к тому месту, откуда показались байдары. Гвоздев, матрос Леонтий Петров со служилыми ходили туда и осмотрели «две юрты пустые деланы в земле китовыми костями старе и разрыты и возвратились от того места к боту и отошли от того места и увидели на берегу два человека, которые увидели нас побежали на камень»². В юртах увидели китовое да моржовое мясо. Так и не удалось мореплавателям вступить в переговоры с жителями тех мест.

Все это время «Св. Гавриил» стоял на якоре, ожидая попутного ветра. Наконец 8-го числа мореход Мошков направил бот на восток, к виденным им при плавании с Берингом островам. Шли под берегом, а 13-го опять пришлось стать на якорь. Неутомимый Гвоздев, воспользовавшись

¹ А. В. Ефимов. Из истории русских экспедиций на Тихом океане. Рапорт М. С. Гвоздева М. П. Шпанбергу от 1 сентября 1743 года. М., 1948, с. 247.

² А. В. Ефимов. Указ. соч., с. 245.

штилевой погодой, отправился вместе с матросом Петровым снова на берег. Увидев, что чукчи ушли из селения на байдарках, Гвоздев со служилыми побывал в шести юртах-землянках. В это время они заметили, что одна из байдар возвращается к селению. Боясь нападения, Гвоздев поспешил на бот с тем, чтобы возвратиться на берег, но уже с двадцатью служилыми. Для переговоров с чукчами Гвоздев послал служилого Петра Куклина с толмачом. На уговоры Куклина перейти в подданство русского царя и платить ясак чукчи ответили отказом: «...мы де ясаку не знаем и не платим и не промышляем»¹.

С этого места 15-го числа отправились через пролив. 17 августа увидели остров, но близко к нему подойти, а тем более высадиться там мешал сильный противный ветер. Пришлось повернуть обратно, и уже ночью «Св. Гавриил» был у Чукотского носа. Тут в затишье Гвоздев с Петровым и десятью служилыми опять отправился на берег. Как и прежде, чукчи ушли из селения за утес. Тогда Гвоздев поплыл туда и увидел, что чукчи «поют согласно и один у них прыгает и скачет»². По-видимому, шаман вызывал духов, для того чтобы обрушить кару на головы пришельцев.

Но вскоре к шлюпке стали приближаться две чукотские байдары. В каждой было человек по двадцать. Гвоздев приказал толмачу попросить, чтобы они рассказали о себе и о Большой Земле. Чукчи ответили, что они де чукчи зубатые и живут на самом Чукотском носу. Гвоздев возвратился к «Св. Гавриилу» и, пользуясь установившейся погодой, бот снова отправился к острову.

В скором времени мореплаватели оказались около его северной оконечности. Вероятнее всего это был остров Ратманова, самый большой из группы островов Гвоздева, или Диомидовых³. Спустили шлюпку, и Гвоздев снова направился к берегу. Но едва путешественники приблизились, как из-за утеса, а затем и из-за юрт их встретили стрелы. Для устрашения Гвоздев приказал выстрелить из трех фузей⁴, после чего стрельба из луков прекратилась.

На вопросы толмача жители острова ответили, что они чукчи и что их родственники пошли драться с капитаном Павлуцким. Отсюда стало ясно, почему они так не приветливо встретили Гвоздева и его товарищей. Про Большую Землю они ничего Гвоздеву не рассказали, только сообщили, что там живут чукчи (на самом деле эскимосы. — А. А.). Когда Гвоздев высадился, чукчи ушли из юрт, оставив их совершенно пустыми. Юрт всего было две. Это были, по существу, землянки, стены которых обложены деревом. На острове росли ель и сосна. В восточном направлении Гвоздев разглядел на горизонте очертания Большой Земли.

Возвратившись на бот, Гвоздев рассказал обо всем Федорову, и они

¹ А. В. Ефимов. Указ. соч., Промемория А. Зыбина М. Шпанбергу от 20 апреля 1743 года, с. 239.

² Там же, с. 240.

³ Второе название дано Берингом, а первое — Г. Ф. Миллером.

⁴ Фузея — кремневое ручное ружье.

решили идти вдоль берега острова к южному его мысу. Переход совершили вполне успешно, и вскоре «Св. Гавриил» стоял на якоре с южной стороны острова. Гвоздев и Петров с большим числом служителей снова пошли к берегу по направлению к большому селению, в котором можно было насчитать до двадцати юрт. Берег был совсем близко, когда услышали громкие крики: чукчи были настроены воинственно и не подпускали пришельцев. Тогда на берег вышел только один толмач. К нему подошел чукча, который ничего не сказал ни про Большую Землю, ни про них самих. Отказался он также и платить ясак («мы де ясаку не знаем и не плачивали»). Гвоздеву ничего не оставалось делать, как возвратиться на «Св. Гавриил». По счислению пути Гвоздев определил примерные размеры острова: две с половиной версты на одну.

20 августа в час пополуночи снялись с якоря и в ту же ночь в седьмом часу подошли ко второму острову и стали на якорь. Расчеты показали, что от первого острова до второго версты полторы. Второй остров был меньше. Ездивший на берег служилый Ефим Пермьяков вскоре возвратился ни с чем. Ему не дали даже ступить на землю — встретили стрелами.

В три часа пополудни 21 августа снялись с якоря и пошли от неприветливого острова дальше на восток, к Большой Земле. Приблизившись к ней версты на четыре, стали на якорь. Вероятно, предполагалось по примеру прошлых стоянок посещение Большой Земли Гвоздевым. Но тут случилось непредвиденное, чему нет объяснений в сохранившихся архивных документах.

Вскоре Иван Федоров «поднял якорь на своей вахте без общего согласия и пошел подле земли к южному концу»¹. А от этого мыса Федоров направил бот к западу, высматривая подходящее место для стоянки. На протяжении полутора верст были видны на берегу юрты, но подойти к земле не удавалось: мешал противный ветер. Тогда повернули снова к южному мысу (имеется в виду мыс принца Уэльского. — А. А.), измеряя глубины. Они были малыми — шести-семи сажень. А северо-северо-западный ветер усиливался. Держаться вблизи берега было невозможно. Сильный ветер заставил переменить курс и продвигаться на юго-запад. Судно понесло в этом направлении, и «Св. Гавриил» оказался у другого острова, который Гвоздев называет в своих докладах четвертым островом. К острову подойти не удалось, ветер становился все жестче, все порывистее. Но зато с острова к боту на одноместной байдаре-кухте сумел добраться местный житель. Он подплыл на шесть сажень к судну, и Гвоздев через толмача довольно обстоятельно расспросил его о Большой Земле, ее жителях, природе, животных. Чукча отвечал, что на Большой Земле живут также чукчи (то есть эскимосы), на ней растет большой лес, текут реки, а из зверей водятся олени, лисицы, куницы, бобры. Он сообщил, что остров величиной версты четыре на четыре.

¹ А. В. Ефимов. Из истории русских экспедиций на Тихом океане. Промемория, А. Зыбина М. Шпанбергу от 20 апреля 1743 года, с. 241.

От этого, четвертого острова «Св. Гавриил» неумолимо относилось все дальше и дальше на юг. С провизией было плохо, пресная вода кончалась, команда устала. Служилые стали заводить разговоры о возвращении. Представитель команды Лаврентий Сметанин подошел к Гвоздеву и, выражая общее мнение, предложил возвращаться на Камчатку. Михаил Спиридонович отвечал, что он самостоятельно принять решение не может, так как «имеется подштурман, с которым с ним поступать по срдеру обще понеже он в морском хождении один имеет власть и ему предлагайте, а мне без его согласия возвратиться нельзя»¹. Спустя некоторое время к Гвоздеву снова пришли служилые. Ефим Пермяков, Федор Паранчин, Лаврентий Поляков, Алексей Малышев и другие заявили, что еле успевают откачивать воду с бота, да и продовольствия осталось совсем немного, поэтому надо, мол, возвращаться на Камчатку. Гвоздев повторил, что он один ничего не может делать. Тогда служилые во главе с мореходом Мошковым подали Гвоздеву и Федорову прошение, «которым объявля многие свои нужды просили, чтобы для тех их нужд и поздности времени из того вояжа возвратиться на Камчатку»². Посовещавшись, Гвоздев и Федоров направились к Камчатке, куда и прибыли благополучно 28 сентября.

К сожалению, подробности беспримерного, выдающегося плавания остались неизвестными, и мало надежды разыскать о нем другие документы. Известно только совершенно точно, что во время плавания велся журнал, или «лагбух».

По прибытии в Нижнекамчатск Гвоздев доложил о плавании рапортом, который Павлуцкий получил 23 декабря 1733 года. Ранее, 19 декабря, Гвоздев вместе с рапортом отослал Павлуцкому и «лагбух». Ни один из этих документов до нас не дошел. Сохранились лишь поздние, 1740-х годов документы, написанные по памяти или с черновиков. Это рапорт М. С. Гвоздева М. П. Шпанбергу от 1 сентября 1743 года, промемория командира Охотского порта А. Зыбина от 20 апреля 1743 года, челобитная М. С. Гвоздева от августа 1743 года, показания М. С. Гвоздева от 13 июня 1738 года и донесения Ф. И. Соймонова от 23 декабря 1758 года.

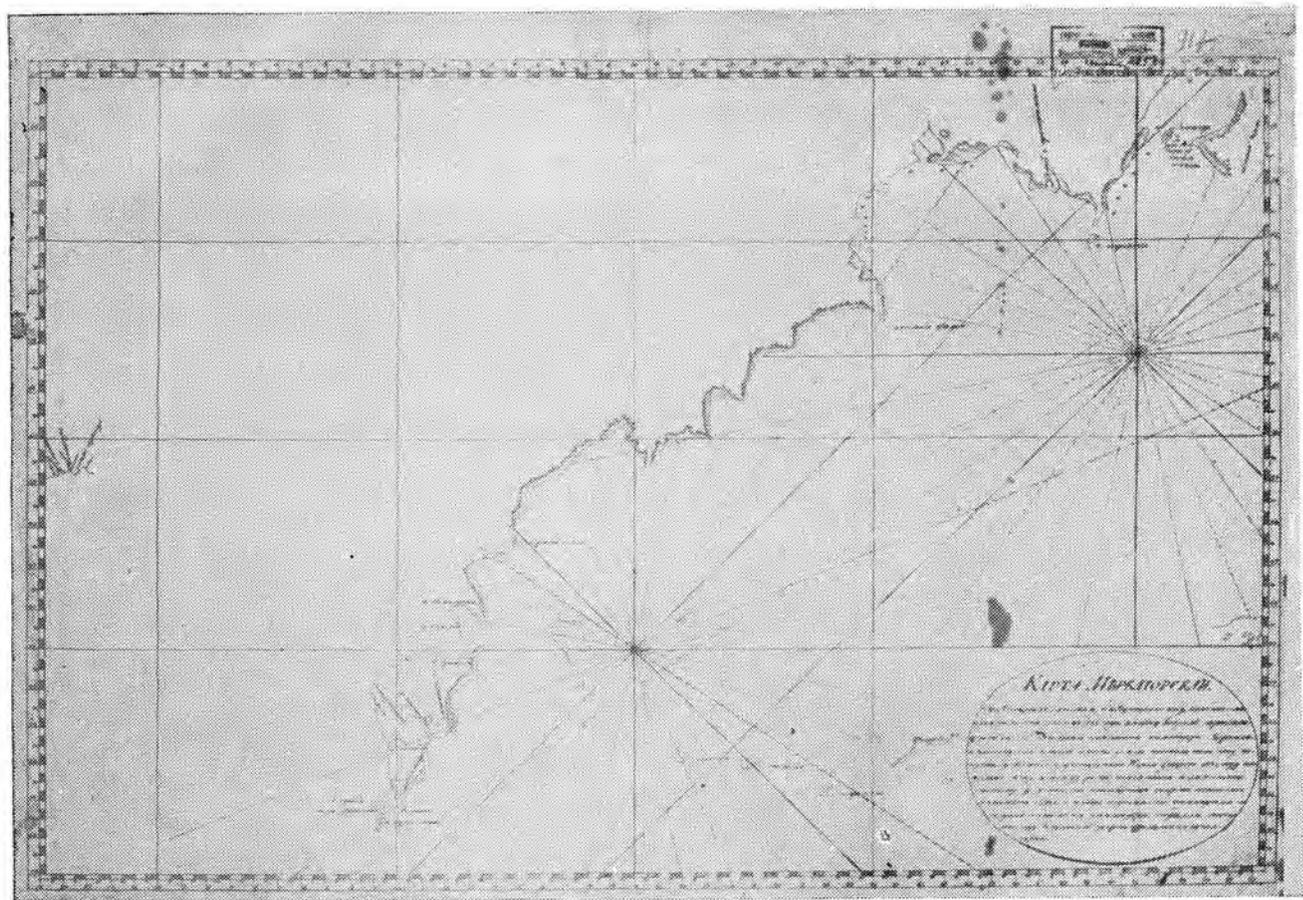
Интересно, что сказку Ильи Скурихина, участника плавания на «Св. Гаврииле», видел еще в 1775 году Т. И. Шмалев. В письме Г. Ф. Миллеру 12 декабря 1775 года из Охотска он сообщал, что после 30 ноября «нашел я из архивы Охоцкой канцелярии о следовании в 732 году к Америке и о найденнии против Чукоцкого носа земли геодезиста Гвоздева взятую 741 годов якоб з бывшего с ним казака Скурихина получил я со скаски копию»³. Эту копию Шмалев послал Миллеру.

В начале 1740-х годов М. П. Шпанберг собирал материалы о плавании Гвоздева и Федорова к берегам Америки, так как Иркутская провинциальная канцелярия предполагала направить к Большой Земле экспе-

¹ А. В. Ефимов. Из истории русских экспедиций на Тихом океане. Рапорт М. С. Гвоздева М. П. Шпанбергу от 1 сентября 1743 года. М., 1948, с. 248.

² А. В. Ефимов. Указ. соч., с. 248.

³ ЦГАДА, ф. 199, тетр. 539, ч. 1, д. 1 а, л. 40.

Карта М. П. Шпанберга, составленная по материалам экспедиций В. И. Беринга и И. Федорова — М. Гвоздева. В северо-восточном углу карты у берега Северной Америки надпись: «Здесь был геодезист Гвоздев 1732 года».

дицию, и канцелярия Охотского порта рекомендовала послать Гвоздева, «понеже он... на помянутых островах у Большой Земли был и ежели впредь туда посылать будем, надлежит послать его, Гвоздева»¹. И хотя экспедиция не состоялась (стало известно о плаваниях Беринга и Чирикова), но в процессе подготовки были собраны документы о плавании Федорова и Гвоздева в 1732 году, составлена М. Гвоздевым, В. Ртищевым и Х. Юшиным карта, известная как карта М. Шпанберга 1743 года². На этой карте хотя и не нанесен маршрут плавания «Св. Гавриила», но зато довольно верно нанесена береговая черта от Камчатки до Чукотки, а у берегов Северной Америки есть надпись: «Здесь был геодезист Гвоздев 1732 года».

Все эти документы автор использовал, излагая обстоятельства плавания Гвоздева и Федорова к берегам Америки.

И все-таки, несмотря на успешное плавание Гвоздева и Федорова, многое было неясно. Сам Беринг хорошо это понимал и писал, что «Америка, или иные, между оной лежащая земли, не очень далеко от Камчатки... Не без пользы было, чтоб Охотской или Камчатской водяной проход, до устья реки Амура и далее, до Японских островов, выведывать... Ежели за благо разсуждено будет, северные земли или берег от Сибири, а именно от реки Оби до Енисея, а оттуда до реки Лены, к устьям оных рек можно свободно и на ботах или сухим путем выведывать...»³

В этих словах Беринга заключается суть его проекта, поданного по прибытии в Петербург в Адмиралтейств-коллегию и озаглавленного «О мерах по устройству Охотского края и Камчатки, о проведывании пути к Америке и Японии для учреждения с оными странами торговли и о проведывании северного берега Российской империи между Обью и Леной». В проекте Беринг предусматривал многие мероприятия по устройству Охотско-Камчатского края и Чукотки и выдвигал требование о создании сильного военного и торгового тихоокеанского флота, предполагал устройство в Охотске порта, что и было сделано в 1731 году.

В ответ на представления Беринга 17 апреля 1732 года последовал указ Анны Иоанновны, по которому «велено ево Беринга отправить паки на Камчатку по поданным от него пунктам и предложениям, в которых Беринг писал, что по признанию ево Беринга Америка или иные земли от Камчатки не очень далеко, например, 150 или 200 миль и можно будет установить торги с тамошними обретающимися землями к прибыли Роснской империи»⁴.

С этого момента Беринг занимался подготовкой экспедиции, разработкой подробной программы и подбором офицеров. 16 марта 1733 года последовал именной указ об организации Великой Сибирско-Тихоокеан-

¹ В. А. Дивин. К берегам Америки. М., 1956, с. 38.

² А. В. Ефимов. Из истории русских экспедиций на Тихом океане. М., 1948, с. 168.

³ А. И. Алексеев. Сыны отважные России. Магадан, 1970, с. 55.

⁴ АВПР, ф. 339, оп. 888, д. 1, л. 3.

ской экспедиции. Начальником ее был назначен Беринг, помощниками А. И. Чириков и М. П. Шпанберг. Северными отрядами экспедиции в разное время командовали доблестные русские морские офицеры, воспитанники Петровской Морской Академии Степан Малыгин, Дмитрий Овцын, Дмитрий и Харитон Лаптевы, Петр Ласиниус, Василий Прончищев, Семен Челюскин, Федор Минин, Дмитрий Стерлегов и другие. Самостоятельную группу, так называемую «академическую экспедицию», составлял отряд профессоров, адъюнктов и студентов Академии наук. В этом отряде находились многие геодезисты (Скобельцын, Шатилов и прочие), в нем был и будущий исследователь Камчатки, тогда студент, Степан Петрович Крашенинников.

Естественно, может возникнуть вопрос: почему после неудачи во время плавания к берегам Америки и в поисках пролива между Азией и Америкой во главе экспедиции вновь был поставлен Витус Беринг. Объяснение этому, видимо, нужно искать, с одной стороны, в важности мероприятий, намечаемых Берингом в проекте будущей экспедиции, благодаря чему он сам настойчиво добивался назначения. Известно, что Беринг не был корыстным человеком. «Его решение отправиться в далекие опасные путешествия вызывалось ненасытной жаждой знаний, пылкостью ума, стремлением принести пользу тому делу, за которое он отдал свою жизнь»¹. При назначении Берингу весьма значительно помогали его друзья (и даже один из них родственник) адмиралы Сиверс и Сандерс, бывшие в то же время большими друзьями вице-президента Адмиралтейств-коллегии адмирала Корнелия Крюйса. Член Адмиралтейств-коллегии адмирал Сандерс в 1732 году составил проект кругосветного плавания. Во главе его Сандерс просил поставить Витуса Беринга.

К этому же времени относится документ, из которого можно почерпнуть новые сведения о раннем периоде жизни Беринга, а также характеризующий его как благородного человека. 27 сентября 1733 года Беринг послал бургомистру города Хорнснеса дарственную запись от 28 марта 1733 года следующего содержания: «Достопочтенные господа бургомистр и советник в Хорнесе. Так как я узнал, что мои родители Юнас Свендсен, бывший церковный попечитель, и моя мать Анна Педердаттен скончались в 1719 г. в Хорнесе, а я, находясь долгое время на службе его российского императорского величества, отсутствовал в продолжение многих лет, то я переслал письмо благородным и мудрым бургомистру и советнику, чтобы они разрешили мне распорядиться вышеупомянутой, доставшейся мне после моих родителей частью имущества в пользу бедных и неимущих, которых они должны защищать перед богом; в остальном остаюсь всегда преданным слугой досточтимых господ бургомистра и советника В. И. С. Беринг»².

¹ М. И. Белов. Дания и Витус Беринг. — В кн.: Путешествия и географические открытия в XV—XIX веках. М. — Л., «Наука», 1965, с. 53—56.

² Там же, с. 52.

В этой огромной экспедиции сама собой выделялась Тихоокеанская экспедиция, состоявшая из двух отрядов: 2-й Камчатской экспедиции (иногда так называют всю Сибирско-Тихоокеанскую экспедицию) под командованием В. И. Беринга и А. И. Чирикова и отряда кораблей под командованием М. П. Шпанберга, которым надлежало идти на Курильские острова и в Японию.

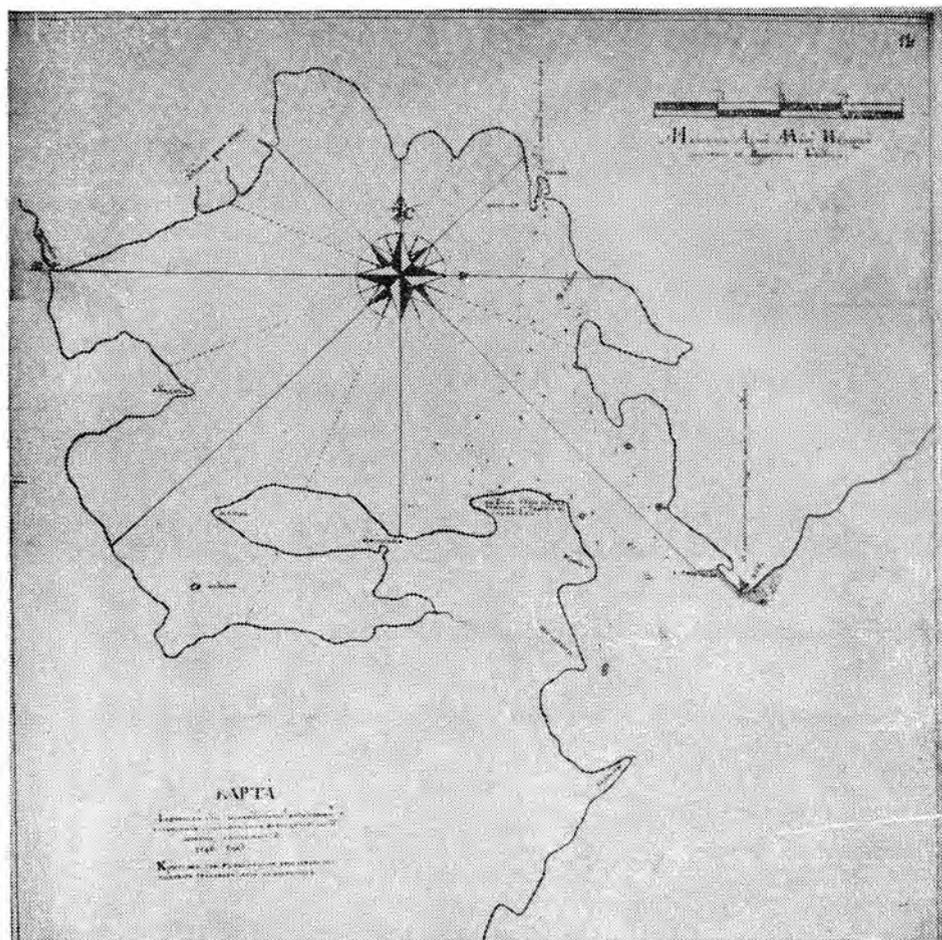
На Охотских верфях для отряда Беринга и Чирикова строились двухмачтовые пакетботы «Св. Петр» и «Св. Павел» длиной по 80 футов (около 28 метров), поднимавшие по 6 000 пудов (около 96 000 килограммов) груза. В июне 1740 года суда были спущены на воду, но вышли в море только 8 сентября. «Св. Петром» командовал Беринг, а «Св. Павлом» — Чириков, о котором необходимо сказать несколько слов, так как во всех подробностях его биография, к сожалению, неизвестна.

О детских годах Алексея Ильича Чирикова мы мало что знаем. Родился он в 1703 году, и в 1715-м был определен в Навигацкую школу в Москве. На следующий год Чирикова перевели в Морскую Академию в Петербурге, которую он успешно закончил в 1721 году, получив чин унтер-лейтенанта. Как один из лучших офицеров, он был оставлен в Академии преподавателем навигации. В 1724 году был участником Первой Камчатской экспедиции, а по возвращении уже в 1730 году произведен в капитан-лейтенанты¹.

Перед тем как 8 сентября 1740 года «Св. Петр» и «Св. Павел» вышли в море, Беринг трижды посылал на Камчатку офицеров, которые должны были исследовать устье реки Камчатки (Нижнекамчатск) и Авачинскую губу с целью выбрать постоянную базу для экспедиции. Вот как он сам докладывал позже (21 апреля 1741 года) об этом генерал-адмиралу графу Остерману: «В моем последнем чрез куриера Друкерта отправленном письме, я уже доносил, и при том находящемся заливу Аваче карту послал, которая сочинена была по репорту геодезиста Сви-стунова и подштурмана Родищева, посыланных для описи того залива в 1737 году после порутчика Валтона, который в 1735 году для такой описи послан был, но капитан Шпанберг в том ему препятствовал, о чем в 1736 году и Адмиралтейской коллегии репортировано; но понеже в вышеупомянутом репорте о устье того залива недовольно показано, того ради в 1739 году штурмана Елагина посылал, дабы он Авачскую заливку обстоятельно, такожде морской берег от Большой реки до Авача сухим путем и водою описал, длину и глубину мели морских берегов, морского залива и гавани измерил, такожде подле гавани для обер и ундер офицеров и других, к сей экспедиции принадлежащих людей потребные дома построил. Чему имею подлинную исправную карту как Лопатке, так и морскому заливу Аваче и гавани, которая гавань Святых Петра и Павла именована, прилагаю; помянутое же при оной строение домов по смете в 500 рублей станет»².

¹ Подробнее об А. И. Чирикове: В. А. Дивин. Великий русский мореплаватель А. И. Чириков. М., 1953.

² АВГР, ф. Сибирские дела, оп. 130/1, д. 1, 1741, лл. 4—4 об.

Карта Авачинской губы по описи И. Елагина. 1740 год.

Мы добавим к этому, что карта Авачинской губы (составлена в 1740 году Елагиным), план Петропавловской гавани с показанием первых строений Петропавловска и карта южной части Камчатки с мысом Лопатка (составлена в 1740 году Елагиным) сохраняются в Архиве внешней политики России и являются ценнейшими источниками по истории Камчатки и Петропавловска. На двух из этих документов стоит подпись Ф. Х. Плениснера, который был в экспедиции Беринга «за живописца». Он постоянно сопровождал натуралиста Г. Стеллера в его экскурсиях на Алеутские острова. Говоря современным языком, Плениснера следует

считать чертежником-картографом исторического плавания Беринга. Впоследствии Плениснер — полковник и командир Охотского порта.

4 июня 1741 года пакет-боты ушли из Петропавловска в дальнейшее плавание на восток (77 человек с Берингом, 75 — с Чириковым). В течение всей зимы между офицерами шли долгие разговоры о том, в каком направлении вести поиски Америки. «Был созван совет из всех офицеров и штурманов, на который, согласно инструкции, был приглашен прикомандированный к экспедиции профессор Делаacroйер (де ла Кройер. — А. А.), француз по происхождению. Последний представил на совещании карту, составленную (как мы впоследствии установили) на основании ложных и неосновательных данных. На этой карте была показана так называемая земля Хуана де Гамы в направлении S0T0 от Авачинской бухты, расположенная на 47, 46 и 45° северной широты и далее к югу, примерно на 13° долготы к востоку от Авачинской бухты. На основании представленной карты мы единодушно решили исследовать эту землю, и все согласились одобрить курс на S0T0, которым следовать до 46° северной широты с отклонением к востоку по долготе на 13°. Это решение подписали все участники совещания»¹.

Суда следовали на юго-восток, чтобы выяснить, существует ли мифическая Земля де Гамы. Совместное плавание продолжалось до 20 июня. Убедившись за это время в том, что такой земли в показанном районе не существует, суда повернули на северо-восток. 20 июня во время сильного шторма пакет-боты потеряли друг друга из виду.

Некоторое время Беринг оставался на месте, надеясь вновь встретиться с Чириковым, а затем направился на юг. Беринг решил еще раз посетить те места, где можно было искать Землю де Гамы². 25 июня судно повернуло на северо-восток и двигалось этим курсом.

¹ С. Ваксель. Вторая Камчатская экспедиция Витуса Беринга. Л.—М., 1940, с. 54. (Военный совет был созван 4 мая 1741 года).

² Список команды пакет-бота «Св. Петр»: Витус Беринг, лейтенант Свен Ваксель, мастер Софрон Хитров (иногда Хитрово. — А. А.), прапорщик Иван Лагунов, подлекарь Матнас Бедь, лекарский ученик Архип Коновалов, штурман Андрис Эйзельберг (иногда Эйзельберх. — А. А.), подштурман Харлам Юшин, подшкипер Никита Хотяинцев, боцман Нилс Янсен, боцманмат Алексей Иванов, гардемарин Иоганн Синдт, квартирмейстер Лука Алексеев, подконстапель Борис Расилуус; канониры 1-й статьи Андрей Красный, Михаил Чечюев; канониры 2-й статьи Прокофий Юфимцев, Илья Дергачев, Галактион Иванов, солдат Игнатий Ивонин; матросы за квартирмейстеров Василий Перфильев, Марк Антипин; матросы 1-й статьи Иван Емельянов, Иван Семенов, Василий Овечкин, Лаврентий Сметанин, Дмитрий Овцын; матросы 2-й статьи Тимофей Анчюгов, Дмитрий Оловянишников, Селиверст Тараканов, Степан Никифоров, Никита Шумагин; гренадеры Иван Неборонов, Андрей Третьяков, Алексей Попов; солдаты морские Федор Панов, Лука Завьялов, Алексей Киселев; трубачи Михаил Торощов, Мартин Васильев; адмиралтейские — плотник Иван Петров, купоры Степан Булдырев, Василий Севергин, конопатчик Алексей Клементьев, кузнец Дмитрий Ключин, парусник Денис Сорокин; сибирского гарнизона солдаты Иван Давыдов, Елизар Зыков, Федор Дорофеев, Карп Пашенной, Иван Окулов, Матвей Антропов; барабанщик Осип Ченцов; Якутского полка — Сава Степанов, Григорий Измайлов, Остафий Бояркин, Григорий Кайгородов, Степан Жегалов, Дмитрий Колодин, Василий Попков; сибирские плотники Сава Стародубцев, Артемий Тонких; толмач Алексей Лазуков; служилые камчатские Иван Портягин, Прокофий Чекалов, Никита Харитонов, Петр Верхотуров. (Экспедиция

После двадцатидневного перехода 16 июля, находясь в широте 58° 14', моряки увидели на горизонте высокие горы. Это была Америка. Среди гор выделялась одна, названная Берингом горой Св. Ильи. Мореплаватели уже с начала июля замечали признаки близкой земли — часто встречались плавающие бревна и появлялись «сухопутные» пернатые. 18 июля приблизились к берегу настолько, что видели великолепный лес у самого моря. А дальше «из-за небольшой силы и переменчивости направления ветра не могли достигнуть его (берега.— А. А.) ранее чем 20 июля, когда вечером в 6 часов бросили якорь на глубине двадцати двух сажен на мягком глинистом грунте вблизи довольно большого острова, расположенного неподалеку от материка»¹. Это был остров Каяк (Беринг назвал его островом Св. Ильи). На берег был послан «для сыска гавани» Софрон Хитрово с командой из 15 человек. Несколько позже на другой шлюпке на остров был высажен натуралист Георг Стеллер в сопровождении казака Фомы Лепихина.

Лейтенант Свен Ваксель, старший офицер пакет-бота, впоследствии так доносил Адмиралтейств-коллегии о посещении Америки и пребывании у ее берегов. Хитрово «того ж числа прибыв на пакет-бот репортовал ему капитану-командору (Берингу.— А. А.) словесно, что якорное место сыскал между матерым берегом и тем островом на рейде на глубине 3 и 3½ саженьях; к тому же репортовал, что нашел он на том острову юрту, состроенную из досок тесанных, в которой де видно, что жили люди незадолго до нашего прибытия, и привес с собою для показания деревянное лукошко, лапату — также и камень, на котором знатно, что обтирано бывало медь»². Хитрово видел на берегу красных лисиц, собачьи следы, добыл свежей пресной воды.

Ездивший на остров Г. Стеллер в течение шести часов пребывания на берегу сумел произвести многочисленные наблюдения, собрать богатые коллекции, сделать ценные находки. В журнале Хитрово об этом событии говорится коротко: «На ялботе приехал з берегу адъюнкт Штеллер (Стеллер.— А. А.) с водою и объявил, что нашли земленую юрту и в ней кобченая рыба, и потом послано в ту юрту приказ капитана командора ис подарочных вещей крашенины зеленой 16½ аршина, ножей без череня 2, каралков 20, трубок железных 2»³.

С. Ваксель передает свои впечатления об этом событии следующим образом: «А адъюнкт Штеллер ездил на малом ялботе на остров Илии и нашел на оном земленую юрту, в которой осмотрел копченую рыбу, тотовленную того лета, как мы были, и видели на песке след человеческой и огнище, и потому видно, что те люди себя в лесу, увидев нас,

Беринга. Сб. документов под ред. А. А. Покровского. М., 1941, с. 404—405). Обращает на себя внимание несоответствие указываемого обычно авторами числа участников плавания — 77 и списочного состава — 68 человек. Следовательно, Г. Стеллер, Ф. Плениснер, а также офицерская прислуга не входили в состав команды.

¹ С. Ваксель. Вторая Камчатская экспедиция Витуса Беринга. Л. — М., 1940, с. 57.

² АВГР, ф. 339, оп. 888, д. 1, л. 11.

³ Экспедиция Беринга. Сб. документов под ред. А. А. Покровского. М., 1941, с. 346.

схоронили или жилища свои имеют на матерой земле, а на сей остров приезжают для промыслу рыбы и протчаго морского зверя. Тогда капитан-командор для приласкания оных впредь послал в ту юрту ис подарочных вещей и приказал там оставить, а имянно крашенины зеленой шеснатцать с половиною аршин, ножей железных два, королков китайских дватцать, трубок железных две, которое там и оставлено на матером берегу»¹.

Стеллер в погребе-землянке (юрте) нашел лукошки с копченой рыбой, запас «сладкой травы» для курения вина, различные травы для изготовления сетей, большие связки ремней из морской капусты и прочее. Он настойчиво просил Беринга задержаться у берегов еще, чтобы провести дополнительные исследования. Но Беринг торопился с выходом. Его беспокоил обратный путь. В ответ на нападки Стеллера он с горечью заметил:

«Мы воображаем, что все открыли, и строим воздушные замки; а никто не думает о том, где мы нашли этот берег? Как еще далеко нам до дому? Что еще может с нами случиться? А берег нам незнакомый, чужой, провианта на прозимовку не хватит...»

Это подтверждается и показаниями Вакселя, который доносил: «Нам видеть было невозможно имеетца ль на нем какой лес годной или нет, понеже имеет оной берег великие хребты и сопки, покрытые снегом, а на островах есть лесу мелкаго доволное число, а имянно ельник, лиственница и протчей, которой не толко к строению судов каких, но и для починки оных негоден, понеже мы имели нужду искать дерева годнаго на марса реи, однакож не сыскали и, удовольствовав себя с того острова Св. Илии водою, он капитан-командор более себя при так открытом море держать был опасен»².

С горечью замечал впоследствии Стеллер: «Время, затраченное на исследование, находилось в таком отношении ко времени подготовительных работ: десять лет было затрачено на приготовление к этой великой задаче, а десять часов — на самую работу»³.

На рассвете 21 июля пакет-бот «Св. Петр» снялся с якоря и взял курс на юго-запад, придерживаясь берегов Америки. «По рассуждению нашему миль семь, по лоту была глубина воды 35 и 40 сажень, и весьма опасны были себя держать близ земли, частых ради банков и от беспрестанных густых туманов и жестоких ветров, к тому же и от неизвестного берега, как оной свое положение имеет, от которого издали неоднократно в великих страхах и в отчаянии спасти себя и судна, того ради стали держать себя далее и шли разными куршами»⁴.

Еще раз мореплаватели убедились в ошибочности первоначального намерения, первоначальных расчетов. Ваксель в своем дневнике с печалью говорит об этом: «Мы намеревались следовать вдоль берега, и толь-

⁴ АВГР, ф. 339, оп. 888, д. 1, л. 12.

³ Neue Nordische Beiträge. Т. V. 1793, с. 157—171.

² Там же, лл. 11 об.—12.

¹ АВГР, ф. 339, оп. 888, д. 1, л. 11 об.

ко тут с полной ясностью поняли жестокий обман, жертвой которого сделались, пользуясь упомянутой уже ранее неверной картой. Вместо того, чтобы плыть, как мы рассчитывали, до 65°, мы вынуждены были спуститься к югу до 62°, а затем еще до 48°, а на обратном пути нам встретились громадные трудности, ибо как только мы намеревались направить курс для дальнейшего продолжения путешествия, в полной уверенности, что не придется опасаться каких-либо препятствий, так всякий раз вахтенный докладывал о том, что впереди по обе стороны видна земля. Приходилось каждый раз поворачивать обратно в открытое море, и таким образом попутный ветер поневоле обращался для нас противный»¹.

26 июля прошли близко от острова Кадьяк, который был виден с судна. «Спустя несколько дней в туманную погоду нам пришлось пройти мимо какого-то острова на глубине семи или восьми сажен. Мы с большой поспешностью бросили якорь, а когда туман рассеялся, то оказалось, что мы уже прошли мимо острова и остановились (2—3 августа.— А. А.) на расстоянии не более четверти мили от него. Этот остров мы назвали на нашей карте «Туманным островом»². Теперь это остров Укамок, открытый участниками плавания.

Условия плавания ухудшились. Из-за недостатка свежей пищи появились больные, началась цинга. 31 августа умер матрос 2-й статьи Никита Шумагин. За день до этого печального события пакет-бот стал на якорь у островов, которые затем были названы Шумагинскими по имени матроса, похороненного здесь, на одном из группы островов.

Во время стоянки у этого острова впервые встретились с жителями Алеутских островов — алеутами, которые подъезжали к судну на байдарках. Затем к берегу одного из островов ходили Ваксель, Хитрово и Стеллер. Несмотря на то, что времени и здесь было мало, они сумели произвести достаточно точные и подробные наблюдения. На соседнем большом острове мореплаватели ясно видели огни. Интересно записанное Вакселем наблюдение: «Я угостил его (алеута, приплывшего к шлюпке Вакселя.— А. А.) чаркой водки, которую он взял в рот, но, однако, немедленно выплюнул обратно с ужасным криком, как будто рассказывая своим товарищам о случившемся с ним»³. Следовательно, в те годы местные жители еще не знали водки — бича малых северных народов уже в конце того же XVII века.

Путь от Шумагинских островов к Камчатке становился все более трудным. Начался сентябрь, а с ним и штормовая погода. С 8 сентября штормы почти не прекращались, а 23-го разразился шторм такой силы, что старый штурман Эйзельберг, избородивший все моря и океаны, признавался, что не видывал в своей жизни ничего подобного. Положение судна было тяжелым. Большая часть команды болела, а 24-го умер мор-

¹ С. Ваксель. Вторая Камчатская экспедиция Витуса Беринга. Л.—М., 1940, с. 58.

² Там же, с. 59.

³ Там же, с. 64.

ской гренадер Андрей Третьяков. Не хватало воды и продуктов, члены экипажа, даже не больные цингой, были до того измучены качкой, что не могли ничего делать. С каждой новой волной ожидали гибели судна. 25 сентября увидели землю «с очень высокими горами, а перед ней множество островов, далеко отстоящих от берега»¹.

Наступил октябрь. Бури не утихали, люди медленно умирали, за месяц погибло пять человек. «Наш корабль плыл как кусок мертвого дерева, почти без всякого управления, и шел по воле волн и ветра, куда им только вздумалось его гнать»². Тяжело заболел капитан-командор Беринг. Он не мог подниматься, и управляли судном Ваксель и Хитрово.

Смерть товарищей, два месяца непрерывных мучений, когда не было возможности ни лежать, ни сидеть, ни стоять, угнетали оставшихся в живых. Мало кто надеялся возвратиться на Камчатку. Понятна была поэтому радость, когда 4 ноября увидели перед собой прямо по курсу на расстоянии около 15 миль высокую землю. Всем хотелось, чтобы это была Камчатка. Многие даже узнавали очертания берегов. Как раз именно в этот день умерло еще трое.

Беринг, лежавший в постели, 5 ноября «приказал собрать в его каюту всех старших и младших офицеров, а также всю команду, чтобы держать совет как поступить лучше всего, чтобы добиться спасения»³. Ваксель и Хитрово убеждали, что это Камчатка, а Беринг и Овцын, — что это остров. Но единогласно решили все-таки высадиться на эту землю.

Вечером 5 ноября пакет-бот «Св. Петр» выбросило на берег. Это действительно был остров — теперь остров Беринга в группе Командорских островов. Стали готовиться к зимовке: нарыли землянок, запасались топливом. Остров был богат морским зверем. Больше всего пришлось мореходам по вкусу морская корова, описанная Стеллером (теперь она вымерла). Но в ноябре умерли 12 человек, в декабре и январе следующего года — 9, в их числе и Витус Беринг. Тяжелые испытания были уже не под силу больному шестидесятилетнему капитан-командору Берингу, и 8(19) декабря 1741 года он скончался. «Не могу не описать печального состояния, в котором находился капитан-командор Беринг ко времени своей кончины, тело его было наполовину зарыто в землю уже в последние дни его жизни. Можно было бы, конечно, найти средства помочь ему в таком положении, но он сам не пожелал этого и указывал, что те части тела, которые глубоко спрятаны в земле, сохраняются в тепле, а те, что остаются на поверхности, сильно мерзнут. Он лежал отдельно в небольшой песчаной яме-землянке, по стенкам которой все время понемногу осыпался песок и заполнял яму до половины, а так как он лежал в середине землянки, то и получилось так, что тело его на половину было засыпано песком»⁴.

¹ С. Ваксель. Вторая Камчатская экспедиция Витуса Беринга. Л. — М., 1940, с. 68.

² Там же, с. 71.

³ Там же, с. 70.

⁴ Там же, с. 83.

Во время этого плавания и зимовки умер 31 человек¹. Сорок шесть человек благополучно перезимовали, а весной 1742 года из остатков пакет-бота и из плавника начали строить новое судно, которое летом было готово. 13 августа вышли к берегам Камчатки, а 26-го почти на веслах вошли в Петропавловскую гавань, где все считали их погибшими.

* * *

Разлучившись с Берингом 20 июня, Чириков продолжал путь самостоятельно не на юг, а сначала на восток, а потом на юго-восток. Плыли все время вне видимости берегов. Очень часто стояли туманы, особенно заметны они стали с начала июля. Погода больше была безветренная, шли на ощупь, хотя и производили при первой возможности астрономические определения. В любой момент ждали встречи с землей. 12 июля моряки заметили первую утку, а по мере продвижения видели все больше птиц — посланцев земли. «С полуночи от третьего часу явилось летающих довольно береговых уток и чаек. Также видели китов и морских свинок, да три небольшие древа носящих старых. Видели отменную воду»².

15 июля увидели землю. В журнале Чирикова есть запись: «В 2 часа пополудни впереди себя увидели землю, на которой горы высокие, а тогда еще не очень светло было, того ради легли в дрейф; в третьем часу стало быть землю свободнее видеть»³. Это была Америка. Пакет-бот находился вблизи мыса Аддингтона острова Бейкер в широте 55° 20'. Радость моряков была безмерной. Чириков решил искать место для стоянки. Подойдя к берегу мили на две, измерили глубину, которая оказалась большой и не позволяла становиться на якорь (больше 70 сажен). Берег был изрезан бухтами и заливами.

«И для того, что не нашел я якорного места,— рапортовал 7 декабря 1741 года Чириков Адмиралтейств-коллегии,— усмотря залив, посылал на ланг-боте квартирмейстера Григорья Трубицына с осмью человеки служителей осмотреть оную заливу, можно ли в нее пакет-ботом войти и стать на якорь. Чего ради приказал вымерять в ней глубину, которой к нам чрез четыре часа возвратился и писмянно репортовал, что был он против заливы у берега в 60 саженях и, бросав лот, нашел глубину воды 40 сажен, а грунт песок з дресвою, а защита де в ней может быть от восточных и с северных ветров, а от западных и южных защиты нет, а на малом де боту пристать было в ней можно, а залива оная шириною от

¹ Умершие во время плавания на пакет-боте «Св. Петр»: Витус Беринг, штурман А. Эйзельберг, прапорщик И. Лагунов, служители — Н. Шумагин, А. Третьяков, А. Киселев, Н. Харитонов, Л. Завьялов, С. Болдырев, К. Пашенной, И. Петров, О. Ченцов, А. Попов, И. Давыдов, И. Неборонов, Н. Ясен, М. Торопцев, И. Емельянов, И. Дергачев, В. Попков, С. Тараканов, С. Степанов, М. Антипин, С. Артемьев, А. Клементьев, Н. Хотяинцев, И. Третьяков, П. Юфимцев, Ф. Панов и собственных офицеров слуг — 2 человека.

² В. А. Дивин. Великий русский мореплаватель А. И. Чириков. М., 1953, с. 159.

³ Там же, с. 159.

мыса до берегу например версты 4 или 5, и едучи де близ того мыса, видно было на мысовом камне много морских зверей снучей, а на горах де растет великой лес ельник, пихтовник и сосняг, а жилья де людского не видел»¹.

16 июля в 8 часов пошли дальше вдоль берега и 18-го были в широте 58°. И Чириков, «опасаяся, чтоб не учиня надлежащего о земле разведывания, не пройтить теплой климаты, в какой чаятельно всему лутчему находится, нежели в местах холодных», послал в четвертом часу к берегу на ялботе штурмана Авраама Михайловича Дементьева и матросов 1-й статьи Петра Татилова, Григория Зубова, Ивана Ошмарина, солдат Якова Асамалова, Никифора Панова, Григория Култышева, Ивана Глаткого, Михаила Ложникова Меньшого да толмачей Камчатского острога Дмитрия Шарахова и Ивана Панова, а пакет-бот остался лавировать на глубине 65 сажен.

В инструкции Дементьеву в числе прочих пунктов было записано: «Когда, з божиею помощию, на берег пристанете, то посмотреть есть ли на нем жители и, ежели жителей увидите, то являть к ним приятность и дарить подарками небольшими...»² Выбор Чирикова пал на А. М. Дементьева не случайно. Он был одним из тех, кто участвовал в плавании к берегам Америки в составе экспедиции И. Федорова — М. Гвоздева в 1732 году. У Беринга таким офицером был Софрон Хитрово. Кроме офицеров в плаваниях Беринга и Чирикова принимали также участие 22 матроса из экспедиции Федорова — Гвоздева.

Долго ждали чириковцы своих посланцев, лавируя вблизи места высадки группы Дементьева. Лишь 23-го «увидели на берегу огонь, о котором чаели, что оной содержат посланные от нас служители, ибо сколько подле земли не шли, нигде на берегу огней, строения и при берегу судов и протчих признаков к жилу никаких не видали, почему не очень чаели, чтоб были жители на оном месте. И увидя огонь, для позыву бота, несколько раз перемешкивая, палили ис пушек, точию он к нам не вышел, а время к выходу было весьма способно и мы ходили близ самага берега. А как от нас выпалят ис пушки, тогда на берегу тово часу огонь прибавят»³.

Было над чем призадуматься и Чирикову, и всем офицерам, и всем служителям пакет-бота. Действительно, погода отличная, с берега судно превосходно видно, а шлюпка с посланным не возвращается. Значит, что-то тут неладно. Тем более, что после каждого выстрела огонь на берегу вспыхивал, разгорался сильнее. Напрашивался вывод, что шлюпка А. М. Дементьева повреждена и служители подают сигналы. Решили послать на берег в малой шлюпке плотника, конопатчика со всеми инструментами для починки шлюпки Дементьева. С этим решением согласились все обер- и унтер-офицеры.

¹ Экспедиция Беринга. Сб. документов под ред. А. А. Покровского. М., 1941, с. 275.

² Там же, с. 276.

³ Там же, с. 277.

На берег вызвались идти боцман Сидор Савельев и матрос Дмитрий Фадеев. Они должны были доставить туда плотника Федора Полковникова и конопатчика Елистрата Горина¹. «И понеже тогда стояла весьма тихая погода, то ево тем временем на берег и отпустили, и сами за ним к берегу следовали и приходили очень близко и видели, что боцман на лотке приблизился к берегу с полудни в 6-м часу, точию определенных от меня сигналов не чинили в чаятельное время к нам не возвратился, а погода стояла самая тихая»².

Это было 24 июля.

Ночь прошла в тревожном ожидании. Наблюдение за берегом было усилено, но ничего не было видно. И лишь на следующий день в первом часу пополудни из той губы, куда посланы были обе шлюпки, показались две лодки под веслами. Пакет-бот сразу же направился им навстречу.

Однако радость сменилась разочарованием, так как вскоре разглядели, что это не те лодки: гребля не распашная, а у бортов. На одной из лодок разглядели четырех гребцов, один в красном платье находился на корме. Близко к судну лодка не подходила и разглядеть сидящих в ней было невозможно. Находясь на таком расстоянии, пришельцы встали в лодке «и прокричали дважды: агай, агай и махали руками, и тот час поворотились и погребли к берегу»³. Вскоре они скрылись за поворотом в залив. Чириковцы махали белыми флагами, но люди в лодке не обращали на это никакого внимания.

Еще сутки пакет-бот не покидал этого места, — все на что-то надеялись. Но вот наступило 27-е, и надо было принимать решение. Пакет-бот находился в широте 58° 21'. Чириков собрал консилиум. Офицеры пакет-бота высказали серьезные опасения: конец июля, на судне не осталось ни одной шлюпки и было всего 45 бочек пресной воды, а предстоял долгий и неизвестный обратный путь. «Того ради, согласно со мною, лейтенант Чихачев, штурман в ранге флота лейтенанта Плаутин, штурман Иван Елагин положили, чтоб для вышеписанных резонов возвратиться к здешней гавани святых апостол Петра и Павла»⁴.

Чириков в рапорте Адмиралтейств-коллегии дал общую картину побережья Америки, такую, какой она представлялась с моря: «А при земле, при которой мы ходили и осмотрели около 400 верст, видели китов, сиучей, моржей, свинок, птиц уток белоплеких множество да другого роду, у которых красные кривые носы, и чаек множество разных родов. По земле оной везде высокие горы и берега к морю имеет крутые и весьма приглубы; а на горах близ того места, где пришли к земле, как выше показано, лесу довольно большого росту, на них же и снег изретка виден был, а что севернее шли, то болше на горах снегу оказывалось»⁵.

¹ АВГР, ф. 339, оп. 888, д. 1, лл. 28—41.

² Экспедиция Беринга. Сб. документов..., с. 277.

³ Там же, с. 278.

⁴ Там же.

⁵ Там же, с. 279.

Судьба 15 русских моряков до сих пор в точности неизвестна. Ученые высказывали в разное время самые различные предположения. Наиболее приемлемо то, что русские моряки были захвачены в плен или умерщвлены.

Обратное плавание «Св. Павла» проходило в очень трудных, опасных условиях и сопровождалось географическими открытиями. 1 августа увидели землю, и Чириков высказал предположение, что «оная земля, от которой мы возвратились, с сею нераздельна»¹. Иными словами, он был уверен, что пакет-бот все время шел вдоль берегов Северной Америки, хотя и не всегда было видно землю. Положение на судне становилось все тяжелее: к штормовой погоде прибавилась нехватка воды и пищи.

С 21 августа Чириков урезал паек. Больных цингой становилось все больше, многие уже не поднимались.

Но пакет-бот упорно продолжал идти на запад. По пути видели часто землю и открыли несколько островов Алеутской гряды: Умнак, Уналашку и другие (это произошло 4 сентября). 20 сентября с острова Адак в группе Андреяновских островов приезжали на байдарках алеуты. В начале октября был открыт остров Агатту из группы Ближних островов.

С 16-го один за другим начали умирать люди. Первым умер в этот день плотник Михаил Усачев, а 26 сентября — констапель Яков Катчиков. 5 октября умер денщик Чирикова Василий Нижегородов, да и сам Чириков был тяжело болен.

«А октября 6 числа в 10-м часу по полуночи, по воли божи, умер лейтенант Иван Чихачёв, тако ж октября 8 числа штурман в ранге флюцкого лейтенанта Михайло Плаутин. А за болезнями своими вахт уже не содержали до кончины своей — Чихачёв за три, а Плаутин за две недели. В то же время и я весма от цынги изнемог и находился в отчаянии жизни и уже по обычаю был приготовлен к смерти, а на верх не мог выходить сентября з 21 числа и по самой возврат наш в гавань, а во управлении судна остался один штурман Иван Елагин, да и тот был весма болен»².

8 октября моряки увидели Камчатку и всеми силами стремились приблизиться к ней как можно скорее. Лишь на вторые сутки пакет-бот вошел в Авачинскую губу. Именно в этот день скончался Делиль де ла Кройер — ученый астроном и картограф, брат академика Делиля — автора карты с нанесенной пресловутой Землей де Гамы. Лавирование в Авачинской бухте заняло также почти двое суток.

Солдаты и матросы Петропавловска откликнулись на призывные выстрелы с пакет-бота и прибуксировали его на шлюпках в Петропавловскую гавань.

Капитан Левашов, остававшийся в Петропавловске за глав-

¹ Экспедиция Беринга. Сб. документов..., с. 279.

² Там же, с. 283.

ного, сообщил съехавшему на берег «в жестокой цынготной болезни» А. И. Чирикову, что Шпанберг уже прибыл из плавания к берегам Японии, а Беринг пока не появлялся. Каждый день поджидали товарищей, но так и не дождались.

Оправившись от болезни, Чириков описал свое путешествие в обширном рапорте Адмиралтейств-коллегии, который и послал 7 декабря 1741 года.

Этим рапортом мы пользовались при описании плавания пакет-бота «Св. Павел».

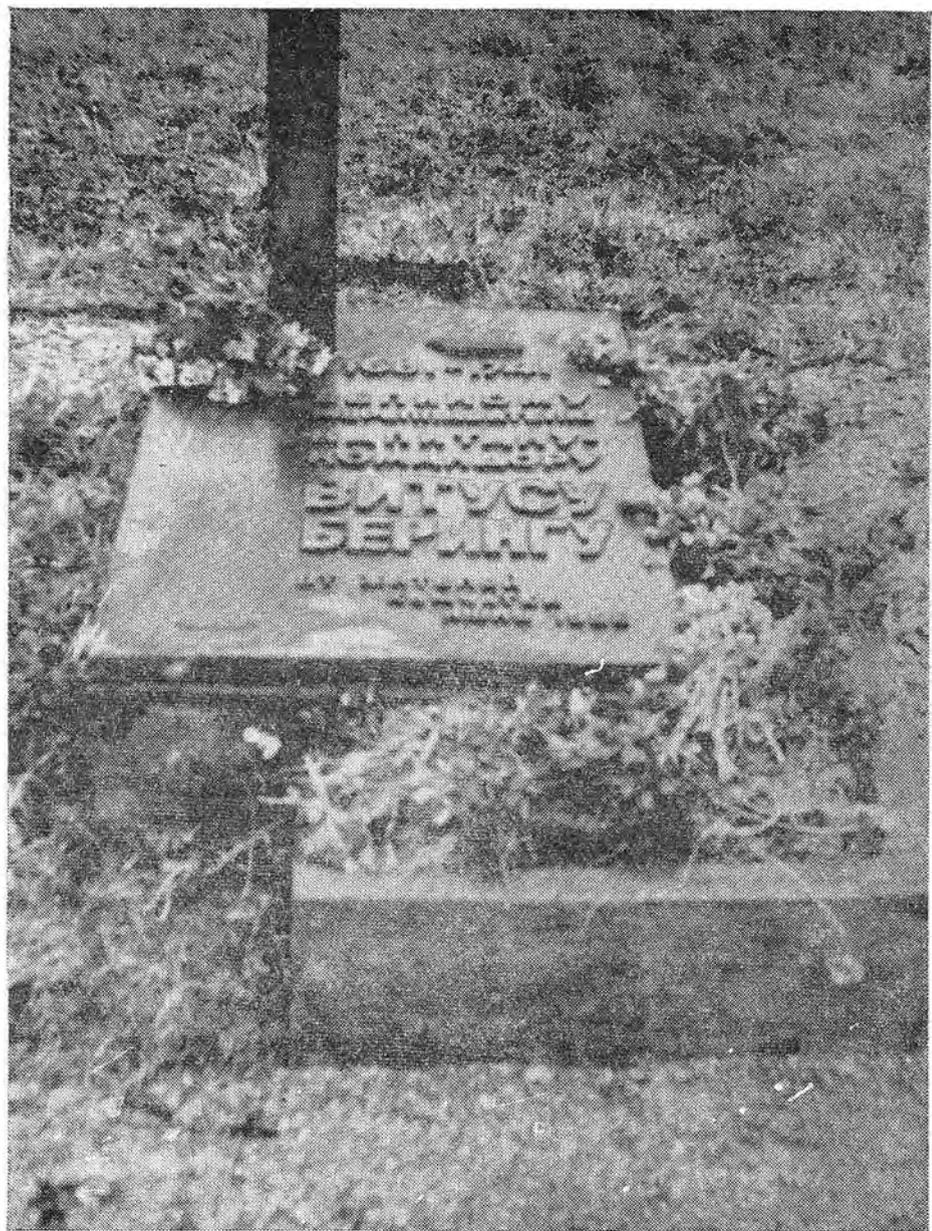
Весной, несмотря на болезненное состояние, Чириков был готов снова выйти в море. На этот раз специально для того, чтобы выяснить по возможности судьбу экипажа Беринга и, если представится случай, помочь морякам, попавшим в беду. 23 мая «Св. Павел» был уже готов к походу и вышел в рейд, но лишь 2 июня удалось сняться с якоря и взять курс на восток к берегам Америки.

9 июня моряки подошли к острову, который они назвали островом Св. Феодора (ныне это остров Атту). Был туман, подойти близко было невозможно, высадиться тем более. Все же с моря остров был описан, но никаких признаков жилья там не обнаружили, так же, впрочем, как и в плавание 1741 года.

Но уже тут сказалось поспешное приготовление к плаванию, вызванное желанием как можно скорее прийти на помощь своим соотечественникам. После долгого раздумья Чириков, Елагин и шкипер Коростелев порешили «дале пути своего ныне не продолжать, и означенного 17-го числа июня, по журналу с полудни в 5-м часу возвратиться к гавани святых апостол Петра и Павла»¹. Пять суток пакет-бот шел вне видимости берегов, меняя курс, но держась генерального направления на северо-запад.

А 22 июня в ясную погоду увидели моряки остров, который назвали островом Св. Иулиана. Если бы чириковцы знали, что перед ними остров, известный теперь под именем острова Беринга, на котором как раз в то время усиленно строили из остатков пакет-бота «Св. Петра» хоть какое-нибудь суденышко участники плавания Беринга, то, наверное, и Чириков и весь экипаж «Св. Павла», невзирая ни на что, поспешили бы туда на помощь. Моряки шли «от восточного ево краю до западного, а были в близости подле оного 23 числа июня по полуночи, с 3-го по 6-й час, а имянно: были расстоянием в 5-м часу не более четырех минут, в которое время оной очистясь от тумана, весь оказался к восходящему солнцу, длиною оной от восточного края до западного минут с тридцать: леуу на нем большого и травы зеленой нет, весь в горах и круто берег, а на горах много снегу. При нем же видели множество котов морских, расстоянием до оного от устья Авачинской губы 351 минута или русских 610 верст, а прямо от Камчацкой земли от урочища Чажмы, как явствует приобщенная при сем карта, 155 минут, а русских 270 верст. А по по-

¹ Экспедиция Беринга. Сб. документов..., с. 292.

Плита на могиле В. И. Беринга.

луночи в 6-м часу опять оный покрылся туманом и стал быть чрез него к нам северный ветер. Тогда мы, оставя тот остров, следовали возвратно во упоминаемую гавань, и по журналу июля 2-го числа во 2-м часу с полудни пришли в гавань святых апостол Петра и Павла»¹.

Там ничего нового не было, и Чириков 12 июля отправился в Охотск, куда и прибыл 16 августа. Для охраны исторического пакет-бота он оставил в Охотске 20 человек, а с остальными людьми направился в Якутск и далее в Петербург, но вышло так, что в Петербург он попал только в 1745 году.

В 1746 году Чирикова произвели в капитан-командоры, а в 1748 году он скончался в возрасте всего 45 лет.

Героическое плавание русских моряков завершилось открытием Северной Америки со стороны Тихого океана и Алеутских островов.

Витус Беринг и Алексей Чириков до конца выполнили свой долг перед Родиной. На всех картах мира нанесено Берингово море, есть пролив Беринга, есть Командорские острова, есть остров Беринга. Именем Чирикова назван остров в заливе Аляска, его имя носят три мыса в Беринговом и Охотском морях.

На месте могилы Беринга долгое время стоял крест. Теперь моряки Тихоокеанского флота установили там памятную плиту. В селе Никольском на Командорах поставлен памятник Берингу, памятник Берингу стоит и в Петропавловске-Камчатском. Существует проект установки нового монумента основателю Петропавловска-Камчатского. Хотелось бы, чтобы при этом не был забыт славный Алексей Чириков и все доблестные моряки — первооткрыватели Северной Америки со стороны Тихого океана.

Сейчас в Советском Союзе живут потомки Беринга и Чирикова. У Беринга и его супруги Анны Матвеевны было три сына: Томас (Тимофей), Антон и Иона. Достоверно известны потомки по линии Тимофея. Знаем мы, что и у Чирикова остались сыновья Василий, Петр и дочери Мария, Елизавета и еще одна, имя которой не установлено. Если у потомков Беринга сохранился портрет Беринга, то портрет Чирикова до сих пор не обнаружен.

В научной и художественной литературе иногда делаются попытки противопоставить Чирикова Берингу. Ученые пытаются установить, насколько раньше, чем Беринг, Чириков открыл Америку, считают, что Чириков был более искусным мореходом.

Вряд ли можно назвать постановку таких вопросов правомерной. Все участники экспедиции, которой командовал Витус Беринг, каждый на своем месте, свято исполнили свой долг, и все они заслужили благодарность потомков. Их дела увековечены в монументальных творениях наших скульпторов, в произведениях художественной литературы, в научных работах, в названиях улиц, поселков, городов, географических объектов, кораблей.

¹ Экспедиция Беринга. Сб. документов..., с. 292.

* ГЛАВА ВТОРАЯ

Вслед за Берингом и Чириковым

Вторая северная морская экспедиция, снаряженная в 1733 году по повелению императрицы Анны Иоанновны, под начальством предводительствовавшего и первого экспедицией капитана Беринга, несмотря на неудачи, постоянно ее сопровождавшего, проложила путь для русских мореплавателей к неведомым почти до того времени странам Северной Америки и сопредельным с нею островам¹.

Кроме великих географических открытий, которыми так богата экспедиция Беринга, она замечательна еще и тем, что вызвала к жизни Тихоокеанское побережье Русского государства. Два десятка лет на Охотском побережье и на Камчатке эта огромная экспедиция собирала вольных людей со всей Сибири. Много было их в ту пору в Охотске, перебирались они и на Камчатку, где в Большерецке, в Нижнекамчатске, а теперь еще и в Петропавловской гавани для них находилась работа. Местные мореходы Охотского порта, такие как Никифор Треска, Кондратий Мошков и другие, были неприменными участниками плаваний.

А когда последние участники экспедиции удалились с Камчатки, ушли из Охотска через горы в Якутск, в Сибирь к родным местам, уехали в Петербург, — в Сибирь и на Охотском побережье осталось много энтузиастов. Сведения об Америке, об островах, лежащих на всем пути до нее, о ценных мехах, привезенных беринговцами, неодолимо звали испытать и свое счастье. Ведь сумел же только один Георг Стеллер привезти с острова Беринга 600 шкур бобров². А ведь до того Берингова острова, по рассказам, совсем недалеко; да и до других островов не так уж долго плыть. И первым, отважившимся плыть на Берингов остров, стал сержант Охотской нерегулярной команды Емельян Софронович Басов.

Басов давно вынашивал идею плавания с промышленными целями на Курильские острова. Будучи в Москве в 1733 году сопровождающим в Сибирский приказ меха и пушнину, он подал челобитную о разрешении ему с товарищами плавать на Курильские и другие острова. Разрешение последовало в 1739 году, но местные власти в Охотске из-за недостатка средств отказывали ему в помощи в снаряжении судна. И тогда Басов, собрав все свои сбережения, вступив в компанию с московским купцом Евтихеем Санниковым, посадскими людьми Данилой Сосниным и Паншиным и крестьянами Поповым и Холщевниковым, снарядил небольшой шитик «Петр». В состав команды «Петра» Басов пригласил участников

¹ П. А. Тихменев. Историческое обозрение образования Российско-Американской компании и действия ее до настоящего времени. Ч. I. СПб, 1861, с. 1.

² В. Н. Берх. Хронологическая история открытия Алеутских островов, или подвиги Российского купечества. СПб, 1823, с. 143.

плавания Беринга Петра Верхотурова и Луку Наседкина¹. В Нижнекамчатске Басов сумел заинтересовать плаванием богатого камчатского купца Никифора Трапезникова и московского купца Андрея Серебренникова.

На шитике «Петр» с «гребями (веслами.— А. А.) и парусами длиною по килу, от корга (носа судна.— А. А.) до корга, в сажень, шириною внутри 7 аршин и вышиною внутри же 3 аршина»² Басов, сам за морехода, отправился летом 1743 года из Нижнекамчатска на восток.

На пятые сутки шитик выбросило на остров. По свидетельству Петра Верхотурова, шитик оказался недалеко от того места, где потерпел крушение Беринг, то есть на острове Беринга. Во время зимовки промышленники добывали котиков и бобров, которых повсюду было множество. Промысел был удачным, и «Петр» возвратился на следующий год 13 августа в Нижнекамчатск, имея на борту 1 200 бобров и 4 000 котиков. По тогдашним ценам добыча была реализована на сумму 64 тысячи рублей.

По возвращении на Камчатку Басову было «повелено итти в другой вояж с прежней командой на те два острова». По-прежнему компаньоном Басова был Никифор Трапезников. И вот на том же шитике с той же командой 16 июля 1745 года Басов — всего 32 человека — отправился «для изыскания островов и незнаемого народу и призыву под высокосамодержавную е. и. в. руку в подданство и в платеж ясака»³.

30 июля шитик подошел к острову, «на котором де и крест поставили и кругом того острова гавани обыскать за оскудением кормовых припасов не могли»⁴. От него направились к острову Беринга, где и зимовали. Находясь на острове, мореходы подробно описали его: «...обширность острова которого де явилось по свидетельству в длину например ста два или более, а ширины неравномерно как на дватцать пять, на дватцать и на пятнатцать, а иде и на 5 верст; а на том острову лесу таловаго и ребинова малое число и то не взрослой; а на том же де острову имеется озеро длиною на 10, а шириною как на 5 верст; и из онаго озера истекают малыи речки по всем сторонам, а в тех речках рыбы разной всякой называемой по камчатски голцом красной кижуча весьма богато також и травы слаткой сараны, морошки и шикши многое число. А кругом того острова в море имеется зверей морских бобров кошлаков котов нерп сиучей довольно и коров морских премножество. Ежели де оных промыслять, то де уповательно множества народа прокормить можно; а во время де зимования на том острову посылал он (Басов.— А. А.) команды своей служилых Гаврила Чюдинова, Дмитрия Наквасина, каргинского посатского Данила Соснина, посатского ж Венедикта Обухова, казачья сына Петра Верхотурова, Невьянских заводов жителя Михаила Никитина для достовернаго свидетелства земли: и обыска-

¹ Р. В. Макарова. Русские на Тихом океане во второй половине XVIII в. М., 1968, с. 44.

² Архив Географического общества СССР (АГО), разряд 60, оп. 1, д. 2, л. 4.

³ Архив внешней политики России (АВПР), ф. 339, оп. 888, д. 6, л. 141 об.

⁴ Там же.

на ими пристань бывшего Камчатской экспедиции капитана-командора Беринга, где пакет-бот разбило...»¹

Участники плавания произвели подробную перепись найденного имущества, собрали его в одно место, а «взять смелости не имели». Зимой занимались промыслом котиков, бобров, песцов. А ранней весной 1746 года (26 мая) шитик направился на розыски виденных в первом плавании двух островов («в вояж на дальния острова, на которые де с того острова знаменуется под полуношным ветром»). Шли на восток пятеро суток и «от того места принуждены обратно возвратиться за случившимися превеликими туманами, что де и познать было невозможно; к тому же де и знающего человека не было, а данной де за штурмана казак Санников в морском вояже весьма ненадежен»².

Поэтому повернули на обратный курс и 7 июня 1746 года подошли к острову, на котором в прошлом году был крест поставлен, «и оной остров и земля освидетельствовали, и по свидетельству явилось длиною сто верст, а шириною и два и одна верста; а на том острове имеется озерко малое, из которого течет малая речка, в которой рыбы бывает же, но недовольное число, а кругом острова в море всякой зверь»³. Так состоялось открытие и первоначальное изучение второго из Командорских островов — острова Медного.

Пробыв на острове с 7 июня по 25 июля и не обнаружив хорошей гавани, Басов 25-го отправился к Камчатке и прибыл в Нижнекамчатск 31 июля. На этот раз было добыто 1 670 бобров, маток и кошлаков, 1 600 бобровых хвостов, 2 200 котиков и 2 240 голубых песцов. В денежном отношении это составило 112 200 рублей — неслыханное богатство!⁴

Басов не прекратил своих плаваний. Едва закончив расчеты по предыдущему походу, он снарядил свой шитик «Петр» в новое путешествие. Басовская компания претерпела значительные изменения. Часть компаньонов продала свои пай, которые скупили московские купцы Андрей Серебренников и Андрей Шелихов, иркутский купец Никифор Трапезников. Молодой селенгинский купец Андреян Толстых купил пай Евтихей Санникова, который вконец рассорился с Басовым.

В конце августа 1747 года «Петр» под командой Дмитрия Наквасина вышел в плавание к острову Медному. Как докладывал впоследствии Басов в канцелярию Охотского порта, «прибыли на прежде обысканной второй малый остров... На лайдах собрано самородной меди 50 фунтов. На том же острове в полуношной стороне нашли незнаемую вещь, руда ли она или какая незнаемая вещь, которой взято и привезено фунта с два. Да найдено на берегу служителями 205 камешков, больших и малых, в том числе два желтых, один малиновый; да еще найдена новокуръезная рыбка... Вывезено в Нижний Камчатский острог: бобров,

¹ АВПР, ф. 339, оп. 888, д. 6, л. 142 об.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Р. В. Макарова. Указ. соч., с. 45.

кошлаков и маток 970, хвостов бобровых тож число, писцов голубых 1 520...»¹. Всего на 50 020 рублей.

В 1749—1750 годах шитик «Петр» в четвертый раз плавал на остров Медный. Командовал им также Д. Наквасин, а Басов в плавание сам не участвовал. 20 июля 1750 года шитик возвратился на Камчатку с 522 бобрами, 1 080 голубыми песцами и 300 котиками. Привезено было также 19 фунтов меди, 20 цветных камушков и цветистый песок. Всего на сумму 39 386 рублей². И это плавание завершилось в общем-то успешно, хотя прибыли были значительно меньшими, чем после первых плаваний.

Басов не думал больше о промыслах. Он стал добиваться организации специальной экспедиции по разведке, а затем и добыче меди, ибо был уверен в наличии на острове Медном больших запасов: обивал пороги камчатских властей, писал челобитные в Иркутск и Петербург, не жалел своих денег. Но Басов жестоко ошибся — рассказы о богатых медных месторождениях на этом острове не подтвердились. Затраченные на исследования деньги были взысканы с Басова, и вскоре он, один из богатейших людей Камчатки, превратился в нищего.

Басов по-прежнему был уверен, что на острове много меди, что он ее разыщет. И ради меди он пошел на преступление. Чтобы раздобыть денег, он занялся изготовлением фальшивых монет, но вскоре же был на этом пойман. 11 февраля 1756 года его арестовали и отправили в Иркутск. После долгого следствия и суда Басова приговорили к битью кнутом и вечной каторге. 22 июля 1756 года он был отправлен на Нерчинские заводы, где 4 сентября над ним учинили публичное наказание — били кнутом. По непроверенным данным, умер он в 1765 году.

Значение плаваний Е. С. Басова состоит в том, что они положили начало исследованию островов, лежащих к востоку от Камчатки, их освоению и присоединению к России. Из небольшой компании Басова выросла впоследствии знаменитая Российско-Американская компания.

Басов был не единственным, пытавшим счастье в поисках новых островов в Восточном океане. В те же годы организовывались новые компании, пайщики которых, несомненно, были воодушевлены удачным походом и большими прибылями участников первого плавания Е. С. Басова. И вот в феврале 1745 года образовалась компания, которую возглавил лальский купец Афанасий Чебаевский. По некоторым сведениям, поддерживал эту компанию, как и некоторые другие (в том числе и басовскую), известный иркутский богатей купец Никифор Трапезников. В компанию вошли также промышленники Яков и Николай Чупровы, Кирилл Козлов, Родион Зотов, Иван Сидоров, Лазарь Карманов³, Иван Холщевников, Ларион Беляев, Павел Коробейников.

¹ В. Н. Берх. Указ. соч., с. 4.

² Там же, приложение, табл. 1.

³ Р. В. Макарова в обстоятельном исследовании (Указ. соч., с. 45) называет в составе компаньонов Н. Трапезникова, а также Якова и Павла Чупровых. По нашим данным, Н. Трапезников не участвовал в этой компании. Одного из Чупровых звали Николаем, а не Павлом. Не назван также Лазарь Карманов (АВПР, ф. 339, оп. 888, л. 6, л. 4 об.).

К легу был выстроен и снаряжен шитик «Никодим», мореходом на котором стал впоследствии известный мореход и картограф, участник экспедиции В. И. Беринга — А. И. Чирикова Михаил Васильевич Неводчиков¹. Он плывал в отряде М. П. Шпанберга к берегам Японии в 1739 году. Передовщиком компаньоны избрали Якова Чупрова. Передовщик отвечал за ведение промысла, следил за правильным исполнением инструкции, данной канцелярией Большерецкого порта, отвечал за распределение людей на промыслах и так далее. Канцелярия Большерецкого порта от себя, для соблюдения государственных (казенных) интересов при приискивании новых земель, назначила в плавание казака Нижнекамчатского острога Силу Шевырина, он же был толмачом (переводчиком).

Целью плавания было достижение других островов, которые видели участники экспедиции В. И. Беринга и А. И. Чирикова. О двух из этих «новых островов» сообщил и Басов: «...во время де того мореплавания (1743—1744 годы.— А. А.) усмотрел он два острова, только до них не касался за опасность, яко еще не знаемые, а особливо за скудостью снастей и якорей»².

19 сентября 1745 года «Никодим» вышел из Нижнекамчатска, ведомый тобольским посадским, мореходом М. В. Неводчиковым, к неизвестным новым островам, усмотренным издали спутниками Беринга в 1741 году. На шестые сутки плавания увидели землю, и в этот же день подошли к первому из двух усмотренных островов (остров Атту в группе Ближних островов), но высаживаться не стали — только простояли около него ночь на якоре.

Утром увидели людей, спускающихся с горы. Навстречу им на ялботе к берегу пошли Яков Чупров, Сила Шевырин и другие промышленники, но к берегу опять-таки не пристали. Трое местных жителей наконец-то отважились подойти к ялботу и получили за то складной ножик и полфунта табаку. Им же Яков Чупров оставил документ о посещении острова с указанием года и числа этого события. Место для стоянки здесь не понравилось мореходам, и они решили попытать счастья у второго, видневшегося вдаль острова, острова Агатту.

Держа курс на него, вскоре вошли в пролив между островами и 2 октября стали около него на якорь.

На берег в ялботе отправились Яков Чупров, Кирилл Козлов, Федор Кирасов, Родион Зотов. Они хотели запастись водой и познакомиться с местными жителями «и увидели людей многолюдно, кои в руках имели спицы костяные и каменные, воткнутыя на деревянных ратовях. И табаком их поили, и хватали де они за фалени ялбота и не отпускали.

¹ Мы уже имели возможность писать о том, что М. В. Неводчиков родился в 1708 году в Тобольске, а не в Великом Устюге, как утверждал В. Н. Берх, сообщавший, что он был там «резчиком по серебру». Сведения В. Н. Берха, повторенные исследователями и писателями, оказались несостоятельными. Неводчиков сам писал, что он из Тобольска, подтверждает это и Т. И. Шмалев, прекрасно его знавший и долгое время с ним служивший.

² АВПР, ф. 339, оп. 888, д. 6, л. 139 об.

И выстрелил он Чупров из ружья пулей, а руку одному прострелил ли он (из показаний М. В. Неводчикова. — А. А.) не видал»¹. Этот предупредительный выстрел Я. Чупрова привел к большим неприятностям и вызвал осложнения при налаживании добрососедских отношений с местными жителями.

От этого острова пришлось уходить снова к первому — острову Атту. Здесь местные жители встретили их весьма настороженно. Они не понимали ни чукотского, ни чукотского языка. Это еще больше затрудняло сношения. А грубость и заносчивость Якова Чупрова и его верного сподручного Лариона Беляева привели к тому, что за время зимовки произошло несколько инцидентов.

Несмотря на отдельные недостойные поступки некоторых промышленных, плавание «Никодима» под водительством М. В. Неводчикова завершилось большими успехами в промысловом и особенно в научном отношении. На Камчатку было доставлено в 1747 году морских бобров на 19 200 рублей. Главное же состоит в том, что во время плавания была открыта группа Ближних островов (Атту, Агатту, Семичи) и доставлены сведения о других островах Алеутской гряды и первые, очень глухие, отдаленные сведения о далекой Аляске, Америке и людях, там проживающих.

М. В. Неводчиков докладывая камчатским властям 12 сентября 1747 года о результатах плавания, писал, что во время похода он «нашел три острова, называемые первой Ат (Атту. — А. А.), второй Агат (Агатту. — А. А.), третий Чамичь (Семичи. — А. А.), на которых имеется неизвестной народ, неясашные люди, у которых де людей толмачи, кои имедись на чукотском и коряцком языке с ними на судне, разговору их языка никто никак признать не могли, а без знания де их языка в подданство под высокосамодержавную ея императорскаго величества руку и в платеж ясака привести невозможно (подчеркнуто нами. Весьма характерный штрих в истории отношений русских с местными жителями. — А. А.). Того де ради для подлинного знания и вероятности, ис тамошних людей и для обучения россиского языка вывезен в Большерецк один человек, который тогда уже несколько научился говорить по русски, чрез которого он Неводчиков уведомился, что еще есть четвертый большей остров под званием Сабина (возможно, так называли жители Американский материк или какую-либо часть его, например Аляску. — А. А.), на котором де острову жителство имеет людей множество и сказывают якоб приличествует русским и богу молятся, и имеют у себя книги и огненное ружье, но малое число, и приходят к ним на байдарах временно»².

В этих словах, пожалуй, самое раннее в истории упоминание о людях, живших на Американском континенте, подобных русским. Как известно, с этим и позднейшими упоминаниями о русских в Америке связана гипотеза о том, что этими русскими стали потомки русских, вышедших

¹ АВГР, ф. 339, оп. 888, д. 6, лл. 22—22 об.

² Там же, л. 12 об.

вместе с С. И. Дежневым в исторический поход из устья Колымы в Анадырский залив и потерпевших крушение в Беринговом проливе. Высказываются предположения, что один-два коча могли быть занесены во время шторма в Северную Америку, где русские мореходы нашли убежище. Возможно, это было так и в самом деле.

Таким образом, были освоены уже не только Командорские острова, но и первая группа Алеутских островов, названных Ближними, состоящая из трех островов: Атту, Агатту и Семичи. А мореходы хотели идти еще дальше на восток! Удивителен, отважен и пытлив русский человек: плыл по сибирским рекам, продираясь сквозь дальневосточные таежные заросли, осваивал азиатские просторы Тихого океана, достиг Камчатки, устремил свой взор на восток, туда, где должна быть Большая Земля — Америка, нашел эту землю, совершив грандиознейшие географические открытия XVII и XVIII столетий! И русские стали осваивать Алеуты и побережье Северной Америки.

Вслед за Неводчиковым и одновременно с ним на Ближние острова направились многие мореходы и купцы. Одна за другой образовывались их компании, один за другим выходили в море шитики за «мягкой рухлядью». А за Ближними островами пошли новые земли, появились новые имена, новые замечательные плавания и открытия.

Среди многих мореходов выделился селенгинский купец Андреян Толстых. Он появился на Камчатке, наверное, сразу же после окончания экспедиции В. И. Беринга и А. И. Чирикова. Во всяком случае в 1746 году он состоял уже в компании, в которую кроме него входили тотемский купец Федор Холодилов, иркутский купец Василий Балин, ярославский купец Федор Жуков и иркутский купец Никифор Трапезников.

В 1747 году компания построила и спустила на воду на реке Камчатке шитик «Св. Иоанн». В этом же году судно вышло в море к Командорским островам, имея на борту 46 промышленников и 6 казаков. Передовщиком был Андреян Толстых, а мореходом Евтифей Санников. Промышленники благополучно провели зиму на островах, добыли 300 бобров и 1 500 песцов и выручили за них 50 020 рублей. После зимовки Толстых и Санников плавали к югу от острова Медного, рассчитывая отыскать новые земли, но ничего не нашли и возвратились в августе 1748 года в Нижнекамчатск.

Лиха беда — начало! И на следующий год Толстых и Санников снова отправились в путь на том же судне, почти с той же командой, но только теперь курс был на Ближние Алеутские острова, открытые М. В. Неводчиковым. Были они и на Командорских островах. 20 ноября 1749 года судно ушло в плавание, а вернулось в Нижнекамчатск только в 1752 году, промыслив 1 700 морских бобров и 700 песцов.

Только год передышки потребовался Толстых для приведения в порядок своих дел и для организации следующей промысловой экспедиции. На том же судне он выходит 17 августа 1753 года к Алеутским островам с командой из 34 человек. Мореходом на сей раз был Федор Жу-

ков — также один из компаньонов. Вернулись они в сентябре 1755 года. О подробностях этого похода известий не найдено. В Нижнекамчатске «Св. Иоанн» пришел в негодность и вышел из строя.

Вместо него удачливый, молодой, но уже опытный мореход и богатый теперь купец Андреян Толстых все с той же компанией построил другое судно «Св. Андреян и Наталия». Как и прежнее судно, оно строилось на реке Камчатке. Спустили его на воду в 1756 году и в этом же году оно ушло в море. Команды на нем было 38 человек, передовщиком шел Толстых, а мореходом Жуков. Мореходы направили судно прямо к Командорским островам, где стали на зимовку. По примеру прошлых лет Толстых собирался заготовить здесь впрок провизию для будущих промыслов, а также промыслять бобров. Заготовку мореходам удалось сделать, но бобры в ту зиму даже и не показывались у берегов Командорских островов.

Тогда 13 июля 1757 года пошел Толстых к острову Атту. На подходе к острову мореходы-промышленники повстречали бот «Св. Николай», направлявшийся на Камчатку. От встречных узнали все подробности промысловых дел на острове. Кроме того, Толстых добросовестно исполнял обязанности, возложенные на него камчатскими властями, о приведении в подданство России алеутов и собирал с них ясак. Когда в 1759 году он решил с богатой добычей уходить с Камчатки, то настойчиво приглашал тойона острова Атту отправиться вместе с ним, но тойон никак и ни за что не соглашался. Во время плаваний и промыслов на островах из числа команды погибло 8 человек. В трюме «Св. Андреяна и Наталии» на Камчатку было доставлено 5 360 бобров и 1 190 песцов.

Совсем окреп Андреян Толстых, стал одним из самых богатых людей не только на Камчатке, но и во всем Охотско-Камчатско-Чукотском крае, стал сам и передовщиком и мореходом. Перезимовав в Нижнекамчатске, вышел Толстых на собственном судне «Св. Андреян и Наталия» 27 сентября 1760 года в очередное плавание. От Нижнекамчатского острога представителем власти в плавание отправился казак Максим Лазарев.

Толстых готовил свою экспедицию не только для промысла, но и «ко изысканию в море состоящих знаемых и незнаемых островов и призыве не состоящих (кроме довольно и уже объясаченных и в знаемость от части находящихся Российского народа и обычая по обхождению дружества на Алеутских островах ясашных алеут) таковых же по обысканию морских островов и на них живущих неясашных народов в поданство под высокую самодержавную ея императорского величества приведению»¹.

Как и всегда, первоначальный курс судна был проложен к Командорским островам, где Толстых намеревался хорошо подготовиться к дальнейшему плаванью, сшить обувь, а при удаче и добыть бобров. 29 сентября судно благополучно подошло к острову Беринга и стало в привычной бухте на два якоря. Однако усилившийся ветер выбросил

¹ ЦГАДА, Госархив, разряд 24, д. 34, л. 63 об.

судно на берег, правда, без всякого ущерба, если не считать, что у одного якоря оторвало лапу. «Св. Андреян и Наталия» поставлен был на зимовку на балках, а команда перебралась в землянки и начала заниматься знакомым делом.

На этот раз морского зверя было вдоволь. Были наполнены жиром все бочки, заготовлено мясо на две-три зимовки, выдублено множество кож, пригодных на одежду, обувь и на обтяжку байдар. Сумели мореходы исправить и небольшие повреждения, которые получило судно. Даже лапу к якорю сумели сделать новую. Одним словом, зимовка прошла великолепно.

24 июня 1761 года, закончив все приготовления и исправления, судно покинуло остров Беринга, миновало остров Медный и после продолжительного плавания по океану, затруднявшегося то штилевой погодой, то противным ветром, подошло к одному из Ближних островов — острову Атту, на котором Андреян Толстых бывал и где хорошо знал тойона и некоторых жителей.

Обстановка для Толстых сложилась не совсем благоприятная. На острове уже оказались три судна: лальского купца Афанасия Чебаевского, шуйского купца Степана Постникова и иркутского посадского Никифора Трапезникова. На каждом судне, как и на «Св. Андреяне и Наталии», находилось от Камчатского острога по казаку для сбора ясака. Каждый такой казак был снабжен шнуровой книгой для этой цели. Разумеется, экипажи этих трех судов постарались сделать все от них зависящее: ясак собрали, в подданство привели кого можно было, да и напромышляли порядочно.

Но и в этих условиях Толстых не забывал об обязанностях русского купца и морехода, облеченного властью. Оказалось, что старый его знакомый тойон с Ближних островов Тунунгасин умер. Тогда Толстых в знак дружбы с алеутами одарил «тамошнего лутчего мужика», замещавшего умершего Тунунгасина, тойона Бакутана «с ево командою алеутами, которых довольно знает он Толстых, одаря ево Бакутана с командою до семи человек, как компанейски так и собственными вещами, аднем котлом заводским фунтов в восемь, на всю ему Бакутану с теми людьми артель правянтном арженем пятнадцатю фунтами всем с тоеном восьми человеком, каждому по одной дабинной и холшовой рубашке, холстом и иглами, четыри камзолами теплыми подбои мерлушечьи, каждому по однем перчаткам замшевым теплым и холодным, да по кушаку краноборским, да тоену Бакутану адне сапоги козловые без всякаго от них истребования»¹.

Посовещавшись, Толстых, Лазарев и казак Петр Васютинский решили отправиться далее на восток для приискания новых островов и земель. Бакутан выделил на судно двух алеутов, немного знающих русский язык.

19 августа судно «Св. Андреян и Наталия» взяло курс норд-ост. Сра-

¹ ЦГАДА, Госархив, разряд 24, д. 34, л. 65.

зу же с погодой не повезло: дул встречный ветер, а затем разразился «великий шторм». И так носило мореходов до 28 августа, когда «тем хождением нашли на остров неизвестной, к которому приближившись встали на якорь»¹.

День шел на убыль. И, переночевав на якоре, утром 29-го байдара с Толстых, Лазаревым, Васютинским и семью промышленниками отправилась к острову. До позднего вечера промышленники обследовали остров, разыскивали удобное место для стоянки и зимовки, так как время было уже осеннее. При осмотре с моря и на суше выяснилось, что на этом острове ранее бывал Лазарев, плававший с мореходом Петром Башмаковым на судне московского купца Андрея Серебренникова. Он опознал одну из бухт, в которую впадала небольшая речка. Здесь Толстых и решил заночевать.

Наутро 30 августа к берегу подошла еще байдара с кормщиком кяхтинским цеховым Семеном Новоселовым за пресной водой. Все вместе, посоветовавшись, постановили, «что во усмотренную ими способную к заведению и в отстой постановлению судна бухту можно судно ввезть»². В тот же день судно было поставлено в бухте на два якоря и простояло так до 1 октября.

За это время произошли важные события. Началось с того, что Толстых снарядил две байдары для осмотра побережья и поисков выкидного леса, годного для подъема судна на берег и установки его там. Одна байдара шла к северному побережью с кормщиком Новоселовым, у которого был переводчик алеут с Ближних островов Ишака Кининин, или по-русски Никита. Во второй байдаре кормщиком был назначен Нижнекамчатского острога ясашный новокрещеный камчадал Андреян Евдокимов Колегов. На каждой байдаре, помимо них, было по восемь человек гребцов — камчадалов и русских. Некоторое время спустя Толстых для этих же целей и для разведки промысла отправил вдоль берега острова еще две байдары с кормщиками Лазаревым и Паратунского острожка ясашным новокрещеным камчадалом Федором Левашевым. У Лазарева толмачом шел сын тойона Ближних островов Бакутана — Угугаев Бакутаев.

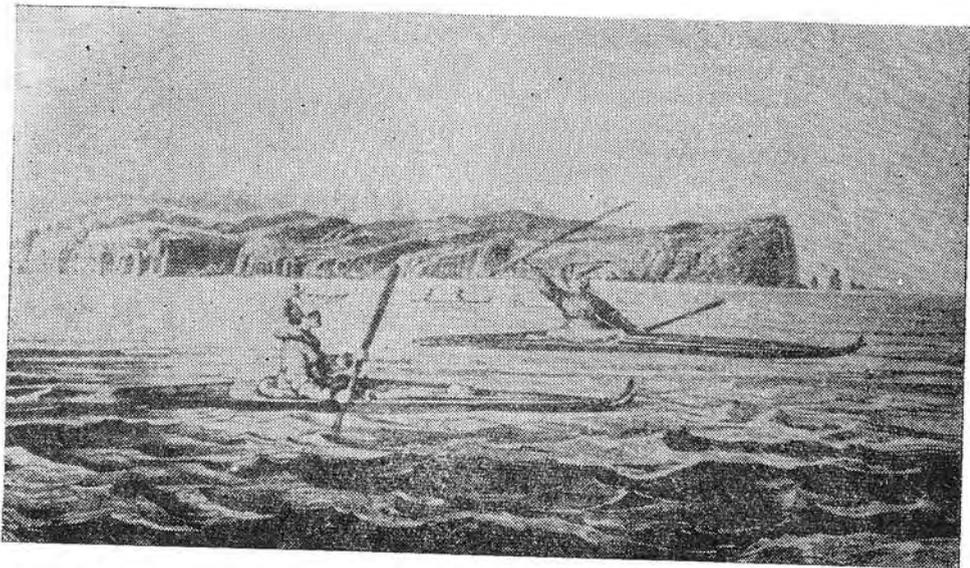
Поход байдар был удачным. Правда, наносного леса сумели обнаружить немного, зато на западной стороне острова нашли туши двух выброшенных китов, «...с которых две байдары нарезав ко употреблению всем будущим при судне людям пристойного числа без недостатка мяса и жиру»³. Нарезали мяса столько, сколько хотели, создав значительный запас. Лазарев с двумя полными мясом и жиром байдарами возвратился к судну, а Новоселов с оставшимися байдарами также запасся провиантом и продолжал осмотр острова.

На обратном пути Лазарев увидел в проливе между островом Аяг, на котором находились промышленники, и другим островом, лежащим от

¹ ЦГАДА, Госархив, разряд 24, д. 34, л. 66 об.

² Там же, л. 67 об.

³ Там же, л. 68.

Алеуты на байдарках.

первого верст на двадцать, две малые байдары. Когда они подошли ближе, то выяснилось, что один из находившихся в байдаре алеутов был знаком Лазареву. Да и алеут вскоре узнал казака-морехода. Алеут оказался Угасином Китека Ачишевым, зятем тойона соседнего острова. Лазарев угостил своего знакомого китовым жиром и мясом. Выяснилось, что Лазарев бывал и на этом острове — Канаге все во время того же плавания в 1754 году вместе с Петром Башмаковым. Лазарев обещал еще прийти на остров. Когда он возвратился к судну, Толстых одобрил его намерение. Лазарев на одной байдаре поплыл к острову Канаге, повстречался там с тойоном Аягитнином Каюсунковым, обменялся подарками и пригласил тойона побывать на острове Аяг в гостях у мореходов. Тот согласился. С такими добрыми вестями Лазарев возвратился на судно.

Толстых же не терял времени и готовил запасы на зиму. Он отправил байдару во главе с тотемским посадским Алексеем Чулошниковым¹ на реку для ловли рыбы. Лазарев плывал к нему и привез полные байдары свежей рыбы. Теперь мореплаватели-промышленники хорошо изучили свой небольшой остров Аяг. По их описаниям и подсчетам, он в окружности имеет примерно сто пятьдесят верст. На острове есть высокие горы, каменистые, без растительности. В низинах — тундра. Передвигаться по острову трудно, лучше всего — по побережью. Раститель-

¹ В дальнейшем участник побега с Камчатки М. А. Беньковского.

ность такая же, как на Камчатке: высокая трава, много голубики, ку-тагарнику. В небольшой реке в изобилии водились различные породы рыб. В августе больше всего было камчатского кижуча, а весной — красного гольца и морской камбалы. Сама река выходит из небольшого озера окруженностью в две или три версты, «от вершины течение имеет устьем в море на полдень, а вершиною лежит на ветер, оной речки длина состоит по примеру с вершины даже до устья в семь или восемь верст, а шириною в десять-пятнадцать, а местами и в двадцать сажен, глубины ее во время убыли в море морской воды в полтора, а в прибыли в два с половиною аршина»¹. По берегам реки никакого леса нет — одна высокая трава. О жителях острова говорить и судить промышленникам было очень трудно, так как «они из острова на остров со всеми домами в больших байдарках переезжая за морския проливы, где похотят по намерениям своим тут и живут»².

Еще когда Лазарев был на реке и с Чулошниковым грузил рыбу, к судну уже подошла флотилия алеутов во главе с тойоном Аигитнином, которого пригласил Лазарев. Пятнадцать малых байдар пригребли к судну «Св. Андреян и Наталия» и встречены были Толстых с отменным радушием и гостеприимством. Умный купец и мореход прекрасно понимал, что лаской и добротой сделать можно все. И он в полной мере использовал лучшие человеческие побуждения. Никто не остался не одаренным, все получили по рубашке, по мотку ниток и игле, байдары были набиты китовым мясом, да сверх того алеуты получили двадцать кож для обтягивания байдар. Поистине бесценные подарки! Не были забыты и жены: им дали материи белой.

Все алеуты выразили полнейшую готовность быть в подданстве Российского государства и поклялись в этом. Здесь же они заплатили ясак и обязались «познавать Российского государства людей совершенными себе приятелями»³. Тойон рассказал, как они сами промышляют рыбу и что больше всего употребляют в пищу треску и палтуса морского, а из морских зверей предпочтение отдают нерпе, используя ее мясо, жир и кожу. Занимаются они также промыслом морской капусты, из которой делают пряжу, употребляемую при ловле рыбы.

Перед самым отъездом Толстых еще раз одарил алеутов. Вслед за ними на Канагу стали собираться и промышленники. Как раз к этому времени подошли байдары Новоселова, Колегова, Чулошникова с лесом, собранным по крохам. Его все же хватило, чтобы поднять «Св. Андреяна и Наталию» на киль-блоки и подпереть судно с бортов. После этого на Канагу под предводительством Лазарева и Васютинского отплыли четыре байдары. Казакам наказано было разведать и дальше о всех неизвестных островах и если возможно будет, то попытаться и туда перебросить промышленников-мореплавателей. Вскоре от Лазарева пришло письмо, в котором тот сообщал Толстых, что с острова Канаги он пла-

¹ ЦГАДА, Госархив, разряд 24, д. 34, л. 69 об.

² Там же, л. 74 об.

³ Там же, л. 71.

вал к небольшому острову Танакингу. Там он встретил такой же благожелательный прием и готовность быть в подданстве России и платить ясак. Слышал он также и о других островах, где живут алеуты и где, по рассказам, водится немало морского зверя: бобров, котов, сивучей.

Тогда Андреян Толстых отписал Лазареву, чтобы все четыре байдары возвращались к Аягу и, когда они прибыли, распорядился очень умело. Были выделены на каждый остров зимовщики «для увещеваний жителям народов, к платежу в казну е. и. в. ясаков и промыслу зверей»¹. На острове Тагалаке главным выделялся Алексей Чулошников, на Атхе — суздальский крестьянин Иван Кокин и камчадал Федор Левашев, а сами казаки Лазарев и Васютинский, высадив с байдар на этих островах «пристойное число» промышленников, отправились от Атхи к острову Амля. Так на этих островах и образовались отдельные промысловые группы, которые, кстати, не ограничивались только данным островом, а бывали и на других близлежащих. Они же оставили первые описания вновь приобретенных островов.

На острове Канаге, например, примечательна «сопка горелая, с той сопки в летнее время берут тамошния народы серу горючую, на подножие тое сопки имеютя ключи горячий, в которых тамошния народы рыбу и мясо парят»². Остров имеет около двухсот верст в окружности и на нем постоянно проживает до двухсот человек.

Остров Чахтина — небольшой, около восьмидесяти верст в окружности, весь каменистый, с горячими ключами, рек нет. Еще меньше остров Тагалак — до сорока верст в окружности, условия жизни на нем очень трудные: он весь каменистый.

Наибольшие из всей этой группы островов — Атха и Амля. Оба они размером, по определению промышленников, до трехсот верст в окружности. На них высокие горы, с которых в море вытекает много речек, богатых рыбой, с берегами, поросшими травой. У островов можно найти хорошие пристани. На обоих островах живут семьи алеутов. Кроме морского и пушного зверя (песцы, лисицы) острова богаты птицами. Здесь в большом количестве встречали промышленники орлов белохвостых, урилл («перье имеет черное, несколько по бокам белое, а нос долгой, ноги подобно гагарьим, лапы косые»), чаек, глупышей, топорков, у которых «спины черные, брюхо белое, головы белые, носы красные широки»³.

Толстых в описании своего путешествия приводит довольно подробный рассказ о жителях всех островов, об образе их жизни. Он сообщает, что живут они в землянках зимой и летом, которые не протапливают, одеваются в кожи морских зверей и птиц, питаются рыбой в сыром виде, а при голоде — морской капустой. Алеуты, по наблюдениям Толстых, «не толко в летнее, но и в зимнее самое студеное время кроме вышеописанной птичной парки и камлей кишошных (из кишок морского зверя.—

¹ ЦГАДА, Госархив, разряд 24, д. 34, л. 73.

² Там же, л. 73 об.

³ Там же, л. 52.

А. А.); чулков и торбасов шапок и рукавиц никаких не носят, и выезжая зимою на тех малых своих байдарах на море для промысла палтусины и трески, а согрев, что возчувствуя себе от стужи холод, то наклав травы и зажжет впустит ис под ног под парку малой жар, и тем согреваются»¹.

В делах, заботах и хлопотах прошло три года. За это долгое время промышленники отлично освоили все острова. Хотели, очень хотели мореходы побывать и на других видимых к востоку островах, но это было отложено на другой раз. «На оных всех шести островах,— писал Андреян Толстых,— жителствующие народы под власть е. и. в. и в ясашный платеж приведены, с которых в казну е. и. в. и ясаки взяты. Но и сверх оных шести островов в виду были многия лежащая под восток морския острова, остров от острова не весма в далных за проливами разстояниях, точию на те уже более судном и байдарами не касались»².

Промышленниками было добыто много: они увозили на Камчатку 3 036 бобров, кошкоков и медведков, 2 220 бобровых хвостов, 200 бобровых лоскутков, 532 белых и голубых песца. Это не считая ясака. По подсчетам современных историков, за все это ценное имущество на Камчатке было выручено 120 000 рублей³.

Перед отходом Толстых собрал тойонов всех шести островов, подарил им оставшиеся компанейские вещи, а также отдал часть провиантских запасов и попросил алеутов высказать свои претензии к промышленникам: «...на то все единогласно объявили, что им, как тоенам, так и прочим никакой обиды, кроме одного оказуемого им всем всякого благосклонного благодеяния и приязни, чинено не было»⁴. Толстых просил тойонов в случае приезда к ним тойонов с других восточных островов рассказать им о Российском государстве и о себе, о дружбе с русскими. «А особливо им тоенам сказано, естли впредь на море Российскаго государства купецких людей таковыя ж суда предусмотрят чтоб они от тех не отбегали, колми паче выезжали б на море в байдарках, и в приязнь б с теми Российскими людьми находились»⁵.

Проводить русское судно, уже спущенное общими усилиями на воду, до Ближних островов вызвались два алеута: один, прозванный русскими Фомой, был в отряде Ивана Кокина и хорошо обучился русскому языку, а второй был десятилетний мальчик, нареченный по-русски Софроном. Он попал в плен к жителям этих островов и нашел приют у Алексея Чулошникова. На прощание тойоны насыпали Толстых сухой тресковой ююкы.

14 июня 1764 года судно «Св. Андреян и Наталия», три года простоявшее на острове Аяг, снова резало носом волны Тихого океана. Непри-

¹ ЦГАДА, Госархив, разряд 24, д. 34, л. 76 об.

² Там же, л. 76.

³ Р. В. Макарова. Экспедиции русских промышленных людей в Тихом океане в XVIII веке. — «Вопросы географии», 1950, № 17, с. 35—42.

⁴ ЦГАДА, Госархив, разряд 24, д. 34, л. 77 об.

⁵ Там же, л. 78.

ветливо встретил океан промышленников-мореходов. Долго носило их, пока они не очутились у небольшого островка Саммии. На нем переночевали, отдохнули, запаслись пресной водой и снова пустились по воле волн. Но судно сразу же прибило сильным буруном к лайде, оно получило серьезные повреждения. Пришлось при малой воде всю кладь сгружать на берег и вытягивать судно. Двое суток длилась починка. И когда все было готово, отправились 19 августа дальше.

Назавтра благополучно подошли к острову Атту в группе Ближних островов. Пришлось и тут еще раз заниматься ремонтом, так как во время перехода обнаружилась в судне сильная течь. На этом острове остались Фома и Софрон, которые собирались ждать следующего прихода русских. Но зато здесь мореплавателям пришлось взять на борт своих же камчатских промышленников: тотемского посадского Ивана Шошева, устюжского посадского Стахея Кладовникова, крестьянина Соли Вычегодской Никифора Шебалина и устюжского крестьянина Кирилла Жезлова, высаженных для промысла Петром Башмаковым с судна «Св. Петр и Павел», потерпевшего затем крушение.

Погрузив их со всем имуществом и окончательно залечив раны, нанесенные океаном, судно «Св. Андреян и Наталия» на всех парусах пошло к берегу Камчатки. Это было 24 августа, а 4 сентября увидели берега Камчатки. Выходило, что судно было напротив Чамшинского острожка. Однако подойти к устью реки Камчатки, как ни стремился к этому Толстых, судно не могло. На судне вышла пресная вода, и тогда Толстых отправил к берегу за водой и для доклада в Нижнекамчатский острог Васютинского и Чулошников с командой. Они благополучно добрались до берега. Васютинский и Чулошников направились в острог, а гребцы, наполнив бочку водой, стали возвращаться на судно.

Целых две недели Толстых из-за сильных ветров не мог ввести в устье Камчатки свое судно. Приходилось лавировать на виду камчатских берегов. И как это часто бывает, отжимной сильный ветер сменился не менее сильным прижимным. Судно с утра 18 сентября неумолимо тянуло на берег. Якоря не спасали, а, наоборот, могли повредить, повалить судно. Поэтому Толстых приказал обрубить якорные канаты. Судно выбросилось на берег недалеко от устья реки Камчатки.

При таком ответственном маневре, как выброс на берег, не погиб ни один человек. Немедленно приступили к выгрузке имущества. Все спешили, так как сильным волнением и бурунами наветренный правый борт разломало, одна за другой вылетали обшивочные доски. Уже два часа продолжалась выгрузка. Сумели спасти весь основной груз: тюки с бобрами и песцами, ясак, казенные разные вещи и в их числе ясачную книгу. Не удалось, к сожалению, спасти небольшой ящик с судовыми документами и с описанием всей экспедиции, островов, жителей и прочим. Ящик этот находился в каюте и был унесен в море, сразу как разбилось правый борт бурунами.

Эта утрата значительна для истории. Вероятно, там были очень интересные материалы. Об этом можно судить хотя бы по тому, что Тол-

стых принимал все меры к исследованию островов и даже успел спасти вывезенные им оттуда «к знанию об них Российским народом одну малую оболоченную голою кожей байдарку, на которых они в море выезжают з двумя малыми выкрашенными деревянными веселками, и деревянной их гребень и поводок с костяными удами»¹.

Несмотря на такой неудачный финал, это плавание Андреяна Толстых имело важное значение. Были открыты и освоены шесть островов Алеутской гряды. Мореходы страстно хотели побывать на других дальних Алеутских островах, которые уже были нанесены на карту и о которых алеуты с посещенных островов рассказывали, что «де на тех есть людей много и имеют стрелы с луками, а огненного ружья не сказывают и далее положенного на карте острова Аляски есть великая земля, а какая о том болше в разговорах не объявляли»².

Большую роль в таком успешном исходе многолетней промышленной экспедиции сыграли личные качества Андреяна Толстых, категорически исключившего из своего обихода и обихода участников экспедиции грубое обращение с местными жителями. Уже по памяти и по некоторым сохранившимся материалам Толстых сумел описать свое плавание, а также шесть островов Алеутской гряды.

Отчет, отправленный сибирскому губернатору Д. И. Чичерину, был переправлен Екатерине II, которая 2 марта 1766 года послала Чичерину указ, одобряющий его действия в поощрении предприимчивости купцов, мореходов и промышленных людей. Она разрешила одну десятую часть ясака отдать Толстых, а Васютинского и Лазарева произвела в «тамошние дворяне». Собственноручно на указе приписано: «Промышленным подтвердите, чтоб они ласково и без малейшаго притеснения и обмана обходились с новыми их собратиями, тех островов жителями»³. Васютинский и Лазарев, возможно, и дождались царских милостей, а вот Андреяну Толстых это было не суждено...

Вероятно, для того, чтобы поправить свои финансовые дела, а может быть, и желая как можно скорее попасть снова на Алеутские острова, Андрейан Толстых принял участие в качестве морехода в плавании судов «Петр» и «Павел». Они были построены в Охотске компанией тульского оружейника Афанасия Орехова, соликамского купца Ивана Лапина и устюжского — Василия Шилова.

Суда вышли в море из Охотска 1 сентября 1765 года. На «Петре» мореходом шел казак Иван Березкин, который умер в Охотском море, и судно вел в Большерецк Василий Шилов. «Павел» же под водительством морехода Афанасия Очередина благополучно пришел туда же. Во время зимовки Шилов сговорился с Толстых, чтобы тот стал мореходом на «Петре». Толстых согласился⁴. На «Петре» находилось 63 че-

¹ ЦГАДА, Госархив, разряд 24, д. 34, л. 81 об.

² Там же, л. 98 об.

³ П. А. Тихменев. Историческое обозрение образования Российско-Американской компании и действия ея до настоящего времени. Ч. I. СПб, 1861, с. 4.

⁴ АВПР, ф. 339, оп. 1, д. 5, лл. 44 об. — 45.

ловека, из которых было 49 русских, 12 камчадалов и 2 алеута. Совершенно непредвиденные обстоятельства задержали выход судов в море до начала августа.

2-го числа судно было в море и пошло на юг в поисках новых земель. Кажется, прав В. Н. Берх, который пишет, что Толстых хотел славы, искал действительно новых земель и островов¹. Но не следует забывать и того, что он находился долгое время вместе с купцом В. Шиловым, также известным ревнителем географических открытий, тем самым Шиловым, который вскоре составил «Карту плоскую островам, находящимся по Восточному акеану»². Шилов, один из компаньонов, конечно, настаивал на поисках новых земель и, в частности, земель к югу от Алеутских островов, так называемой таинственной Земли де Гама (ее искал еще Беринг при плавании к Америке).

Проплавав в поисках этих островов два месяца, Толстых не рискнул в начале октября идти к Алеутским островам и направил судно к Петропавловской гавани. 2 октября разразился страшный шторм. Находившийся у Шипунского носа «Петр» был сорван с двух якорей и выброшен на каменную скалу. Из 63 человек осталось в живых только три. Погиб и Андреян Толстых.

Если бы не преждевременная смерть, то, может быть, место Григория Шелихова в истории занял бы на много лет раньше селенгинский купец и мореход Андреян Толстых. Вот почему его именем названы острова в гряде Алеутских островов.

В эти же годы пытались счастья в Восточном океане многие другие отважные мореходы, промышленные, купцы, крестьяне. Некоторые путешествия-плавания подобно плаваниям Неводчикова и Толстых составили определенные вехи, этапы в открытии и исследовании Алеутских островов, а затем Аляски и побережья Северной Америки вплоть до Калифорнии.

Вместе с Басовым, Неводчиковым и Толстых и несколько позже их на восток от Камчатки уходили шитики, ведомые мореходами Иваном Баховым, Никитой Шалауровым, казаком Алексеем Воробьевым, купцом Алексеем Дружининым, казаком Р. Дурневым, купцом Андреем Серебренниковым, мещанином Степаном Готовым, подштурманом Дмитрием Пайковым, казаком Петром Башмаковым, мещанином Степаном Кожевниковым, купцом Евстратом Деларовым, Лукой Наседкиным, подштурманом Афанасием Очерединым (прославившимся при исследовании Курильских островов), купцом Иваном Соловьевым, штурманом Гаврилой Пушкаревым, подштурманом Потапом Зайковым и другими. Все эти плаванья снаряжались компаниями купцов, среди которых были московские купцы Андрей Серебренников, Иван Рыбинский, Иван Никифоров, иркутские — Никифор Трапезников, Протодяконов, Балин,

¹ В. Н. Берх. Хронологическая история открытия Алеутских островов, или продвиги российского купечества. СПб, 1823, с. 77.

² Атлас географических открытий в Сибири и в Северо-Западной Америке в XVII—XVIII вв., под ред. А. В. Ефимова. М., «Наука», 1964, № 153.

Иван Бичевин, лальские — Афанасий Чебаевский, Попов Василий и Попов Иван, ярославские — Федор Жуков, Тынрин, тотемские — Яков Протасов, Григорий и Петр Пановы, Алексей Холодилов, тульские — Семен Красильников, Иван Засыпкин, Афанасий Орехов, якутские — Андрей Всевидов, Новиков, устюжские Бахов, Шалауров, Василий Шилов, соликамский Иван Лапин и многие другие. Некоторые мореходы, как Толстых, Басов, Серебренников, Всевидов, Воробьев, были одновременно и пайщиками компании — компаньонами.

Случаи неудачных промыслов были единичными, чаще купцы и мореходы терпели убытки от кораблекрушений, большинство же таких промысловых походов приносило баснословные прибыли. Характерный пример: два плавания на Алеутские острова казака Р. Дурнева в 1757 году на «Св. Николае» и «Фише» и в 1758 году на «Фише», «Иоанне» и «Петре и Павле» принесли компаниям Трапезникова, Красильникова, Балина, Жукова, Рыбинского и Тырина 718 316 рублей (причем Трапезников вложил свой капитал в три судна, первые же два из них в 1757 году он снарядил самостоятельно). Эти два судна доставили на Камчатку бобров морских и других ценных товаров на сумму 544 168 рублей. Весьма удачным было плавание Потапа Зайкова на судне «Владимир», снаряженном купцами Шиловым, Лапиным и Ореховым в 1779 году; на Камчатку было доставлено морских бобров, котиков, лисиц и моржового клыка на 300 416 рублей¹.

Почти одновременно с Андреяновскими островами были открыты и начали осваиваться Крысьи, Лисьи, Четырехсопочные, Креницына, Шумагинские острова, остров Кадык у побережья Аляски, а затем и сам полуостров Аляска. Русские люди начали осваивать не только острова, прилегающие к Северо-Западной Америке, но и сам материк.

Острова, лежащие к востоку от Ближних островов, впервые увидел мореход Петр Башмаков. Он возглавил судно «Иеремия», которое снарядили московские купцы А. Серебренников и И. Рыбинский и которое вышло в море в 1753 году. Вскоре были обнаружены восемь островов, но пристать к ним из-за сильного ветра не удалось. Продолжая путь, судно подошло к острову Адаг, где и выбросилось на берег 2 сентября. Команда из остатков «Иеремии» сумела выстроить судно, названное «Петр и Павел». На нем путешественники возвратились на Камчатку, но попали намного севернее устья реки Камчатки. Они решили зазимовать на реке Хатырке (а именно туда пристал шитик «Петр и Павел») и летом 1755 года прибыли в Усть-Камчатск.

Уже на следующий год Петр Башмаков на «Петре и Павле», принадлежавшем купцу Андрею Серебренникову, отправился снова в плавание к востоку от Камчатки. Не останавливаясь на Командорах и Ближних островах, он держал курс к тем самым восьми островам, виденным им в первое плавание. На одном из этих островов «Петр и Павел» зимовал. Во время зимовки с судна сбежали 12 промышленников, в поисках

¹ В. Н. Берх. Указ. соч., приложение 1. Ведомость мехам, вывезенным частными компаниями.

которых Максим Лазарев, прикрепленный к Башмакову для сбора ясака, открыл еще восемь островов. К сожалению, история не сохранила названий этих островов, но, не боясь впасть в ошибку, можно утверждать, что промышленники были на Крысьих островах. Возвратившись в 1758 году на Камчатку, промышленники привезли пушнины на 50 355 рублей¹. Одно время эти острова назывались Башмаковскими.

Во время плавания на шитике «Капитон» в 1757—1761 годах Степан Кожевников открыл остров Кыска в группе Крысьих островов. Теперь значительная часть Алеутских островов становилась объектом промысла, освоения для русских мореходов и промышленников. Сначала Командорские острова, затем Ближние, Крысьи, Андреяновские. Все ближе и ближе была Америка.

Следующим важным этапом в открытии Алеутских островов было плавание Степана Глотова на боте «Иулиан», принадлежавшем компании купцов: иркутского — Никифора Трапезникова, московского — Ивана Никифорова и тобольского — Ильи Снигирева, вологодского — Ивана Буренина, яренского — Ивана Томилова, тульского — Семена Красильникова, лальского — Афанасия Чебаевского, вологодского — Василия Кулькова, московского — Егора Сабинина, тотемского — Андрея Титова, тульского — Афанасия Орехова, яренского купца Афанасия Суханова, тотемских купцов Григория и Петра Пановых.

Помощником Глотова стал уроженец Тобольска Иван Соловьев, а для сбора ясака от Нижнекамчатской приказной избы был выделен казак Саввин Пономарев, которому по инструкции было велено следовать в морской вояж «на знаемые и незнаемые морские острова для приводу тамошняго неясашнаго народа в подданство и в платеж ясака...»².

Судно вышло в плавание осенью 2 сентября 1758 года и сразу же попало в жестокий шторм, которым промышленников занесло к Медному острову, где и решено было перезимовать. Во время зимовки готовились к предстоящему плаванию, запасали провизию, промышляя нерп, сивучей; били и морских котиков, песцов. Из остатков от экспедиции Беринга сделали два якоря, так как якоря были потеряны на пути к острову.

1 августа 1759 года «Иулиан» вышел в плавание «между север и восток» и плыл таким курсом месяц. 1 сентября после благополучного плавания судно подошло к острову «между лежащего к полдням того острова камня, на мягкой песок без всякаго от берега судну повреждения, а тот остров называется, по названию тамошних народов, Умнак...»³.

Промышленники провели на острове два года и за это время, кроме промысла, описали близлежащий остров и узнали многое о природе и жителях этих островов. Думается, что лучше будет, если эти первые сведения об островах мы передадим опять же словами мореходов. «От того

¹ Р. В. Макарова. Русские на Тихом океане во второй половине XVIII века. М., 1968, с. 56.

² АВПР, ф. 339, оп. 888, д. 16, л. 9.

³ Там же, л. 10.

острова (Умнака.— А. А.) не далее в разстоянии примером в верстах 15-ти вышеявленной второй остров обширностию больше первого, называемой Уналашки; на оном острове имеется из тех же народов жителей около 300 человек, а точно изчислить и показать за пространностию того острова, к тому же и те люди с острова на остров переезжают часто, никак было невозможно, оный народ, или жители объявляют, что от тех двух островов есть еще дальших, лежащих к востоку восемь островов, из которых на одном есть и лес стоячей... и зверей морских бобров; лисиц чернобурых и бурых, и крестовок, и красных находится на всех тех не мало. А на том острове, на котором лес стоячей, есть и олени, медведи, волки и гарностаи; на всех тех осми островах обитает незнаемой же народ, да имеют таковых же над собою начальников, к коим народам они з двух островов (как сами же они объявляют) ездят походом и между усобные имеют драки, и берут у них пленников, которых при себе и ныне несколько имеют; точию мы со всеми на судне бывшими компанейщиками, как судном, так и байдарою за далностию разстояния туда не ходили»¹.

Но хотя мореходы и не ходили на те острова, они все же сумели по расспросным данным составить их список².

Когда 26 мая 1762 года промышленники отправились с островов на Камчатку, то с ними шел добровольно изъявивший желание племянник тойона острова Умнак Шашука Мушкаль, которого назвали Иваном. Обратный путь был труден, не хватило пищи, «так что последнюю с ног обувь варили и в пищу употребляли»³. Преодолев все трудности, «Иулиан» 31 августа того же года пришел в Нижнекамчатск. Кроме убитого камчадала Уваровского, на островах умер сольвычегодский крестьянин Петр Строганов и утонул камчадал Большерецкого острога Иван Сиццов.

Плавание бота «Иулиан» имеет большое значение в истории исследования Алеутских островов. Не только промысел (тогда очень богатый — 130 150 рублей) был удачен, но поход дал много для науки — приведенные материалы тому доказательство. Пономарев и Глотов впервые сообщили сведения об острове Кадьяке и об Аляске. Большое значение имеет и карта, составленная Петром Шишкиным, на которой впервые была сделана попытка обобщить имеющиеся у русских людей сведения об Алеутских островах.

В свое время В. Н. Берх объявил первооткрывателем Умнака П. Башмакова⁴. И. Вениаминов первым усомнился в этом и высказал мысль, что честь открытия Умнака, а затем и Уналашки принадлежит Степану Глотову⁵. Мнение это утвердилось в историко-географической науке по-

¹ АВГР, ф. 339, оп. 888, д. 16, л. 10 об.

² Там же, лл. 14 об. — 15.

³ Там же, л. 13.

⁴ В. Н. Берх. Указ. соч., приложение 1.

⁵ И. Вениаминов. Записки об островах Уналашкинского отдела. Ч. 1. СПб, 1840, с. 114.

сле того, как П. А. Тихменев написал следующее: «В 1759 году промышленник Глотов, на судне купца Никифорова, достиг о. Умнака, и, вслед за тем открыта вся группа островов до полуострова Аляски, получившая, вероятно, по находившимся на них лисицам, название Лисьих. Некоторые приписывают открытие этих островов командиру судна купца Серебренникова мореходу Башмакову, основываясь на соображении положения Алеутской гряды со сведениями, полученными от этого промышленника; но другие считают весьма сомнительным, чтобы Башмаков был на о. Умнаке или на других Лисьих островах. Поводом к такому сомнению служило то, что с этих островов не вывозилось лисиц до 1762 года, то есть до тех пор, пока Глотов, пробывший на о. Умнаке более 2-х лет, возвратился оттуда с большим количеством шкур этих зверей. К тому же и алеуты рассказывали о Глотове, как о первом посетителе, памятном для них потому, что он окрестил многих из туземцев. Глотов был первым доставившим правительству довольно обстоятельную, по тогдашнему времени, карту тех мест, на которой были означены от о. Уналашки к востоку восемь больших островов»¹.

Вместе с Глотовым и после него эти острова осваивали Дмитрий Пайков, прошедший в 1758—1763 годах вдоль Алеутской гряды до острова Унимак. В 1761 году Бечевин подходил к Аляске и зимовал в Исанохском проливе. В 1762 году добрался до Уналашки Дружинин Алексей со своими товарищами, а затем в 1760—1762 Гавриил Пушкарев на судне «Гавриил» побывал у берегов Аляски. Это уже была материковая Америка.

Прошло всего немногим более двух десятков лет со дня открытия Берингом Командорских островов и нескольких островов Алеутской гряды, как русские люди уже добрались до Аляски и не просто добрались, а промышляли, осваивали Алеутские острова, описывали их, приводили в подданство России местных жителей.

А затем мореходы и промышленники начали осваивать острова, лежащие в Аляскинском заливе. И опять первым был Степан Глотов. Именно он добрался первым до острова Кадьяк, о котором прослышал от местных жителей во время зимовки на Умнаке. На этот раз Глотов командовал судном «Андреян и Наталия», построенным компанией купцов соликамского Ивана Лапина и лальских Василия и Ивана Поповых.

Из Нижнекамчатска Степан Глотов отправился 1 октября 1762 года и через неделю прибыл на остров Медный, где зимовал, запасая по обычаю все необходимое продовольствие и некоторое снаряжение для дальнейшего плавания и промыслов. Продолжив 26 июля 1763 года плавание, судно «Андреян и Наталия» направилось на восток, миновало только что открытые Лисьи острова и 5 сентября 1763 года подошло «к последнему лежащему под ветер восток острову по тамошнему названию Кадьяку»².

¹ П. А. Тихменев. Историческое обозрение образования Российско-Американской компании и действия ее до настоящего времени, Ч. 1, СПб, 1861, с. 3.

² АВПР, ф. 339, оп. 888, д. 20, л. 97 об.

Местные жители, языка которых не понимали взятые с Камчатки толмачи, встретили прибывших иноземцев негостеприимно. В скором времени они предприняли штурм судна, и нападавших удалось отогнать только с помощью огнестрельного оружия. В другой раз кадьякцы решили сжечь судно, но промышленники вовремя заметили приготовления к этому и помешали исполнить задуманное. В октябре жители Кадьяка дважды ходили на штурм промышленников и мореходов, неся перед собой толстые деревянные щиты, но оба раза их атаки были отбиты. Однако понемногу отношения с местными жителями наладились: «Тот неизвестный народ, — сообщал в своем рапорте С. Глотов, — помалу начав приходить для торгу и вымену на бобры, лисицы чернобурые и красные, парки лисьи, бобровые и горностаи и прочие земляные звери, разных цветов корольки»¹. Лед растаял, и некоторые жители даже изъявили желание перейти в русское подданство.

22 мая 1764 года Глотов вывел судно с Кадьяка и направился к Лисьим островам, где в одной из бухт «неизвестного острова» 3 июля стали на якорь и промышляли там ровно два года. 3 июля 1766 года вышли к Камчатке и 13 августа вошли в камчатское устье в четвертом часу дня. Пушнины добыли на сумму 63 000 рублей. Но гораздо более важным оказалось открытие и первоначальное освоение острова Кадьяка, поселение русских людей у западного побережья Северной Америки.

В конце 60-х и начале 70-х годов XVIII столетия состоялось много промысловых экспедиций — плаваний русских промышленников к востоку от Камчатки, на Алеутские острова и к побережью Аляски. Совершали свои плавания суда под командованием таких мореходов, как Иван Соловьев, Лука Вторушин, Иван Коровин, Алексей Сапожников, Степан Черепанов. Доходы от походов на Алеутские острова были немалые и к концу 60-х годов, как свидетельствует Р. В. Макарова, «резко возросли»².

В начале 70-х годов состоялось плавание Ивана Соловьева на судне «Св. Павел» компании Афанасия Орехова, Ивана Лапина и Василия Шилова. До этого Иван Соловьев совершил не одно плавание на Алеуты и зарекомендовал себя превосходным мореходом и руководителем. Он вышел из Охотска 6 сентября 1770 года, вскоре после возвращения из своего первого двухлетнего рейса к Лисьим островам в 1764—1766 годах. Через три недели судно подошло к Первому Курильскому острову, где промышленники зазимовали. Во время зимовки умерли Иван Княжей, Семен Коробов и Иван Коробов.

9 июня 1771 года плавание было продолжено, и 1 июля подошли к Камчатке, «от которой по согласию всей компании и отошел...» и пришел, — как докладывал впоследствии И. Соловьев, — «на Лисичный по тамошнему иноземческому званию Акун остров 2 августа и стал на северной стороне на якорь»³. Здесь простояли до 16 августа, а когда уходили

¹ Р. В. Макарова. Указ. соч., с. 67.

² Там же, с. 70.

³ АВПР, ф. 339, оп. 888, д. 22, л. 182.

в поисках лучшего места, то взяли в провожатые до острова Акутана той-она Чагувяка и четырех переводчиков.

Через три дня судно было у острова Саннах, «который состоит на полуденной стороне восточного носу Унимаку, а западнаго — Алакши против пролива Исаннаку, например, верстах во сте»¹. Остров оказался не-большим (45 на 8 верст) и безлюдным. Решили обойти его на байдарках. «И не доезжав восточного носу ехали полуденной стороной, где и виден был выписанной болшей островок, так же и других маленьких подводных в море лежащих ланд и явных камня чрезвычайно много и места от-мелья и опасныя, и едучи, на некоем маленьком островку видны были лю-ди»². Судно вытащили на берег и стали готовиться к промыслам, разде-лив промышленников на три артели. Вскоре артели начали промысел. Между прочим, у местных жителей видели медный котел и несколько же-лезных ножей. Они сказали, что купили их у аляскинских иноземцев, а где те достали, — не знают.

«И с того времени, — писал И. Соловьев, — начала быть большая опас-ность, не смели от гавани отлучатца ни за каким промыслом, так же и в кормовых припасах были болшия недостатки, жиру и рыбы тогда взять было негде, а охоцкие припасы... все издержаны, и в том как от невыпуску под опасением иноземцев и от недостатка зделались многне одержимы цынготною болезнию, и чрез оную бытность в цынге и других болезнях по воли божий померло в разныя числа пятнадцать человек»³ — из Иркутска, Якутска, Тобольска, Яренска, Усть-Юга и других мест не-сбытой матушки-России. Итого, из 71 человека, отправившегося в пла-вание, по прошествии двух лет осталось 53.

На месте И. Соловьев, несмотря на все меры, достать продуктов не мог. Тогда он на трех байдарках отправил 30 человек на Аляску, которые, возвратившись 9 июня, сообщили, что по пути туда видели много остро-вов, один из которых назвали Оленьим. Отсюда продолжали идти вперед и прибыли «на Алакшу, например, верст с 50⁴ и по прибытии на оное ока-залось мысом и от того лежащей губе, на которой Алакше леса, сланцы, олховники, звери зимняя лисицы, олени, медведи, выдры, волки, евраш-ки, русския бобры... да на том же мысу несколько в губе на хребтах вид-на была сопка посредственной вышины окатистая, ис которой идет дым». Кругом виднелись небольшие острова, разделенные узкими и мелкими проливами, «да виден был под востоком от тех, остров же, которой ка-зался немалым и от тех в разстоянии верстах 70, на коем видны были не очень высокие со снегом хрепты, и на оном не были»⁵.

Иван Соловьев вынужден был уходить с острова Саннах «обратно на-какия ни есть острова». 3 июля пришли к острову Уникак, но ветер по-мешал здесь высадиться. На следующий день оказались у острова Акун,

¹ АВПР, ф. 339, оп. 888, д. 22, л. 182.

² Там же, л. 182 об. — 183.

³ Там же, л. 187.

⁴ То есть от острова Оленьего до Алакши примерно 50 верст.

⁵ АВПР, ф. 339, оп. 888, д. 22, л. 188 об. — 189 об.

откуда отправили две байдары для осмотра островов Агутанка, Кигалка, Угамак — до Унимака с целью разведки промысловых мест. При этом выяснилось, что ничего подходящего тут нет. Тогда и пошли к острову Уналашка, где и стали на зимовку. На этом острове и промышляли до лета 1775 года. 21 мая направились в обратный путь. На первом Курильском острове останавливались и 16 июля прибыли в Охотский порт, привезя пушнины на 137 445 рублей. Домой возвратился 41 человек.

В эти же годы состоялись и другие промышленные экспедиции, но рассказать обо всех просто невозможно. Можно лишь отметить, что с 1756 по 1780 год состоялось 48 таких экспедиций, в результате которых были открыты, частично описаны и нанесены на карту острова Алеутской гряды, а также южное побережье Аляски и остров Кадьяк. Жители этих островов приведены в русское подданство. Плавания на острова и в Америку стали привычным делом.

* ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Правительственные экспедиции

В результате плаваний В. И. Беринга и А. И. Чирикова стало известно, как писал М. В. Ломоносов, что «Америка против Камчатки лежащая начинается островами, каков есть Берингов и его соседственные, и потому не без основания утвердить можно, что виденные места, мимо коих шли помянутые мореплаватели, суть острова и составляют Архипелаг»¹. Последующие плавания подтвердили высказывание великого ученого.

Сведения об этих плаваниях, о новых открытиях в Тихом океане, о богатых промыслах на Курильских и Алеутских островах становились достоянием сибирской администрации. Сибирские же губернаторы того времени Д. И. Чичерин, В. А. Мятлев и Ф. И. Соимонов не только посылали подробные отчеты Екатерине II о походах промышленников и купцов, но и сами всемерно помогали развитию промыслов и освоению приобретенных земель и островов.

Движение русских к Америке осуществлялось в XVIII веке в двух направлениях: по Алеутской гряде и через Берингов пролив. Наиболее интенсивно обозначилось в истории первое направление, несмотря на то, что впервые Гвоздев и Федоров подошли к Америке в 1732 году именно в районе Берингова пролива и раньше, чем это было сделано Берингом и Чириковым. Объясняется это тем, что алеутский путь приносил боль-

¹ М. В. Ломоносов. Краткое описание разных путешествий по северным морям и показание возможного проходу Сибирским океаном в Восточную Индию. — В кн.: Проект Ломоносова и экспедиция Чичагова. СПб, 1854, с. 65.

ше доходов промышленникам и, несмотря на большие трудности мореплавания, осваивать его было все-таки легче из-за в общем доброжелательного отношения местных жителей к мореходам и промышленникам. Второй путь, через Берингов пролив, таил в себе множество не только природных опасностей, но и был связан с проблемой «немирных чукоч».

Сибири в те годы везло на губернаторов. С 1753 по 1757 год губернатором Сибири был вице-адмирал Василий Алексеевич Мятлев, передавший эстафету замечательному ученому, гидрографу, моряку и выдающемуся государственному деятелю, воспитаннику петровской школы и его сподвижнику Федору Ивановичу Соймонову, который занимал эту должность до 1763 года. С 1763 года Сибирским губернатором стал также один из выдающихся деятелей екатерининской эпохи Денис Иванович Чичерин. Особенно много потрудился для развития Сибири вообще и для распространения русского мореплавания в Северном Ледовитом и Восточном океанах Ф. И. Соймонов.

По его распоряжениям была снаряжена экспедиция в район Берингова пролива под руководством И. Б. Синдта; он всемерно поддерживал неоднократные попытки Н. П. Шалаурова и Ф. Вертлюгова совершить плавание по пути С. Дежнева и Ф. Алексеева; он принимал самое живое участие в разработке инструкций для купцов, снаряжавших боты и шитики в плавание по Берингову морю и Тихому океану; он же требовал от них не только отчетов о промыслах, не только отчета о собранном ясаке и приведенных в подданство России людях, но также и карт и описаний посещенных мест. Ф. И. Соймонов сам беседовал со многими мореходами и купцами, побывавшими на островах.

Он выступил инициатором сбора сведений о Чукотке, Беринговом проливе, Северной Америке, Северном Ледовитом океане. Благодаря этому получили известность путешествия сержанта С. Андреева, «сказки» казаков, ходивших с Д. И. Павлуцким по Чукотке, «сказка» Бориса Афанасьева Кузнецкого, жившего в плену у чукочей, расспросные речи чукотской девки Иттени о Большой Земле — Америке, чулки Хешгигита и другие замечательные документы. К ним же, несомненно, нужно отнести карты Н. И. Дауркина и его рассказы о пребывании на Чукотке, сведения о Северной Америке, документы, связанные с деятельностью сотника Ивана Кобелева.

Но наибольший интерес для сибирских губернаторов представляли все же известия с Камчатки, откуда в основном уходили в плавание к Алеутским островам и берегам Америки промышленники, казаки и мореходы. Еще в 1759 году известному ученому-собирателю Т. И. Шмалеву они предложили собрать сведения, «чьи именно купеческие и прочие партикулярные суда в морской вояж отпусканы были, по каким указам и наставлениям, давно ль возвратились, где были и что видели и описали, и какие с собой вновь сысканные вещи вывезли»¹. Как извест-

¹ Л. А. Гольденберг. Федор Иванович Соймонов. М., 1966, с. 163.

но, Т. И. Шмалев охотно откликнулся на это предложение и составил «Ведомость, учиненную в Камчатской Большерецкой канцелярии об отпущенных в море судах, сколько оных с прошлых с 745 по 760 год имелось в отпуске в морские вояжи», а затем и «Продолжение описаний купеческих походов с 1775 по 1781 год»¹.

Однако не следует думать, что только сибирские губернаторы проявляли инициативу в американских делах. Конечно, они докладывали правительству о плаваниях, но интересна и реакция правительства. Уже 28 июня 1749 года, — передает Р. В. Макарова, — когда в Петербурге стало известно об открытии М. Неводчиковым трех Ближних Алеутских островов, сибирскому губернатору был послан указ с предписанием выяснить у вывезенного с этих островов «иноземца» следующие вопросы: «Те острова в чьем подданстве, или каждой имеет особого владельца и какого имянно, какую дань платят или властвуют обще собою без владельцев, и какого те народы праву и закону, и сколько которой велик и многолюден, и какое оружие имеют, и каким изобилием пользуются, и с кем собственными землями и островами коммерцию и купечество имеют, и есть ли какие знатные и многочисленные минералы и звери и о прочем, что через ево взять можно»².

С тех пор как в Петербурге были получены первые известия об открытии Алеутских островов и о промыслах на них промышленников и мореходов, русское правительство не оставляло без внимания эти вопросы и постоянно запрашивало сибирских губернаторов. Те с большим старанием собирали сведения, анализировали их и посылали в Петербург. В 1761 году 6 марта Ф. И. Соймонов по случаю посещения русскими купцами Курильских островов сообщал правительствующему сенату следующее и об Алеутских островах, имея в виду трудности сбора необходимых сведений: «... из всего вышепоказанного высокоправительствующей сенат соизволит милостиво усмотреть, что о предписанных островах (Курильские. — А. А.) из Охоцка такой ответ прислан, которой Охоцкой канцелярии главному командиру весьма предосудителен, то есть, как возможно, за оправдание почесть то, что Охоцкой канцелярии прежней командир (1) имел главную команду над Большерецкою канцеляриею пишет, что от оной не толко о том едином судне (имеется в виду плавание П. Башмакова в 1756—1758 годах. — А. А.), но и о прочих никакова известия не имеет... а дабы такое и тому подобное впредь происходить не могло, то ныне вновь определенному главному Охоцкому командиру, флота капитану Ртищеву (Василий Алексеевич — участник экспедиции М. П. Шпанберга. — А. А.) накрепчайше подтверждено. Чтоб не только о том судне, но и о всех сколько их в отпуску на промысле ни бывало: 1. Чьи суда, 2. По сколько людей, 3. С которых чисел отпущены, 4. Куда ходили и что где видели, 5. И с какими промыслами

¹ А. И. Алексеев. Братья Шмалева. Магадан, 1958, с. 72.

² Р. В. Макарова. Указ. соч., с. 137.

возвращались, 6. Сколко с кого десятой части взято, и по каким указам, 7. Куда и когда во отпуск, 8. Ныне сколко таких судов при портах или вояжах, с которых чисел и куда иттить позволение дано было, равным же образом и впредь как в отправляющихся судах в морския вояжи для промыслов какое судно и куда в коликом числе людей русских и камчадалов отправитца, а напротиву того когда из вояжу возвратитца и с каким промыслом, где были и что видели брав обстоятельныя скаски с первою оказиею ко мне присылать, а для лутчего знания и примечания отправлять из находящихся при Охотском порте из штурманских учеников по одному, которых содержать на коште тех промышленников и об описании и примечании всего того, что на тех землях найдено будет, давать полное наставление, и с тех их журналов присылать точные копии...»¹

В результате принятых правительством и сибирским губернатором Ф. И. Соимоновым мер значительно увеличился пушной промысел на Алеутских островах, возросло число промышленников и появились новые купеческие компании, возникли постоянные связи с местными жителями, которые в большинстве своем приводились в подданство России и платили ясак, появились первые карты и описания островов. Правительство с середины 60-х годов стало систематически оказывать денежную помощь компаниям промышленников. Иными словами, оно держало под своим контролем «новоприобретенные» острова и земли.

В 1764 году новый губернатор Сибири Д. И. Чичерин, отправляя донесение о новых открытиях С. Глотова и С. Пономарева, ходатайствовал о более точном определении новооткрытых земель². Он писал о необходимости «назначать на промысловыя суда морских офицеров, которые ни в чем не препятствуя производству промыслов и не принимая команды над судами, вели бы только обстоятельныя журналы и описания путешествий»³.

Заинтересовался Алеутскими островами и М. В. Ломоносов. В 1763 году он обратился к малолетнему наследнику царского престола Павлу, считавшемуся генерал-адмиралом, с «Письмом о северном ходу в Ост-Индию Сибирским океаном». По мысли Ломоносова, можно было в высоких широтах пройти Северным морским путем к Камчатке и выйти через Берингов пролив в Тихий океан. Морская комиссия, в составе которой находился и основоположник русской научной гидрографии и

¹ АВГР, ф. 339, оп. 888, д. 7, лл. 50 об. — 51.

² «Российское купечество, которым именной список при сем подношу, сочиня компанию и отправили поверенных и работников в Камчатку, где построили бот своим коштом, назвав ево св. Улиан, день того святого как спущен был на воду. Отпустили в сороке дву человеках к востоку чрез Командорской и Медной описанные капитаном Берингом острова для изыскания неизвестных мест. И в том вояже продолжались до прошедшаго 1763 года до августа м-ца... По возвращении их в Болшереецкой канцелярии объявили доношением, что они будучи в том вояже чрез четыре года изыскали неизвестные острова называемые Уналакша и Умнак» (АВГР, ф. 339, оп. 888, д. 16, л. 6).

³ П. А. Тихменев. Указ. соч., с. 4—5.

морской картографии адмирал А. И. Нагаев¹, согласилась с некоторыми оговорками с его доводами.

4 мая 1764 года Екатерина дала Адмиралтейств-коллегии указ: «Недавно полученные известия из Сибири от губернатора Чичерина уведомляют нас о преполозном открытии донныне неизвестных разных островов. Которое все де плоды употребленного труда, и положеннаго немалого иждивения прошедшей Камчатской экспедиции почесть должно. Но как оное обретенне сделано людьми морскаго знания и науки не имеющими², которых описании и примечании не столь достаточны, чтоб всю могущую пользу приобрести можно было, чево для прилога при сем все ныне оттуда полученныя известия, повелеваем нашей Адмиралтейской коллегии, по представлению губернатора Чичерина исполнить, отправя немедленно туда по своему разсуждению, сколько надобно офицеров и штурманов, поруча над оными команду старшему котораго бы знание в морской науке и прилежание к оной известно было»³.

В развитие данного указа Адмиралтейств-коллегия назначила начальником секретной экспедиции Петра Кузьмича Креницына и его помощника Михаила Дмитриевича Левашова и составила подробнейшую инструкцию. По первоначальному плану предполагалось, что офицеры сядут на промышленные купеческие суда и, не мешая промыслу, будут вести научные наблюдения. В инструкции записано было буквально следующее: «Тогда для желаемого успеху очень надобно будет ему (Креницыну.— А. А.) по тем торговым судам разпоряжение таким образом зделать. А имянно из тех судов самому ему сесть на одно судно. А капитан-лейтенанту Левашову на другое; из штурманов или подштурманов ему себе взять и Левашову дать по два человека на судно. Затем достальных штурманов и подштурманов разпределить на торговья ж суда, чтоб на каждом было по человеку, на сколько судов оных станет. Оное ево Креницына и подчиненных ево по судам разпоряжение состоять будет не для того, чтобы над теми судами и будущими на них людьми иметь какую команду, но токмо для единого порядочного и прилежного во всех путях счисления, и всех приключений наблюдений, и примечания надлежащих к описи окрестностей, чему и те промышленники противны быть не могут, ибо в том их самих целость, а может быть и совершенное избавление от погубления состоит. Однако накрепко ему подтверждается, чтоб он Креницын и команда ево отнюдь ни в какие разпорядки оных судовщиков и промышленников ни под каким видом не вступали. И на их судах (кроме помянутого оособо порученного ему дела) не инако как пассажиры»⁴.

¹ А. И. Алексеев. Адмирал Нагаев. Магадан, 1959.

² Д. И. Чичерин написал в представлении: «Благословением божим всемилостивейшая государыня сей до ныне скрытой талант подданным вашего императорского величества выходит на театр чрез самых простых и неученых людей» (АВПР, ф. 339, оп. 888, л. 16, л. 8).

³ АВПР, ф. 339, оп. 888, л. 16, л. 5.

⁴ Там же, л. 15, лл. 5—6.

Далее Креницыну рекомендовалось взять с собой С. Пономарева, описать все Алеутские острова до островов Умнака и Уналашки и «разведать им от жителей о пространстве моря к северу, к полудню и к западу от них лежащего, нет ли на нем в близости от Умнака Большой Земли или еще неизвестных островов, и не имеют ли умнацкие жители с жителями тех земель какова-нибудь знакомства и сообщения»¹.

Инструкция была подписана 16 июня 1764 года С. Мордвиновым, И. Чернышевым, А. Нагаевым и И. Демидовым. Но поскольку в это же время вышел указ об экспедиции под начальством В. Я. Чичагова, назначенной в соответствии с проектом М. В. Ломоносова, то решено было дополнить инструкцию П. К. Креницыну пунктами на случай встречи с экспедицией Чичагова. Как известно², в результате двух попыток Чичагову не удалось пройти к востоку от Шпицбергена, и на этом плавание его закончилось. Дополнительная инструкция Креницыну в связи с этим осталась невыполненной. Как мы увидим далее, пришлось Креницыну отступить и от основной инструкции, когда он появился в Охотском порту и на Камчатке.

Для Креницына были приготовлены выписки из плаваний Беринга и Чирикова и карты Елагина (1741 год) о плавании Чирикова, карта о плавании Беринга, карта Петра Шишкина (1762 год), карта «Северовосточной стороны Сибирских городов Иркутской губернии и Японских островов» Филиппа Вертлюгова, «Карта морей арктических с приложением новообретенных островов на Камчатском море» (вероятно, Ф. И. Соймонова).

В соответствии с указом П. Креницын и М. Левашов³, назначенный помощником начальника экспедиции, выбрали штурманов и основных специалистов. 16 июня 1764 года Адмиралтейств-коллегия утвердила следующий состав: капитан 2-го ранга Петр Кузьмич Креницын, капитан-лейтенант Михаил Дмитриевич Левашов, штурманы прапорщичьего ранга Афанасий Андреевич Дудин-большой, Афанасий Иванович Дудин-меньший, Яков Иванович Шабанов, Михаил Федорович Крашениников, штурманы Сергей Кузьмич Чиненов, Александр Артемьевич Степанов, Иван Никитьевич Срылов, подштурманы Конон Дмитриевич Ларионов, Петр Михайлович Страхов, квартирмейстеры Родион Иванович Абрамовский, Кирилл Иванович Лошкарев, Евдоким Иванович Иванов, Егор Агафонович Моторный, капрал Иван Леонтьевич Шипицын⁴. В эти чины участники экспедиции были произведены перед отправлением в экспедицию. Всего 16 человек должно было ехать до Тобольска. Там Д. И. Чичерин дал дополнительную инструкцию Креницыну.

В Тобольск прибыли 17 сентября 1764 года. Чичерин вручил Креницыну секретную инструкцию, в которой подробно излагалось, что над-

¹ АВПР, ф. 339, оп. 888, д. 15, л. 20.

² См., например, В. А. Перевалов. Ломоносов и Арктика. М., 1949.

³ П. К. Креницын родился в 1728 году в Псковской губернии, а М. Д. Левашов в 1738 году.

⁴ И. В. Глушанков. Секретная экспедиция. Магадан, 1972, с. 52.

лежит делать на Алеутских островах. Адмиралтейств-коллегия, предусматривая неудобство использования промышленных судов для научных наблюдений и исследований, предлагала и такой вариант, как организация на месте морской экспедиции, если предоставится возможность нанять промышленные суда или использовать казенные в Охотске или на Камчатке.

Сибирский губернатор дополнил инструкцию своими замечаниями и рекомендациями. Среди этих дополнений важное место занимает его предложение организовать самостоятельную экспедицию по исследованию Алеутских островов, а не идти в море вместе с промышленниками. Губернатор рекомендовал также привлечь к экспедиции промышленников, уже побывавших на островах, и взять из Иркутска из навигацкой школы девять учеников, предварительно их проэкзаменовав.

15 февраля из Тобольска выехала партия Левашова, а 5 марта 1765 года отправился и Креницын. В Иркутске был организован сплав от Качуга по Лене. По этой могучей реке основной состав экспедиции спустился до Якутска. Пополнив экспедицию 30 казаками, Креницын направился в Охотск, куда и прибыл в конце октября 1765 года. В инструкции Д. И. Чичерина было написано: «За главнейшее основание порученной вам экспедиции поставляю несколько уже известных, сысканных купцами Алеутских островов, основательное описание и положение оных на карту сделать, а особливо большого и многолюдного острова Кадьяк; приложив всевозможное старание, обходя его вокруг описать весьма нужно: остров то или матерая земля, ибо на показании бывших на том острове наших людей, утвердиться не можно»¹.

Охотские власти предоставили в распоряжение экспедиции все средства и в том числе строившиеся на охотских верфях бригантину и гукор. В конце августа 1766 года подготовка экспедиции была завершена. Все это было снаряжено четыре судна: вновь выстроенные — бригантина «Св. Екатерина» (73 человека, командир — начальник экспедиции П. К. Креницын), гукор «Св. Павел» (53 человека, командир М. Д. Левашов) и два имевшихся в порту — галиот «Св. Павел» (командир А. И. Дудин-меньший и 44 человека команды), бот «Св. Гавриил» (22 человека под командой А. А. Дудина-большого).

Плавание по Охотскому морю было несчастливym. Вышли из Охотска 10 октября и вскоре потеряли друг друга из виду. Всем им не удалось благополучно подойти к Камчатке: осенние охотские штормы сделали свое дело. «Св. Екатерину» в ночь на 25 октября море выбросило в 25 верстах выше Большерецка. Команда с большим трудом перебралась на берег. Гукор «Св. Павел» сумел войти в устье реки Большой, но вынужден был также выброситься на берег, так как лопнули оба якорных каната. «Св. Гавриила» постигла та же участь, что и гукор «Св. Павел».

¹ А. П. Соколов. Экспедиция к Алеутским островам капитанов Креницына и Левашова. Записки Гидрографического департамента. Ч. X. 1852, с. 78—79.

Самая же интересная судьба у галиота «Св. Павел». Он был вынесен в Тихий океан через Первый Курильский пролив, и его около месяца носило по океану. 21 ноября галиот сумел подойти к Авачинской губе, но из-за встречного ветра принужден был стать на два якоря. 24 ноября из Авачинского острога приезжал к судну на байдаре казак Василий Усов. А. И. Дудин послал его за пресной водой, которую тот и привез. Тогда Дудин приказал ему немедленно идти в Петропавловск и собрать побольше байдар, чтобы отбуксировать галиот в бухту.

Но пока тот выполнял поручение, поднялся шквалистый ветер, началась подвижка льда, лопнул один якорный канат и галиот начал дрейфовать. Пришлось уходить в море. Галиот более месяца носило в океане. Кончились запасы продуктов и пресной воды, четверо умерло и один погиб, да и все остальные считали себя обреченными. И вот 9 января 1767 года неожиданно увидели землю, а еще через какое-то время галиот бился о каменные скалы,

Всем удалось выбраться на кекур. Казалось, спасение уже совсем близко, но нахлынувшая океанская волна смыла большую часть только что перебравшихся с гибнущего судна измученных людей. Теперь им уже ничем нельзя было помочь. Оставшиеся в живых, чудом уцелевшие 13 человек, были спасены местными жителями¹. Галиот выбросило на седьмой Курильский остров, жители которого сначала приютили потерпевших крушение, в конце мая перевезли их на байдарках на второй остров, а 3 августа 1767 года доставили на Камчатку.

Неудачи не сломили воли руководителей экспедиции. В Большерецке приготовили к дальнейшему плаванию гукор «Св. Павел» и бот «Св. Гавриил». 17 августа 1767 года суда вышли из Большерецка и, обогнув Камчатку, 8 сентября прибыли в Нижнекамчатск. По пути выяснилось, что бот «Св. Гавриил» дал течь: он был старой постройки и для дальнего плавания непригоден. Креницын воспользовался галиотом «Св. Екатерина», оставшимся здесь после плавания к Беринговому проливу И. Б. Синдта.

¹ Из рапорта А. И. Дудина П. К. Креницыну от 3 августа 1767 года: «Список служителям прибывшим со мною: штурман ранга ундер офицерской Иван Смалев, штурманской ученик Алексей Шабалин, за квартирмейстера казак Никита Дурынин, салдат Дмитрий Малцов, за матроз казаки: Василей Тарабыкин, Егор Шелудяков, Семен Мясников, Дмитрий Новиков, Иван Новиков, Федор Яцкой, Иван Корякин, промышленной Леонтей Дружинин. Итого 12 человек. В море померли своею смертию: штурман ундер афицерскаго ранга Александр Степанов, казаки — Никифор Пастухов, Михайло Соловаров, Гаврила Колесников. С судна валом сшибло и утонул Михайло Касимов. При разбитии судна сошедшия на кекур прибывшею водою потоплены: штурманские ученики Михайло Моршинцов, Иван Еремин, Алексей Плотников, квартирмейстер Андрей Жданов, за камисара сын боярской Андрей Климовской, за матрозов казаки: Василей Данилов, Петр Пушкарев, Афонасей Сургуцкой, Василей Калинин, Алексей Данилов, Иван Попов, Василей Чеботнягин, Михайло Пинегин, Михайло Брусенин, Михайло Луковцов, Афонасей Хлепятин, Алексей Новгородов, Леонтей Дьяконов, Максим Ремязов, Алексей Турбин, Еким Корякин, Федор Новиков, Иван Дранишников, Никифор Олесов, промышленной Петр Анфилатов» (АВПР, ф. 339, оп. 888, д. 16, лл. 64 об. — 65).

Зима в Нижнекамчатске ушла на ремонт судов, подготовку экспедиции к дальнему вояжу. Особое внимание руководители экспедиции уделили расспросам промышленников и мореходов, уже побывавших на Алеутских островах. Незадолго до выхода в море, 27 июня 1768 года, П. К. Креницын сообщал в Адмиралтейств-коллегию: «...в бытность мою в Нижнекамчатском остроге 9-го того ж сентября 767-го года бывшая наперед сего во открытом море для сыскания незнаемых островов и на них живущих народов к промыслу зверей промышленныя разных городов люди... скаскою мне показали... что до Умнака и Уналашки вскоре дойти не можно, а на Ближних островах гаваней нет и дабы в такое глубочайшее осеннее время случившимися противными ветрами куда на остров незнаемой те суда занести и повредить не могло, то к непотерянию их и всего высочайшаго ея императарскаго величества интереса по общему консилиуму я со всею командою зимовал в Нижнекамчатском остроге, а отколе выехал и нахожусь на устье реки Камчатки...»¹

Но и весной 1768 года экспедиции не удалось сразу выйти в море. Дело все было в том, что на устье реки Камчатки намыло большую песчаную мель, через которую не могли пройти тяжело нагруженные суда экспедиции. Выход был один: ждать, пока поднимется уровень воды в устье реки, так как разгружать суда и снова нагружать их на открытом рейде байдарами было очень опасно. Только 23 июля 1768 года галиот «Св. Екатерина» и гукор «Св. Павел» сумели выйти в море. На галиоте под командой Креницына было 75 человек, а на гукоре под командой Левашова — 65. Из промышленников в экспедицию отправлялись Степан Гаврилович Глотов, Петр Акимович Анфилатов, Никифор Михайлович Новоселов, Алексей Иванович Безруков, Леонтий Иванович Дружинин, Василий Данилович Штинников, Иван Трофимович Шеинов, Михаил Алексеевич Лебедев, Гавриил Гаврилович Пушкарев, Михаил Михайлович Авдеев, Алексей Иванович Дружинин, Дмитрий Афанасьевич Панков, Алексей Леонтьевич Хомяков, Алексей Иванович Удачин, Иван Максимович Соловьев².

28 июля пришли на видимость Берингова острова, куда послали людей за пресной водой, после чего 30-го числа прошли проливом, разделяющим остров Беринга и остров Медный, в котором встретили промышленников купца Трапезникова.

Между тем погода все чаще начинала портиться, и после трехнедельного плавания суда в тумане разлучились и дальнейший путь совершили самостоятельно. «Св. Екатерина» подошла к Алеутским островам 14 августа, и моряки опознали Андреяновские острова, затем описывали Четырехсопочные острова, а 21 августа вошли в пролив между островами Умнак и Уналашка. Тут впервые встретились с местным населением, которое отнеслось к пришельцам настороженно.

На следующий день, 22 августа, к галиоту пришла байдара с алеутом с Уналашки, который сообщил, что он прислан с острова Кадьяк от

¹ АВГР, ф. 339, оп. 888, д. 16, лл. 66—67.

² И. В. Глушанков. Секретная экспедиция. Магадан, 1972, с. 88.

промышленников судна купцов Лапина и Шилова, там зимовавших. В этот же день появился и гукор под командой М. Д. Левашова. За время разлуки «Св. Павел» прошел вдоль Алеутской гряды, пеленговал попадавшиеся острова, моряки отмечали различные явления, а 21 августа подошли к большому острову, в котором бывавшие здесь промышленники опознали Уналашку. И снова некоторое время суда плавали вместе.

Во время стоянки у Уналашки А. И. Дудин ходил на байдарке на берег за пресной водой и свои впечатления от встречи с местными жителями описал следующим образом: «Сего острова жители росту больше среднего, плотны и жиливаты, лица круглы, похожи на сибирских якутов только скулы не имеют, глаза черные средние и быстрые, волосы черные на теме выстрижены... а на затылке до плеч волосы подстрижены. В нижнюю губу вставляют сделанные из белого плотного камня два плоских прямых зуба... одежду носят камлеи длинные и птичьи парки (камлея — одежда из кишок морского зверя, надевается поверх меховой в дождливую погоду, а парка — верхняя меховая одежда, мехом вверх. — А. А.). На голове носят тонко выделанные деревянные шапки без верху и без тульи, наперед с длинным книзу загнутым козырьком. Верх шапки расписан черной, красной, зеленой и белой простой краскою и утыкан длинными тонкими сиучьими усами, по концам надеты корольки, а местами перьями вороньими и чайчьими... ходят без рубах в одних только парках и босиком с такой удобностью ходят по камням и щебню как по хорошей дороге. Юрты летние до половины врыты в землю, верх покрыт травой...»¹

За время недолгого совместного плавания экипажи «Св. Екатерины» и «Св. Павла» прошли и частично описали острова Уналга, Акутан, Акун, некоторую часть побережья Аляски («Алякса», или «Алахшак»), открыли остров Моржовый, откуда повернули на юг и вскоре подошли к острову Унимаку, первые сведения о котором принес Дмитрий Афанасьевич Панков, а чуть раньше сообщал и известный Глотов, побывавший на Уналашке. Участники экспедиции нанесли Унимака на карту, после чего Креницын решил следовать к острову Кадьяк Исанокским проливом, но шедший впереди «Св. Павел» сел на мель. Пришлось разгрузиться на берег, а затем нагрывать все снова.

На состоявшемся 31 августа консилиуме Креницын высказался за необходимость срочно подыскивать место для зимовки. Четыре байдары осматривали ближайшие побережья Аляски и Унимака, но ничего подходящего разыскать не могли. Тогда суда направились на запад и во время тумана к северу от Унимака снова потеряли друг друга — теперь уже до конца экспедиции. После долгих поисков Креницын решил стать на зимовку в заливе на юго-восточном побережье острова Унимака в Исанокском проливе. 14 сентября судно стало там на зимовку.

После того как были устроены земляные юрты, начались исследовательские работы: описывали остров Унимака, близлежащие острова и по-

¹ Цит. по кн.: И. В. Глушанков. Секретная экспедиция. Магадан, 1972, с. 98.

луостров Аляску. Особенно много потрудился отряд штурмана Михаила Крашенинникова в составе 38 человек при участии мореходов Глотова и Лисенкова. Плавая на трех байдарках, мореходы описали побережье Аляски на расстоянии 150 верст. Печальным было то обстоятельство, что не удалось завязать отношения с местными жителями: неоднократно мореходы встречали их жилища, но селения были пустыми — при приближении русских жители уходили отсюда.

Отношения с местными жителями так и не улучшились в течение всей зимовки. Это привело к трагическим последствиям, так как отсутствие свежей пищи, которую можно было достать только у алеутов, вызвало острую вспышку цинги. Болезнь начала свирепствовать после нового, 1769 года, когда в конце января больных было уже 22 человека. И хотя со временем удалось немного наладить отношения с местными жителями и те изредка привозили мясо убитых сивучей, но этого было далеко недостаточно. Скоро люди начали умирать: в январе умерло 3, в марте — 9 человек, а в апреле только 20 человек могли выходить на работу. 11 апреля скончался штурман А. А. Дудин, 23 апреля штурман С. К. Чиненов, а 5 мая — С. Г. Гловот и Н. М. Новоселов — отважные мореходы, первооткрыватели Алеутских островов.

10 мая неожиданно получили через алеутов письмо от М. Д. Левашова с острова Уналашка. Из него выяснилось, что, прождав неделю на месте разлуки с Креницыным, Левашов направился к острову Уналашка, где и выбрал подходящую бухту для зимовки. К его великой радости с самого начала между моряками и алеутами установились очень хорошие дружеские отношения, что благоприятным образом сказалось на исходе зимовки. Цинга хотя и появилась, но не приняла таких размеров, как у Креницына, а свободное обращение с алеутами помогло узнать многое о них. Левашов написал записки: «О промысле российских людей на острове Уналашке разных родов лисиц», «Описание острова Уналашки», «О жителях того острова», «О ясаке», составил вместе со штурманами карту гавани, где стояло судно, и сделал множество уникальных зарисовок из жизни алеутов.

Пользуясь расположением алеутов, Левашов уговорил одного из тойонов съездить на остров Уникама и проведать, не зимует ли там русское судно. Жители Уникама и близлежащих островов не пропустили посланцев Левашова, но тем не менее всем стало ясно, что русское судно зимует где-то на Уникаме. Тогда-то Левашов и послал письмо Креницыну, а 21 мая получил от него ответ, сильно всех опечаливший.

Известие о 31 умершем и значительном числе больных у Креницына заставило Левашова поторопиться с выходом в море. За время зимовки у него умерло только три человека и двое пропали без вести. 1 июня гукор покинул стоянку, а на берегу был поставлен крест с надписью: «С 1768 г на 1769 г зимовал здесь с судном флота капитан-лейтенант Левашов». Уже 6 июня увидели галиот «Св. Екатерина», а 7-го числа произошла долгожданная встреча. Некоторое время ушло на то, чтобы по-

мочь команде Креницына подготовиться к выходу в море, к выходу на Камчатку, так как на консилиуме было решено исследовательских работ не продолжать.

22 июня суда снялись с якоря и, выйдя из Исаноцкого пролива, взяли курс на запад мимо южной стороны Унимака, Уналашки, Умнака. 29 июня суда снова разлучились в густом тумане и продолжали свой путь до Камчатки самостоятельно. Креницын пришел в устье реки Камчатки 30 июня, а Левашов 27 августа¹. Зиму экспедиция провела в Нижнекамчатске «за неимением провианта и других харчевых припасов, тамож и за слабостию служителей здоровья»². И все-таки к лету 1770 года суда были готовы отправиться в Охотск. И тут произошло непредвиденное.

4 июля 1770 года П. К. Креницын (теперь уже капитан 1-го ранга, произведен 4 июня 1769 года) выехал в исходе первого часа на лодке-однодеревке из Нижнекамчатска к тому месту, где стояла «Св. Екатерина», для осмотра судна перед выходом в море. Вместе с ним были казаки Семен Каюков — на носу лодки, Василий Сизов — на корме, Иван Черепанов, алеут, стоял сзади Креницына и греб. Четвертый казак, Михаил Замятин, был послан за травой, но что-то замешкался и остался на берегу. Возвращаясь назад, он видел, что лодка перевернулась, «а его высокоблагородия (Креницын.—А. А.) только одну голову по бровей и руками раза з два кверху бултыхающего и потом опустился вниз»³. Вместе с Креницыным утонул и Иван Черепанов. Каюков и Сизов сумели выбраться на берег. Так неожиданно погиб руководитель экспедиции.

«После ж смерти капитана Креницына,— докладывал впоследствии М. Д. Левашов,— главную команду принял я, а данные ему секретные инструкции, веденные морския журналы и все письменные дела запечатав взял в свое смотрение, приходные и расходные денежной казне книги мною обще со штурманами ранга прапорщика Дудиным Меншим и Шебановым по транспортам сочтены... А галиот Св. Екатерину для проводу ис Камчатки в Охоцкой порт поручил я штурману Дудину Меншову, и по учреждении всего вышеписанного при первом благополучном ветре того же июля 9 числа обеими судами вышли из устья реки в море, и сего августа 3 числа... пришли в Охоцкой порт благополучно»⁴.

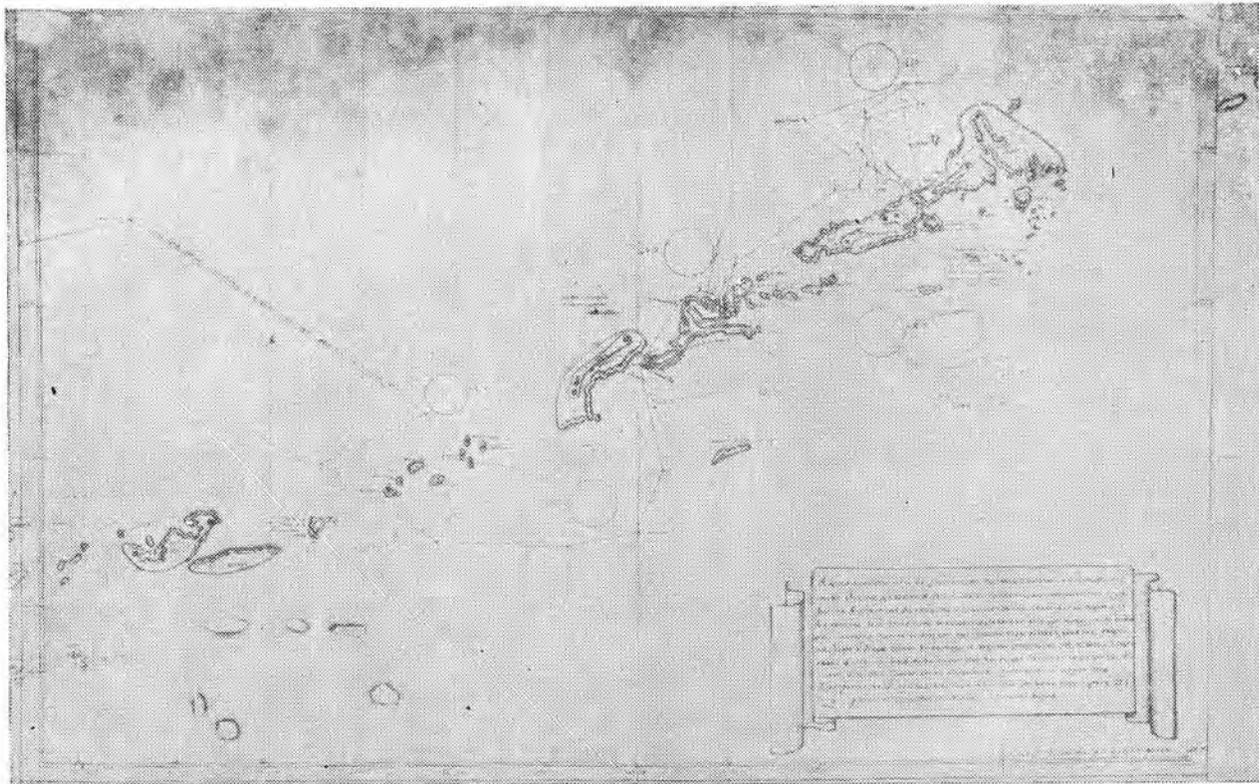
В Охотске суда были сданы, команда отправлена к местам своих служб, а Левашов вернулся в Петербург 22 октября 1771 года. По пути он останавливался у Д. И. Чичерина в Сибири на две недели. 22 но-

¹ Дата возвращения судов на Камчатку приводится по рапорту М. Д. Левашова: «Прошлога 1769 года из порученной флота г-ну капитану Креницыну морской секретной экспедиции с островов от флота капитан Креницын 30 июля, а я 27 числа августа пришли в реку Камчатку» (АВПР, ф. 339, оп. 888, д. 16, л. 68).

² Там же.

³ ЦГАВМФ, ф. 214, д. 86, л. 157.

⁴ АВПР, ф. 339, оп. 888, д. 16, л. 68 об.

Карта плавания П. К. Креницына и М. Д. Левашова.

ября 1771 года Левашов был произведен в капитаны 1-го ранга. Он прослужил на флоте до 1773 года, когда был уволен по болезни в чине капитан-командора. Умер он предположительно в 1774—1776 годах.

Экспедиция П. К. Креницына — М. Д. Левашова имела огромное научное и политическое значение. Русское правительство продемонстрировало перед всем миром свою решимость закрепить за Россией завоевания русских мореходов. Достоверные сведения о природе, жителях, расположении Алеутских островов и части Аляски возбудили еще больший интерес к ним и послужили толчком к организации других русских экспедиций. Эта экспедиция положила начало научному картированию Алеутских островов и Аляски. Она вызвала новый толчок в исследовании островов: мореходы и промышленники, видя, какое внимание уделяет правительство их деятельности, с новой энергией принялись осваивать открытые земли.

Открытия и исследования русских мореходов в северной части Тихого океана и у берегов Америки не прошли незамеченными за пределами России. Особенно ими заинтересовались, морские державы — Англия, Франция, Испания. «Три державы, — как написал американский писатель Г. Шевиньи, — независимо друг от друга, но почти одновременно, быстро приступили к действиям»¹. Испанцы направили сразу пять экспедиций — две сухопутные и три морские — с целью не допустить проникновения русских в Калифорнию. В 1775 году к западному берегу Северной Америки отправилась испанская экспедиция во главе с де ла Бодегой и Квадрой.

Англичане срочно стали интересоваться проблемой северо-западного морского пути, и адмиралтейство объявило о том, что того, кто его откроет, ждет вознаграждение в 20 тысяч фунтов. Едва отдохнув от второго своего плавания, на это предложение откликнулся известный мореплаватель Джеймс Кук, который в 1776 году отправился в третье свое плавание для исследования Тихого океана и поиска путей из Тихого океана в Атлантический вокруг Северной Америки. Во время этого плавания Кук описал побережье Северной Америки от Калифорнии до Берингова пролива, встречался с русскими мореходами и без всяких на то оснований давал английские названия географическим объектам, давно уже открытым и названным русскими промышленниками и мореходами. Он вообще усомнился в выдающихся открытиях русских.

Естественно, что сибирская администрация и русское правительство не могли проходить мимо таких вызывающих действий испанцев и англичан. В конце мая 1777 года премьер-майор К. М. Бем получил приказание от сибирского губернатора Ф. Немцова привести гарнизон Камчатки в повышенную готовность и не допустить прихода в Петропавловск иностранных военных судов. В этой связи двукратное посещение в 1779 году Петропавловска кораблями Д. Кука вызвало там немалый

¹ Цит. по кн.: Р. В. Макарова. Русские на Тихом океане во второй половине XVIII в. М., 1968, с. 147.

переполох и большую тревогу командира Петропавловского гарнизона В. И. Шмалева.

Наряду с административными мерами по укреплению русского влияния на вновь открытых островах и землях сибирские власти, а в конечном счете и правительство всемерно поощряли плавание промышленников. Из многочисленных промысловых компаний постепенно образуется всего лишь несколько, но зато мощных купеческих компаний: купцов Пановых, Лебедева-Ласточкина, Ив. Голикова и с середины 70-х годов — Г. И. Шелихова. Постепенно сильнее других оказалась компания Голикова и Шелихова, которая в конце века положила начало известной Российско-Американской компании.

Между тем интерес иностранцев к русским открытиям не прекращался. В 1775—1778 годах в северную часть Тихого океана направился французский мореплаватель Ж. Ф. Лаперуз, который побывал в районе Сахалина, приняв последний за полуостров, посетил Петропавловск-Камчатский. Шныряли вдоль западного берега Америки и испанские суда. Через десять лет в северной части Тихого океана плавала английская экспедиция под начальством У. Р. Браутона.

Эти и другие факты иностранного вмешательства в русские дела на севере Дальнего Востока принуждали русское правительство принимать более эффективные меры. Прежде всего увеличилось число войск на Камчатке, а для охраны побережья Екатерина II в августе 1785 года поручила Адмиралтейству снарядить в Северо-Восточную Азию и в бассейн Тихого океана научную экспедицию, а годом позже, в декабре 1786 года, последовало решение об организации кругосветной экспедиции. В указе Екатерины II от 22 декабря 1786 года эта мера объявлялась необходимостью защиты «права нашего на земли, российскими мореплавателями открытые... по случаю покушения со стороны аглинских промышленников и производство торгу и промыслов звериных на «Восточном море»¹.

К осени 1787 года были готовы пять кораблей: «Турухан», «Смелый», «Холмогор», «Сокол» и «Соловки». Командующим эскадрой назначался опытнейший и один из самых образованных морских офицеров того времени капитан 1-го ранга Григорий Иванович Муловский. Адмиралтейская коллегия в своем наставлении начальнику экспедиции предписывала наряду с описанием и нанесением на карту Курильских островов и других земель объявить их «формально» владением «Российского государства, поставя или укрепя гербы и зарыв медали в пристойных местах с надписью на Российском и Латинском языках». То же самое они должны были сделать и на Американском побережье до «Аляксы». В случае, если здесь будут обнаружены «гербы и знаки других держав, ни по какому праву в сих странах обладать не могущих, срыть, разровнять и уничтожить»². Начавшаяся война с Турцией и весьма обострен-

¹ Р. В. Макарова. Русские на Тихом океане во второй половине XVIII в. М., 1968, с. 151.

² Там же, с. 152.

ные отношения с Швецией приостановили отправку экспедиции Муловского, эскадра была отправлена в Средиземное море, а Муловский вскоре убит.

Промышленникам, как и мореходам, вменялось в обязанность в это же самое время принимать формальные меры по закреплению освоенных и осваиваемых территорий за Российским государством. Наибольшее распространение все это получило во время плавания Г. И. Шелихова к берегам Северной Америки и основания там постоянных русских поселений. Вне всякого сомнения, плавание Г. И. Шелихова в 1783—1785 годах и его отчет об этом замечательном плавании послужили непосредственным поводом к решению правительства об организации экспедиции Г. И. Муловского.

В то время, когда была прекращена экспедиция Муловского, выходила в море астрономическая и географическая экспедиция под начальством И. И. Биллингса. Несмотря на успехи экспедиции П. К. Креницына — М. Д. Левашова, она все-таки не сумела выполнить всех поставленных перед нею задач. Поэтому, исходя из новых условий, в указе Екатерины II от 8 августа 1785 года были записаны научные и политические задачи экспедиции Биллингса. Географическая и астрономическая экспедиция, — говорилось в указе, — назначается в «Северовосточную часть России для определения степеней долготы и широты устья реки Колымы, положения на карту берегов всего Чукотского носа до мыса Восточного (то есть северного побережья Чукотки. — А. А.), також многих островов, в Восточном океане к Американским берегам простирающихся, и совершенного познания морей между матерю землей Иркутской губернии и противоположными берегами Америки»¹.

Более конкретно и четко главная задача экспедиции записана в статье X «Наставления» начальнику экспедиции: «Вы должны поставить себе главную должностью сочинение точнейшей сим островам (Алеутским. — А. А.) карты, определяя их расстояние частыми наблюдениями и стараясь паче всего проведать о находящихся там лучших пристанях. Вы должны простирать сии изыскания даже до берегов Америки и паче всего обращать внимание на острова, редко еще посещаемые и не совершенно известные, лежащие вдоль и под ветром сих берегов на восток острова Унимака и Большого носа Аляски, составляющего часть матерой земли, как, например: Саннах, Кадьяк и Лесной, острова Шумагинские и Туманный, виденные Берингом, и другие»².

Чтобы дать более ясное представление о задачах этой несомненно крупнейшей со времен Беринга экспедиции на востоке Русского государства, приведем еще один пункт (10) из указа Екатерины II от 8 августа 1785 года. «Буде посредством сей экспедиции открыты будут вновь земли или острова, населенные или ненаселенные и никакому государству Европейскому непокоренные и не принадлежащие, то по мере пол-

¹ Г. А. Сарычев. Путешествие флота капитана Сарычева по Северовосточной части Сибири, Ледовитому морю и Восточному океану..., ч. 1. СПб., 1802, с. 1—2.

² А. И. Алексеев. Гавриил Андреевич Сарычев. М., 1966, с. 38—39.

зы и выгод от такового приобретения ожидаемых, стараться оныя присвоить скипетру Российскому; и буде тамо есть дикие или непросвященные жители, то, обходяся с ними ласково и дружелюбно, вселить хорошие мысли о Россиянах, и одарить разными вещами, по надобностям или обычаю им нужными; а тоенам или старшинам или лучшим и почетным из числа тех жителей дать сделанныя на таковой случай медали, чтоб носить на шее в знак всегдашней к ним дружбы Россия; поступаая впрочем осторожно, дабы не подвергнуться нещастию, от озлобления и зверства диких происходящему, что самое наблюдать и при обхождении с дикими островитянами, России принадлежащими»¹.

Начальником экспедиции был назначен англичанин Иосиф Иосифович Биллингс (1761—1806 годы), астроном, принятый на русскую службу мичманом в 1783 году. Помощниками Биллингса были назначены лейтенанты Роберт Галл, Гавриил Андреевич Сарычев и Христиан Тимофеевич Беринг (внук Витуса Беринга). В составе экспедиции были: натуралист доктор Карл Генрих Мерк, его помощники Данила Гауз, Иван Меин, Карл Кребс, лекари Михаил Робек, Петр Алегретти, Антон Лейман, Василий Волошанов, штурманы Гавриил Прибылов, Сергей Бронников, Антон Батаков, геодезисты Алексей Гилев и Осип Худяков, художник Лука Воронин, капитан Тимофей Шмалев, ученый-самоучка чукча Николай Дауркин, сотник Иван Кобелев и другие — всего 141 человек. Сюда не входит большое число местных жителей, солдат, привлеченных Биллингсом.

Участникам экспедиции были даны большие привилегии. По достижении устья Колымы все офицеры производились в следующий чин, а по прибытии к берегам Северной Америки — в последующий. Кроме того, всем чинам экспедиции выплачивалось двойное жалованье и предусматривалось особое денежное вознаграждение. Экспедиция была хорошо снабжена астрономическими, навигационными, метеорологическими, геодезическими инструментами, имела все новейшие карты и описания районов плавания и другое снаряжение. Все планы ее держались в строжайшем секрете.

И. И. Биллингс родился в Англии в 1761 году в местечке Тернем-Грин близ Лондона. С 1776 года он на военной службе в составе экспедиции Д. Кука. По окончании экспедиции был приглашен на русскую службу. Обстоятельства его появления в России связаны не столько с военной службой, сколько с использованием его, как участника 3-го плавания Кука, при организации экспедиции на Дальнем Востоке. Сам Биллингс не скрывал этого, когда писал графу И. Г. Чернышеву в 1783 году: «Я полагаю, что г. Бакстер (посол Великобритании в России. — А. А.) имел уже честь предупредить ваше превосходительство, что я прибыл в Россию не столько служить ее величеству в качестве офицера флота, сколько с надеждой, что я буду использован в какой-либо экспедиции в соседние с Камчаткой моря. Прослужив во флоте 12 лет, из ко-

¹ Г. А. Сарычев. Путешествие флота капитана Сарычева..., ч. 1, 1802, с. 8.

торых пять лет сопровождал знаменитого капитана Кука в его последнем вояже с целью открытия северо-западного прохода между Азией и Америкой, я льщу себя надеждой, что меня сочтут способным открыть торговлю мехами с островами, открытыми во время этого плавания, которые изобилуют этой ветвью торговли, в особенности мехами котиков, которые, хотя и расположены близко у побережья Камчатки, никогда не посещались европейцами. Этими мехами, равными по качеству камчатскому, можно установить торговлю, очень выгодную, с Северным Китаем. Вполне возможно распространить эту торговлю и на Японию, что сделает ее еще более прибыльной. Самые драгоценные шкурки могут быть получены самыми простыми и дешевыми средствами. Нужно очень мало времени, чтобы добыть от 5 до 7 тысяч штук шкурок котиков, продажа которых будет настолько же прибыльной, как и бесспорной. В то время как занимались добычей пушینی, я мог бы продолжить исследования капитана Кука в этих морях, определить точное положение этих островов, о которых говорилось выше. Поскольку астрономия всегда была моим делом, я надеюсь, что и в этом я оправдаю оказанное мне доверие. В заключение я прошу ваше превосходительство в качестве первого знака вашего покровительства подвергнуть меня самому строгому экзамену, чтобы устранить всякое сомнение в моей опытности и способности»¹.

Видимо, это письмо возымело свое действие, так как вскоре Биллингс был назначен начальником экспедиции. Кроме первостепенных задач, отмеченных в инструкции и наставлении, Биллингсу поручалось также постараться, «сколько возможно, сведать о земле чукчей, силе и правах сего народа, а при случае потрудитесь своим поведением склонить к утверждению сего народа в зависимость от России и о добром мнении о прочности правления, под которым они находятся»². Со времен постройки Семеном Дежневым в 1649 году Анадырского острога чукчи стали близко известны русским людям, многие из них платили ясак. С этим острогом связана дальнейшая, более чем вековая история взаимоотношений чукчей и русских. «Чукчи жили родовым строем... Оленные чукчи имели большие стада оленей. Пешие чукчи занимались главным образом рыболовством. Во время войн возникали более крупные объединения чукчей, юкагиров и коряков, но они не были постоянными»³. Свободолюбивый чукотский народ, никогда не знавший никакой другой власти, кроме власти старейшины своего рода и священных обычаев и законов, не хотел ни с того ни с сего подчиняться русскому царю, платить ясак государевым людям. Чукчи, юкагиры, коряки — основное население Чукотки — гостеприимно встречали пришельцев, они рады были гостям, делили с ними все, что сами имели, выручали в трудную минуту, позволяли селиться в искони их местах. Но вот почему они за все это

¹ А. И. Алексеев. Гавриил Андреевич Сарычев. М., 1966, с. 71.

² М. И. Белов. История открытия и освоения Северного морского пути. Т. 1. Л., 1956, с. 422.

³ А. В. Ефимов. Из истории русских экспедиций на Тихом океане. М., 1948, с. 115.

должны были платить ясак русскому царю, давать аманатов-заложников государевым людям,— этого чукчи никак не могли понять. Отсюда и пошло: «немирные чукчи».

Несмотря на существование Анадырского острога, Гижигинской крепости, Охотского острога и других русских поселений, о чукчах русские люди знали сравнительно мало. По существу, первые достоверные и довольно полные сведения о них поступили сибирской администрации лишь в начале XVIII столетия. К этому времени не только материковое Охотское побережье, но и Камчатка были присоединены к России. Только жители Чукотского полуострова никак не хотели примириться со случаями насилия и вероломства казаков. Виноваты во всем этом были прежде всего представители местной администрации, что признавали и чины высшей администрации. Так, иркутский губернатор бригадир Федор Глебович Немцов доносил сенату в 1782 году историю взаимоотношений русских с чукчами и, между прочим, писал: «...однако ж нельзя сказать, чтоб сей народ был не примирим, ибо в мщение почти всегда подавалась им от тамошних воинских команд причина»¹. Подобные признания можно было услышать и из уст других деятелей России того времени.

В связи с этим понятно, почему Биллингс должен был заняться чукотскими делами. Для того чтобы хоть в какой-то степени облегчить себе исполнение этой задачи, Биллингс привлек к экспедиции знатока Чукотки сотника Ивана Кобелева и ученого-чукчу Николая Дауркина, составившего целую эпоху для чукотского народа. Участие их, а также и представителя местной администрации — известного собирателя материалов по истории Охотско-Чукотско-Камчатского края и корреспондента академика Г. Ф. Миллера, капитана Т. И. Шмалева сулило много полезного и в проверке сведений о связях чукчей и коряков с жителями Америки. Со времени похода Дежнева такие сведения поступали к сибирским властям. После плавания Беринга и Чирикова отпала необходимость искать пути в Америку через Чукотку и Берингов пролив, но получить доказательства связей чукчей с представителями Американского материка было крайне желательно. Немалое значение имело также и то обстоятельство, что промысел оленей и моржового зуба приносил казне большие доходы. Все это, если учесть еще, что в 1764—1771 годах Анадырский острог был ликвидирован, создавало дополнительные трудности для экспедиции И. И. Биллингса.

В половине сентября 1785 года головной отряд экспедиции, возглавляемый Г. А. Сарычевым, выехал из Петербурга, а 27 марта 1786 года он появился в Охотске. За это время был проделан огромный путь по Сибири. Вскоре, в первых числах июля того же года, в Охотск прибыл И. И. Биллингс с остальной, главной частью экспедиции. Выполняя данную ему инструкцию, Биллингс распределил силы экспедиции таким образом, чтобы шла подготовка в двух направлениях: Роберт Галл, приняв команду от Сарычева, продолжал строительство судов в Охотске для

¹ ЦГАДА, Госархив, разряд, 7, д. 2539, л. 27 об.

плавания к Алеутским островам и берегам Америки, а Сарычев готовился выйти в поход на Колыму. Оттуда, с ее устья, предполагалось выйти в плавание вдоль Чукотки, попытаться повторить путь С. Дежнева и решить некоторые чукотские проблемы. Согласно указу царя по прибытии в Охотск все офицеры были произведены в следующий чин.

1 августа Сарычев в сопровождении Бакова, Робека, Батакова и Воронина отправился в Верхнеколымск во главе 20 казаков. За ними выехал Биллингс с Мерком, Меинном и казаками. Вскоре они соединились, а затем Биллингс налегке поехал вперед. Путешествие Сарычева по неисследованным местам, само по себе весьма интересное, привело ко многим географическим открытиям, одно из которых — открытие хребта (теперь хребта Сарычева).

4 сентября Биллингс, а 14 сентября Сарычев прибыли в Верхнеколымск, где уже был Беринг, направленный сюда летом непосредственно из Якутска для заготовки леса для строительства судов. В конце ноября 1786 года на берегу реки Ясашной заложили судно, названное впоследствии «Паллас», а в апреле 1787 года было заложено судно поменьше (соответственно 45 и 28 футов длиной), названное «Ясашной». Во второй половине мая река вскрылась, и суда оказались спущенными на воду. Командование «Палласом» принял на себя Биллингс, а «Ясашной» он поручил командовать Сарычеву. Беринг же отбыл в Якутск для отправки всего необходимого оттуда в Охотск.

25 мая оба судна снялись с якоря и по течению реки пошли в Ледовитый океан. Во время короткой стоянки в Среднеколымске к экспедиции присоединился штурман С. Бронников, которого Биллингс принял к себе на «Паллас». А на лето при впадении в Колыму реки Омолон экспедицию поджидали капитан Т. И. Шмалев, чукча Н. И. Дауркин и сотник И. Кобелев с сопровождавшими их казаками. Сарычев принял к себе Т. И. Шмалева, а Дауркин и Кобелев попали к Биллингсу.

Необходимо остановиться на том, почему в экспедицию были приняты Шмалев, Дауркин и Кобелев и какую роль играли эти люди в истории отношений чукчей с русскими. Шмалева и Дауркина связывала давнишняя дружба, начавшаяся тогда, когда чукотский юноша Тангитан, выросший в семье русского Дауркина и получивший после крещения имя Николай Иванович Дауркин, встретился в 1763 году с прапорщиком Тимофеем Шмалевым. Оба они были в составе отряда, направлявшегося с Ф. Х. Плениснером в поход по реке Анадырь.

От русских Дауркин научился не только читать и писать, но имел представление о картографии. Некоторое время он был в поле зрения Ф. И. Соймонова, который сумел освободить его из рабства от Павлуцкого и направить в Анадырь, «а оттоле со временем в чукоцкие и в прочие бунтовщицкие улусы к родникам ево для вышеупомянутого их увещевания и мирного склонения по прежнему в Российское подданство»¹.

¹ ЦГАДА, ф. 199, 528, 1, д. 6, л. 17. О Н. И. Дауркине и Т. И. Шмалеве см.: А. И. Алексеев. Ученый чукча Николай Дауркин. Магадан, 1961; его же: Братья Шмалевы. Магадан, 1958.

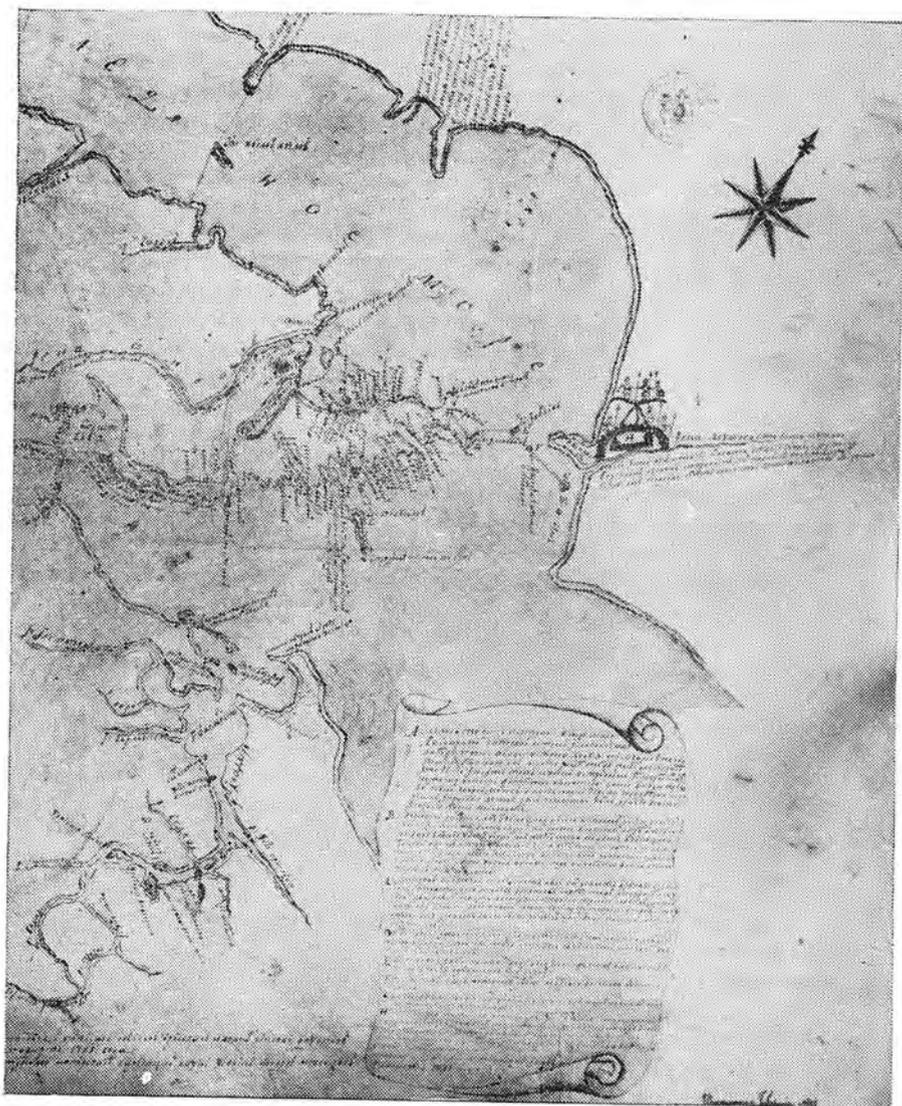
В 1763—1764 годах Дауркин совершил замечательное путешествие по Чукотке. От устья реки Анадырь он пошел по берегу на север. Добравшись до губы Ночан (залив Креста) и переправившись через нее, он побывал на островах Меэчхин (коса Меечкен). Затем путь его лежал к урочищу Ретькину (Редькину) и мысу Сердце-Камень. Отсюда Дауркин предпринял поход «по жилищам чюкоцким во все стороны». Он побывал во время этих походов в Колючинской губе и на острове Колючин. К островам Берингова пролива он не поехал. Возвратившись к мысу Сердце-Камень, Дауркин уже в апреле 1764 года переправился на байдарках на остров Иныучгиен (Св. Лаврентия) и только после того тем же путем, то есть через мыс Сердце-Камень и губу Ночан, возвратился к устью реки Анадырь. Перед отъездом в Якутск Дауркин составил карту Чукотки и написал «сказку» о Чукотской земле. Оба документа были представлены 11 марта 1765 года Ф. Х. Плениснеру.

Поражает карта Дауркина. Она сохранилась в сравнительно хорошем состоянии. На ней изображены Чукотка от устья Колымы до устья Анадыря, Берингов пролив и часть Северной Америки. В то время господствовало мнение, что к северу от Чукотки берега Америки и Азии сходятся. Поэтому и на карте Дауркина американский берег не поворачивает сразу после Берингова пролива к востоку, а продолжается на северо-запад, образуя длинный пролив на всем протяжении Чукотки до реки Колымы включительно.

Островам Берингова пролива и Американской земле соответствуют надписи на карте: «105. Остров Имягълин на коим живут люди зубатые, кои живут накладные, а что принадлежит кушать или спать и те зубы скидают а разговор их как на Большой земле (то есть Америке.— А. А.)». Под номером 106: «Остров Иняльлин на коем живут люди такие ж как на Имягълине тоже зубатые и диалект у них один». 107-й номер — «Остров Отпрядыш пустой, а название по их Окивахой; збор токмо тут бывает моржовой и всякого морского зверя». Это, несомненно, острова Диомида или Гвоздева. А на Американском берегу при устье реки Хеуверен «крепость построена а строение деревянное, а у них имеетца старшина по их названию Инахлун, кои ростом невелик, токмо собою толст, а токмо силен собою, кои де из далних из их земель не в давних в годах прибыл, а именно по моему спросу сказывают о нем 1761-го году прибыл и оной соорил крепость»¹.

Не станем приводить других надписей на карте Дауркина. Ясно одно, что чукчи считали совершенно нормальным явлением походы в Америку через Берингов пролив и, как указывает Дауркин, лучшими временами года для этого были, по их мнению, март — зимой, а май — летом. Несомненно, талантливый Дауркин бывал, наверное, и сам на островах Берингова пролива, а возможно, и в самой Америке. Ведь не случайно же, когда решался вопрос о посылке трех геодезистов — Ивана

¹ ЦГВИА, ф. ВУА, № 23435. Цит. по кн.: А. И. Алексеев. Ученый чукча Николай Дауркин. Магадан, 1961, с. 33—34.

Карта Н. И. Дауркина 1765 года.

Леонтьева, Ивана Лысова и Алексея Пушкарева на Медвежий острова, с ними отправился Дауркин. Дело в том, что господствовавшая тогда гипотеза о соединении Америки с Азией севернее Берингова пролива вынуждала брать с собой человека, знающего не только народ Чукотки,

но и американских жителей. Таким и был Дауркин, который «в случае изобретения Большой Американской земли на Ледовитом море (так называемая пресловутая Земля Тикеген, миф о которой возник, вероятно, в связи со сведениями о земле, получившей впоследствии название острова Врангеля. — А. А.) и на оной людей, признан за способного в переводе с русского и американского разговоров»¹.

В 1774 году Н. И. Дауркин, вероятно с помощью Т. Шмалева, составил новую карту Охотско-Чукотско-Камчатского края. На ней нанесено побережье от Шантарских островов до устья реки Алазеи, а также острова Берингова пролива и часть противоположного берега Северной Америки. В экспликации к карте, в частности, написано (после рассмотрения маршрутов, по которым чукчи возили маленького Дауркина-Тангитана): «Оные чукчи объявляют от устья Анадырского до называемого до Большой матерой земли вперед и назад в одно лето обратитца можно нашими байдарами без опасности что называется Северная Америка»².

Третий участник экспедиции Биллингса, присоединившийся к ней на устье Омолона сотник Иван Кобелев, в 1779 году побывал на островах Берингова пролива, но «за незнанием компаса» карты никакой сам не составил. По его журналу маршрут путешествия был положен на карту другими людьми, и то неполностью. 20 июля 1779 года Кобелев был на Чукотском носу и перебрался на остров Имеглин, «до которого от берегу примерно до сорока верст, в длину оной до пяти верст, шириною з две версты, на оном жительствоуют в дву острошках мужеска полу с малолетними 203 человека, женска полу с малолетними 195, говорят как пешие чукчи, лесу на острове никакого не имеется; зверей кроме голубых псов нет, китами питаются, нерпой и моржами»³.

Пробыв на острове десять дней и обстоятельно с ним познакомившись, Кобелев 31 июля переплыл на второй остров. На нем было 85 душ мужского пола и 79 женского. С него виден был как американский, так и чукотский берег. Старшина этого острова рассказал Кобелеву, что он уроженец американской земли и объявил, «якобы на американской земле по реке Хеуверене острожке называемом Кымговен жительство имеют Российские люди, разговор имеют по российски ж, читают книги, пишут, поклоняются иконам, и прочая; собою от американцев отменны, ибо у американцев бороды редкие, да и те выщипывают, а у живущих там россиян бороды густыя и большие»⁴. Кобелев просил старшину перевезти его к тем русским людям, но старшина не согласился. Кобелев ограничился посылкой к ним письма.

Что это: легенда или быль? Русские могли оказаться в Америке с пропавших без вестей кочей Дежнева и Алексева. Но почему тогда все последующие путешественники не говорили о них? Кобелев написал им:

¹ А. И. Алексеев. Ученый чукча Николай Дауркин. Магадан, 1961, с. 45.

² Там же, с. 60.

³ ЦГАДА, Госархив, разряд 7, д. 2539, л. 63.

⁴ Там же.

письмо, но ответа не получил. А может быть, это и не русские, а индейцы? Загадку никто не разрешил.

Эти три сведущих в чукотских и американских делах человека сопровождали Биллингса и Сарычева в плавании вдоль побережья Чукотки, а затем одного Биллингса — во время его сухопутного путешествия по Чукотке. Они во многом помогли успешному окончанию похода Биллингса. Как справедливо заметил И. С. Вдовин, подготовка к проведению экспедиции «и сама экспедиция сблизили русских с чукчами»¹.

В Нижнеколымске окончательно проверили снаряжение судов, подготовку припасов и выучку личного состава. Большой бедой было то, что в экспедицию вошли казаки, не знакомые с морским делом. Особенно плохо было на судне Сарычева, где кроме него моряком был только боцман. 19 июня 1787 года суда вышли в плавание и скоро достигли устья Колымы. Согласно царскому указу Биллингс стал теперь капитаном 2-го ранга. Это произошло 24 июня.

Сразу же по выходе суда встретили льды, которые ветром и течением тянуло к берегу. Продвигаться вперед стало очень трудно — больше стояли на месте, чем плыли. 1 июля с невероятными трудностями добрались до Баранова Камня. Глядя с высоты его, начальник экспедиции убедился, что море на северо-востоке сплошь покрыто непроходимыми льдами и нужно пока возвратиться к устью Колымы. Новая попытка, предпринятая 17 июля, ни к чему не привела, и поэтому на совете офицеров было решено возвращаться в Нижнеколымск. Во время этого неудачного плавания Т. И. Шмалев впервые сообщил Г. А. Сарычеву о земле, лежащей к северу от Чукотки. Такое известие он получил от чукчей. Сарычев же написал об этом в своем сочинении.

Неудачное плавание Биллингса и Сарычева по следам похода Дежнева и Алексеева вызвало при жизни мореплавателей, а еще более у историков следующих поколений немало нареканий в адрес руководителя экспедиции. Нареканий, можно, пожалуй, сказать, несправедливых. История плаваний в этом районе Северного Ледовитого океана показала: выпадают довольно редко такие годы, когда льды освобождают проход из устья Колымы до Берингова пролива. Упреки же в адрес только одного Биллингса также несостоятельны, потому что решение о возвращении в Нижнеколымск подписали Бронников, Батаков, Баков, Шмалев, Сарычев и Биллингс. В рукописи Сарычева есть слова: «К щастию нашему приписывать должно, что во все наше плавание не случилось крепкаго севернаго ветра; в таком случае не избежать бы нещастия от разбития лдами, ибо закрытия от сего ветру — нет по всему берегу»².

По окончании этого плавания все усилия участников экспедиции во главе с начальником были направлены на организацию плавания из Охотского порта вдоль Алеутских островов и к берегам Америки. Что же касается Чукотки, то Биллингс предусматривал два варианта: если

¹ И. С. Вдовин. Очерки истории и этнографии чукчей. М. — Л., 1965, с. 138.

² А. И. Алексеев. Гавриил Андреевич Сарычев. М., 1966, с. 51.

позволят льды, то пройти этот путь в обратном направлении, то есть из района Берингова пролива в Нижнеколымск; если же не позволят, то организовать сухопутное путешествие вдоль северного побережья Чукотки до устья Колымы и далее до Нижнеколымска. Оба эти варианта и будут рассмотрены после исследования Алеутских островов.

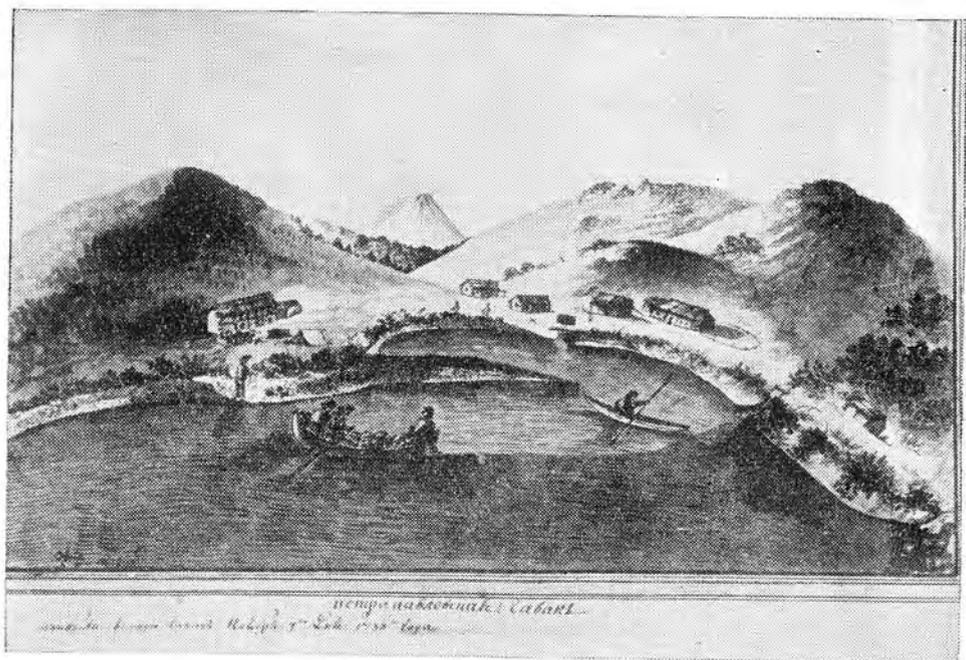
В Охотском порту строились два судна, получившие при спуске на воду названия: «Слава России» и «Доброе намерение». Подготовка к плаванию, как и само строительство, продолжалась долго. Биллингс дважды выезжал в Якутск, и только летом 1789 года все было готово. «Славой России» командовал сам Биллингс, а «Добрым намерением» — Галл; Сарычев попал на «Славу России», а Беринг — на «Доброе намерение».

При выводе судов из совместного устья рек Охоты и Кухтуя произошло несчастье, частое во времена парусного флота. Застигнутое страшной силы буруном, судно «Доброе намерение» при выходе было выброшено на отмель. Когда утих шторм, выяснилось, что судно совершенно разбито. Для того чтобы не пропадало железо, судно сожгли, предварительно перегрузив все имущество на «Славу России». Часть личного состава перешла тоже туда, так как сразу же возникла проблема постройки на Камчатке второго судна.

19 сентября «Слава России» вышла в свое историческое плавание. Курс — на Второй Курильский пролив, а оттуда в Петропавловск. Утром 22 сентября вахтенный увидел в правой стороне от курса землю... Когда подошли к ней, то оказалось, что это небольшой скалистый остров, неизвестный и не нанесенный на карты. По имени святого того дня назвали остров именем Святого Ионы. Погода благоприятствовала дальнейшему плаванию, и 27 сентября судно было уже в районе Курильских островов. Пользуясь такой хорошей погодой, Биллингс рекогносцировочно осмотрел первые пять островов, а затем взял курс к Авачинской губе. 5 октября 1789 года «Слава России» стала на якорь в Петропавловской гавани.

Сразу же стали готовиться к зиме. Для нижних чинов строили казарму, баню и кузницу. Использовали постройки времен Беринга. В Петропавловске к тому времени было 12 частных деревянных домиков, казенные дома для армейского гарнизона, магазины и амбары, юрты местных жителей. Судно разоружили и готовили к ремонту. 29 октября Биллингс в соответствии с указом объявил Сарычева, Галла и Беринга капитанами 2-го ранга с 19 октября, то есть с момента выхода из Охотска.

Зимой офицеры и сам Биллингс совершали путешествия по Камчатке. Целью этих путешествий было знакомство с бытом местных жителей, а также по их жалобам с действиями местной администрации. Решался также вопрос о постройке второго судна, для чего в Нижнекамчатск был командирован судостроитель Усков. Туда же было переправлено железо от «Доброго намерения» и доставленные припасы. К 1 мая все работы были закончены и оставалось ждать попутного ветра.

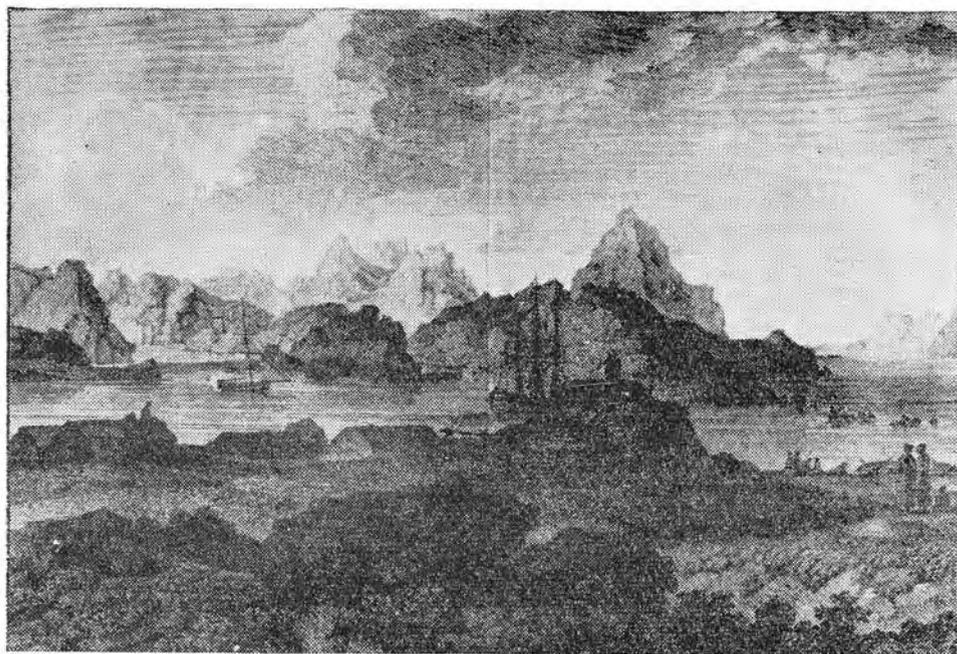

Петропавловская гавань в 1789 году. Рисунок Л. А. Воронина.

9 мая 1790 года «Слава России» вышла в плавание по Восточному океану. «По данному предписанию следовало нам идти к Ближним Алеутским островам,— писал Сарычев,— и продолжать плавание к Америке вдоль гряды оных, описывая и полагая их на карты: но как, по выходе нашем из Авачинской губы продолжались бесперебойные туманы, то капитан Биллингс, с совету всех офицеров, решился, не тратя напрасно времени в осмотрении Ближних островов, продолжать путь далее к Америке, придерживаясь сколько можно, южной стороны Алеутских островов, и осматривая из них только те, которые туман не воспрепятствует видеть»¹.

Так было и решено. Плавание проходило успешно. 23 мая подошли к первому из Алеутских островов — Амчитке и в дальнейшем шли все время вдоль и в виду Алеутских островов. 28 мая открылись острова Амля, а затем Атха из группы Андреяновских островов, 30-го подошли к Четырехсопочным островам, а к вечеру того же дня открылся остров Умнак. 3 июня у острова Уналашка стали на якорь для пополнения запасов и продовольствия. «Перед полуднем приехали к нам на судно, —

¹ Г. А. Сарычев. Путешествие флота капитана Сарычева..., ч. II, 1802, с. 1—2.

Селение Илюлюк на Уналашке.

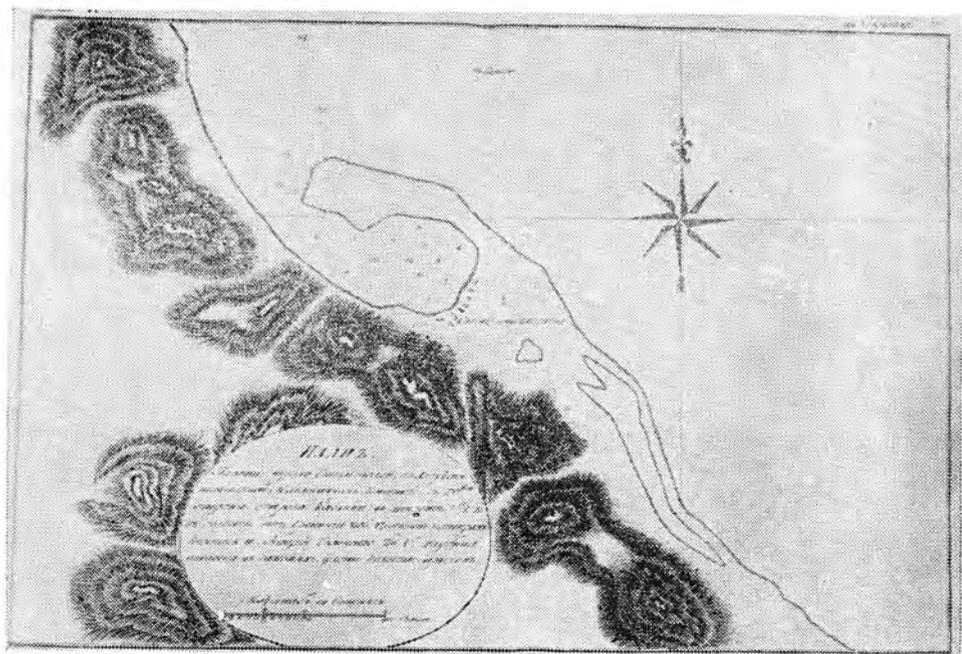
писал Сарычев, — в одноместных байдарках 7 человек уналашкинских алеутов, из коих двое говорили довольно хорошо по русски»¹.

Так как недалеко от Бобровой губы, где стали на якорь, находилось селение Илюлюк, расположенное по берегам Капитанской гавани, где зимовал в свое время М. Д. Левашов с командой, то Сарычев, описав Бобровую губу, с Мерком отправились туда через горы. 8 июня Сарычев описал Капитанскую гавань (там он нашел крест, поставленный Левашовым), а Мерк описывал жизнь и быт алеутов. 10 июня они возвратились на судно, где было уже все готово для продолжения плавания, произведен текущий ремонт, пополнены запасы пищи и пресной воды, и оставалось только дожидаться попутного ветра.

17 июня снялись с якоря, взяв с собой двух алеутов и алеутку. Один из алеутов «изрядно говорил по русски».

21-го числа подошли к Шумагинским островам, но на них путешественники не высаживались. С островов прибыли на нескольких байдарках островитяне и с ними один русский с зимовавшего в Исаноцком проливе промышленного судна.

¹ Г. А. Сарычев. Путешествие флота капитана Сарычева..., ч. II, 1802, с. 8.

План гавани Трех Святителей на Кадьяке.

29 июня подошли к острову Кадьяку, где при самом входе в гавань Трех Святителей встретили представителей только что основанного там Г. И. Шелиховым русского селения, вышедших на своем судне навстречу экспедиции. С помощью правителя селения и острова Евстрата Ивановича Деларова втянулись в гавань и стали на якорь. «В вечер по положению якоря, — отмечал Сарычев в своих записях, — съехали мы на берег и осматривали селение купца Шелихова, которое построено по берегу в южной стороне гавани. Оно состоит из нескольких землянок, одного амбара и двух изб, построенных из елового лесу, который привозили за немалым здесь, с восточной стороны острова, на галютах. В сем селении живут русские промышленники под управлением грека Деларова»¹. Время стоянки использовали для отдыха, пополнения воды, продовольствия, знакомства с островом, а Сарычев успел описать залив Ляхик.

6 июля 1790 года, взяв с собой отправлявшегося в Кенайский залив Е. И. Деларова, Биллингс направился в дальнейший путь, непосредственно к материку Америки. 13 июля, находясь вблизи Кенайского зали-

¹ Г. А. Сарычев. Путешествие флота капитана Сарычева..., ч. II, 1802, с. 36.

План входа в Чугачкую губу по описи Г. А. Измайлова, Подписан И. И. Биллингсом.

ва, высадили на байдару Деларова, который поплыл к берегу. 19 июля подошли к входу в залив Нучек при самом входе в Чугачкий залив и стали на якорь вблизи острова Цукли. Начался неизбежный торг с местными жителями, «американцами», которые буквально осаждали судно. Отношения экипажа судна с ними были самые дружественные.

Биллингс, получавший при достижении Америки (мыс Св. Ильи) чин капитана 1-го ранга, 21 июля объявил об этом. Сарычев пошел на байдарках описывать Чугацкий залив, а сам Биллингс с Мерком занялись сбором материалов по естествознанию, статистике, описанием острова Цукли. Стоянка у острова несколько задержалась: Сарычев, исполнив поручение, появился 27 июля. Между прочим, он интересовался у местных жителей, не к этому ли месту подходило судно Беринга — первое европейское судно. Один из «американцев» слышал от своего отца о таком судне, но будто бы оно подходило, по преданиям, к острову Каяк, а не к острову Цукли. Последними исследованиями историков-географов установлено, что «американец» говорил правду — Беринг подходил именно к Каяку.

30 июля снялись с якоря и пошли к Каяку, куда и прибыли 3 августа. Здесь Биллингс собрал совет, на нем обсуждался вопрос о продолжении экспедиции. Ввиду наступающей осени и из-за недостатка продуктов, а особенно свежей воды, единогласно решено было, не мешкая, направиться прямо в Петропавловск, куда, по словам Биллингса, должно было прийти казенное судно из Охотска со всем необходимым для продолжения исследований.

Погода между тем портилась, дули все время противные ветры, задерживавшие продвижение вперед и наносившие повреждения кораблю. Так, 4 сентября всему экипажу причинил много хлопот сильный шквал, сломавший топ у фок-мачты и фор-стенгю. Стал ощущаться недостаток воды. К 6 октября, когда до Петропавловской гавани оставалось еще 350 миль, на корабле было всего шесть с половиной бочек воды. В день выдавалось по восемь чарок на человека. Сарычев передает, что для утоления жажды многие держали во рту свинец. Люди страшно радовались дождю, выходили на палубу и собирали воду всеми возможными способами.

10-го увидели наконец-то долгожданный Шипунский мыс, а в ночь с 13-го на 14-е «Слава России» заняла то же самое место в Петропавловской гавани, откуда она ушла почти год назад. В гавани уже дожидался прибывший из Охотска казенный галлиот с продовольствием и оставшимися в Охотске членами команды «Доброго намерения». Галл отправился с этой командой в Нижнекамчатск, где строилось новое судно. 34 человека были отправлены зимовать в Большерецк.

Если первое плавание в 1790 году можно было считать своего рода разведкой, то в 1791 году намечалось детальное описание большей части Алеутских островов, района Берингова пролива и северного берега Чукотки до устья реки Колымы.

К весне начали готовиться к плаванью, и в начале мая все было готово. Из Нижнекамчатска от Галла Биллингс получил известие об успешном строительстве судна, которое было названо «Черным орлом», но так как все назначенные сроки для его спуска на воду уже прошли, то Биллингс, отправив Галлу предписание идти по готовности к Командорским островам, а затем к Уналашке, 16 мая 1791 года снялся с якоря и напра-

Г. А. Сарычев.

вился к Командорским островам, куда и прибыл 27 мая, сначала на остров Беринга, а затем на Медный.

Начиная с 4 июня и до конца месяца «Слава России» находилась в лабиринте Алеутских островов от острова Атту до Уналашки включительно. Так как офицеров на корабле оставалось два и два штурмана, то вся тяжесть гидрографических работ легла на долю талантливого Г. А. Сарычева, ставшего впоследствии выдающимся русским гидрографом, единственным в истории России генерал-гидрографом. Он занимался гидрографическими работами, обходя на байдарках острова, делая промеры бухт, заливов, определяя астрономические пункты и так далее. Биллингс производил астрономические определения, но большую часть времени ему, как командиру судна и начальнику экспедиции, приходилось проводить на корабле.

25 июня «Слава России» вошла в Капитанскую гавань на острове Уналашка. Сразу же выяснилось, что «Черный орел» сюда еще не приходил. Его ждали две недели, в течение которых шла обычная исследовательская деятельность, устанавливались дружеские отношения с местными жителями. 8 июля Биллингс распорядился идти на север, к Берингову проливу, а прежде зайти к открытым в 1786 году штурманом Г. Л. Прибыловым островам, названным его именем. В селении Илюлюк Биллингс оставил доктора П. Алегретти с одним из служителей. С ними он отправил продовольствие и необходимое снаряжение для Галда, а также предписание о дальнейших действиях.

12 июля подошли к одному из Прибыловых островов — острову Св. Павла. Этот остров, как и другой — остров Св. Георгия, описали с корабля, не высаживаясь на берег. Через два дня были уже у острова Св. Матвея, лежащего к северу от островов Прибылова. Этот остров поразил путешественников обилием морских птиц, преимущественно ар. В ночь на 15 июля двинулись дальше и попали в густой туман, который стойко держался несколько суток. 17 июля заметили, что глубины начали резко уменьшаться, почему и пришлось срочно останавливаться. Стали сначала на один якорь, а затем и на второй, потому что первый плохо держал. 20 июля туман разошелся, и все увидели в миле от корабля низменный берег острова Св. Лаврентия. На следующий день на берег съезжали Биллингс, доктор Мерк, шкипер Батаков и подмастерье Бакулин, которые пробыли там до вечера, но никакого селения не нашли. Обойдя остров с юга и тщательно описав его, судно направилось к берегам Северной Америки.

Американский берег увидели 28 июля, и к вечеру этого дня стали на якорь неподалеку от мыса Родней и острова Следж (Аяк). Биллингс, оставив, как всегда, на судне Сарычева и взяв с собой Мерка, Батакова и Воронина, сразу же отправился на берег. Это было первое посещение европейцами Северной Америки в районе Берингова пролива. В Беринг во время Первой Камчатской экспедиции вообще не видел берега; Гвоздев и Федоров хотя и видели его очень близко, но не высаживались. И. Синдт во время своего плавания не дошел до берега, а видел только острова в Беринговом проливе, причем отдельные вершины острова Св. Лаврентия, связанные с низменным берегом, принял за острова, почему на его карте такое обилие их в этом районе.

Биллингс и его спутники оставались на берегу двое суток. Они хорошо были приняты местными жителями. Моряки отмечают, что «американцы» здесь оказались более общительными, более откровенными, чем в Чугацком заливе. И по внешнему виду они значительно от них отличались: лицом смуглы, более напоминают европейцев, роста среднего. Распрощавшись с аборигенами и одарив их подарками, путешественники 31 июля снялись с якоря и пошли проливом между островом Следж и материком и 1 августа увидели прямо по носу остров Кинга.

Обойдя его справа на расстоянии двух миль, направились в Берингов пролив. На утро увидели первый из островов Гвоздева, а вскоре и остальные два. День пролавировав в Беринговом проливе, 4 августа были уже у входа в залив Св. Лаврентия на Чукотке. Здесь уместно сообщить, что Биллингс во время неудачного плавания на «Палласе» и «Ясашне» принял решение отправить Кобелева и Дауркина через Гижигинскую крепость из Нижнекамчатска в Чукотскую землю, «чтобы предварить чукок о прибытии Российских судов к их берегам»¹, иными словами, подготовить почву для плавания или сухопутного путешествия Биллингса по Чукотке.

¹ Г. А. Сарычев. Путешествие флота капитана Сарычева..., ч. 1, 1802, с. 2.

Согласно приказанию Биллингса, Дауркин и Кобелев вышли из Охотска морем и 2 октября пришли в Гижигинскую крепость. 19 декабря отправились «для ожидания чукок в коряцкие стойбища». С коряками они провели всю зиму. 10 марта 1790 года к корякам прибыли оленные чукчи с берегов Северного Ледовитого океана. Кобелев и Дауркин старались договориться с ними, это им удалось. Кобелев писал: «Из конх Северного Ледовитого моря лутчие люди Погранче и Млялянтын согласились со своими родственниками, кои при том были, весть меня с переводчиком дворянином Дауркиным в их землицу. А потом выговаривал тем чукам — можно ль морем подле берега байдарами или сухим путем провесть начальника до реки Колымы. Кои объявили: за препятствующими превеликими льдами что байдарами пройти никак невозможно, а самого начальника, или от него кто послан будет, весь берегом от чукоцкого Восточного мыса даже до самого устья реки Ковымы для описания берега на оленях со охотою согласными себя учинили»¹.

4 апреля 1790 года путешественники вместе с оленными чуками пошли на север, пересекли Чукотку и 19 мая были против острова Колючин. Лето, осень и зиму кочевали между Колючинской губой и рекой Чаун, а наступившей весной 1791 года были уже в районе Берингова пролива. Распоряжение Биллингса, таким образом, было успешно выполнено.

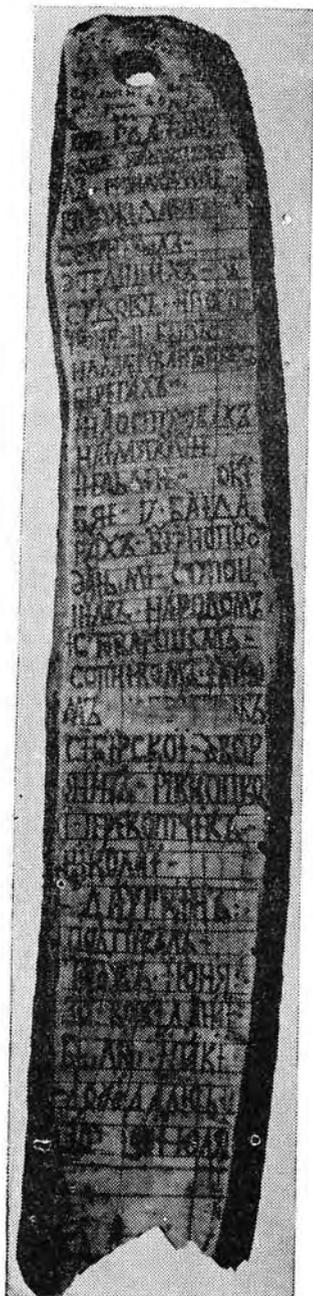
Находиться так близко от столь желанной Америки и не побывать там, не проверить сведений, слышанных Дауркиным от чукочек и нанесенных на его карту, казалось ему невозможным. Как утверждают многие исследователи, оленные чукчи с Чукотского носа совершали частые набеги на жителей островов Берингова пролива и Северной Америки. Есть свидетельство участника экспедиции Биллингса доктора Мерка, что в 1791 году летом такой поход состоялся. «В нынешнем году, — упоминает Мерк, — оседлые чукчи отправились на нескольких байдарах в набег в Америку, но нашли только пустые, оставленные жилища»².

В фондах Центрального государственного исторического музея в Москве хранится уникальная реликвия: письмо Н. И. Дауркина на моржовом клыке. Вот его содержание: «1791 года 1 июня дня на месте жил Ноняхъмуне во ожидание секретных экспедицких ж судов итога июня 11 был на американских берегах и на островах на Имяхдине Инельине Окибяне 17 байдарах верноподданными с чукоцким народом и с товарищем сотником Иваном Кобелевым Сибирской дворянин и чукоцкой перевотчик Николай Дауркин подписал тогож июня 30 вождании были и паки дожидались до 15 июля»³.

¹ М. Б. Черненко. Путешествие по Чукотской земле и плавание на Аляску казачьего сотника Ивана Кобелева в 1779 и 1789—1791 гг. — «Летопись Севера», 1957, т. II, с. 128.

² Ю. Бронштейн и Н. Шнакенберг. Записки доктора Мерка — участника экспедиции Биллингса — Сарычева в 1785—1794 гг. — «Советская Арктика», 1941, № 4, с. 85.

³ С. Г. Федорова. Письмо на моржовом клыке. — Ежегодник государственного исторического музея за 1958 год. М., 1960, с. 147—149.

Дауркин не оставил больше никаких записей об этом плавании. Но зато сохранился дневник Кобелева. По нему можно установить этапы похода на Аляску. Кобелев сообщает, что с помощью чукчи Опрея вышел 4 июня на десяти байдарках на остров Имаглин (Ратманова) и пробыл там 6 дней. 10-го переехал на остров Иняллин, откуда перебрался на Аляску. Устье Хеуверена (залив Кларенс) оказалось забитым льдом, жители, боявшиеся набегов чукчей, ушли. 12 июня Кобелев переплыл на остров Окибянь (Кинга) и 14-го ушел оттуда к Азиатскому материку. На острове Кинга он встречался с приехавшими сюда американскими эскимосами, которые снова говорили о каких-то бородатых людях, живущих внутри Аляски. В Уэлен Кобелев прибыл 16 июня. Если сравнить данные путешествия Кобелева с тем, что написал Дауркин на моржовом клыке, то бросается в глаза разница в дате отплытия (1 и 4 июня) и в количестве байдар (10 и 17). Зато дата прибытия на Аляску совпадает — 11 июня. Можно предположить, что Кобелев и Дауркин, будучи между собой в ссоре, а это подтверждается архивными материалами, плавали с разными группами чукчей.

Возвратившись на Азиатский материк, Дауркин и Кобелев до 15 июля ждали прихода «Славы России» на берег залива Св. Лаврентия и затем совместно с оленными чукчами, не соглашавшимися больше ждать, вынуждены были уйти. Обо всем этом Кобелев оставил Биллингу через сидячих чукчей докладную записку. Несомненно, что именно в это время, ожидая экспедицию, вырезал на моржовом клыке свое редкостное письмо и Николай Дауркин.

Когда участники экспедиции — Биллингс, Сарычев и Мерк съехали на берег, чукчи их приветливо встретили и объяснили, что Кобелев и Дауркин ожидали здесь долго и теперь

Письмо Н. И. Дауркина на моржовом клыке с указанием на пребывание в Америке.

кочуют с чукчами. Интересно, что Кобелев не упомянул в своем рапорте о Дауркине. «Сотник Кобелев ни слова не написал в своем рапорте о толмаче Дауркине,— писал Сарычев,— почему спрашивали мы о нем здешних чукок, которые сказали, что он живет у оленного чукчи, называемого Имлерата Киренева, кочующего не очень далеко от здешнего места, и обещали в тож время послать нарочного дать ему знать о нашем прибытии»¹.

За ним послали нарочных. К вечеру 5 августа Дауркин вместе с оленными чуками Имлерата Киренева прибыл на 12 байдарках к месту стоянки «Славы России». Они вытащили свои байдары на берег и расположились под ними недалеко от судна. Сам же Кобелев отправился с другими чуками, которые не соглашались больше ждать, морем к острову Колючину, где у них было главное стойбище. Он писал, что там пробудет до 15 августа, а затем с чуками отправится внутрь Чукотки. Характерно, что после возвращения из Америки Кобелев и Дауркин жили у разных чукачей. Это еще раз подтверждает факт, что они были в ссоре. Фамилия Кобелева на моржовом клыке полустерта, хотя ее можно прочитать и сейчас.

Мерк пишет, что чуки съездили на американские берега безрезультатно, так как застали там только пустые юрты — жителей не было. Видимо, этим и можно объяснить, что нигде больше не встретились документы, говорящие что-либо о пребывании Дауркина и Кобелева на Американском материке. Хотя, впрочем, косвенных указаний имеется предостаточно. Так, Сарычев в нескольких местах намекает на факт посещения чуками Америки. Он говорит, что прибывшие с Дауркиным чуки «лицом очень похожи на тех американцев, которых мы видели у мыса Роднея»². Мартин Соур добавляет: «У них было множество шкурок лис, куниц, зайцев, и американских ондатр, в Америке они добывают большую часть мехов...»³ Далее он пишет о женщинах, бывших вместе с чуками на байдарках: «Это, однако, были не их жены, а пленницы, взятые у их американских соседей, с которыми они часто находились в состоянии войны. Причиной последнего столкновения между ними было следующее: две группы, встретившиеся на охоте за морскими животными, поссорились, произошла стычка, в ходе которой американские чуки захватили одну байдару и взяли в плен ее команду; группа их противников на обратном пути получила подкрепление, сделала набег на американское побережье и увезла несколько женщин, после чего восстановился мир»⁴. Мы обратили внимание на карту, сочиненную по журналу «Славы России» при плавании ее от острова Уналашка до Берингова пролива в 1791 году. На ней есть примечательное указание, что

¹ Цит. по кн.: А. И. Алексеев. Ученый чукача Николай Дауркин. Магадан, 1961, с. 75—76.

² А. И. Алексеев. Гавриил Андреевич Сарычев. М., 1966, с. 62.

³ Переведено из книги М. Соура. Цит. по кн.: А. И. Алексеев. Гавриил Андреевич Сарычев. М., 1966, с. 62.

⁴ Там же, с. 63.

«селении ж американского берега от Кыгмылле до острова Аяк и реки Хеуверен назначены по сказкам чукоч острова Имеглина, бывших сего ж лета в Америке»¹.

Почему же тогда ни Биллингс, ни Сарычев не рассказали о путешествии Кобелева и Дауркина в Америку, хотя они, несомненно, от них самих неоднократно слышали со всеми подробностями о походе сотника и Сибирского дворянина в Америку вместе с чукчами? Ответ на этот вопрос надо искать в обстановке, сложившейся в экспедиции в то время, в воззрениях самого Сарычева. Экспедиция достигла впервые берегов Америки 21 июля 1791 года у мыса Св. Ильи. Именно здесь Биллингс стал капитаном 1-го ранга. Первых американцев участники экспедиции повстречали на американском берегу у мыса Родней 28 июля. А Дауркин с Кобелевым были в Америке 11 июня 1791 года. Сопоставление этих фактов, этих дат наводит на мысль, что Биллингс и Сарычев, очевидно, умышленно не упоминали об этом походе, ибо он был не в их пользу: Кобелев и Дауркин побывали на берегах Америки более чем на полтора месяца раньше Биллингса и Сарычева. Сознание того, что какой-то низший чин и крещеный чукча могут помешать офицерам пожинать лавры первооткрывателей Америки, решило участь похода Дауркина и Кобелева к берегам Америки. И надо сказать, что такое замалчивание плавания Дауркина и Кобелева вполне удалось Сарычеву. Слухи о походе были, но доказать его реальность никто не мог до настоящего времени. Только письмо Дауркина на моржовом клыке, сохраненное Сарычевым или Мерком, многое объясняет. Это одна сторона дела.

Другая же причина заключается в следующем. Сарычев, а вероятно, и Биллингс считали Кобелева и Дауркина «людьми второго сорта». Особенно не внушал им доверия непосредственный и «дикий» чукча Дауркин. Их услуги Сарычев и Биллингс принимали как должное, как само собой разумеющееся. Но рассказывать об их и только об их открытиях было совсем не обязательно. Вот если бы Кобелев и Дауркин сопровождали его, Сарычева, или Биллингса в таком плавании, пусть даже на байдарках, тогда о них можно было бы упомянуть.

Вот, на наш взгляд, двуединые части ответа на вопрос. Сарычев не написал о походе Дауркина и Кобелева вместе с чукчами в июне 1791 года потому, что считал недостойным упоминать об этом. Он не признавал таких плаваний, а в данном случае и не хотел признавать, так как Кобелев и Дауркин оказались в Америке раньше самого Сарычева.

Итак, Дауркин и прибывшие с ним чукчи сказали Биллингсу, что «Ледовитое море всегда почти бывает покрыто множеством льда, и что по сему морю нет возможности плавать не только на больших судах, но и на байдарках: по сей причине капитан Биллингс отменил предполагаемое плавание Ледовитым морем к Шелагскому носу, а вознамерился ехать сухим путем и осмотреть весь берег Ледовитого моря»². В связи

¹ ЦГВИА, ф. ВУА, № 23766.

² Г. А. Сарычев. Путешествие капитана Биллингса чрез Чукотскую землю от Бернигова пролива до Нижнеколымского острога... СПб, 1811, с. 3.

с таким решением изменился несколько и план экспедиции. «Главной целью путешествия,— как справедливо свидетельствует М. И. Белов,— было знакомство с чукотским народом и с тем, чтобы склонить его к переходу в русское подданство»¹. Это было исключительно смелое решение. Оно говорило о храбрости Биллингса, о его готовности пожертвовать своей жизнью для выполнения наказа русского правительства. В спутники себе он выбрал доктора Мерка, его помощника Мейна, штурмана Батакова, лекаря Леймана, рисовального мастера Воронина, переводчика Дауркина и трех служителей.

11 августа 1791 года Биллингс послал вперед отряд под начальством сержанта геодезии Алексея Гилева описывать берег Чукотки до Колочинской губы, а 12-го — Батакова в губу Св. Лаврентия для описи и промера.

13 августа Биллингс сдал судно «Слава России» Сарычеву, а сам на чукотских байдарках отправился к Мечигменской губе. 15-го к отряду присоединился А. Батаков, выполнивший возложенное на него задание по описи губы Св. Лаврентия. 4 сентября произошла встреча Биллингса с чукчами, с которыми он и проделал весь трудный путь по Чукотке, завершившийся 22 февраля 1792 года в Нижнеколымске.

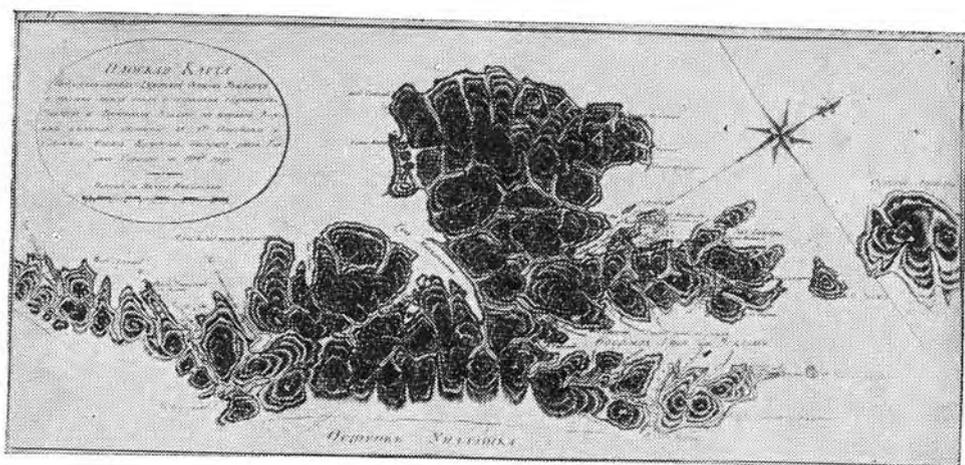
Сарычев же, выполняя предписание Биллингса, на следующий день после ухода начальника экспедиции в путешествие по Чукотке снялся с якоря, и «Слава России» пошла описывать Чукотское побережье и, в частности, Анадырский залив. После окончания работы Сарычеву предписывалось идти на Уналашку, там зимовать, ожидая прихода «Черного орла», а затем идти непосредственно к Камчатке, где ждать Биллингса. Если же его не будет, идти в Охотск, предприняв плавание «между Курильскими островами, Япониею и матерой землей Китая».

29 августа «Слава России» стала на якорь в Капитанской гавани, а 2 сентября произошла долгожданная встреча с «Черным орлом» под командованием Роберта Галла. Этому судну пришлось повторить весь путь «Славы России». Вот как это было.

25 июня 1791 года «Черный орел» вышел из устья Камчатки в море, но штиль помешал ему тотчас же уйти в плавание. Только на следующий день пошли к острову Беринга, 30-го прошли в восьми милях севернее его, 2-го июля видели остров Медный, далее мореходы плыли вне видимости берегов.

В середине июля открылся остров Акутан, а 17-го — Уналашка. При входе в Капитанскую гавань 22 июля алеуты сообщили Галлу, что «Слава России» уже была здесь и оставила людей в селении Илюлюк. Тогда Галл перешел в западную часть гавани, где встретил доктора Алегретти с запасами и предписанием от Биллингса идти в губу Св. Лаврентия и ждать его там до 20 августа. С Уналашки сразу уйти не удалось из-за

¹ М. И. Белов. История открытия и освоения Северного морского пути. Т. I. М., 1956, с. 423.

План острова Уналашка по описи Г. А. Сарычева.

противных ветров: 31 июля «Черный орел» вышел из гавани, но для выхода в море пришлось ждать хорошей погоды.

Только 4 августа удалось направиться к островам Прибылова. 7-го видели остров Св. Павла, 11-го — Св. Матвея, а 18-го в пяти милях в тумане открылся неожиданно берег. Когда туман рассеялся, 19-го числа «открылись все три Гвоздевы острова и восточный мыс Азии»¹. 21 августа вошли в устье Св. Лаврентия, ожидая встречи с Биллингсом. Но спясть неудача. Чукчи сообщили последние новости, причем один из них вручил Галлу предписание идти снова к Уналашке, чтобы взять предписание у Сарычева, а другой — два моржовых зуба (уж не тот ли зуб, на котором было письмо Дауркина?). Ждать тут Галл долго не стал и сразу же ушел к Уналашке, куда и прибыл без особых приключений 2 сентября, встретившись наконец-то со «Славой России».

Зимовали вместе, жили на судах. Сарычев и Худяков описывали остров.

Во время зимовки исполняли статью XVII «Наставления» Адмиралтейской коллегии: «В бытность вашу на принадлежащих Российской империи местах осведомляться, как можно вернее, о числе мужеска полу, обитающих там людей и положить основание к собиранию с них впредь ясака, или подати»². Именно тогда, несмотря на принимаемые меры, участников экспедиции поразила цинга. К концу марта более половины команды обоих судов были больны, а 14 человек умерло.

Еще 1 декабря 1791 года, исполняя предписание Биллингса, Сарычев

¹ Г. А. Сарычев. Путешествие капитана Биллингса..., с. 85.

² Г. А. Сарычев. Путешествие флота капитана Сарычева..., ч. II, 1802, с. 122.

передал командование «Славой России» Галлу, а сам принял «Черный орел». Под таким командованием оба судна и готовились к плаванию на Камчатку.

15 апреля 1792 года на совете офицеров было постановлено «при следовании ныне в Камчатку, сделать сей путь сколько можно полезным»¹. Иными словами, решено было со всей возможной тщательностью описывать Алеутские острова, производить перепись населения и собирать ясак с жителей островов.

16 мая 1792 года суда вышли в море. 25 мая они потеряли друг друга из виду и до Камчатки добирались самостоятельно. 16 июня в Петропавловскую гавань вошла «Слава России», а через три дня и «Черный орел». За время зимовки и плавания было выявлено на 20 островах (Уналашке, Умнаке, Спиркине, Уналге, Акутане, Акуне, Танаге и других) 1 178 человек мужского пола — плательщиков ясака².

Теперь нужно было выполнить предписание Биллингса об описи Корейского (Японского) моря. Так как провизии оставалось мало, то решили заключительную часть экспедиции провести на одном судне и с этой целью «Славу России» оставили в Петропавловске. С нее перенесли все лучшее вооружение на «Черный орел». Со «Славой России» и частью команды оставался Беринг. Ему поручалось сдать судно портовому начальству, а после этого на одном из казенных судов направиться в Охотск.

6 августа «Черный орел» вышел из Петропавловска и 15-го приступил к описи Курильских островов, но успешно выполнить это задание не смог из-за густого длительного тумана и осенних штормов. Удалось дойти лишь до 14-го или 15-го острова. 18 сентября «Черный орел» стал на якорь в устье Охоты и Кухтуя. В Охотске узнали о благополучном окончании путешествия Биллингса, которому был послан подробный отчет обо всем происшедшем. Экспедиция завершила свою грандиозную работу.

Огромный политический итог этой экспедиции очевиден: все открытые и освоенные русскими промышленниками острова и земли закреплялись за Россией.

Экспедиция в значительной степени укрепила позиции создаваемой Российско-Американской компании, хотя между Биллингсом и Шелиховым возникали трения. Экспедиция имела большое значение для внесения ясности во взаимоотношения русской государственной власти с местными жителями. Экспедицией были подробно описаны многочисленные острова северной части Тихого океана и Берингова моря, поправлена карта Синдта. Участники экспедиции достигли Северной Америки и побывали там. Был сделан большой и важный шаг на пути к Русской Америке.

¹ Г. А. Сарычев. Путешествие флота капитана Сарычева..., ч. II, 1802, с. 122.

² Р. В. Макарова. Русские на Тихом океане во второй половине XVIII века. М., 1968, с. 155.

* ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Российско-Американская компания. Шелихов

Конечно, и после 70-х годов продолжали свои плавания на восток к берегам Северной Америки промышленники и мореходы. Постепенно появлялись новые имена, но все больший вес приобретали компании купцов Лебедева-Ласточкина, Голикова и особенно Шелихова. История героических походов русских землепроходцев и мореходов, как мы видели, знает немало примеров отваги, стойкости, мужества, но и здесь Шелихов выделяется своей настойчивостью, целеустремленностью, пониманием важности для государства совершенных им и его сподвижниками дел.

Нередко ученые и литераторы изображали и изображают Шелихова эдаким напористым, предприимчивым и удачливым счастливым человеком, которому волею обстоятельств судьба предопределила такое исключительное положение среди многих выдающихся первопроходцев. Это не совсем так. Были и счастливые дни в его жизни, были удачи, был и определенный риск (и не малый) в его предприятиях, но в основе всех действий Шелихова на берегах Тихого океана была мечта, совершенно ясная и определенная цель — основание постоянных русских поселений в Северной Америке. Этим Шелихов в корне отличался от своих товарищей — купцов и мореходов. На пути встречались неудачи, срывы, но цель была достигнута, а вместе с этим пришло богатство, пришли известность и слава.

В 1773 году в Сибири появился молодой купец города Рыльска Григорий Иванович Шелихов. Он родился в 1747 году в достаточно зажиточной семье. Досибирская биография его мало известна. Из ревизских сказок по Рыльскому уезду за 1737 год значится купец города Рыльска Афонасий Шелихов¹. Об отце морехода Иване Афанасьевиче Шелихове биографических сведений мы не нашли. Встретилось лишь одно указание на то, что отец Шелихова был жив и тогда, когда Григорий Иванович находился уже в Сибири. Приходится говорить об этом потому, что иногда писатели и ученые пишут, будто Г. И. Шелихов уехал в Сибирь из Рыльска только после смерти отца. Но это не так. Давая наставление приказчику П. В. Мыльникову, отправляемому в Москву и в Рыльск из Иркутска 21 декабря 1782 года, мореход в числе других пунктов записал и такой: передать письмо «родителю моему Ивану Афанасьевичу господину Шелихову»².

О детских годах Г. И. Шелихова известно мало. Б. П. Полевой передает семейное предание семьи Шелиховых. В семье хранился серебряный ковш, поднесенный предкам Петром I. Именно этот ковш заставил

¹ ЦГАДА, ф. Ландратские книги и ревизские сказки, № 2966, л. 41 об.

² АВПР, ф. 339, оп. 888, д. 38, л. 4.

Г. И. Шелихов.

Г. И. Шелихова следовать заветам предков, «быть предкам своим подражателем»¹. Будучи в Курске, Шелихов узнает о курских купцах, отправившихся в Сибирь искать счастья. Сам же он был в это время приказчиком у купца Ивана Ларионовича Голикова, был и письмоводителем, в общем перепробовал несколько профессий. В 1773 году Г. И. Шелихов отправился в Иркутск, где некоторое время служил приказчиком. Там он познакомился с якутским купцом Павлом Лебедевым-Ласточкиным, вступил с ним в компанию, купив совместно промысловое судно «Николай». Они мыслили снарядить его в плавание к Курильским островам. С этой целью Шелихов впервые в 1774 году ездил в Охотск и на Камчатку. Официально он числился приказчиком купца И. Л. Голикова по питейным откупам. Представление о его официальных обязанностях дает одно из наставлений И. Л. Голикова, относящееся к более позднему времени (1779 год): «Как вы ныне отправитесь отсель из Иркутска через Качюг до города Якутска и Охоцкого порта, то по принятии сего наставления имеете во время следования, где вам быть трафитца (придется.—А. А.) и допустит время, за находящимися в питейных домах служителями смотрение иметь, чтоб оные при продаже питей находи-

¹ Г. И. Шелихов. Российского купца Григория Шелихова странствования из Охотска по Восточному океану к Американским берегам. Предисловие Б. П. Полевого. Хабаровск, 1971, с. 19.

лись порядочно и принятые ими питья ни отваживались никоим образом портить»¹.

По возвращении в Иркутск Шелихов женился на богатой вдове и в этом же 1775 году вступил в компанию купца Луки Алина и Петра Сидорова, построил вместе с ними и отправил на Алеутские острова (на Командорские) под водительством морехода Третьякова судно «Петр и Павел», которое в 1780 году привезло «грузу 936 шкур бобров морских, 1580 песцов голубых и 34 000 морских котов, по тогдашним ценам на 74 200 рублей»².

Чтобы застраховать себя от случайностей, Шелихов вступил в 1777 году в пай с купцами Голиковыми и Пановыми, и компания отправила на Алеутские острова суда «Андрей Первозванный» (купцы Голиковы, Лебедев-Ласточкин, Ситников, Шелихов, мореход Гавриил Пушкарев) и «Варфоломей и Варнава» (Пановы, Иван Савельев, Шелихов, мореход Степан Корелин). В этом же году предприимчивый Шелихов вложил свой капитал еще в одну компанию: вдвоем с П. Лебедевым-Ласточкиным они снарядили и отправили на Курильские острова судно — бригантину «Наталья».

Первое из судов, промышлявшее на Ближних островах (Атту, Амчитка), привезло пушнины на 133 150 рублей, а второе, отправлявшееся на Андреяновские острова, — на 57 860 рублей. Но особенно успешным было плавание «Натальи», повторенное и в следующем году. Кроме пушнины, эти плавания были полезны для науки, так как Иван Антипин, Афанасий Очередин, Дмитрий Шабалин доставили описание Курильских островов и сведения об острове Хоккайдо, на северной части которого они побывали³. Но после того, как на Курилах погиб посланный туда в 1778 году бот «Николай», Шелихов полностью «переключился на Алеутские острова и Аляску».

Вряд ли есть необходимость перечислять подробно все компании, в которых он участвовал. Можно лишь сказать, что при участии Шелихова были снаряжены и отправлены: в 1779 году судно «Иоанн Предтеча» (мореход Алексей Сапожников), в 1780 году — «Иоанн Рыльский» (мореход Меншиков, судно разбилось), в 1781—1783 годах — «Варфоломей и Варнава» (мореход Степан Корелин), «Св. Георгий» (мореход Гавриил Прибылов), «Св. Павел» (мореход Степан Зайков). Эти плавания принесли, как мы уже отчасти видели, не только большие прибыли компаньонам и новые географические открытия (например, острова Прибылова). К. Т. Хлебников «имел собственноручное письмо Шелихова к Баранову, в котором он пишет, что груз, привезенный Прибыловым (в 1789 году. — А. А.) с новооткрытых островов, состоял из 2 000 бобров, 40 000 котиков, 6 000 песцов голубых, 1 000 пудов моржовых клы-

¹ АВПр, ф. 339, оп. 888, д. 33, л. 1.

² К. Хлебников. Григорий Иванович Шелихов. — «Сын Отечества», т. 2, ч. 1, разд. «Наука и искусство». СПб, 1838, с. 66.

³ Более подробно об этом см.: А. И. Алексеев. Сыны отважные России. Магадан, 1970, с. 117—130.

ков и 500 пуд. усов китовых, которые добыты сорока человеками русских в течение двух годов»¹.

Г. И. Шелихов, И. Л. Голиков и М. С. Голиков (племянник И. Л. Голикова) 17 августа 1781 года заключили соглашение об образовании Северо-восточной компании для совместного промысла в районе Алеутских островов и берегов Северной Америки. Компания эта создавалась не на одно плавание, как это бывало ранее, а на десять лет. Новым в этом соглашении было и то, что компаньоны договорились «основать на берегах и островах американских селения и крепости»². По этому же договору первую экспедицию к берегам Америки должен был возглавить Г. И. Шелихов.

По прибытии в Иркутск началась интенсивная подготовка к походу. На Уракомском плотбище вблизи Охотского порта были заложены три галиота: «Три святителя», «Св. Симеон Богоприимец и Анна Пророчица» и «Архистратиг Михаил». Герасим Алексеевич Измайлов командовал первым галиотом, на котором шел Шелихов с женой Натальей Алексеевной и двумя детьми; вторым — Дмитрий Иванович Бочаров, а третьим штурман Олесов. Всего в экспедиции участвовало 192 человека. На случай, если суда разойдутся, первым местом встречи назначался остров Беринга.

Эскадра из трех судов вышла в море из устья реки Урак 16 августа 1783 года. Переход через Охотское море был благополучным, и 31 августа суда подошли к первому Курильскому острову (Шумшу), где запаслись водой. 3 сентября направились в дальнейший путь и через девять суток попали в жестокий шторм, который разлучил галиоты. Однако 14 сентября первые два галиота снова встретились и сумели 24 сентября подойти к острову Беринга, где и стали на зимовку.

Несмотря на поиски вокруг острова, третьего судна вблизи него нигде не было обнаружено. Во время зимовки занимались больше добычей пищи — ловили рыбу, добывали птиц, промысел же пушного зверя был небогатый. Для предохранения от цинги Шелихов распорядился всем совершать дальние лыжные прогулки и просто гулять по берегу моря. С наступлением весны готовились к переходу к Уналашке, где надеялись встретить галиот «Св. Михаил».

16 июня 1784 года вышли к Алеутским островам, но уже на третий день суда разошлись, и Шелихов решил идти к острову Медному в надежде, что туда придет и «Симеон». Прождав его там до 26 июня, Шелихов пошел к Алеутам, затем плыл вдоль островов Атха, Амля, Сопочные. 12 июля сошлись с «Симеоном» и вместе прибыли 13-го числа к Уналашке. На другой день завели галиоты в Капитанскую гавань, в которой простояли до 22 июля, пополняя запасы свежей воды и продовольствия. Шелихов отмечал в своей записке о путешествии, что, проходя

¹ К. Хлебников. Григорий Иванович Шелихов. — «Сын Отечества», т. 2, ч. 1, разд. «Наука и искусство», СПб, 1838, с. 69—70.

² Р. В. Макарова. Русские на Тихом океане во второй половине XVIII в. М., 1968, с. 120.

вдоль Алеутских островов, они приметить могли, что цепь тех островов «имеет вид каменных и высоких гор, в числе коих много есть огнедышащих; лесов стоячих совсем нет, а растут только стелющиеся на камнях талина, ольха, и ребинники, да и сии не во всех местах. Обитатели же на дрова и на строения собирают выбрасываемые с моря разного рода леса»¹.

В Капитанской гавани оставили предписание для «Михаила», если он появится, — следовать на Кадьяк (Кытак). Шелихов взял здесь двух толмачей и десять алеутов, которые могли бы помочь ему в установлении отношений с жителями Кадьяка, и 22 июля отправился в плавание к цели своего путешествия — острову Кадьяк.

3 августа галиоты пришли в Павловскую гавань острова Кадьяк, жители которого «коняги» встретили пришельцев неприветливо. Во время поездок на байдарках 4 и 7-го числа для осмотра окрестностей встретили множество коняг, просили их о дружбе. Сам Шелихов ездил к ним на переговоры, но безуспешно. В полночь 12 августа во время смены караула «коняги в превеликой толпе вышед с камня (то есть сойдя с небольшого островка — кекура. — А. А.) на нас напали с такою жестокостию, что можно было помыслить, что совершенно достигнут дикие сии своего намерения, что и действительно им было не трудно, ежели бы мы меньше были осторожны, или больше боязливы. Очевидная смерть придавала нам бодрость, и мы с оною защищались, нашими ружьями насилу могли обратить их в бегство»².

Перебежчик сообщил, что коняги из соседних селений собирают силу великую. Соответственно изготовились и шелиховцы. Как писал сам Шелихов, решил он «приступить со всеми моими людьми к крепости их с тем намерением, чтобы выжить их оттуда». У шелиховцев были пушки, действие которых вызвало сначала «удивление их... оттого родился ужас... и овладела ими робость; скоро они побежали из крепости своей, кою и оставили уже нашу без потери ни одного человека... В плен привели мы в гавань более 400 душ, распустив протчих на волю»³. 130 человек русских, несмотря на всю трудность обстановки, сумели утвердиться на кадьякской земле. До Шелихова здесь побывали промышленники компании купца Холодилова (1776 год), купцов Пановых (штурман Очередин в 1780 году) и три промысловых судна с Лисьих островов в 1783 году, и всех их коняги прогоняли. Шелихов же сумел постепенно установить с местными жителями нормальные отношения. Он дал им байдары и поселил в 15 верстах от Павловской гавани, выбрав среди них старшего — Хаскака. Постепенно местные жители стали союзниками русских и предупреждали о неприятностях, которые им грозили со стороны других племен, и даже сами коняги прогоняли их. Шелихов неустанно вел среди них разъяснительную работу и писал, что он «пришел к ним жить в дружбе, не вести войну... притом же и всемиловейшая

¹ АВГР, ф. 339, оп. 888, д. 39, л. 1 об.

² Там же, л. 2 об.

³ Там же, лл. 2 об. — 3 об.

наша государыня желает их покровительствовать и доставит им жизнь безопасную и спокойную; сие и многие примеры ласкового обхождения, и малыя подарки, совершенно их усмирили»¹.

Разослав по всем направлениям «артели» для промысла, Шелихов занялся устройством селения: организовал школу для детей, поощрял принятие христианства, вербовал на службу компании. «Почитали они чудом скороспешное строение у нас домов... Невежество их так велико что они, когда мы во времена темных ночей выставляли бывшей у меня кулибинский фонарь, думали, что то было солнце, которое мы похищали... Мне прискорбно было видеть такую умов их грубость, и для того недолго оставляя их в сим заблуждении, но старался сколько можно изъяснить им, что сие есть дело такого же человека, как и они, с тою только разницею, что они ничего не будут знать до тех пор, пока не будут мирны и заимствовать от нас обычай и род жизни. Я показал им способность и выгоды российских домов и платя, и употребления пищи. Они видели труды моих работных, когда они копали землю на огороде, сеяли и садили семена; по созрении плодов я велел им оныя раздавать, но сии, употребляя их, ничего кроме удивления не изъясляют. Многих я велел кормить изготовленною работными моими для себя пищею, к чему они крайне чувствовали охоту. Таково мое с ними поведение час от часу более их ко мне привязывало»².

Настойчивая деятельность Шелихова привела к тому, что уже в первый год ему удалось обратить в христианскую веру 40 аборигенов, некоторые приобщались к грамоте («начал я вводить их в познания о книгах и обещая выучить и детей их, ежели кто из них на то согласится, таковой же по их мыслям премудрости. Нашел некоторых охотников, кои приводили и вручали мне оных: должно отдать народу сему справедливость в остроте ума, ибо дети их весьма скоро понимали свои уроки, и некоторые до отъезду моего столь выучились по-русски говорить, что без нужды можно их разуметь. Я оставил таковых учащих грамоте 25 мальчиков»³), многие жители захотели посмотреть Россию.

Зима 1784—1785 годов в общем прошла в таких вот непрерывных хлопотах и заботах по устройству местных жителей, налаживанию с ними отношений, подготовке к весенним и летним походам. Но, несмотря на хорошую организацию труда, отдыха и правильное питание, цинга посетила и Павловскую гавань. Больных становилось все больше и больше, а «с половины зимы оныя умирать начали, а оставшихся сильно ослабевали»⁴. Появились также слухи о подготовке некоторых отдаленных племен к военному походу на русских: Шелихов вовремя сумел разоблачить заговор и арестовать заговорщиков.

В начале мая Шелихов отправил большой отряд в составе 52 промышленных русских, 110 коняг и 11 алеутов на четырех байдарках на

¹ АВПР, ф. 339, оп. 888, д. 39, л. 5.

² Там же, л. 5 об.

³ Там же, л. 6 об.

⁴ Там же, л. 7.

Американское побережье. Самое примечательное в этом походе то, что вчерашние «неприятели» — коняги сегодня совместно с русскими выполняли общее дело. Возвратившись в конце августа, посланцы сообщили, что отряд побывал в Кенайском и Чугачском заливах, у острова Афогнак, прошел проливом между островом Кадьяк и материковым берегом Аляски, «не видав во все лето ни от коняг, ни от чугач и от кенайцев никаких нападений, но еще оныя народы дали до 20 человек в аманаты...»¹. Прибывшие разместились на Кадьяке в местечке, называемом Карлукским. И зимой не прекращались походы вокруг Кадьяка с северной и западной сторон, а по «американскому берегу от Кытмака до Камышатской губы»². В декабре был сделан поход и по южную сторону острова. Причем во всех точках, где побывали промышленники, строились зимовья и оставались зимовщики-промышленники.

С 10 января и по 1 мая 1785 года одиннадцать промышленников — «работных людей» жили на восточной стороне острова Кадьяк, в той его части, где растет хороший еловый лес (теперь мыс Еловый), находящийся от Павловской гавани в 160 верстах, близ Чиниатского селения. Они построили там зимовье, несколько шлюпок и занимались пушным промыслом.

25 февраля Г. И. Шелихов получил известие от начальника зимовья Кытматского грека Евстрата Ивановича Деларова. В письме от 19 февраля он сообщал о судьбе галиота «Св. Михаил», который согласно предписанию Шелихова, прибыв на Уналашку, вышел оттуда 12 мая 1785 года в море. Шесть недель противные ветры трепали его вблизи Уналашки, не давая возможности продвинуться вперед. Была сломана мачта, и галиот принужден был возвратиться на Уналашку. Исправив повреждение, вышли в августе в море вторично, но из-за ошибки подштурмана Олесова налетели на камни и с большим трудом снова возвратились на Уналашку, где и пришлось зазимовать. Олесов во время зимовки отправил с судна к Шелихову на шлюпках 30 человек, но и им не повезло: долго их носило штормом по морю, затем прибило к Американскому берегу, где они пробыли шесть недель, «лишась 6 человек от холоду и от недостатка пищи, оставшая спасены по уведомлению вышеписанного же грека Деларова людьми, посланными из нашей компании, но ис тех по приезде в гавань 5 человек померло»³.

Незадолго до выхода в Охотский порт Г. И. Шелихов послал отряд к мысу Св. Ильи для постройки там крепости, а также описи побережья, обязав «по берегам ставить кресты и закапывать в землю обломки горшечные, кору березовую и уголья»⁴. На побережье строились крепости: в Кенайском заливе, в Чугачском заливе, на острове Афогнаке, расширялось селение на северном берегу острова Кадьяка, в Павловской гавани.

¹ АВПР, ф. 339, оп. 888, д. 39, л. 8.

² Там же.

³ Там же, л. 8 об.

⁴ Там же, л. 9.

И теперь, когда после двухлетнего пребывания в Америке Шелихов собирался возвращаться в Охотск, он наказывал енисейскому купцу Константину Алексеевичу Самойлову, остававшемуся правителем русских селений в Северной Америке, «поступать расселением российских артелей для примирением американцев и прославления Российского государства по изъясненной земле Америке и Калифорнии до 40 градусов»¹. Отметим, что это первое указание о русских границах в Северной Америке.

В наставлении Г. И. Шелихова К. А. Самойлову, данном 4 мая 1786 года, говорилось: «За отлучкою на судне (Шелихов уходил только на одном судне — «Три Святителя», два оставались в Америке. — А. А.) в Охотский порт российских людей 12-ти человек, в остатке компании нашей русских на острове Кыктаке (Кадьяке. — А. А.) 113-ть человек, к сему надеюсь получить от грека Деларова ис компании сверх Кондакова и Вакина 24, да по приходе с Уналашки судна Михаила 26. Итого 163 человека, которых содержать поартельно: в Сельдяной бухте в проливе 30-ть человек, в Чукшатской (Чугацкой. — А. А.) бухте 11-ть человек, в гаване на острове Афогнаке 40 человек, в Кенайской губе в крепости 30 человек, в Угаматской бухте или между Афогнаком и Учиньятской (Чиниатской. — А. А.) бухтой или Агаехталика, где более надобность востребует, 10-ть человек, в Олитаке 11-ть, в Карлуке 20, между Катмаком и Камыкшаков ближе к Катмаку на пристойном жилие (жилые, селении. — А. А.) 11-ть. Итого 163 человека. А когда судно Трех Святителей из Охотска придет с людьми, тогда заводить крепость и артели за мысом Святаго Илии». И далее, Шелихов наказывал: «Гавани и крепости, расположенные мною на острове Афогнаке и в Кенаях, устроить елико можно прочныя против плана всякое покойное и удалное строение и крепость, а для байдар и байдарок сарай...»²

Общие же задачи, поставленные К. А. Самойлову и командирам судов, очень хорошо видны из следующего места «Наставления»: «Одному предписал я наставлением... плавать по длине (долготе. — А. А.) от 40 до 73 градусов, считая от Охотского меридиана, который я первым поставлял в своем исчислении (то есть принимал за начальный меридиан. — А. А.), а по широте от 60 до 40 градусов в открытом море; другому же — к северу при сближении там двух частей света, для сыскания неизвестных мест и островов. Третий, на котором выехал я из Кадьяка, обращен в транспортное судно, на коем каждый год приятным долгом почитаю я уведомлять правительство о делах тамошнего края»³.

22 мая 1786 года Шелихов на судне «Три святителя» вышел в море и сразу же встретил наконец-то галиот «Св. Михаил». Шелихов побывал на нем, сменил морехода и приказал «Св. Михаилу» из Павловской

¹ Г. И. Шелихов. Российского купца Григория Шелихова странствования из Охотска по Восточному океану к Американским берегам. СПб, 1812, с. 54.

² АВПР, ф. 339, оп. 888, д. 46, лл. 1 и 5.

³ Г. И. Шелихов. Российского купца Григория Шелихова странствования из Охотска по Восточному океану к Американским берегам. Хабаровск, 1971, с. 51.

гавани следовать на остров Афогнак и находиться там при крепости. Продолжая плавание к берегам Камчатки, галиот «Три святителя» шел на виду Алеутских островов. С судна видели Четырехсопочные острова, Амухту, Сигуам, Амлю, Атху и другие. Плавание было тяжелым. 12 русских болели цингой, и почти все матросские обязанности исполняли «американцы», которые «из любопытства» согласились плыть в Охотск. Они же наполнили свежей водой 40 опустевших за время перехода бочек и доставили их с Первого Курильского острова на галиот. Сильный встречный ветер и огромное неправильное волнение (сулой) в проливе задержали продвижение галиота, который только 8 августа сумел стать на якорь у Большерецкого устья.

Тут произошло неожиданное событие. Шелихов съехал на байдаре на берег, как он пишет, для покупки рыбы, а байдару отправил обратно. Тем временем налетел ветер, судно сорвало с якоря, и оно без Шелихова было вынуждено уйти в Охотский порт. Шелихов же, побывав в Петропавловске, где познакомился с капитаном английского торгового судна В. Питерсом, закупил у него весь товар на сумму 6611 рублей, привез этот товар в Большерецк и тут перепродал оптом тотемским купцам Пановым, получив прибыли 50 процентов, то есть по 50 копеек на рубль. Обратное Шелихов возвращался сухим путем через всю Камчатку, вокруг залива, носящего сейчас его имя, залива Шелихова, вдоль Охотского побережья. В этом пути ему очень помогли братья Т. И. и В. И. Шмалёвы. Шелихов прибыл в Охотск 27 января 1787 года, а оттуда уже с семьей в Иркутск 6 апреля.

Г. И. Шелихов по прибытии в Иркутск, чрезвычайно довольный успехом дела и прошедшего плавания, развернул бурную деятельность. В своем донесении Иркутскому и Колыванскому генерал-губернатору Ивану Варфоломеевичу Якоби о путешествии в Америку от 19 апреля 1787 года он больше всего просит помочь, оказать содействие Е. И. Деларову, Г. А. Измайлову и Д. И. Бочарову, которые должны в скором времени отправиться из Охотска в Америку¹. Записка Г. И. Шелихова о его странствиях была опубликована в 1791 году (причем редактор, по всей вероятности академик С. Я. Румовский, своевольно, следуя «духу времени», изменил фамилию морехода на Шелехов) и имела огромный успех².

В 1788 году Шелихов и Голиков прибыли в Петербург и обратились к императрице с прошением, где ставили вопрос об образовании единой компании, которой бы правительство дало привилегии монопольно промышленать на Алеутских островах и в Северной Америке, возводить там русские постоянные поселения и просили ссуды на 20 лет в размере двухсот тысяч рублей. «С умом, свойственным государственному человеку, он (Шелихов. — А. А.) главнейшей целью имел упрочить для отечества занятые острова, привести обитателей их в подданство России, завести осед-

¹ АВПР, ф. 339, оп. 888, д. 50.

² В советское время книга Г. И. Шелихова была переиздана в 1971 году Хабаровским книжным издательством под редакцией Б. П. Полевого.

лости, где только возможно, и потом уже заботиться о собственных выгодах и приобретениях новых сокровищ в странах отдаленных»¹.

Екатерина II, которой были доложены проекты Шелихова и Голикова, реагировала на них весьма своеобразно. Собственноручные ее замечания, сделанные во время чтения бумаг Шелихова и Голикова в переложении сибирской администрации, говорят о том, что она была категорически против предоставления займа («двести тысяч на двадцать лет без проценты. Подобного займа еще не бывало. Ниже тогда когда Сенат раздавал деньги и заказы охочим людям на достаточной залог или верное поручительство, могут занять и вне казны, а в казне теперь нет денег никаких»), была категорически против монопольной компании («чтоб Голиков и Шелихов одне торговали в новооткрытыя места сие прошение есть сущая монополия и исключительное торговля противное моим правилам, что оне учредили. Хорошо то говорят оне ништо тамо на место не освидетельствовал их затеек...»), была вообще против распространения на Тихом океане («многое распространение в Тихое море не принесет твердых польз. Торговать дело иное, а владеть дело другое»)². В результате 11 сентября 1788 года последовал указ правительствующего сената, по которому согласно воле Екатерины II в просьбе Шелихова и Голикова о ссуде 200 тысяч рублей, о монопольном промысле и торговле на Алеутских островах и в Северной Америке, о разрешении использовать офицеров-моряков и артиллерийских служителей на службе компании в Америке было отказано³. Несмотря на это, за заслуги Голикова и Шелихова Екатерина II распорядилась дать им шпаги, медали и похвальные грамоты.

И все-таки Г. И. Шелихов сумел отправить из Охотска галиот «Три Святителя». На смену К. А. Самойлову на нем отправлялся Е. И. Деларов, который был вместе с Шелиховым в Иркутске. Ему вменялось в обязанность продолжать укрепление русских селений и крепить связь с местными жителями. Он должен был привезти обратно на Кадьяк американцев, прибывших добровольно в Охотск, дабы те рассказали своим родичам о русской жизни и русских селениях. Между прочим, Шелихов приписал: «Для приплоду увести в Америку из Иркутска две пары собак злобных и две пары кроликов, а из Охотска две пары с бычками телочек, да пару свиней и пару коз, которые стараться там расплодить»⁴. 27 августа 1787 года охотский прикащик Шелихова Емельян Ларионов докладывал своему хозяину в Иркутск, что «судно С. Трех Святителей из Охотска отправлено в Америку сего августа 20-го...»⁵. В это самое время в Охотске находился и родной брат Шелихова Василий Иванович.

¹ К. Хлебников. Григорий Иванович Шелихов. — «Сын Отечества», т. 2, ч. 1, разд. «Наука и искусство». СПб, 1838, с. 69—70.

² АВПР, ф. 339, оп. 888, д. 36, лл. 1—2 об.

³ Там же, д. 56, л. 1.

⁴ Там же, д. 49, л. 3.

⁵ Там же, д. 53, л. 1.

А. А. Баранов.

Приход «Трех Святителей» на Кадык с богатым снаряжением и удовольствием был важным событием. Русские промышленники видели, что поддержка их делу обеспечена. Е. И. Деларов принял дела от К. А. Самойлова и стал усиленно и успешно проводить в жизнь программу Г. И. Шелихова: посылал суда для исследования побережья, строил новые зимовья и крепости, поддерживал уже построенные, способствовал развитию там огородничества и животноводства. Селение на Кадыке из года в год росло.

С 30 апреля по 15 июля 1788 года Г. А. Измайлов и Д. И. Бочаров совершили на галиоте «Три Святителя» интересное плавание вдоль Американского побережья «как для открытия новых морских островов и приведения под власть Российской империи разных островных народов, так равно и для утверждения всей новообретенной американской части знаками, величеству и названию российскому свойственными»¹. Исследуя берег залива Аляски от Кенайского полуострова до бухты Льюта, мореплаватели открыли здесь удобные и обширные заливы Якутат и Нучек. Во всех местах Измайлов и Очередин зарывали в землю медные доски с российскими гербами и надписью: «Земля Российского владения»².

¹ Г. И. Шелихов. Российского купца Григория Шелихова странствования из Охотска по Восточному океану к Американским берегам. Хабаровск, 1971, с. 88.

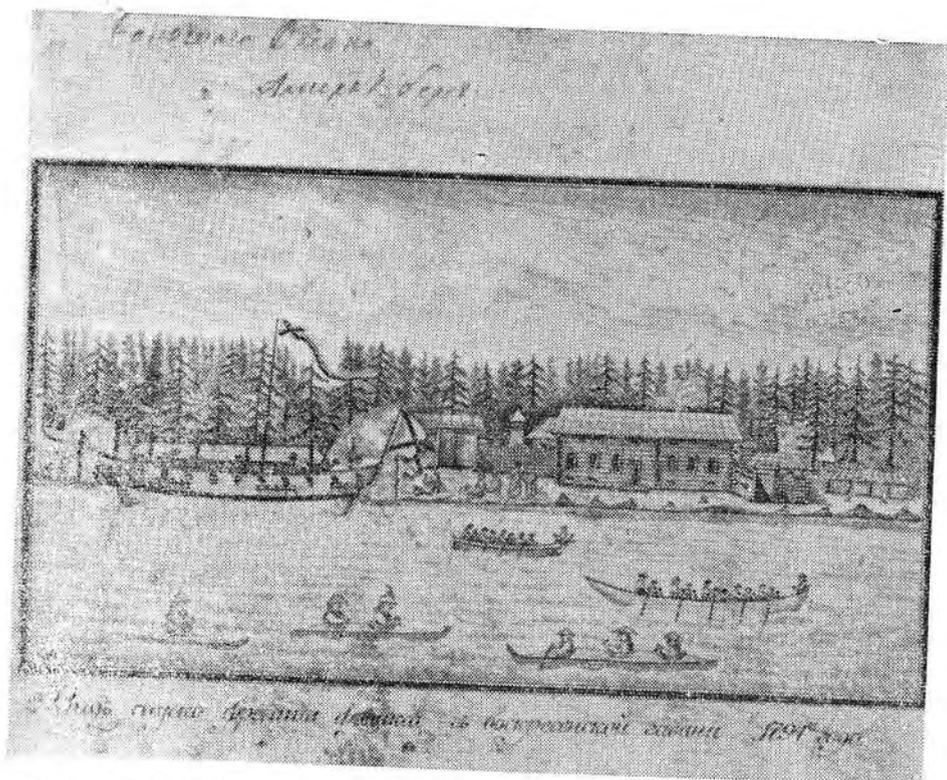
² АВПр, ф. 339, оп. 888, д. 41, л. 3.

А в открытом заливе Якутат местному тойону подарили портрет наследника царского престола Павла с надписью на русском и немецком языках: «1788 года июня месяца в заливе, называемом по-иноверчески Якутат, компании Голикова и Шелихова мореходы штурманы Герасим Измайлов и Дмитрий Бочаров были на одном галиоте «Трех Святителей» в числе сорока человек, где чрез ласковость и дружелюбное обращение с тоёном Илхаки и подвластными ему народами колюжами имели знагный торг, а напоследок склонили их под зашщитение и покровительство Российского императорского престола, что, в знак сего оставляя показанному тоёну российской медной герб и сей изображающий российской короны наследника его императорского высочества печатной эстамп, подтверждается всем приходящим сюда на российских и иностранных судах, с сим тоёном поступать благосклонно и ласково, с приличною только для себя предосторожностию, и что означенные штурманы, простояв здесь со своим галиотом с 11-го по 21-е число июня месяца, никаких от тоёна и народов его худых поступков не приметили и ушли в море благополучно»¹. Летом 1789 года галиот «Три Святителя» под водительство Д. И. Бочарова снова отправился в плавание по побережью и возвратился в Охотский порт, где его ждал сам Г. И. Шелихов.

Григорий Иванович Шелихов, возвратившись из Петербурга в Иркутск, строит проекты один заманчивее другого. В своих начинаниях он встречает полную поддержку нового иркутского генерал-губернатора Ивана Алферьевича Пиля. 11 февраля 1790 года Шелихов обратился к нему с пространном письмом, в котором по существу излагалась программа возглавляемой им Северо-восточной американской компании. Шелихов не ограничивался только Северной Америкой, хотя это и было главной его целью, — он предполагал отправиться из устьев рек Лены, Индигирки или Колымы к берегам Америки «для измерения тут широты и познания путей в сей части Ледовитого моря и Беринговых проливов и, ежели есть и можно, то и с народами при сих берегах обитающими, также вступить во взаимное обязательство и торговлю...». Он хотел отправить также судно из Охотска для исследования северной части Берингова моря. Что же касается самой Аляски и Калифорнийского побережья, то тут Шелихов доносил Пилю, что «вдоль по матерой американской земле от острова Киктака к Калифорнии далеко уже и за мыс Святого Илии, во многих местах посредством и иждивением компании, по наставлениям моим, развезены и оставлены императорские знаки... и надемся со всеми теми народами короткую иметь связь и утвердить также в подданстве высокому российскому скипетру, а оттоль и далее распространить свои обзаведения и торговлю...»².

¹ Г. И. Шелихов. Российского купца Григория Шелихова странствования из Охотска по Восточному океану к Американским берегам. Хабаровск, 1971, с. 105.

² Р. В. Макарова. Русские на Тихом океане во второй половине XVIII в. М., 1968, с. 126—127.

Спуск на воду брига «Феникс» в Воскресенской гавани в 1794 году. Рисунок Я. Шильца (Д. Шильдса).

Между тем Е. И. Деларов, согласно договоренности с Шелиховым, требовал себе замены на посту управляющего, или правителя, компании на месте, в Павловской гавани, в гавани Трех Святителей. Находившийся в Охотске Шелихов познакомился с каргопольским купцом Александром Андреевичем Барановым и сумел с ним договориться относительно службы в Русской Америке. Выбор этот, как показала история, оказался очень удачным.

А. А. Баранов родился в 1746 году в Каргополе. Он занимался сначала торговлей в Москве и Петербурге, затем оказался в Иркутске. Это был человек недюжинных способностей и знаний. В 1787 году Баранов за статьи о Сибири был избран членом Вольного экономического общества.

15 августа 1790 года А. А. Баранов и Г. И. Шелихов подписали договор в Охотске, который 17 августа скрепил коллежский асессор И. Г. Кох, исполнявший обязанности охотского коменданта. В пункте

первом договора говорится: «Согласился я Баранов быть компании Шелихова, из двух сот десяти паев состоящей, по Американской матерой земле и островам расположенной, в коей людей, кроме мореходов и протчих составляет ныне комплект и всегда быть должно сто девяносто два человека,— в лице хозяйском Главным Правителем». Пункт пятый предусматривал подчинение Баранова только правительственным указам и распоряжениям самого Шелихова, а шестой определял Баранову двух помощников, одним из которых являлся тотемский мещанин Иван Александрович Кусков¹. Баранов при отъезде в Америку отправил жену свою Матрену с дочерью Афанасьей в Каргополь, а сына Аполлона оставил временно в Якутске у брата своего Петра Андреевича Баранова.

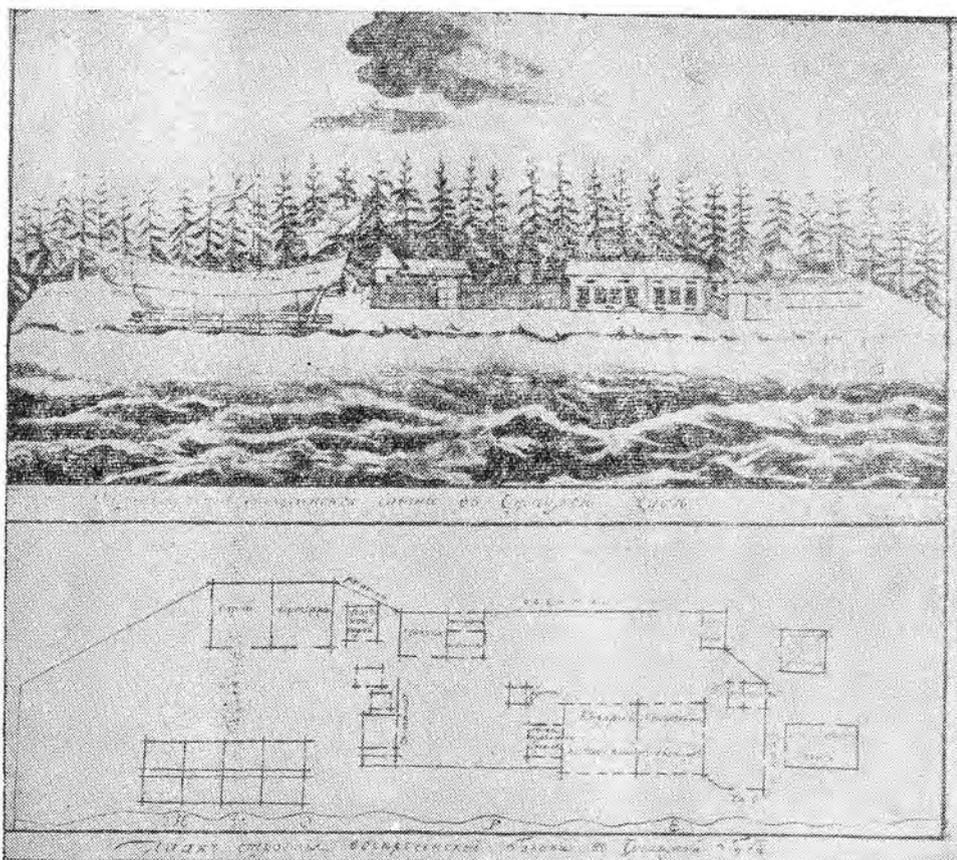
Всем сердцем стремясь к созданию монопольной сильной компании, которая бы пользовалась поддержкой правительства, Г. И. Шелихов понимал, что пока это невозможно осуществить. В ожидании лучших времен и перемен он стал учреждать новые собственные компании, стремясь таким образом распространить свое влияние на весь район северной части Тихого океана и Алеутские острова. В 1790 году он основал Предтеченскую компанию для промысла и освоения островов Прибылова, а затем еще две компании — Уналашкинскую и Северо-Американскую. Стремясь основать постоянное русское поселение на острове Уналашка, Шелихов послал свой испытанный галиот «Три Святителя», который погиб там на скалах 1 октября 1791 года. Вместо галиота все необходимые для постройки материалы доставило на Уналашку из Охотска судно «Северо-восточный орел».

Но по-прежнему Шелихов все свои помыслы устремляет к объединению разрозненных компаний, хорошо понимая, что на таком огромном пространстве только единая власть, монополия в промыслах и торговле могут навести порядок, помочь освоить территории. Баранов был вполне солидарен со своим хозяином-компаньоном и по его указаниям, да и без них, твердой рукой наводил порядок в Русской Америке. Он начал осуществлять мечту Г. И. Шелихова — построить на берегах Нового Света русскую столицу Славороссию.

Экспедиция И. И. Биллингса в начале 90-х годов в северной части Тихого океана значительно помогла начинаниям Шелихова. Совершенная под русским военно-морским флагом, она недвусмысленно дала понять иностранцам, что, если потребуется, сюда придут и другие корабли для защиты русских приобретений, русских селений, русской жизни на побережье Северной Америки от самого Берингова пролива до Калифорнии.

Однако И. И. Биллингс уже в Иркутске и Якутске резко критиковал действия Г. И. Шелихова, обвиняя его в излишней жестокости, в беспорядках, творящихся в его поселениях и крепостях. То же самое Биллингс повторял и в Петербурге. Естественно, что это мешало Г. И. Шелихову.

¹ АВГР, ф. 339, оп. 888, д. 74, лл. 1—5.

План строений Воскресенской гавани. 1795 год. Получено от проф. Р. А. Пирса (Канада).

осуществить свою мечту — организовать единую Российско-Американскую компанию.

Мореходы Шелихова в годы действия экспедиции Биллингса продолжали исследовать Аляску и острова. В 1791 году Д. И. Бочаров описывал северный берег Аляски, а О. Худяков описал восточную группу Лисьих островов. Прибывший на Кадьяк новый правитель А. А. Баранов в течение 1791—1793 годов «обозревал свои владения»: совершил плавание вокруг острова Кадьяк, в Кенайский залив и описал Чугацкий залив. В 1792 году Худяков открыл у оконечности полуострова Аляски небольшую группу островов, названных его именем.

Деятельный Баранов, основавший на острове Ситха столицу Русской Америки — город Ново-Архангельск, строил добротные дома, открывал

школы, насаждал огородничество, завел Адмиралтейство, и уже в 1794 году в Северной Америке было построено первое русское судно — «Феникс». Сам Баранов продолжал в 1795 году на другом судне «Ольга», также там построенном, исследование северного и восточного берегов залива Аляски и находящихся там островов.

Тем временем Г. И. Шелихов продолжал направлять свои усилия на образование единой компании. Рассуждал он просто: если ему одному или совместно с Голиковым не разрешили монопольно промышленать и торговать, то не попытаться ли объединить все компании, существующие до сего времени на Восточном океане, в одну? Он призывал иркутских, якутских, тобольских, томских, охотских, камчатских купцов составить единую компанию, выбрать ее директоров и делить прибыли согласно вложенному капиталу, согласно купленным акциям. Это намерение ему постепенно удалось осуществить. В Русскую Америку стали постоянно ходить суда из Охотска или Петропавловска. Они доставляли туда всевозможные припасы, снаряжение и даже рогатый скот и свиней.

Г. И. Шелихов сумел заинтересовать иркутского губернатора И. А. Пиля своими проектами до такой степени, что тот сам ордером от 11 мая 1794 года наказывал ему строить крепости, «завести прочное строение для хлебопашцов, мастеровых и всех жительствовавших тут должных», сажать «семена хлебные и огородные», строить верфи, «отыскивать возможными средствами в недрах земных сокровища и все прочее», но «главнейшая цель стараний ваших, — писал губернатор, — состоит в том, чтоб американцев превратить из диких в обходительных, из несмышленных в нужных в просвещенном общежитии упражнениях сделать знающими»¹.

Исполняя приказание губернатора, Шелихов, отправляя очередные суда в Русскую Америку, в письме Баранову от 9 августа 1794 года писал, что с этими судами (двухмачтовое двухпалубное судно «Три иерарха» и двухмачтовое однопалубное «Св. великомученица Екатерина») направляются «для кораблестроения за мысом св. Илии и произведения тамо же хлебопашества тритцать семей... и священно-архимандрит Иосиф з братиею (то есть духовная миссия.— А. А.)». Особое внимание Шелихов просит обратить на выбор мест для строительства крепостей. В заключение он написал: «Таким образом зделав вам мои примечания, оканчивая я сие дружескою моею к Вам прозбою о продолжении Ваших трудов к дальним поискам в пространстве моря, и открытии мест на матерой Американской земле, и порядочнаго оных описания и положения на планы, а притом даю Вам знать и сие, что я при помощи божей произвел ныне давно предпритое мною дело, а именно: отправил присланное от Вас и сюда в Охотск прибывшее минувшаго июня 22 числа судно «Симеон» слишком с 70 человеками работных под начальством г-на Меркульева, учредив Особую компанию под названием **Северной Амери-**

¹ АВПР, ф. 339, оп. 888, д. 108, л. 18 об.

канской, точно на тех же регулах, как и управляемая Вами Северовосточная Американская компания. Сия компания соединитца с прочими другими моими компаниями, в коих кроме посланных ныне туда находитца до 140 человек работных. На будущее лето отправлено туда же еще другое судно «Михаил», и умножу еще людей. Мне хочется, чтоб с острова Уналашки обнять всю северную часть Америки, касаясь и противу лежащую оной Чукоцкую землю. Назначил места, где той компании иметь ярмонги, и с народами там обитаемыми, завести связь и торговлю. На первый раз «Симеон» пристанет на острова Павел и Георгий.

Из сего моего плана видите Вы теперь, что могут быть исследованы обе стороны берегов Американского мыса противу лежащей Чукоцкой земле; однако ж сузу я, что исследование тех сторон, а особливо к северу лежащей, удобнее произвести компаниею Вами управляемою, так как Вы в нынешних Ваших донесениях сходно с моими мыслями и предполагаете учинить, по тому кратчайшему и выгоднейшему (пути.— А. А.) с северного на полуденную сторону водяным: рекою из Ягык, и озеру, к самому кратчайшему сухому пути, которой открыт в 1791 году покушением штурмана Бочарова чрез Аляксу в том месте, где Аляксинский мыс у материка начинается перешейком. Для меня весьма лестно будет слышать ежели сие исследование совершено будет, поелику я об открытиях того кратчайшаго и выгоднейшаго пути чрез Аляксу, по полученным от Вас писмам и планам с судном «Михаилом» в 1793-м году донес правительству а сие и ея императорскому величеству»¹.

В этом же письме Шелихов просил Баранова исполнить его мечту о русской столице Русской Америки: «При заложении домов, ежели оныя строитца будут вне крепости, наименовать селение сие, пока дальнейшее от начальства последует повеление в честь Российской славы Славороссией»². Особое внимание Шелихов придавал основанию поселения за мысом Св. Ильи, согласие на которое было в 1794 году получено от правительства. Климатические условия, а также обилие строевого леса наводили на мысль о том, что здесь удастся заниматься хлебопашеством и можно будет основать судостроительную верфь.

Баранов доносил Шелихову, что в 1792 году во время объезда материкового берега Америки от Кенайской губы до Нутки он встретил в бухте Канасушак английское двухмачтовое судно «Феникс». Ирландский шкипер Мур сообщил, что намерен «плавать около берегов до Чугатской бухты и меняться с американскими народами». Баранов пробыл на судне Мура пять дней и в разговорах дал понять, что «берег американской до самой бухты Лтуа в соседстве Нутки находящейся, принадлежит России по первым ея тех мест приобретением от времени 1740 года». Мур на это возражал, «присваивая первое приобретение Кенайского и Чугатского заливов Англии трудам известного капитана Кука».

¹ АВПР, ф. 339, оп. 888, д. 108, лл. 24, 33.

² Там же, л. 42.

Баранов же с достоинством возражал, мотивируя возражения тем, «что прежняя Российския мореплавательныя известия свету еще не открыты, и что он имеет повеление, в случае каковых либо в сих местах препятствий от иностранных, донесение сделать своему высокому правительству». От этого же шхипера Баранов получил известие о смерти архиепископа Вильяма Кокса, автора книги о русских мореходах. Между прочим, Баранов приписал примечательные слова, видимо, не без основания: «...через него Англия знает о всех действиях последней нашей секретной астрономической экспедиции (то есть экспедиции Биллингса.— А. А.)»¹.

Закончил свое письмо Баранов замечательно, вполне в духе Шелихова: «Сужу я, что необходимо нужно распространить мореплавание наше по Тихому океану далее нынешних пределов, то есть, чтоб с приобретаемыми на Курильских и Алеутских островах и на материке Американском сокровищами, так как с частию и самых российских произведений, ездить в Кантон, Макао, в Батавию, в Филиппинские и Марианские острова, а отголь привозить в Америку и на Алеутские острова нужное для одежды, из бумажной материи; для пищи, как то: сорочинское пшено и прочия жизненные вещи; для сооружения судов полотна на парусы бумажныя и веревки, какия там бывают, так как и для России, что к получаемым из Китая и прочих мест товарам к умножению оных потребно будет»². Вот как широко мыслили «Колумбы росские» — Шелихов и Баранов.

Узнав о благополучном возвращении экспедиции А. Лаксмана и В. Ловцова на бригантине «Екатерина» в Японию, Шелихов тут же предложил свои услуги в посылке в Японию торгового судна, но в этом ему было отказано: Лаксман заявил, что он поддержит Шелихова только в том случае, если в организации экспедиции примут участие другие купцы. Шелихова это не устраивало, и между ним и Лаксманом возник разлад. Тогда Шелихов получил разрешение на основание русского поселения на острове Уруп. В 1795 году там была высажена партия промышленников с женами и детьми во главе с Василием Звездочетовым. Вскоре они перешли на Итуруп и прожили там около десяти лет. Б. П. Полевой, ссылаясь на японские источники, сообщает, что звездочетцы вели торговлю с японцами, проживавшими на острове Хоккайдо (Мацмай)³.

Шелихов 18 ноября 1794 года с гордостью докладывал И. А. Пиллю, что на вышедших 13—14 августа в Русскую Америку судах «Три иерарха» и «Св. Екатерина» отправлено: на первом судне 126 человек (10 духовных особ, 5 бывших американцев-алеутов, 45 поселенцев обоого пола, штурман, помощник Баранову, два приказчика, 62 «работных человека»; на втором — 67 человек (штурман, 2 приказчика, 5 американцев-

¹ АВПР, ф. 339, оп. 888, д. 108, л. 38.

² Там же, л. 42.

³ Г. И. Шелихов. Российского купца Григория Шелихова странствования из Охотска по Восточному океану к Американским берегам. Хабаровск, 1971, с. 123.

алеутов и 59 «работных людей»), кроме того, скот, птица, хлеб семенной, сельскохозяйственный инвентарь, провизия, имущество людей и прочее — всего более 13 тысяч пудов. Шелихов хвалил Баранова и настаивал на объединении всех компаний¹.

Препровождая все доклады Шелихова, Баранова Екатерине II, 20 ноября 1794 года Иркутский и Колымский генерал-губернатор генерал-поручик И. А. Пиль доложил, что повеление Екатерины II от 31 декабря 1793 года о выделении 20 человек из ссылочных матросов для «заведения кораблестроения у мыса св. Илии...» да «хлебопашцов на употребление к земледелию тамо же»² исполнено. В заключение рапорта Пиль просит: «Осмеливаюсь испрашивать всемилостивейшаго к нему (то есть Шелихову.— А. А.) благоволения и тем сколько ободрить заслуги его и привести в большее поощрение, так и в прочих возбудить старание о пользе и славе отечественной»³.

Пиль не зря старался поощрить Шелихова. Он и Баранов не только строили проекты, но и успешно проводили в жизнь свои и государственные предначертания. Уже к 1795 году практически все компании за исключением, пожалуй, П. С. Лебедева-Ласточкина, действовавшие на Тихом океане и в Северной Америке, были объединены под эгидой Григория Ивановича Шелихова, Ивана Ларионовича и Михаила Сергеевича Голиковых, Николая Прокофьевича Мыльникова и некоторых других. Оставалось получить только официальное разрешение Екатерины II на создание единой монопольной компании.

Но совершенно неожиданно 20 июля 1795 года в Иркутске скоропостижно в расцвете лет на 49-м году жизни скончался Григорий Иванович Шелихов. Впрочем, Б. П. Полевой подвергает сомнению неожиданную смерть Шелихова от болезни и на основании весьма туманного свидетельства одного современника высказал мысль о самоубийстве Г. И. Шелихова⁴. Вряд ли можно согласиться с таким предположением. Жизнелюбивый, побывавший в самых трудных жизненных ситуациях, хороший семьянин (у него были две дочери и сын), пользовавшийся поддержкой сибирских властей почти во всех своих начинаниях, Г. И. Шелихов не мог решиться на такой шаг.

После смерти Г. И. Шелихова его место в компании заняла жена Наталья Алексеевна Шелихова⁵; делами же со временем управляли зятья Шелихова Николай Петрович Резанов и Михаил Матвеевич Булдаков. Энергичная и достойная женщина, вдова Шелихова, сумела осуществить мечту своего талантливого мужа — организовать в конце XVIII века Российско-Американскую компанию. Но об этом чуть позже. А пока по-

¹ АВПр, ф. 339, оп. 888, д. 108, лл. 34—37.

² Там же, л. 2.

³ Там же, л. 9 об.

⁴ Г. И. Шелихов. Российского купца Григория Шелихова странствования из Охотска по Восточному океану к Американским берегам. Хабаровск, 1971, с. 125.

⁵ Н. А. Шелихова умерла в Москве в 1810 году и похоронена на кладбище Донского монастыря.

святым еще несколько страниц книги Г. И. Шелихову, высказываниям о нем, о роли этого прославленного морехода и купца в истории России на ее Дальнем Востоке.

Сначала о том, как правильно писать его фамилию: Шелехов или Шелихов? Вопрос этот не праздный. Имя выдающегося русского мореплавателя нанесено на карту мира, его именем называют пароходы, поселки. Есть в Сибири и город Шелехов (а не Шелихов). Поэтому разговор даже об одной букве представляется совершенно необходимым. В дореволюционное время да и в первые годы Советской власти считалось полноправным написание через «е». Это написание ведет свое начало от книги самого морехода, на титуле которой написано: «Путешествие Г. Шелехова с 1783 по 1790 год из Охотска по Восточному океану к Американским берегам...» (СПб, 1812).

Если обратиться к происхождению фамилии, то, вероятнее всего, она происходит от слова «шелег, шелех». В Толковом словаре В. И. Даля это слово означает: «неходячая монетка, бляшка, как игрушка, или для счету, в играх, или на монисто, или в память чего-либо» (см. том IV, СПб, 1912, ст. 1417). Следовательно, производная от этого слова фамилия, казалось бы, должна быть Шелехов.

Но ведь не все фамилии пишутся так, как они должны были бы писаться от производящего слова. Нужно обязательно учитывать то, как пишут их сами владельцы фамилии. Всем хорошо известно, что есть Ива́новы, есть Ивано́вы, существуют Мелеховы, но есть и Мелиховы. Как же писали свою фамилию члены семьи Григория Ивановича и он сам?

Работая в течение многих лет в архивах по истории географического изучения Сибири и Дальнего Востока, я неоднократно встречал документы, написанные и подписанные Шелиховым, его женой Натальей Алексеевной, другими членами семьи, а также видел письма, адресованные им.

Некоторый анализ этих документов приводит к убеждению, что мореплаватель и его жена чаще подписывались «Шелиховы», хотя иногда встречается и написание через «е». Последнее можно, пожалуй, сблизить общим уровнем грамотности в России в XVIII веке: часто писали так, как произносили, не придавая этому особого значения. В документах же, адресованных мореходу, чаще встречается написание Шелехов. Вполне возможно, что это как-то влияло и на написание фамилии самим владельцем.

Разночтение встречается уже в самых ранних документах. Так, в ревизских сказках Рыльского уезда мы встречаем Афонасия Шелехова (ЦГАДА, ф. 237, оп. 1, д. 2966, л. 41 об.) и «гостиничной сотни» Ивана Прокофьева сына Шелихова и Петра Иванова сына Шелихова (там же, л. 51). В деле 1087 есть рыльский житель Иван Герасимов сын Шелехов и его отец Герасим Киприянов сын Шелехов (л. 12). Надо заметить, что сказки писали писцы, и подтверждают они только тот факт, что уже тогда не было единообразия в написании этой фамилии.

Наводя на размышление о том, что такое
 истинная философия, и о том, что такое
 истинная наука, и о том, что такое
 истинная литература, и о том, что такое
 истинная жизнь, и о том, что такое
 истинная смерть, и о том, что такое
 истинная любовь, и о том, что такое
 истинная вера, и о том, что такое
 истинная надежда, и о том, что такое
 истинная сила, и о том, что такое
 истинная слава, и о том, что такое
 истинная почта.

Иеронимом Иеронимом Иеронимом, и о том, что такое
 истинная философия, и о том, что такое
 истинная наука, и о том, что такое
 истинная литература, и о том, что такое
 истинная жизнь, и о том, что такое
 истинная смерть, и о том, что такое
 истинная любовь, и о том, что такое
 истинная вера, и о том, что такое
 истинная надежда, и о том, что такое
 истинная сила, и о том, что такое
 истинная слава, и о том, что такое
 истинная почта.

АЛЕКСАНДР ПЕТРОВИЧ ПЕТРОВИЧ

Иероним
 Иероним
 Иероним

Посмотрим теперь, как сам Шелихов писал свою фамилию. Давая наставление приказчику П. В. Мыльнику, отправляемому в Москву и в Рыльск 21 декабря 1782 года, он в числе других пунктов записал и такой: передать письмо «родителю моему Ивану Афонасьевичу господину Шелихову» (АВПР, ф. 339, оп. 888, д. 38, л. 4).

В оригинале договора Г. И. Шелихова с А. А. Барановым от 15 августа 1790 года, по которому Баранов становился правителем дел купца Шелихова в Америке, читаем: «Мы, нижеподписавшиеся: Рыльской имянитой гражданин Григорей Иванов сын Шелихов» (АВПР, ф. 339, оп. 888, д. 74, л. 1). И подпись — отчетливая, ясная: «Шелихов».

Мы просмотрели целый ряд документов, подписанных мореплавателем, и в абсолютном большинстве случаев явственно было написано: «Шелихов». Иркутский генерал-губернатор И. А. Пиль, докладывая 20 ноября 1794 года Екатерине II об успехах компании Шелихова, так повсюду и писал: «Шелихов» (АВПР, ф. 339, оп. 888, д. 108). После смерти Г. И. Шелихова А. А. Баранов, адресуя письма-доклады его жене Наталье Алексеевне, кажется, ни разу не написал фамилию через «е». Наконец, сама Н. А. Шелихова, сообщая в Петербург об успехах Российско-Американской компании, начала свое послание так: «Покойной Шелихов муж мой в бытность свою в Америке...» (АВПР, ф. 339, оп. 888, д. 41, л. 1), а подписала: «Дворянка Наталья Шелихова».

Весной 1970 года сбылась моя мечта — побывать в Знаменском женском монастыре в Иркутске. Долго стоял я перед памятником знаменитому мореходу и купцу, отлитым в Екатеринбурге и поставленным женой Шелихова в 1800 году. Общеизвестно, что эпитафии, высеченные на гранях памятника, написали известные поэты Г. Державин и И. Дмитриев. Три раза высечена фамилия мореплавателя и все три раза — Шелихов. И это через пять лет после смерти. Наверное, супруга лучше других знала, как увековечить имя своего знаменитого мужа.

Кажется, вопрос ясен. И не случайно поэтому в Краткой географической энциклопедии (М., 1964, т. 4, с. 387) первым из двух написаний стоит Шелихов. Б. П. Полевой, редактировавший книгу Г. И. Шелихова для советского издания 1971 года, решительно отказался от старого и неверного написания Шелехов, употребляя везде написание через «и». Но в Малом атласе СССР, изданном ГУГК при Совете Министров СССР в 1973 году, почему-то сосуществуют город Шелехов и залив Шелихова.

В этой связи нельзя не привести одну из эпитафий на памятнике Г. И. Шелихову, принадлежащую перу И. Дмитриева:

Как царства падали к стопам Екатерины,
Росс Шелихов, без войск, без громоносных сил
Притек в Америку чрез бурные пучины,
И нову область Ей и Богу покорил.
Не забывай, потомок,
Что Росс. твой предок,
И на востоке громок.

Очень хотелось бы, чтобы потомки не забывали: знаменитый мореход не имел двух фамилий, а имел только одну — Шелихов.

Деятельность неутомимого Шелихова всегда привлекала к себе внимание исследователей: она не могла не вызвать восхищения. Деятельность Шелихова отличается от морских походов других купцов тем, что он первый поднял вопрос о закреплении за русским государством земель и островов, где многие неоднократно побывали. Шелихову не только принадлежит идея основать первое русское селение на Кадьяке, он сам и основал его. Он был не только путешественником и мореплавателем, не только купцом, радевшим о своих интересах, но и государственным деятелем, хотя и не состоял на государственной службе. Как свидетельствует К. Т. Хлебников, «Шелихов, как видно по некоторым его отзывам, двадцать раз посещал Охотск и несколько раз Камчатку не из любопытства, но по побуждению своего деятельного ума, а в Америке, сколько для чести себе, а более для пользы государственной трудился неутомимо, а, следовательно, работал преимущественно умом»¹.

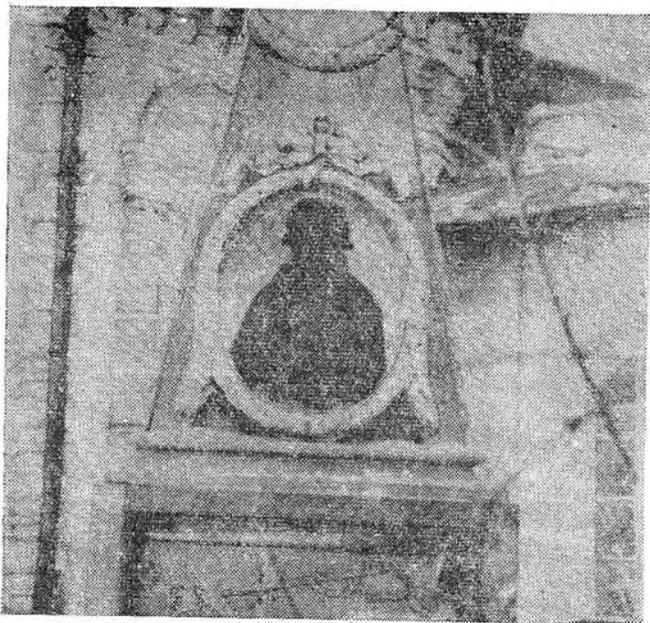
Державин и Дмитриев славили Колумба русского, его ругали соперники-мореходы, превозносили буржуазные историки, недооценивали некоторые русские историки и по достоинству оценили советские ученые. Советский американист-историк Н. Н. Болховитинов пишет: Г. И. Шелихов и И. В. Якоби выступали решительными сторонниками прочного утверждения русского «влияния на тихоокеанском севере и очень осторожно относились к появлению в этом районе иностранных конкурентов. Именно в эти годы с их стороны был выдвинут проект организации сильной монопольной компании для колонизации северо-западных берегов Америки»². Отмечая далее выдающуюся роль Шелихова, Болховитинов написал: «Действительно, основав первые постоянные русские поселения на о-вах Кадьяк и Афогнак, Г. И. Шелихов положил в 80-е годы XVIII в. прочное начало Русской Америке. Но заслуги Г. И. Шелихова заключаются не только в его практической деятельности. Он был не просто удачливым купцом — организатором крупных промысловых компаний, но и политиком. Сам Г. И. Шелихов хорошо видел важные результаты своей деятельности и отличался завидной государственной провидительностью»³.

После смерти Г. И. Шелихова его конкуренты развернули острую борьбу с наследниками, пытаясь подорвать созданную им компанию. Иван Голиков решил прибрать компанию к своим рукам, но вдова Шелихова, действуя умело, не позволила этого сделать. Она смогла также противостоять и купцу Н. П. Мыльникову, организовавшему в начале 1797 года свою компанию. Объясняя причины этой борьбы, Н. А. Шелихова в «Записке о деятельности компании» писала: после смерти Шелихова «товарищ наш Голиков был под тяжестью великой в казну доимки, и не в силах был сикурсировать компанейскую контору деньгами, по-

¹ К. Хлебников. Григорий Иванович Шелихов. — «Сын Отечества», т. 2, ч. 1, разд. «Наука и искусство». СПб, 1838, с. 82.

² Н. Н. Болховитинов. Становление русско-американских отношений. 1775—1815. М., 1966, с. 295.

³ Указ. соч., с. 296.

Бюст Г. И. Шелихова и надписи на гранях памятника.

чему я по убедительным прозьбам Голикова помогла конторе около ста тысячь рублями своими. Отправила на Кадык и на Зубовы (Прибыловы.— А. А.) острова 2 судна с свежими людьми, товарами, а для поселения скотом, семянным хлебом и протчими потребностями, прибавя по требованию духовной миссии походную церковь. Голиков напротив того, когда по высочайшей милости государя императора (Павла I.— А. А.) помилован зделался от доимки и прибыл в Иркутск, то вместо благодарности начал делать различные по конторе интриги, ссоры, и возобновления прежних уже решенных с покойным Шелиховым ращетов, намереваясь всю компанию подобрать под одно свое распоряжение, и так как то удавалось ему делать з бывшими ему товарищами по питейным откупам, у коих отняв все прибыли, оставил их иметь с ним одни процессы. Он хотел сей план произвести еще деятельнее: и для того соединясь с 20-ю иркутскими купцами, заведшими в начале 1794-го года компанию (компания Н. П. Мыльников.— А. А.), чтоб в Америке иметь промыслы, соглася их войти в ними в единство, которое на бумаге было уже и сочиняемо, но кто-то растолковал иркутским, что бес приглашения меня в то же единство, раздражат они не только её, но и правительство, а потому и меня начали приглашать. Сколь скоро учинились мне гласными все те Голикова ненавистные подвиги, то, дабы спасти для детей сколко нибудь отцовское состояние, и чтоб не поставить противу себя вместо одного, еще других 20 неприятелей, решилась и я 19 июля 1797 года. Итак,— с горечью заметила Н. А. Шелихова,— столь славная,

Куда, поистине, ни двини из стоголосных рощ,
Россы Шенхвее, безе, сойки, беза троллоносных, сирок,
Пандель, со Смерку, через зломые дачины,
и нос: олодны, Еи и 707у, паводны,
Не жрысой, потолод, з,
что россы, шом, прелом,
и на востоке тролло.

1875 год.
Морскія путешествія совершилъ
сб. 185, 184 и 185 годовъ,
сентября 185 года 20 дня
○○○○○○○○○○
Колумбъ для Россіи, полюбилъ,
прекрасныя моря, открылъ страны безвѣстныя,
и зря, что бы на берегъ плыть,
на востокъ, моремъ твоимъ,
со Океанъ Нисъенный,
исконно голландскъ, толькы, неслышанный,
Сокровища Твоя,
до ты, БОЖЕ, душу уповою,
Журналъ Державина.

трудами одного моего мужа заведенная компания многия дороги к частным и государственным ползам уже проложившая, вошла во управление многих людей, ни капитала, ни трудов не полагавших»¹.

Суть дела заключалась в том, что Н. А. Шелихова владела самой большой долей в компании в общем ее капитале (200 тысяч рублей). С ней был неразрывно связан И. Голиков, которого хотел заполучить себе Н. П. Мыльников в компаньоны и таким образом противопоставить себя шелиховским капиталам. Но Голиков не мог пойти на это. Тогда-то и последовало предложение со стороны Мыльникова Шелиховой объединиться в одну компанию. Вот при таких обстоятельствах и произошло объединение шелиховских и голиковских компаний — Северо-восточной, Северо-Американской и Курильской, или Атхинской, с Иркутской компанией Мыльникова. Еще раз хочется подчеркнуть энергию, деловитость, настойчивость вдовы Шелихова Натальи Алексеевны в доведении до конца дела своего замечательного мужа.

Окончательным, заключительным актом в создании монопольной Российско-Американской компании стал указ Павла I. После смерти своей матушки он решительно поддерживал распространение русского влияния на Тихом океане и в Северной Америке. 7 августа 1797 года бывший генерал-прокурор, действительный тайный советник князь Куракин объявил президенту коммерц-коллегии Петру Соймонову о желании иркутских купцов учредить компанию под дирекцией Коммерц-коллегии. 8 сентября 1797 года последовал указ Павла I следующего содержания:

«Господин тайный советник и Иркутский губернатор Нагель. Рапорт ваш от 22 прошедшаго июля с приложением списков с договоров учрежденной в Иркутске коммерческой Американской компании я получил; и как соединение купцов Голикова, Шелехова (написано в указе так. — А. А.) и Мыльникова для совместного отправления торговли и промыслов и на американских островах почитаю полезным и оное утверждаю, так и мнение ваше по сему случаю изображенное весьма похваляю пребывая в прочем вам благосклонный

Павел»².

А что же происходило в это время на местах, в Русской Америке? Преемник Шелихова Баранов не только успешно боролся с компанией П. С. Лебедева-Ласточкина, но и значительно расширил сферу деятельности. В 1796 году был построен Ново-Архангельск — столица Русской Америки. Избавившись от главного соперника, Баранов был полон желания изгнать отсюда и все остальные компании. И это ему удалось. В 1798 году он отправил партию промышленников в оставленные лебедевской компанией поселения на озере Ильямна, посетил сам Кенайский и Чугатский заливы, укрепил крепости, оставив управляющими в

¹ АВПР, ф. 339, оп. 888, д. 41, лл. 7—8.

² Там же, д. 123, л. 5.

первой Василия Ивановича Малахова, а во второй своего помощника Ивана Александровича Кускова¹.

Интересно привести выписки из ведомости о промыслах компании на островах.

Кроме добытых и уже вывезенных с Лисьих островов и островов Прибылова морских шкур и шкур пушных зверей, на этих островах оставались невывезенными:

	«Медведей	Котов	Песцов	Бобров	Кошлоков	Лисиц
В 1791 году	12	33 000	989	39	20	
1792 »	23	49 700	1 095	87	26	Чернобурых
1793 »	20	61 000	1 209	68	16	258
1794 »	9	82 200	1 401	27	12	Сиводушек
1795 »	6	90 800	508	22	2	446
1796 »	1	28 200	87	7	5	Красных 215
Всего	71	344 900	5 289	250	81	919

Кости моржовой 212 пудов

И того промысла послано в Охотск с господином штурманом Измайловым в 1794 году котов 60 000; ныне (то есть в 1797 году.— А. А.) на судне боте «Св. Симеоне Богоприимце и Анны Пророчицы» 45 000; бобры, песцы, лисицы, кости, написанное число вывезены на судне Симеоне без остатка, еще 300 усов вывезено. Затем в остатке на северном Павле котов 180 000, усов 800, на Уналашке котов 60 000»².

Компания действовала энергично, но не хватало рабочих рук, мало было и мореходов и морских судов. К уже известным ветеранам Русской Америки Г. Измайлову и Д. Бочарову в скором времени присоединились мореходы Гавриил Терентьевич Талин, Шильц, а затем и другие.

Построенный в 1794 году в Чугацком заливе фрегат «Феникс» уже успешно совершал свои рейсы между Кадьяком и Охотском. Сразу же, в 1795 году, под командованием Джеймса Шильдса (Шильца) на нем было упромышлено 3 467 бобров, 3 350 бобровых хвостов, 1 115 речных выдр, 1 515 черных лисиц, 1 615 сиводушных, 1 659 красных, 290 бобров речных да 200 соболей. Все это было реализовано за 321 133 рубля³. В 1797 году Шильц на «Фениксе» отвозил из Охотска на Кадьяк промышленных людей и различные товары, а обратно в Охотск на нем был доставлен груз: 3 870 бобров, 1 075 кошлоков (больших бобровых щенков), 4 730 бобровых хвостов, 615 медветков (малых бобровых щенков),

¹ С. Г. Федорова. Русское население Аляски и Калифорнии. М., 1971, с. 120, 121.

² АВПр, ф. 339, оп. 888, д. 123, л. 312.

³ В. Н. Берх. Хронологическая история открытия Алеутских островов, или продвижения Российского купечества. СПб, 1823, приложение II.

1 075 чернобурых лисиц, 1 290 сиводушных лисиц, 1 290 красных лисиц, 430 соболей и 860 выдр — всего на сумму 370 510 рублей¹. Всего на новый, 1799 год в компании была в строю целая флотилия судов: «Архистратиг Михаил», «Три иерарха», «Великомученица Екатерина», «Симеон Богоприимец и Анна Пророчица», «Северный Орел», «Феникс», «Дельфин», «Пегас», «Олег»².

Размах деятельности компании Шелихова — Голикова виден из таких данных: в 1743—1780 годах 35 купеческих компаний напромышляли пушнины на 4 522 844 рубля; в 1781—1797 годах 11 компаний доставили пушнины на 2 799 669 рублей, из которых на долю компании Шелихова — Голикова приходилось пушнины на сумму 1 479 600 рублей, то есть почти половина всех добытых за 16 лет мехов³.

Такое прочное положение Шелиховской компании среди других позволяло ей играть главенствующую роль в объединенной Российско-Американской компании.

3 августа 1798 года в Петербург поступил акт о соединении всех иркутских купцов в одну компанию. Подписали его 20 купеческих семей и в числе их Н. А. Шелихова, И. Л. Голиков, Н. П. Мыльников, П. Д. Мичурин, И. П. Шелихов, В. И. Шелихов, Е. И. Деларов и другие. 8 июля 1799 года Павел I подписал два важных указа.

Первый — об основании компании и даруемых ей привилегиях, по второму — представитель семьи Шелиховых должен был быть обязательно одним из четырех директоров компании, «жалуя всемиловейшее сие право из уважения, что муж ея был из первоначальных заводителей сей торговли»⁴.

В этот же день был подписан указ сенату об организации Российско-Американской компании. Мы приведем полностью этот документ: «Пользы и выгоды, притекающие для Империи нашей от промыслов и торговли, производимых верноподанными нашими по Северовосточному морю и в тамошнем крае Америки, обратили на себя наше монаршее внимание и уважение. Почему принимая в непосредственное покровительство наше, составившуюся по предмету оных промыслов и торговли компанию, повелеваем ей именоваться: под высочайшим нашим покровительством Российская Американская компания; и соизволяем, чтоб в подкрепление предприятий сей компании возможные со стороны военных начальников пособия нашими сухопутными и морскими силами, по требованиям ея чинимы были на ея содержании. К руководству же и вящей облегчению и одобрению сей компании, составлены для нее правила и содержание всемиловейше даруемых от нас ей от сего времени на двадцать лет привилегий. Оба сии нами утвержденны постановления, равно как и акт, учиненный в Иркутске 3-го августа 1798-го года

¹ АВПР, ф. 339, оп. 888, д. 126, л. 1.

² Там же, д. 130, л. 30 об.

³ Р. В. Макарова. Русские на Тихом океане во второй половине XVIII в. М., 1968, с. 135.

⁴ АВПР, ф. 339, оп. 888, д. 123, л. 133.

между существующими ныне компаньонами, удостоившихся нашего благопризнания во всех его статьях, которые оными правилами не отменены, препровождая в сенат наш, повелеваем, заготовя по содержанию помянутых привилегий надлежащую грамоту взнестъ ее к подписанию нашему, и учинить вообще все зависящие от него распоряжения.

Павел»¹.

Указ был опубликован 19 июля 1799 года, вместе с ним были опубликованы «Правила для учреждаемой компании» и «Содержание привилегий для учреждаемой компании». В правилах отмечается, что Российско-Американская компания учреждается «для промыслов на матерой земле Северо-Восточной (так называли тогда; правильно — Северо-Западной. — А. А.) Америки на островах Алеутских и Курильских и во всей части Северо-Восточного моря, по праву открытия России принадлежащих»². Первоначальный капитал компании составил 724 тысячи рублей и разделен на 724 акции.

Вступить в компанию имел право любой гражданин России, имевший недвижимое имущество хотя бы на одну акцию. К этим акциям на первый случай прибавлялась еще тысяча акций в надежде на расширение капитала компании. Главная контора компании учреждалась в Иркутске и называлась Главным правлением РАК (Российско-Американской компании. — А. А.). Она должна была доносить о всех делах прямо императору. Были утверждены гербовая императорская печать компании и ее флаг.

Одиннадцать пунктов привилегий, данных Российско-Американской компании Павлом I, весьма примечательны и свидетельствуют об огромном интересе правительства к Русской Америке, о желании не только охранять интересы русских купцов в уже заселяемых местах, но и о желании расширить сферу их деятельности, помогать им продвигаться в новые места Америки. Первый пункт гласил: «По открытии из давних времен Российскими мореплавателями берега Северо-Восточной части Америки, начиная от 55° северной широты, и гряд островов простирающихся от Камчатки на север к Америке, а на юг к Японии, и по праву обладания оных Россиею, пользоваться компании всеми промыслами и заведениями находящимися ныне на Северо-Восточном берегу Америки от вышеозначаннаго 55 до Берингова пролива и за оный, також на островах Алеутских, Курильских и других по Северо-Восточному Океану лежащих»³. Пункт характерен тем, что дает правительственное толкование границ Русской Америки. Компании разрешалось пользоваться землей, ее недрами, лесами, лугами, морями, реками, заводить по выбору компании селения, плавать по всем окрестным народам и заводить с ними торговлю, нанимать мореплавателей — «людей свободных и не-

¹ АВПР, ф. 339, оп. 888, д. 123, лл. 8—8 об.

² Там же, л. 61.

³ Там же, л. 65.

54
71

А К Ц И Я.

Подъ Высочайшимъ ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА повелѣніемъ Российско-Американская Компания сямъ свидѣтельствуя, что въ концѣ своей Компани отъ Иркутска, съмысливъ *Трехсоты тысячъ рублей* внесено тысячу восемьсотъ зперато года пять саиъ рублей, обязываеся предъ лицомъ сего въ томъ, что оной принадлежало лично принадлежать ему двою собственностью, по которой распоряжаться можно по произволу, не изымая однакожь изъ Компани, и что приобретаемая по оной прибыль, сколько въ которомъ году по расчлененію Компани по означенн. Актн. правилъ и правилехъ для управленія оной Компани учиненныхъ причитается выдвигаться будетъ ему же предъ лицомъ. Дана въ Санктпетербургѣ 1802 года Февраля *перваго* дня.

1802

Генерал-Губернаторъ Александръ Андреевичъ Барятинскій
Губернаторъ Александръ Андреевичъ Барятинскій
Губернаторъ Александръ Андреевичъ Барятинскій

Секретарь Александръ Андреевичъ Барятинскій

Образец акции Российско-Американской компании 1802 года.

подозрительных», государственным поселенцам и другим свободным людям давать паспорта на семь лет, но «помещичьих же крестьян и дворовых людей нанимать компании не иначе, как с дозволения их помещиков»¹.

Руководство компании поощрялось в расширении владений компании: «Делать ей новыя открытия нетокмо выше 55° северной широты, но и за оный далее к югу и занимать открываемыя ею земли в Российское впадение на прежде предписанных правилах, естли оныя никакими другими народами не были заняты и не вступили в их зависимость»².

Десятый пункт привилегий гарантировал Российско-Американской компании исключительную монопольность. Всем прочим компаниям и отдельным судам предлагалось или вступить в Российско-Американскую компанию, или прекратить промыслы. Впоследствии дирекции РАК разрешили приглашать на службу морских офицеров, которым служба в компании засчитывалась в срок действительной службы. Этим правом, как будет видно дальше, компания пользовалась весьма широко и с пользой для дела.

Первыми директорами компании стали Д. Н. Мыльников, Я. Н. Мыльников, С. А. Старцев и М. М. Булдаков. А 2 декабря 1799 года верховное правление в Петербурге над Российско-Американской компанией согласно указу Павла I перешло к другому зятю Шелихова — Н. П. Резанову. Он производился в чин действительного статского советника и становился уполномоченным корреспондентом с возложением на него «во всем пространстве данной ему доверенности и высочайше дарованных нами привилегий ходатайствовать по делам компании во всем, что к пользе ея и сохранению общаго доверия отнесится может»³. То есть, иными словами, Н. П. Резанов становился доверенным лицом компании в Петербурге, при дворе.

Теперь усилия русских землепроходцев, мореходов, промышленников, купцов, казаков были формально закреплены русской государственной властью. Приобретенные территории признавались русскими территориями, и деятельность русских на Алеутских островах, в Северной Америке и вообще в бассейне Тихого океана всячески поощрялась. Главному правлению Российско-Американской компании в Петербурге и ее представителю А. А. Баранову в Америке давались широкие полномочия, да и капитал компании, составивший на 1 января 1800 года 2 634 356 рублей 57³/₄ копейки и состоявший из 724 акций стоимостью каждая 3 638 рублей 61¹/₄ копейки, позволял надеяться на быстрые и значительные преобразования в этой стране и рассчитывать, естественно, и на крупные прибыли.

Одним словом, Русская Америка существовала!

¹ АВПР, ф. 339, оп. 888, д. 123, л. 65—65 об.

² Там же, л. 65.

³ Там же, л. 138.

* ГЛАВА ПЯТАЯ

Русская Америка. Баранов

После смерти Г. И. Шелихова два человека отстаивали право на организацию и существование монопольной Русско-Американской компании: это Наталья Алексеевна Шелихова и Александр Андреевич Баранов. Если Шелихов мечтал о Славороссии и строил проекты один заманчивее другого, то Баранов строил столицу Русской Америки, строил другие поселения и крепости, проводя в жизнь проекты Шелихова. 28 лет провел безвыездно в Русской Америке Баранов, становление и расцвет Русской Америки в первые два десятилетия XIX века неотделимы от его имени. Баранов — это героическая глава в истории Русской Америки.

О Баранове написано много книг, статей. Жизнь аляскинского лорда привлекала внимание многих писателей. Деятельный и образованный Баранов, попав в Северную Америку, оказался исключительно полезным для компании правителем. Роль Баранова в управлении делами компании на месте особенно возросла после смерти Шелихова.

Как ни был разнообразен круг вопросов, которыми приходилось ежедневно заниматься Баранову, среди них главное место занимали устройство жителей и оборона Русской Америки. Нельзя же было беспредельно расширять сферу деятельности компании: в этом отношении уже встречалось сопротивление со стороны испанских и французских властей. Поэтому наряду со строительством, промыслами и торговлей необходимо было организовать самое серьезное географическое изучение внутренних частей Аляски и побережья и гидрографические исследования омывающих русские владения морей и заливов Тихого и Ледовитого океанов. Сам Баранов не мог это сделать. Он в ответ на предложение Н. А. Шелиховой по этому поводу писал 10 июня 1798 года: «Топографического описания всего здешнего края таково совершенно (такого совершенного.— А. А.), чтоб издать в печать, я учинить и принять на себя не осмеливаюсь, зная высокие описания природы и обычаев бывших при экспедиции, и ныне здесь обращающихся ведущих натуральную историю ученых мужей, в чем и извинить немощным моим понятием, нездоровьем и несвободностию покорнейше прошу»¹.

Последние слова требуют некоторого пояснения. Дело в том, что А. А. Баранов совсем не собирался до конца своих дней сидеть в Ново-Архангельске и управлять Русской Америкой. По примеру своих предшественников К. А. Самойлова и Е. И. Деларова он уже в 1798 году просил Н. А. Шелихову и И. Л. Голикова освободить его от обязанностей. «Зрение я потерял. Смотрю уже в очках и те мало помогают, а в силах и здоровье приметную ощущаю перемену, при том же всем повредил

¹ АВПР, ф. 339, оп. 888, д. 121, л. 17 об.

правую ногу и не могу быть в дальних на земле, где б нужда потребует переходах, и вы изволите более великодушно и снисходительно, нежели в истине поблажать моему честолюбию будто людей способных отискать не может с посредственными дарованиями 3-х или 4-х летняя опытность вразумить здесь в силу нужному и опытному, лишь бы душевныя расположения были ближе к природе, и добродетели представить же и то благоволите, когда возвратится обратно сюда транспорт и поколь могу выбраться до Охотска, минет более десяти лет моему многотрудному здесь странствованию. И я между тем становлюсь стар — 50-т пробило, и волос на голове остается мало, а денежново еще куска не имею, проводя всю жизнь мою в волокитах и заботах, около чужих более нежели собственных дел»¹. Это, между прочим, совсем не характерно для Баранова. Отправив письмо с просьбой об отставке, он по-прежнему продолжал упорно трудиться. К тому же и со сменой ему как-то не везло. Дважды отправлялись к нему на смену назначенные чиновники, но оба не добрались до места назначения. А жизнь не ждала. И Баранов распорядился, строил, просвещал, воевал, плавал, мастерил, торговал...

В декабре 1795 года он произвел первую перепись населения Кадьяка, обойдя его на байдарках: 3 221 мужчина, 2 985 женщин, итого 6 206 человек. В марте 1796 года скончался от горячки один из замечательных первопроходцев, открыватель Прибыловых островов Гавриил Логинович Прибылов. В связи с этой утратой экспедицию в залив Якутат повел байдарщик Василий Медведников с учеником Кашеваровым, плававшим с Шильцем. Начальником был Иван Григорьевич Поломошный с помощником Степаном Ларионовым. Туда же отправился и «Орел» с командиром Шильцем. На «Ольге» в Якутат шел и Баранов, оставив Кадьяк на попечение И. А. Кускова. По пути он зашел в селение у мыса Св. Ильи, а 15 июня прибыл в Якутат. Туда, к мысу Св. Ильи, 25 июня пришло и судно «Три Святителя». Экипаж его пробыл здесь два месяца, помог строить селение, оставил 50 человек гарнизона и возвратился в Якутат. Оттуда судно ушло 2 сентября. Налетевшей бурей его занесло в Камышаккую бухту, и оно получило большие повреждения. На следующий год Баранов послал туда людей для ремонта, но за зиму судно совсем разбилось и пришлось его сжечь, чтобы получить железо. Люди же возвратились на Кадьяк, а часть ушла на озеро Илиамна, где хотели строить селение.

В 1796 году на Кадьяке зазвенели колокола — была освящена русская церковь. По настоянию еще Шелихова, а затем и Баранова, на Кадьяк в 1794 году прибыла духовная миссия во главе с иеромонахом Иоасафом, которая сыграла значительную роль в распространении христианства в Русской Америке. Священники помогли многим промышленникам сохранить «американские» семьи. Вот что писал 19 мая 1795 года архимандрит Иоасаф в своем сообщении синоду о крещении 6 000 человек местных жителей: «Из числа русских промышленников есть таковые, кои живут лет по пятнадцати и более в Америке, оставив в России своих жен, а здесь

¹ АВГР, ф. 339, оп. 888, д. 121, л. 20 об.

держат наложниц, с коими прижили детей и воспитывают. Просят крестить их наложниц и венчать с ними, представляя в резон, что мы де не имеем надежды возвратиться в Россию, да и не желаем, а притом признаться откровенно, что мы де от несогласия с женами и в такую отдаленность уехали; но как вышепоказанных американцев крестить, так и сих венчать он архимандрит без особливаго на то разрешения не осмеливается, почему и просит наставления»¹. Не преминул отец Иоасаф в этом случае «бросить поклеп» и на Баранова, который «де также держит наложницу публично» и что, мол, если Баранов сменится, «то неустройство сие повидимому прекратится»². Наложница эта стала второй женой Баранова. Он имел от нее сына и дочь. Американская жена Баранова, на много пережившая своего мужа, после отъезда последнего в Россию, до конца дней своих получала назначенную ей мужем пенсию.

В 1797 году Баранов все лето провел в Кенайской губе, Чугацкой губе, Воскресенской крепости, плавая по-прежнему на «Ольге». На острове Нучек находился промышленный отряд компании Лебедева-Ласточкина. Он был в Константиновской крепости Чугацкого залива. Выяснилось от передовщика этой компании Григория Коновалова, что одно судно «Св. Георгий» в июле ушло в Охотск (на нем отправились все желавшие возвратиться), а второе судно «Иоанн Богослов» с Потапом Зайковым было в Кенайском заливе. У них кенайцы уничтожили две промысловые партии. Баранов принял все меры к тому, чтобы спроводить промышленников Лебедева-Ласточкина, и это ему удалось: Зайков ушел в Охотск. В Константиновском редуте на острове Нучек стал хозяйничать Кусков.

В начале октября Баранов прибыл на Кадьяк. Вскоре он встречал своего первенца — бриг «Феникс» из Охотска под командой штурмана Талина. С ним прибыло известие о смерти Шелихова и просьба его жены к Баранову — не оставлять своего поста в Америке. На «Фениксе» пришли уволенные с флота для службы в компании Колбин и Пышенков, из Архангельска прибыл мореход Поташ. За ними прибыл и «Симеон Богоприимец» с мореходом Сапожниковым.

В 1798 году Баранов направил «Феникс» в Охотск. На нем отправился архимандрит Иоасаф. Его произвели в епископы, и по этому случаю он должен был прибыть в Иркутск. С «Фениксом» Баранов отправлял обратно не понравившихся ему Колбина и Пышенкова. «Симеон» ушел к островам Прибылова, в Якутат под командой Поташа пошла бригантина «Екатерина» с рогатым скотом, Талин на «Орле» описывал берега у Ситхи. Туда давно хотелось Баранову: уж очень нравились ему эти места, да и были они намного южнее. А пока Баранов, как и в прежние годы, направился осматривать владения в Кенайский

¹ АВПР, ф. 339, оп. 888, д. 109, л. 55 об. В составе миссии были иеромонах Макарий (вернулся в 1795 году), иеромонах Афанасий (выслан в 1825 году), иеромонах Стефан — утонул, иеромонах Нектарий (выслан в 1807 году), монах Герман жил долго на Кадьяке, Иоасаф утонул в 1799 году.

² АВПР, ф. 339, оп. 888, д. 109, л. 56.

залив и на Нучек, где заложил новую крепость и поставил во главе ее И. А. Кускова. Из Нучека он отправил одного из промышленных — русских на Медную реку для «разведывания о тамошних местах и произведениях»: сведения о запасах меди давно уже доходили до русских людей. Вернулся Баранов на Кадьяк 5 октября.

Весна и лето 1799 года были крайне неудачными для компании. В этом году погиб, возвращаясь из Охотска, милый сердцу Баранова «Феникс» с 88 членами экипажа и всем грузом. Погиб и возвращающийся епископ Иоасаф. А у острова Цукли, идя из Якутата, погиб «Северный орел», который должен был помогать в освоении ситхинских мест. Затем стало известно о гибели на острове Св. Павла (острове Прибылова) «Симеона Богоприимца и Анны Пророчицы». Правда, люди и весь груз были спасены.

Именно в это время, несколько позже «Северного орла», к Ситхе на «Ольге» вышел Баранов (23 мая). Туда же отправился и Поташ на «Екатерине». Когда подошли в начале июня к берегу залива Ситхи, то там оказался уже Медведников, выбравший место для поселения. Оно пришлось по вкусу Баранову, и с 15 июля началась постройка крепости. Именно в это время произошла у Баранова стычка с Талиным, который хотел зайти на Якутат за Поломошным, а Баранов приказывал ему идти прямо в Павловскую гавань. Талин не послушался, зашел в Якутат, взял меха Поломошного и его самого. По пути на Кадьяк «Северный орел» был разбит до основания, а Поломошный погиб. Как видно по материалам, Поломошный и Талин составляли постоянную оппозицию Баранову и много этим вредили общему делу.

Так было и сейчас. Баранов остался зимовать на острове Ситха. Сначала он жил в палатке, затем перебрался в двухэтажную казарму размером 8 на 4 сажени с погребом и будками по углам. Тяжелый год завершился тем, что на Ситхе от отравления умерла вся промышленная партия в количестве 115 человек. Это случилось незадолго до прихода сюда Баранова. И в этих условиях Баранов строил, строил не только казарму, но и дома для поселенцев, чтобы на будущий год привезти их сюда. «Самоотвержение этого человека на общую пользу было необыкновенно. До поздней осени он страдал в изорванной от ветров палатке, и потом несколько месяцев терпел не менее в жалкой избе от дыма»¹. Русских было в селении всего 22 человека, их иногда беспокоили местные жители — колоши. Но Баранов твердо стоял на своем. Основываясь на Ситхе, отмечал К. Т. Хлебников, «Баранов имел в виду и политические причины, чтобы распространить владения России до Нутки, дабы предупредить занятие по сему берегу от других народов. Причины сии были одобрены вышним правительством»². Но освоение острова Ситха обошлось дорого.

¹ П. А. Тихменев. Историческое обозрение образования Российско-Американской компании. Ч. 1. СПб, 1861, с. 83.

² Цит. по кн.: С. Г. Федорова. Русское население Аляски и Калифорнии. М., 1971, с. 123.

22 апреля 1800 года Баранов ушел на Кадьяк и 5 мая был там. Правивший на Кадьяке Бакадаров доложил о беспорядках, которые спровоцировал все тот же Талин. Решительными мерами Баранов уладил дело. Получив известия и о беспорядках в Кенайской губе, Баранов отправиться туда не мог. 24 апреля на Кадьяк прибыло из Нью-Йорка первое американское судно «Энтерпрайз» с капитаном Джемсом Скоттом. Баранову пришлось вопреки положению сдавать всю пушнину только компании, сбывать ее американцам, ибо положение было безвыходным. Пушнины было много (лишь Ситхинская артель добыла 2600 бобров), а отправить ее в Охотск было нельзя из-за отсутствия мореходных судов, ибо на маленькой «Ольге» невозможно было переправить груз даже в Уналашку.

Ожидавшиеся из Охотска суда не пришли. Как позже выяснилось, «Михаил» жестоко пострадал от штормов. Несмотря на то, что и треть грузов мореходам пришлось выбросить за борт, судно у Большерецка все же оказалось на берегу. Здесь умер мореход Мухоплев, и судно до Уналашки довел Беляев. Но там «Михаил» все-таки разбился о камни, а грузы остались целы. Все это страшно затрудняло нормальную жизнь в русских владениях. Поэтому лето 1801 года прошло в повседневных заботах и хлопотах. Баранов основное внимание уделял строительству и обороне Ситхинской крепости, где он вознамерился основать столицу Русской Америки. И. А. Кусков на «Екатерине» обошел остров Ситха, осмотрел окрестности. Впечатление было самым благоприятным. Баранов уже строил проекты выполнения начертаний правительства о распространении владений до залива Нутка, точнее, до залива Лтуа, по праву первооткрытия их Чириковым и Берингом в 1740 году.

Новый, 1802 год принес и радости и тревоги. На пришедшем из Охотска судне прибыл титулярный советник Иван Иванович Баннер (умер в 1816 году), который привез целый ворох новостей: известие о вступлении на престол Александра I, о привилегиях Российско-Американской компании и золотую медаль на Владимирской ленте А. А. Баранову за полезные труды. Это обрадовало и вдохновило Баранова. Но в отсутствие Александра Андреевича в Ситхе там произошло непоправимое. Колоши напали среди русских, разграбили в магазинах бобров и превратили в пепел селение и строившееся судно¹. В результате погибло 20 русских во главе с Медведниковым и 130 алеутов, разграблено 3 тысячи шкур. Англичанин Барбер, бывший в это время недалеко от Ситхи со своим судном «Юникорн», спас 3 русских, 5 алеутов, 18 женщин и 6 детей. Придя в Павловскую гавань, Барбер потребовал за пленных (Россия была в состоянии войны с Англией) выкупа в размере 50 тысяч рублей. Договорились на 10 тысяч мехами.

¹ К. Т. Хлебников. Жизнеописание Александра Андреевича Баранова, Главного Правителя Российских Колоний в Америке. СПб, 1835, с. 69.

Вскоре прибыл отправленный весной на Уналашку под управлением Кашеварова галиот «Ольга» с И. И. Баннером. Затем из Охотска пришел бриг «Александр» под командованием штурмана Василия Петровича Петрова, а 1 ноября бриг «Елизавета» под командованием лейтенанта Николая Александровича Хвостова и его помощника мичмана Гавриила Ивановича Давыдова¹. Прибытие «Елизаветы» было примечательным явлением в жизни Российско-Американской компании. Дело в том, что в числе прочих привилегий компании несколько позже основанных появилась и такая — разрешать использовать на службе компании офицеров военно-морского флота с оставлением их на флоте с половинным жалованьем. Первыми такими офицерами и стали Хвостов и Давыдов.

В компанию вступил первым офицером Хвостов, хорошо знавший камергера Резанова. Немедленно это же сделал и его друг Давыдов. 19 апреля они выехали из Петербурга, а 4 августа того же года уже вышли в море из Охотска, имея на борту «Елизаветы» 34 промышленника, двух алеутов, одного «американца», приказчика компании с помощником, а всего 49 человек. 8 сентября была сделана небольшая остановка на первом Курильском острове, 27 сентября прошли острова Атту — Агатту, 12 октября увидели Уналашку, 14-го — Унимак. Затем наступили штормовые дни, сменившиеся штилем, а потом снова был шторм, закончившийся к концу октября. 29 октября увидели Кадьяк, а 1 ноября бросили якорь в Павловской гавани.

С берега донеслись звуки салюта, с «Елизаветы» отвечали выстрелами из пушки. «Едва успели мы ошвартовать судно, как приехал господин Баранов... Я не мог без некоторого уважения смотреть на человека, посвятившего жизнь свою для приведения в лучшее состояние отраслей торговли. Двенадцать уже лет как он живет в Америке... Твердость духа его и всегдашнее присутствие разума, суть причиною, что дикие без любви к нему, уважают его, и слава имени Баранова гремит между всеми варварскими народами, населяющими северо-западный берег Америки... Баранов роста ниже среднего человека, белокур, плотен и имеет весьма значущие черты лица, не изглаженные ни трудами, ни летами, хотя ему уже пятьдесят шестой год»².

Зима с 1802 на 1803 год была обычной для жителей Русской Америки. Готовились к отправлению грузов в Охотск, готовили партии для промысла с наступлением весны. Давыдов и Хвостов занимались описью острова Кадьяк, побывали в селениях, а также и на острове Афогнак. Они первые дали описание жителей Аляски, их жилищ, обычаев, при-

¹ Н. А. Хвостов (1776—1809) и Г. И. Давыдов (?—1809)—первые офицеры военно-морского флота, служившие в РАК. Отличились своим знаменитым плаванием в 1806—1809 годах к берегам Южного Сахалина и к Японии, во время которого осуществили высадку в заливе Анива и объявили о принадлежности всего Сахалина России.

² Г. И. Давыдов. Двукратное путешествие в Америку морских офицеров Хвостова и Давыдова, писанное сим последним. Ч. 1. СПб, 1810, с. 192—194.

роды Кадьяка. Обычно Баранов направлял промысловые артели в губу Игацкую, губу Трех Святителей, к мысу Алитокый и на реку Куреуцкую (все на острове Кадьяк); две партии отправлялись на Афогнак (Афогнакская и Малиновская), три на Аляску (Катмайская, на остров Сатхума и к озеру Илиамна), две в Кенайский залив (Александровская и Николаевская), одна была в Воскресенской губе и одна на острове Нучек.

Маршруты на сезон 1803 года были следующие. Главная партия примерно из 500 байдар выходила из Кадьяка в апреле вдоль материкового берега Аляски до Бобровой бухты. Во главе ее стоял партовщик (начальник партии) и 7—8 русских промышленников, остальные — местные жители. Промысел длился до августа. Вторая партия — Тугидацкая, состоявшая примерно из 200 байдар, промышляла у острова Тугидак, оттуда шла к Укамоку, Сутхуме до острова Унга. Третья — примерно из 40 байдар — вела промысел морских выдр у островов Шуеха, Евращечий, Перегребных и у устья Кенайской губы. Четвертая — из 50 байдар — промышляла с северной стороны Кадьяка, а также использовалась для разездов. Остальные жители, преимущественно старые, ловили птиц, делали парки, удили рыбу. Женщины занимались обработкой рыбы, выделыванием шкур, сбором ягод.

Весной 1803 года с очередным кораблем из Охотска пришло известие о назначении А. А. Баранова Главным правителем Российско-Американской компании в самой Америке. Правителем Охотской конторы РАК был назначен А. Е. Полевой, К. Т. Хлебников занимал этот пост на Камчатке. Для компании в Охотске были построены суда «Св. Дмитрий», «Св. Петр и Павел», «Св. князь Александр Невский», «Захарий и Елизавета», заложены были «Св. Мария Магдалина» и кутер «Константин». Кроме Хвостова и Давыдова, назначены были штурманы Булыгин и Петров.

Баранову теперь предстояло заботиться обо всем с еще большей ответственностью, но зато у него появилось больше возможностей. Он отвечал за хлебопашество, скотоводство, за суда, их ремонт, за устройство верфей и мастерских, за разведку полезных ископаемых, наконец, за жизнь вверенных ему людей. Особое внимание ему предписывалось обратить «на исследование американского материка в этнографическом и гидрографическом отношениях и на тщательное и, по возможности, подробное изготовление карт всех описанных земель»¹.

А с этим как раз дело обстояло неважно: не было специалистов. Еще в 1799 году на запрос синода: «Как далеко распространяется владение российских по берегу, какою границею оно отделяется и на сколько верст простирается внутрь берега?» — отец Иоасаф ответил: «Не упоминая о всей Алеутской гряде, которая уже издавна повинуетя Российскому скипетру, мыс Америки Алякса, Шумагинские острова, Кадь-

¹ П. А. Тихменев. Историческое обозрение образования Российско-Американской компании. Ч. 1. СПб, 1861, с. 77.

Г. И. Давыдов.

як с принадлежащими к нему островами, на самой Америке Кенайская и Чугацкая губы и Берингов Якутатский залив полностью заняты, и введен всюду благоустроенный к обоюдным с жителями выгодам порядок. Промыслы же компании производятся до острова Ситки, на коем и гора Ешом (Эджкомб.— А. А.) от англичан именуемая, торговля и описание берегов на норд ост и ост, простерты до того самого места, где приставал прежней экспедиции в 742 году Российской мореход Чириков и оставил квартирмейстера Дементьева в 12 человеках; а границ никаких еще до самой Нотки или зимовья короля Георгия положено не было»¹. Так что к началу XIX века никаких официальных границ в Америке Россия ни с кем не заключала, и русские находились там по праву первооткрывателей и первоосваивателей.

Главному правлению РАК повелено было находиться в Петербурге (указ от 19 октября 1800 года). Такая централизация руководства весьма благоприятным образом влияла на развитие всей деятельности компании, на связи Главного правления с членами царствующей семьи и

¹ АВПР, ф. 339, оп. 888, д. 154, лл. 4—5.

членами правительства. Не случайно 25 марта 1802 года царь Александр купил 10 акций компании и по две акции вдовствующая царица, царица и великий князь Константин Павлович — брат царя. Поэтому с полным основанием А. А. Баранов писал в декабре 1800 года К. Т. Хлебникову: «Американская компания есть государственное общество, известное под фирмою Российско-Американской компании. Оно составилось из частных промысловых обществ, учредившихся после открытия командором Берингом Алеутских островов и Северо-западного берега Америки в 1741 году»¹.

Вскоре на службу РАК стали приходить морские офицеры. Понемногу налаживалось постоянное сообщение между Ново-Архангельском и Петропавловском и Охотском, в чем большую роль сыграли военные морские офицеры, более опытные и знающие свое дело. Уже первый опыт Хвостова и Давыдова доказал, что можно быстрее и надежнее доставлять грузы и почту между двумя материками. Тихменев свидетельствовал: «Нельзя не отдать полной справедливости лейтенанту Хвостову и мичману Давыдову, которые не только занимались в колониях обучением людей правильному вооружению судов и действию орудиями, но вместе с тем командуя судами совершали рейсы между колониями и Охотском в неслыханное дотоле короткое время»².

Население Русской Америки росло все-таки медленно. Оно увеличилось так медленно, что правительство издало в 1808 году указ, по которому Российско-Американская компания имела право «нанимать везде свободных людей для своих промыслов и заведений, с получением на них семилетних паспортов»³, а не только в сибирских губерниях, как это было раньше предусмотрено в привилегиях компании.

Компания неоднократно получала от правительства крупные займы, как это видно, например, из указа Александра I от 10 июня 1803 года, где говорится, что «сверх выданной по Указу нашему от 13 августа 1802 года суммы для подкрепления Российско-Американской компании, повелеваем выдать еще оной компании займообразно под расписку ее директоров из государственного заемного банка сто пятьдесят тысяч рублей на восемь лет с платежом узаконенных процентов»⁴. Вспомним, как Екатерина II не разрешила выдать 200 тысяч рублей на 20 лет, и станет нагляднее картина позитивного отношения царского правительства к Российско-Американской компании. В 1806 году был утвержден флаг Российско-Американской компании, представлявший собой бело-синее (сверху вниз) полотнище с двуглавым черным орлом в верхнем левом углу.

Бурно растущая торговля России на Дальнем Востоке испытывала острый недостаток в судах, боевых кораблях и опытных офицерах. Су-

¹ Б. Н. Вишневский. Путешественник Кирилл Хлебников. Пермь, 1957, с. 11.

² П. А. Тихменев. Историческое обозрение образования Российско-Американской компании. Ч. I. СПб, 1861, с. 94.

³ АВПР, ф. 339, оп. 888, л. 123, с. 246.

⁴ Там же, л. 287.

достроительные возможности Охотска, Камчатки и Русской Америки были все-таки явно недостаточными, чтобы удовлетворить спрос компании. Провокации иностранных держав на Аляске, Алеутских островах требовали вмешательства правительства в дальневосточные и североамериканские дела. Существовало еще одно немаловажное обстоятельство. По-прежнему все снабжение Российско-Американской компании, Охотской флотилии и всех населенных пунктов на Тихом океане шло через Охотск. Не говоря уже о страшной дороговизне этого пути, надо было считаться со сроками доставки припасов, оборудования, продуктов. По сибирскому бездорожью нередко предметы первой необходимости (якоря, канаты и прочее) шли из Петербурга в Охотск распиленными (разрубленными) на части. В Охотске снова соединялись, нагружались на суда флотилии и отправлялись в Русскую Америку.

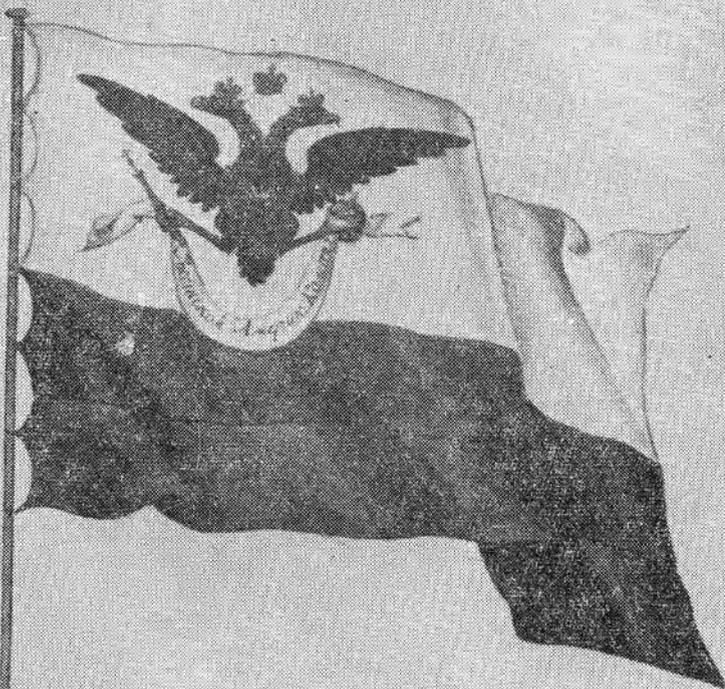
Поэтому встал вопрос об отправке в воды Тихого океана военных судов из Кронштадта. Мысль эта, как мы помним (Г. И. Муловский), была не нова. Были, правда, и другого рода мнения. Говорилось о постройке в Охотске (и следовательно, коренном усовершенствовании верфей) военных судов. Но такое решение вопроса, во-первых, не обеспечивало снабжение Российско-Американской компании необходимыми припасами и регулярной военной помощью, так как все равно все снабжение в этом случае продолжалось бы через Сибирь в Охотск сухим путем. А во-вторых, как показали подсчеты, доставка всего необходимого в Охотск для строительства двух военных судов и строительство их там обошлись бы гораздо дороже, чем отправление построенных на Балтийском море или купленных в Европе судов своим ходом в воды Тихого океана.

Все эти политические, экономические и технические причины и факторы создали необходимые предпосылки для организации первой русской кругосветной экспедиции на кораблях «Надежда» и «Нева» под руководством И. Ф. Крузенштерна и Ю. Ф. Лисянского (1803—1806 годы). На «Надежде» шел русским послом в Японию и Н. П. Резанов — зять Г. И. Шелихова и уполномоченный Главного правления Российско-Американской компании. И. Ф. Крузенштерн выполнял свои исследования и дипломатическую миссию в Японии и у азиатских берегов вообще, тогда как Ю. Ф. Лисянский на «Неве» пошел в Русскую Америку. Теперь уж ни у кого не оставалось сомнений на тот счет, что Российская Империя намерена твердо отстаивать приобретения своих землепроходцев.

Вернемся теперь к событиям, которые происходили в это время в Русской Америке. Баранов весной отправил на «Ольге» в Уналашку И. И. Баннера с приказанием прекратить временно бесполезные промыслы на Прибыловых островах (накопилось невывезенных 800 тысяч шкурок). 30 мая он проводил в Охотск «Екатерину» с грузом пушнины, а 25 июня с грузом (17 тысяч бобров на 1 200 000 рублей) ушел в Охотск Хвостов с Давыдовым на «Елизавете» и прибыл туда благополучно 23 августа — всего за два месяца!

На подлинном, истинно подлинном ЕЮ ИМПЕРАТОР-
СКОЕ ВЕЩЕВАНІЕ СВОЕ ПРАВО:

СВЯТЫЙ ПТО СЕЛЮ.

Самыя истинныя
Самыя истинныя
1806 года

Флаг Российско-Американской компании.

В это время вернулась «Ольга», и Баранов отправился на ней в Якутат, где нашел И. А. Кускова с двумя судами. Баранов хотел было идти к Ситхе и взять у колошей это место — он решил отстроить заново Ново-Архангельск. Но Кусков его отговорил, мотивируя задержку необходимостью более тщательной подготовки к походу и, в частности, постройки двух парусных судов.

Баранов тогда возвратился на Кадьяк. Была середина октября, в гавани стояло американское судно «Бостон» (капитан Окейн). Баранов договорился с капитаном о продаже на десять тысяч рублей товаров. С капитаном же ему удалось договориться и насчет того, чтобы русские байдары сопровождали американский корабль в дальнейшем плавании вдоль Американского побережья к югу от Аляскинского залива. Занимаясь в пути промыслом, мореходы погасили бы определенную часть долга (то есть часть 10 тысяч).

«И потому он решился, — пишет Хлебников, — взяв от Окейна в обеспечение отряда значительную часть товаров, дать ему 20 байдарок под надзором верного и смышленного служителя Шевцова, которому предписал замечать все страны, где будут они приставать»¹. Несмотря на то, что крепость Ситха — Ново-Архангельск была еще в руках индейцев, Баранов распространял свое влияние на юг до Калифорнии. 26 октября «Бостон» в сопровождении флотилии байдар отправился на юг, Шевцов не только вел промысел — он «примечал» повсюду то, что нужно было Баранову. Отряд зашел в порт Сан-Диего, где простоял до 1 марта 1804 года, промышляя бобров. Шевцов не только рассчитался с Окейном, но и привез еще на Кадьяк 1 100 шкур.

23 марта 1804 года штурман Бубнов, прибывший из Уналашки, доставил Баранову весть о присвоении ему чина коллежского советника. Хлебников передает, что, узнав об этом, Баранов воскликнул: «Я награжден, а Ситха потеряна. Нет!» Баранов начал энергичную подготовку к взятию Ситхи. Как всегда, он отправил партии на промысел, корабли — по своим надобностям, а сам на судне «Ермак» направился в обход своих владений. И именно в это время на рейде Павловской гавани показался шлюп «Нева» под командованием Юрия Федоровича Лисянского — одного из первых двух русских кругосветных мореплавателей.

«Надежда» и «Нева» были куплены Лисянским в Англии. «Нева» прежде называлась «Темзой». Водоизмещение ее составляло 373 тонны, и вооружена она была 14 орудиями. Кроме Лисянского в плавании участвовали лейтенанты Павел Арбузов и Петр Повалишин, мичманы Федор Коведяев и Василий Берх, штурман Даниил Калинин, подштурман Федор Мальцев, доктор Мориц Либанд, подлекарь Алексей Мутовин, иеромонах Гедеон, приказчик Российско-Американской компании Николай Коробицин, боцман Петр Русаков и 45 старшин и матросов — нижних чинов.

¹ К. Т. Хлебников. Жизнеописание Александра Андреевича Баранова, Главного Правителя Российских Колоний в Америке. СПб, 1835, с. 76.

Ю. Ф. Лисянский.

Переход от Кронштадта до Русской Америки прошел вполне благополучно, и 13 июля 1804 года Лисянский принимал поздравления жителей Павловской гавани, где управляющим оставался И. И. Баннер. «Каждый вообразить себе может, с каким чувствованием надлежало мне принять сие поздравление, видя, что я первый из Россиян, предприняв столь трудный и дальний путь, достиг до места назначения своего не только не имея на корабле своем ни одного человека больного, но с такими людьми, которые были тогда еще здоровее прежнего. Все сие приводило меня в радостное восхищение»¹.

На другой день Лисянский получил письмо от Баранова, который сообщал о своем походе, писал о том, что колоши захватили селение на острове Ситха и просил командира о помощи. После отдыха и ремонта судна Лисянский 15 августа пошел в Крестовскую губу, где и ожидал Баранова. А правитель Русской Америки тем временем готовился к

¹ Ю. Ф. Лисянский. Путешествие вокруг света в 1803, 4, 5 и 1806 годах, по повелению Его Императорского Величества Александра Первого, на корабле Неве, под начальством Флота Капитан-лейтенанта, ныне Капитана 1-го ранга и кавалера Юрия Лисянского. Ч. 1. СПб, 1812, с. 245.

штурму колошинских укреплений, готовился отобрать Ситху. Отправив в начале апреля 300 байдар с Деляненковым во главе 800 местных жителей, сам Баранов с двумя судами «Екатериной» и «Александром» 4 апреля пошел в Якутат. Прибыв туда 25 мая, он убедился, что Кусков был прав, отговаривая его отложить операции против колошей до этого года: у него уже были готовы два судна — шхуны «Ермак» и «Ростислав». «Александр» и «Екатерина» по приказанию Баранова пошли к Ситхе. «Ростислав» ушел охранять партию, а сам Баранов на «Ермаке» 25 августа ушел к Ледяному проливу, где соединился с партией. С большими трудностями и некоторыми потерями был пройден Ледяной пролив, затем пролив Чильхат.

По пути проходили колошенские деревни, жители которых принимали участие в разрушении русского поселения на Ситхе. При приближении русских байдар и судов все они покидали свои жилища. Промышленники продолжали промысел бобров и сумели добыть до 1 500 шкур. Обойдя Ситху, эскадра Баранова 8 сентября пришла в Крестовскую гавань, где уже находился Лисянский. Он рассказал Баранову обо всех своих приключениях и о положении на Ситхе.

Было решено перейти к Ситхе и стать на рейде. Так и сделали. 29 сентября после некоторых приготовлений «Баранов, съехав на берег, занял высокий утесистый, довольно обширный камень и поднял на оном флаг, в знак овладения сим местом под Российскую Державу, наименовав оное по-прежнему Ново-Архангельскою крепостию»¹. Немедленно попытались вести переговоры с колошами, которые находились верстах в 18 от этого места во вновь выстроенной крепости. Те отказались от переговоров. С 30 сентября началась осада крепости, доходившая до вооруженных столкновений, во время которых 10 человек было убито и 26 ранено. В числе последних были Баранов, которому прострелили навывлет правую руку, а лейтенанты Арбузов и Повалев получили ранения в голову. После боя колоши запросили мира, но снова тянули с ответом, а когда Баранов решил было поторопить с ответом, выяснилось, что все колоши из крепости ушли.

Началось восстановление и строительство крепости Ситха. Баранов оставался здесь сам и оставил тут же все байдары и суда, кроме «Ростислава», посланного с донесениями в Павловскую гавань, и «Невы», шедшей зимовать туда же 10 ноября 1804 года. Кругосветные путешественники были рады перебраться на землю после столь долгого плавания. Лисянский использовал зимовку для исследовательских целей. Он произвел опись Кадьяка, основанную на нескольких астрономических определениях. В работах ему помогал штурман Калинин. В результате появилось первое географическое описание острова Кадьяк и близлежащих районов. Весь остров был положен на карту, составлены планы Павловской гавани, Чиниатского залива, гавани Трех Святителей. Кроме этого,

¹ К. Т. Хлебников. Жизнеописание Александра Андреевича Баранова, Главного Правителя Российских Колоний в Америке. СПб, 1835, с. 83.

во время путешествий по острову и близлежащим к нему мелким островам Лисянский поближе познакомился с местными жителями, а в гавани Трех Святителей провел совещание с тойонами, выслушал их претензии, обиды. Все это затем послужило предметом специальных разговоров с Барановым¹. Ему удалось узнать, в частности, что по берегу Кенайского залива расположено 14 селений с числом жителей около 3 000 человек. Побеседовал он и с промышленником Баженовым, побывавшим на Медной реке.

С наступлением весны Лисянский стал готовить «Неву» в обратный путь. На нее было погружено 3 000 бобров, 150 тысяч котиков и множество других товаров, всего на сумму примерно 450 тысяч рублей. По решению Главного правления Российско-Американской компании на шлюпе отправлялись три уроженца Кадьяка, родившиеся от русских отцов и местных матерей — креолы, для обучения в Петербурге в Штурманском училище: Андрей Климовский, Иван Чернов, Герасим Кондаков. 14 июня 1805 года «Нева» покинула Павловскую гавань и через неделю, 22 июня, стала на якорь на Ситхинском рейде. Здесь необходимо было задержаться на неопределенный срок до окончательного решения вопроса об отношениях с колошами.

На следующий день Лисянский сошел на берег и, как он пишет, «к величайшему моему удовольствию увидел удивительные плоды неусыпного трудолюбия г. Баранова. Во время краткого отсутствия нашего успел он построить восемь зданий, которые по величине и по виду своему могут почтены быть красивыми и в самой Европе, и кроме того развел пятнадцать огородов по близости селения. Теперь находится у него 4 коровы, 2 телки, 3 быка, овца с бараном, 3 козы и довольно количество свиней и кур. Таковое имущество в стране сей драгоценнее всяких сокровищ»².

Баранов продолжал переговоры с колошами о прочном мире. Они закончились в июле успешно. Мир был восстановлен. 19 июля тойоны, принимавшие участие в переговорах, уехали. Баранов подарил главному из них медный Российский герб, убранный орлиными перьями и разноцветными лентами. Офицеры же «Невы» производили опись Ситхинских островов. Главные из них четыре: Якобиев, Крузов, Баранова и Чичагова. Острова покрыты елью, лиственницей, сосной, ольхой и другими деревьями. На островах множество различных ягод (смородина, черника, клубника и другие). Проживает там около 800 человек. В результате Лисянским было составлено описание Ситхинских островов и их карта³. С 21 по

¹ Ю. Ф. Лисянский. Указ. соч., ч. 2, «Описание Кадьяка», с. 66—108; его же «Собрание карт и рисунков, принадлежащих к Путешествию флота капитана 1-го ранга и Кавалера Юрия Лисянского, на корабле «Неве». СПб, 1812.

² Ю. Ф. Лисянский. Указ. соч., ч. 2, с. 112.

³ Ю. Ф. Лисянский. Указ. соч., ч. 2, «Описание Ситхинских островов», с. 136—153. См. также «Описание карт и рисунков...» Лисянского. В довершение всего Лисянским был составлен «Краткий словарь языков северо-западной части Америки с Российским переводом» (см. соч., с. 154—207). Слова даны на русском, кадьякском, кенайском, ситхинском и уналашкинском языках и диалектах.

25 июля Лисянский совершил восхождение на гору Эджкомб, находящуюся на острове Круза и самую приметную для мореплавателей. Восхождение было трудным, но «труды и терпение наши награждены были особенным удовольствием. Стоя на вершине горы мы видели себя окруженными самыми величественными картинами, каковыя токмо природа представить может. Безчисленное множество островов и проливов дохода Креста и самый материк, лежащий к северу, казались под нашими ногами; горы же, по другую сторону Ситкинского залива, представлялись как бы лежащими на облаках, под нами носившихся»¹.

Август прошел в помощи Баранову и в исследованиях. С 7-го по 15-е Лисянский ходил со служителями на целебные источники, о которых очень хорошо отзывался, так как пользование ими помогло больным участникам экспедиции. В это время пришли на Ситху два английских корабля для ремонта, а затем и наша «Елизавета» с Уналашки. А 1 сентября «Нева» покидала Ситху, отправляясь отсюда прямо в Кантон. В это время на корабль приехал попрощаться Баранов, «с которым разпрощался я, — писал Лисянский, — не без сожаления. Он по дарованиям своим заслуживает всякое уважение. И по мнению моему Российско-Американская компания не может иметь в Америке лучшего начальника, ибо кроме познаний он сделал уже привычку к понесению всяких трудов и не жалеет собственного своего имущества для общественного блага»².

Едва распрощавшись с Лисянским, который так много помог ему в устройстве Ситхи, Баранов встречал новых гостей. История их появления такова. Хвостов и Давыдов после первого плавания возвратились в Петербург, но долго там не пробыли. 14 мая 1804 года они выехали на Дальний Восток и в конце августа уже вышли в море на судне «Мария». Шторм, захвативший судно в пути, заставил моряков зайти на Камчатку в Петропавловск и здесь зазимовать. Но вот в 1805 году там появился шлюп «Надежда» под командованием И. Ф. Крузенштерна. Находившийся на шлюпе Н. П. Резанов надумал побывать в Русской Америке и с этой целью перебрался на «Марию Магдалину», командиром которой стал лейтенант Ростислав Григорьевич Машин. Хвостов и Давыдов оказались пассажирами. На это судно перешел и Григорий Иванович Лангсдорф — ученый-естествоиспытатель, плававший на «Надежде».

Н. П. Резанов на правах «хозяина» Российско-Американской компании вникал во все тонкости управления. По пути в Ново-Архангельск «Мария Магдалина» посетила остров Св. Павла, Уналашку, заходила на Кадьяк, и везде Резанов знакомился с состоянием дел. В Ситхе, где было еще очень много недоделок, его поразили боевой дух барановцев, неутомимость, деловитость самого Баранова. А ведь трудностей было более чем достаточно: не хватало продуктов — надвигался голод, земля была непло-

¹ Ю. Ф. Лисянский. Указ. соч., ч. 2, с. 125.

² Там же, с. 209.

Н. П. Резанов.

дородная, не хватало кирпичей для стройки, не было слюды для окон, медь считалась страшной редкостью, а без нее невозможно было оснастить корабль. Русского населения набиралось около 470 человек, и они требовали заботы. Но что мог сделать Баранов, если в этом крае все заменяла рыба, хлеб был на вес золота, а от болезней лечили преимущественно домашними средствами — остро чувствовался недостаток врачей и фельдшеров.

Выслушав Баранова и его сподвижников, Резанов совершенно правильно решил, что выход в организации торговли с Калифорнией, в основании там русского поселения, которое снабжало бы Русскую Америку хлебом и молочными продуктами. Для этого Резанов и Баранов приняли решительные меры. Чтобы избавить население Русской Америки от голода (а по переписи Резанова, произведенной в Уналашкинском и Кадьякском отделах, оно составляло 5234 человека), нужно было плыть в Калифорнию немедленно. К тому же с приходом «Марии Магдалины» чиновников прибавилось, а размещать их было негде и кормить нечем.

Сам Резанов в письме из Ситхи писал: «Живем все мы очень тесно; но всех хуже живет наш приобретатель сих мест, в какой-то дощеной юрте, наполненной сыростью до того, что всякий день плесень обтирают и при здешних сильных дождях со всех сторон как решето текущей. Чудный человек! Он заботится только о спокойном помещении других, но об себе самом безпечен до того, что однажды нашел я кровать его плавающую и спросил, не оторвало ли где ветром боковую у хранины его доску?»

Нет, спокойно отвечал он, видно натекло ко мне с площади,— и продолжал свои распоряжения¹.

Резанов между тем предписал Баранову восстановить училище для обучения мальчиков, увеличить число мастеровых, устроить лесопильный завод, приступить к устройству гарнизона для обороны крепости, назначить капитана над портом для того, чтобы всю повседневную работу по руководству судами возложить на него и освободить себя для других обязанностей, принимать все меры к заведению торговли с Калифорнией, переходить в оплате промышленников на жалованье вместо принятой паявой системы. Резанов настоятельно рекомендовал «обратить внимание на нравственность всех служащих в колониях, и в особенности стараться воздерживать людей от пьянства»².

Но при тех возможностях, даже с большими полномочиями, Баранову было практически невозможно провести в жизнь программу мероприятий Резанова, то есть и Главного правления Российско-Американской компании. Указания Резанова в большей своей части остались невыполненными, так как Баранову приходилось бороться с холодом, голодом, недостатками всякого рода, а также с внешними и внутренними врагами. Но Баранов полностью соглашался с Резановым в необходимости организации торговли с Калифорнией и основания там поселения-крепости.

Для быстрейшего осуществления плавания в Калифорнию было решено по предложению Баранова купить корабль англичанина Вульфа — один из двух прибывших в Ситху для текущего ремонта английских кораблей. Сделка состоялась: сошлись на 68 тысячах пиастров за корабль со всем грузом. Часть денег погашалась товарами на сумму 31 250 пиастров, а остальную часть Вульф мог получить в Петербурге при предъявлении векселей. Кроме того, в сумму эту входила также стоимость шхуны «Ермак», которая отдавалась Вульфу насовсем для перевоза мехов на Сандвичевы острова, и шхуна «Ростислав», которая передавалась на время для перевозки членов экипажа и самого Вульфа в Охотск. Английский корабль «Юнона» принял под свое командование Н. А. Хвостов, помощником у него, как всегда, был Г. И. Давыдов. Одновременно в Ситхе был заложен тендер. Его строили кораблестроитель с «Невы» Кориюкин и опытный охотский кораблестроитель Попов.

Первый свой рейс под русским флагом корабль «Юнона» совершил с 4 октября по 13 ноября на остров Кадьяк. Хвостов и Давыдов привезли неутешительные вести о том, что Якутатская крепость полностью разорена колошами. Захватив ее, колоши напали и на артель под начальством Демьяненкова, отправленную из Ситхи на Кадьяк. Тяжелым было также и известие о кораблекрушении судна «Елизавета» под командованием лейтенанта Сукина. Резанов, как мог, утешал огорченного Баранова, но мысли Баранова были уже заняты восстановлением крепости в Якутате.

¹ Г. И. Давыдов. Двукратное путешествие в Америку морских офицеров Хвостова и Давыдова, писанное сим последним. Ч. 2. СПб, 1812, с. 192.

² П. А. Тихменев. Историческое обозрение образования Российско-Американской компании. Ч. I. СПб, 1861, с. 144.

Перед своим отплытием в Калифорнию Резанов от имени правительства наградил Кускова золотой медалью на Владимирской ленте, Малахова, Швецова, Бакодарова и Еремина — серебряными.

Первый русский корабль отплыл в Калифорнию 26 февраля 1806 года. На борту «Юноны» был один из правителей Российско-Американской компании, командор и кавалер мальтийского большого креста Св. Иоанна Иерусалимского Николай Резанов. Незадолго перед уходом в кругосветное плавание он овдовел: его жена Анна Григорьевна, дочь Г. И. Шелихова, внезапно скончалась. В трудах и хлопотах сорокадвухлетний камергер искал облегчения своего горя.

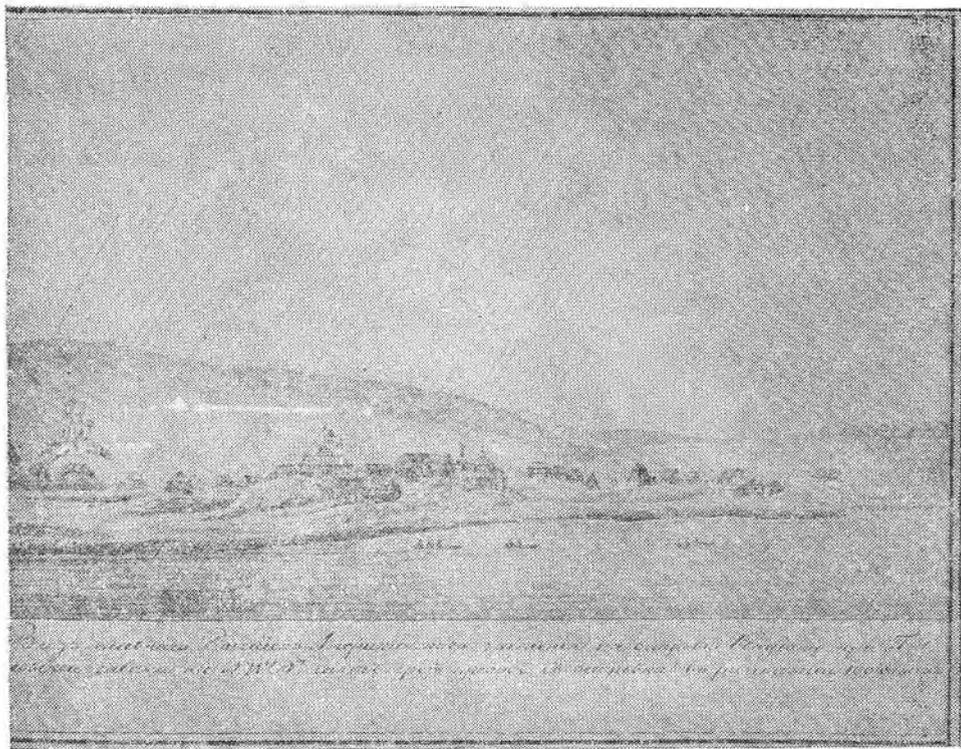
Русский корабль совершенно неожиданно появился в заливе Св. Франциска и в миссии того же названия. Губернатор Калифорнии любезно принял русского представителя. Хосе де Аргуэлло обещал ему помощь. Но еще большую помощь Резанову оказала очаровательная дочь губернатора Концепсия. Н. П. Резанов страстно увлекся юной красавицей и сделал отцу ее официальное предложение, которое спустя некоторое время было принято. Состоялась помолвка, оговорены были сроки возвращения Резанова, вопросы церковных верований и прочее.

А тем временем Хвостов и Давыдов в Монтерее и в Сан-Франциско нагружали «Юнону» продовольствием. Пшеница, мука, ячмень, горох, бобы, сало, соль и другие продукты — всего 4 600 пудов — спасли жителей Русской Америки в тот тяжелейший год от голода и тяжелых испытаний. 8 мая 1806 года «Юнона» уходила обратно, а Резанов прощался со своей юной невестой. И не знали они, что это прощание — последнее¹.

«Юнона» вернулась в Ситху 8 июня. Первой и главной новостью здесь была постройка тендера «Авось», командование которым принял Г. И. Давыдов. Второй — отправление на юг к Калифорнии отряда из 50 байдар под начальством Сысоя Слободчикова. В 1803—1804 годах Швецов и Тараканов на байдарках плавали до залива Св. Диего. Теперь Баранов решил, используя приход американского корабля под командованием Джона Виншипа, отправить к берегам Калифорнии другой отряд на срок от десяти до четырнадцати месяцев.

Сначала все шло хорошо, промысляли бобров вдоль побережья, затем перешли на остров Серос (28°2 с. ш. и 115°2 з. д.). И тут Слободчиков отделился от Виншипа, не согласившись с некоторыми его требованиями. Слободчиков купил у американцев за 150 бобров небольшую шуну, назвал ее «Николаем» и с нанятыми двумя американцами и тремя сандвичанами пошел с мехами на Сандвичевы острова. «Слободчиков был первым русским человеком из Нового Света, которого увидели гавайцы. Аляскинский мореход зазимовал на Гавайях, — это было не похоже на зимовки в заливах Аляски или на скалах Уналашки. Как в сказке жил Сысой Слободчиков в стране вечного лета, среди пальм и мимоз, при дворце короля-великана, питался кокосами и свиной после

¹ Николай Петрович Резанов родился в 1764 году, а скончался внезапно в Красноярске в 1807 году, возвращаясь в Петербург.

Павловская гавань. 1808 год.

аляскинской голодухи. Тобольский мужик Слободчиков заключил с владыкой Гаваев торговое условие. Баранов получил возможность закупать у короля плоды хлебного дерева, сандал и жемчуг. Тамеамеа Великий послал со Слободчиковым подарок Баранову — драгоценный плащ из перьев тропических птиц — одеяние королей и высоких вельмож Сандвичевых островов»¹.

Слободчиков возвратился со своей артелью в Ситху в августе 1807 года, а Виншип — в сентябре. Весь промысел составил 4820 бобров, но зато с политической точки зрения поход Слободчикова был чрезвычайно важен. Завязались дружеские отношения Русской Америки с Гавайскими островами. Король Гаваев Тамеамеа очень дорожил дружбой с русскими и постоянно поддерживал связь с Барановым, регулярно обмениваясь с ним посланиями и подарками.

¹ С. Н. Марков. Летопись Аляски. М., 1948, с. 77.

24 июня 1806 года Баранов, Кусков, Василий Иванович Малахов и другие провожали Резанова, Хвостова и Давыдова, уходивших в Японию и в Россию на «Юноне» и тендере «Авось». Резанов, недовольный неудачной миссией в Японию во время плавания на «Надежде» с И. Ф. Крузенштерном, решил повторить свой визит в эту страну. Сначала он хотел идти сам на «Юноне», а затем уже во время плавания переменял намерение, отправив в залив Анива тендер «Авось» с мичманом Г. И. Давыдовым. Тендер занимал там сторожевой пост, ожидая прихода «Юноны» из Охотска.

Там же обстоятельства сложились таким образом, что Резанов, сойдя на берег, прислал в скором времени Хвостову дополнение к ранее данной инструкции, в котором ставилось под сомнение вообще плавание в Японию. Сразу после этого Резанов уехал в Якутск и далее в Петербург (как раз по пути туда он скончался). Ничего не оставалось делать, как идти в Аниву. Хвостов не нашел там Давыдова. Тогда, исполняя предписание Резанова (первое), Хвостов сжег на берегу залива Анивы незаконно поставленные там постройки, поднял русский флаг и дал старшине айнского селения документ, подтверждавший право России на Южный Сахалин.

В Петропавловском порту Хвостов нашел Давыдова, который возвратился потому, что среди команды оказалось много больных, утомленных длительным пребыванием в океане. Команды «Юноны» и «Авось» были укомплектованы промышленниками Баранова из Русской Америки, и Российско-Американская компания во время их отсутствия назначала им пай, а офицерам платила жалованье.

В 1807 году Хвостов и Давыдов повторили плавание и сожгли японские складские помещения на Курильских островах, побывали на Южном Сахалине и на острове Хоккайдо. Возвращение их в Охотск было печальным. Начальник Охотского порта арестовал обоих якобы за самоуправство. Им удалось бежать в Петербург, откуда после дачи объяснений они были направлены в район боевых действий в Финляндию, там отличились в боях, заслужили награды. Царь не дал их им, но зато простил дальневосточные похождения. Основным виновником этих событий следует считать Н. П. Резанова: его поручения подчиненным офицерам были неопределенными. Но Резанова в то время уже не было в живых.

Н. А. Хвостов и Г. И. Давыдов погибли вместе в Петербурге, возвращаясь со встречи с Г. И. Лангсдорфом и Вульфом. На Неве разводили мосты и, пытаясь перепрыгнуть через увеличивающийся развод в темноте, не рассчитав своих сил, оба моряка нашли вечный покой в волнах Невы. Смерть первых офицеров Российско-Американской компании больно отозвалась в среде русских офицеров. О них горевали, писали стихи.

Два храбрых воина, два быстрые орла,
Которых в юности созрели уж дела,
Которыми враги средь Финских вод пограны,

Которых мужеству дивились Океяны,
 Переходя чрез мост в Неве кончают век...
 О странная судьба! О бранный человек!¹

«Юнона» в 1808 году возвратилась в Русскую Америку, а 29 июля 1811 года была отправлена Барановым с товарами и грузом в Петропавловскую гавань к комиссионеру К. Т. Хлебникову под командованием штурманского ученика Сергея Мартынова. Всего было 27 человек, в числе их 6 учеников от 12 до 18 лет. С половины октября «Юнона» из-за противного сильного ветра лавировала перед входом в Авачинскую губу. Более половины команды было больных. Затем корабль отнесло к Шипунскому мысу, а 29 октября очередным порывом штормового ветра судно нанесло на риф и стало разбивать о него.

Один из троих спасшихся во время этого бедствия так описал гибель судна и своих товарищей: «Кои могли с великою нуждою при разбитии выходить из трюма сбрасывало с судна величайшим штормом во обще з деревом палубы (то есть вместе с мачтами.— А. А.), которое ломало и со снастями в море уносило от судна»². Так погиб и командир Мартынов. Удалось чудом спастись троим — Степану Норицыну, Михаилу Посникову и Валгусову. Когда они на третий день вместе с людьми комиссионера К. Т. Хлебникова снова пришли на место гибели, то от «Юноны» уже ничего не было видно, а на берегу кое-где были выкинута морем тюки компанейского груза.

Тендер «Авось» в 1808 году разбился на камнях у острова. Людей удалось спасти и доставить в Ново-Архангельск. Так закончилась эпопея морских офицеров Н. А. Хвостова и Г. И. Давыдова, которые совершили свои смелые плаванья на кораблях «Юнона» и «Авось».

Баранов завел дружественные и торговые отношения не только с Калифорнией и Сандвичевыми островами. Он посылал свои товары и в Кантон. Так, в августе 1806 года в Ситху пришел англичанин Окейн на судне «Эклипс». Желая попасть с грузами пушнины в Японию и нажиться там на их продаже, Окейн сообщил Баранову заведомо ложные известия о том, что он якобы встретил Лисянского, побывавшего в Нагасаки. Таким путем Окейн рассчитывал скорее склонить Баранова к снаряжению корабля в Нагасаки.

Действительно Баранов пошел на это. На «Эклипс» было погружено груза на 310 000 рублей. Сопровождал его верный комиссионер Бакодаров. «Эклипс» вошел в Нагасаки под русским флагом, так как не знали реакции японцев на акцию Хвостова и Давыдова. Японцы попросту «выгнали» «Эклипс», который 6 июля 1807 года пришел в Петропавловск-на-Камчатке, где ценный груз был сдан с убытком, всего за 207 000 рублей. Одиссея Окейна на этом не закончилась. С грузом товаров для Русской Америки он отправился в Ново-Архангельск, но потерпел

¹ Подписано инициалами А. Ш. — В кн.: Г. И. Давыдов. Двукратное путешествие в Америку морских офицеров Хвостова и Давыдова, писанное сим последним. Ч. 1, с. XIV. СПб, 1810.

² АВПР, ф. 339, оп. 888, д. 217, л. 10.

крушение у острова Саннах. Однако экипаж сумел построить из остатков «Эклипса» шхуну, и 26 февраля 1809 года на ней вышли в море. Около Уналашки шхуна попала на лед. Пришлось выгружаться на берег. Во время этого перехода Окейн утонул.

В эти годы уехал из Русской Америки, а затем и с Камчатки Г. И. Лангсдорф, впоследствии академик и известный исследователь Бразилии. После исследований, сбора ботанических коллекций в Русской Америке Лангсдорф путешествовал по Камчатке, откуда отправился в Охотск на парусном боте «Ростислав» в 1807 году совместно с К. Т. Хлебниковым. Во время этого плавания «Ростислав» умудрился налететь на спящего кита, но все обошлось благополучно. В 1812 году в Германии вышли в свет на немецком языке «Заметки о кругосветном путешествии в 1803—07 гг.» и труд о ботанических исследованиях.

А теперь вернемся снова в Русскую Америку. Баранов давно не был на Кадыяке и решил навестить Павловскую гавань. Оставив за себя в Ново-Архангельске И. А. Кускова, Баранов появился в Павловской гавани, нашел там много беспорядков и строго указал на них добросовестному, но очень мягкосердечному правителю И. И. Баннеру. Баранов договорился на Кадыяке с английским капитаном Барбером о покупке у него судна с грузом за 42 тысячи пиастров. Судно Баранов назвал «Кадыак».

2 мая на Кадыак пришел только что спущенный на воду Кусковым в Ситхе бриг «Ситха». Он был загружен, как обычно, пушниной, командиром на нем пошел бенгалец да Сильва. На этом же бриге шел англичанин Барбер с векселями и со всем личным имуществом. Тут же было и имущество К. Т. Хлебникова, возвращавшегося из Русской Америки. 3 октября 1807 года бриг потерпел крушение у реки Камчатки, людям удалось спастись на шлюпках, а судно затем унесло и разбило до основания у Кронцоцкого мыса. Погиб богатый груз компании, погибло имущество Барбера, Хлебникова, всех членов экипажа. После этого Барбер на Камчатке закончил жизнь самоубийством.

А на Ситхе, в Ново-Архангельске, оставшийся там Кусков строил дом Главного правителя, магазины, парусные суда, байдары. Вскоре к нему из Кадыяка пришел купленный у Барбера «Кадыак» со штурманом Булыгиным. Кусков отправил его немедленно в Якутат навести там порядок — восстановить селение и крепость. Булыгин успешно исполнил поручение.

12 сентября 1807 года жители Ново-Архангельска были приятно удивлены, увидев на рейде знакомую и запомнившуюся им «Неву». Только теперь фрегатом «Нева» командовал лейтенант Леонтий Андреевич Гагемейстер¹. Это было второе судно, отправленное из Кронштадта в Русскую Америку Главным правлением Российско-Американской

¹ Л. А. Гагемейстер (16 июня 1780 года — 23 декабря 1833 года) — трижды обогнул земной шар в 1806—1810 на шлюпе «Нева», в 1816—1819 на крейсере «Кутузов» и в 1828—1829 годах на шлюпе «Кроткий». Сменил А. А. Баранова на посту Главного правителя Российско-Американской компании.

Л. А. Гагемейстер.

компании. Оно пришло в Русскую Америку в ответ на просьбу Баранова иметь «в колониальных водах судно большого ранга». На «Неве» прибыло большое количество продовольствия и снаряжения. Гагемейстер привез также Баранову орден Св. Анны 2-й степени, а Кускову — патент на чин «коммерции советника». Из Ново-Архангельска «Нева» перешла в Павловскую гавань, где и осталась на зимовку.

В Ново-Архангельске тем временем успешно распоряжался Кусков. Колоши, узнав, что Баранова нет в крепости, попытались осадить ее, но попытка эта успеха не имела. Кусков отправил партию на промыслы в проливы под прикрытием шхуны «Николай» под командованием Христофора Мартыновича Бенземана. Там же был и «Кадьяк» под командованием Булыгина. Вернулись 20 июля с 1700 бобрами. В Ново-Архангельске 16 июля спустили на воду трехмачтовое судно тоннажем в 300 тонн — «Открытие» и начали строить шхуну «Чириков».

Баранов перебрался совсем в Ситху 30 августа 1808 года и стал готовить экспедицию в Калифорнию. 20 сентября на юг ушла шхуна «Николай» под командованием штурмана Булыгина и приказчика Тараканова. Плавание ее было неудачным: шхуна потерпела крушение, экипаж

попал в плен к колошам, многие погибли, в том числе и Бульгин, а Тараканов возвратился в Ново-Архангельск только в 1810 году и рассказал о злключениях, выпавших на его долю.

Через три недели после ухода «Николая» с Ситхинского рейда ушел в плавание на юг и «Кадьяк» под командованием штурмана Петрова. Поход возглавил И. А. Кусков. По пути в залив Румянцева (Бодега) Кусков осмотрел острова Шарлотты и устье реки Колумбии. С 28 декабря 1808 года по сентябрь 1809 года «Кадьяк» находился в заливе Румянцева, где промышляли бобров. Кусков тщательно осмотрел побережье, имея в виду устройство здесь русского поселения. Возвратившись 4 октября 1809 года с 1900 бобрами в Ново-Архангельск, Кусков доложил Баранову и свои соображения. «Принимая в уважение известия Кускова,— свидетельствует К. Т. Хлебников,— и основываясь на замечаниях г. действит. камергера Резанова, что места сии свободны и не принадлежат еще никому из европейских народов, предприимчивый Баранов принял намерение там водвориться, более для хозяйственных чем для торговых выгод, и представил о том Главному Правлению»¹.

К своему письму Баранов приложил донесение Кускова, в котором между прочим говорилось, что при заливе Бодеге он нашел «изрядную гавань, прекрасное местоположение, земли, способныя к возделыванию, изобилию строевых и корабельных лесов, сосновых и дубовых, довольство в кустарниках разного рода, в рыбе, в лесных и водяных птицах, а наипаче в скитающемся по лесам одичалом рогатом скоте: быках и коровах, овцах, козах и оленях, а притом и климате весьма теплом; только морского и земляного зверя для промышленности заметили не в самом большом изобилии. Природных тамошних жителей по разным местам видели не везде в большом количестве, но все они принимали ласково и ни малейшего подозрения и неблагоприятства не оказывали, и огнестрельного оружия не имеют, как многие, выше того залива обитающие и наносящие иностранцам бедствия. Многим из них, кои обходились ласковее и оказывали услуги, розданы были, сверх подарков, бисер, корольки, платья, некоторые железныя безделушки и серебряныя медали для ношения на шее с надписью: «Союзныя России», чем они были весьма довольны»².

Российско-Американская компания предложила правительству, чтобы новое селение находилось под его эгидой, но последовало указание основывать селение под флагом Российско-Американской компании. Правительство же обещало оказывать всемерную помощь. Баранов начал готовиться к тому, чтобы не затягивать дело и, избегая излишней поспешности, осуществить теперь уже предписание правительства. Но этому помешали некоторые события, происшедшие в самом Ново-Архангельске.

¹ К. Т. Хлебников. Жизнеописание Александра Андреевича Баранова, Главно-го Правителя Российских Колоний в Америке. СПб, 1835, с. 126—127.

² В. Потехин. Селение Росс. СПб, 1859, с. 8—9.

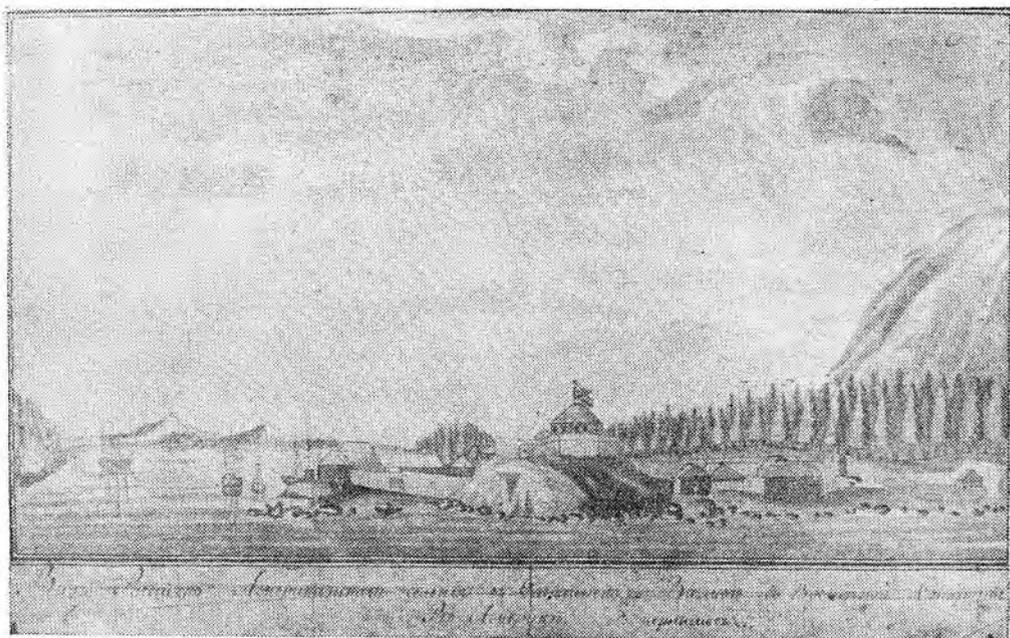
Здесь был раскрыт заговор с целью убийства Баранова и ликвидации заведенных им порядков. Разумеется, все это было не так просто. И Шелихов, и Баранов, и Кусков, и прочие представители компании на местах не были исключением из чиновничьего аппарата царской России. Мужественные, энергичные, дальновидные, они тем не менее оставались людьми своего времени. Им были не чужды негативные формы управления огромной территорией, методы общения с местным населением. И не случайно, как мы увидим несколько ниже, в ответ на многочисленные жалобы в адрес Баранова правительство предписало В. М. Головнину разбраться на месте и представить соответствующий доклад и свои соображения.

Были враги у Баранова, но, к счастью, больше было друзей. И вот, когда группа промышленных во главе с Наплавковым и Поповым готовилась к злодеянию, трое участников его вовремя предупредили Баранова, и он, явившись в дом заговорщиков, сам арестовал их. В апреле 1810 года «Нева», уходящая в очередной рейс на Камчатку, увезла туда для суда и преступников. До этого «Нева» под командованием Гагемейстера в 1808 году уходила с грузом мехов на Сандвичевы острова, а оттуда в Петропавловск. Здесь Гагемейстер, разгрузив привезенную с Сандвичевых островов соль, вышел в Ситху и пришел туда 2 сентября 1809 года. В это время до Русской Америки дошли сведения о разрыве отношений с Англией. В апреле 1810 года Гагемейстер повел «Неву» снова на Камчатку, куда и пришел 29 мая 1810 года. Отсюда, сдав «Неву» новому командиру, Л. А. Гагемейстер с частью экипажа через Охотск и Сибирь возвратился в Петербург. Среди поступивших на службу Российско-Американской компании были штурманы Иван Филиппович Васильев и Даниил Васильевич Калинин. Оба они оставили заметный след в истории Русской Америки.

Закончим рассказ о «Неве», хотя это и нарушает несколько хронологический принцип нашего повествования. В Петропавловске был получен приказ идти в Охотск, взять пружы для Русской Америки, а также принять на борт Т. С. Борноволокова, который должен был в течение года быть помощником А. А. Баранова, а затем сменить его на посту Главного правителя. Александр Андреевич настойчиво просил о замене. Первоначально на этот пост был назначен Иван Гаврилович Кох, который в октябре 1810 года отправился из Охотска на бриге «Мария» под командой Курицына в Ситху. Но ему не суждено было добраться до Америки. По пути, в Петропавловске, он скончался 25 января 1811 года. Сразу же на пост Главного правителя был назначен Третий Степанович Борноволок.

24 августа 1812 года «Нева» под командованием Якова Антикеевича Подушкина¹ с экипажем из 62 человек, грузом и будущим правителем Русской Америки вышла из Охотска. В Охотске командиром «Невы»

¹ Я. А. Подушкин — лейтенант. Служил в РАК с 1811 по 1819 год. Был командиром экспедиции на Сахалин, которая должна была бы состояться в 1808—1809 годах. Последний командир «Невы».

Ново-Архангельск 1809 года.

первоначально был назначен штурман Иван Яковлевич Васильев¹, но незадолго до отхода в море, перебираясь на яликe через сложный охотский бар к кораблю, он утонул. Тогда и был назначен Подушкин, только что прибывший на службу компании из Петербурга.

Переход через океан был длительным, так как все время дули противные ветры. Более двух месяцев носило фрегат по бурному океану, и не было возможности зайти в какую-нибудь бухту, чтобы отстояться. Люди измучились, ощущая недостаток в пресной воде, заболели цингой и начали умирать. И чем дольше не могли подойти к берегу, тем больше становилось жертв. Наконец, сообщает один из немногих оставшихся в живых гардемарин М. И. Терпигорев, «8 ноября, в жестокий шторм сломило грот и крюйс стеньги. В сие время подошел к Третию Степановичу Я. Подушкин и объявил ему, что он более не в силах управлять кораблем, а находит одно только средство к спасению, ссадить команду на берег, а корабль передать на жертву волнам. Т. Борноволоков был сражен сим отзывом: он знал, что берег, близ которого они находятся,

¹ И. Я. Васильев (1776—1812) — штурман в компании командовал бригом «Финляндия», затем был переведен на «Неву». Очень часто до сих пор И. Я. Васильева путают с И. Ф. Васильевым, а иногда соединяют их воедино. Последнее сделал и автор в книге «Сыны отважные России». Магадан, 1970, с. 144 и далее до с. 155.

обитаем свирепыми дикарями, от которых нельзя ожидать ни малейшей пощады: и потому, оборотясь к Д. Калинину, просил его принять начальство, и завести корабль в покойную гавань, в которой бы они могли отдохнуть, исправиться починкою и налиться водою»¹.

Д. В. Калинину удалось исполнить приказание Борноволокова. В бухте, где они простояли одиннадцать суток, на неизвестном острове или на неведомой земле, стояла суровая зима, но стоянка дала людям возможность отдохнуть, запастись свежей водой. 27 ноября снова вышли в море. Через три дня увидели гору Эджкомб, и у всех затеплилась надежда: ведь до Ново-Архангельска было не более десяти часов плавания. Но шторм разыгрался с новой силой, несчастную «Неву» унесло в море и носило по воле волн до рокового дня 9 января 1813 года, когда корабль при ударе о скалистый берег разнесло на несколько частей. Калинин, его жена и младенец погибли, погибли и многие другие, погиб Борноволоков и, следовательно, А. А. Баранов снова не получил долгожданной смены.

Спаслось при крушении 28 человек. Но в пути от места крушения на острове Круза до Ново-Архангельска, то есть на расстоянии ста верст, когда путники были захвачены в плен индейцами и лишь некоторые сумели бежать, погибло еще 18 человек. К Баранову добрались лишь 10 человек, в их числе и Подушкин. Вот как закончил свой путь один из славнейших кораблей русского военно-морского флота!

В 1810 году 30 июня на рейде Ситхи стал на якорь шлюп «Диана» под командованием лейтенанта Василия Михайловича Головнина. Он пришел с Камчатки, привез продовольствие, хлеб для Русской Америки. В составе экипажа были лейтенант Петр Рикорд, мичманы Федор Мур, Илья Рудаков, лекарь Богдан Бранд, штурманский помощник Андрей Хлебников, гардемарины Дмитрий Картавцев, Всеволод Якушкин, Никандр Филатов, штурманские ученики Василий Новицкий, Василий Средний. Это была третья русская кругосветная экспедиция, но она в корне отличалась от двух предыдущих (Крузенштерна с Лисянским и Гагемейстера) тем, что проходила под русским военно-морским флагом, а не под флагом Российско-Американской компании. Иными словами, Головнин являлся представителем русского правительства. Не случайно царь написал по сему случаю именной указ, по которому Головнин, не взирая на чины (а он был только лейтенантом), мог требовать от офицеров, находившихся на службе компании и старших его по воинскому званию или по служебному положению, «всего, что сочту полезным и нужным для службы его величества»².

Плавание «Дианы» совпало с начавшейся «континентальной блокадой», проводившейся наполеоновской Францией по отношению Англии:

¹ К. В. Кострин. Несчастное кораблекрушение фрегата «Нева». — «Дальний Восток», 1969, № 9, с. 143.

² В. М. Головнин. Путешествие на шлюпе «Диана» из Кронштадта в Камчатку, совершенное под начальством флота лейтенанта Головнина в 1807—1811 годах. М., 1961, с. 49.

всем союзным Франции странам было запрещено торговать с Англией. Английское правительство, чтобы не допустить присоединения Дании к континентальной блокаде, высадило свои войска 16 августа 1807 года и захватило 7 сентября Копенгаген. Русское правительство, заявив протест в связи с событиями в Дании, 7 ноября 1807 года объявило войну Англии. Вследствие этого Головнину приходилось во время плавания неоднократно попадать в неприятные положения при встречах с кораблями английского военно-морского флота.

На рейде Ново-Архангельска «Диану» встретили салютом из крепости. Вскоре сам Баранов указал лучшее место для якорной стоянки. После пышных обедов и застолий началось знакомство Головнина с колониями, с обстановкой в Ново-Архангельске, с торговыми делами Российско-Американской компании. Головнин и Рикорд очень помогли Баранову в заключении соглашений с капитанами трех иностранных судов, прибывших в Русскую Америку с товарами. Было обращено особое внимание на то, чтобы не допустить иностранцев к непосредственной торговле с местными жителями. Среди этих трех судов было одно — «Энтерпрайз», пришедшее из Америки с письмом от русского консула в Филадельфии Дашкова. Он предлагал, чтобы Американская меховая компания вела торговые сделки не непосредственно с местными жителями, а только с Российско-Американской компанией. Подоплека этого предложения была настолько очевидна, настолько фальшива, что Баранов сразу разобрался в истинных намерениях американцев. Как написал В. М. Головнин, американскому купцу Астору, снарядившему «Энтерпрайз», хотелось все узнать через своего поверенного капитана Эббетса, которому предписывалось «вникнуть подробнее в течение компанейских дел в Америке; узнать её там силу, способы защиты и оборонительное состояние крепостей; разведать достовернее, сколь большою доверенностью общества пользуется компания в России и на каком счету она у правительства; какие связи имеет Баранов в Петербурге, есть ли у него какая подпора при дворе; он ли действительно главный правитель всех компанейских владений; велика ли власть его в здешнем краю; каковы его способности по занимаемому им месту и пр. и пр. Словом сказать, инструкция г-на Астора, — продолжает Головнин изложение документа, который ему довелось прочитать у капитана Эббетса, — показывала, что ему хотелось знать: сколько легко было бы для Соединенных областей (то есть для США.— А. А.) перевестись силою с компаниею, если бы обстоятельства того потребовали, и что в таком случае в состоянии ли она сама собою обороняться, или нужна ей будет помощь правительства и буде бы американцы решились потеснить компанейские колонии, то есть ли причина думать, что двор дело это горячо примет или нет и пр.»¹.

Истинные намерения так называемой пушной Американской компании, которую возглавил купец Астор, были доложены русскому прави-

¹ В. М. Головнин. Указ. соч., с. 326.

тельству, а Баранов еще энергичнее стал проводить политику независимости от американцев, англичан и прочих иноземцев. Без всякого сомнения можно сказать, что даже и кратковременное (ушел 3 августа) пребывание шлюпа «Диана» у берегов Русской Америки принесло большую пользу компании, помогло Баранову проводить политику русского правительства. Всем стало ясно, что правительство не собирается поступаться приобретениями российских мореходов и купцов. Несколько лет спустя, когда Баранова уже не будет в живых, русское правительство внемлет его совету и примет официальные меры о запрещении иностранных судам подходить к берегам Русской Америки.

Но, проводя политику независимости, неприкосновенности Русской Америки, Баранов не упускал случая расширить торговлю Российско-Американской компании. Он очень сожалел, что ему до сего времени не удалось ни в Кантоне, ни в Нагасаки организовать постоянный торговый оборот, представительство, куда можно было бы с большой долей вероятности сбыта привозить и реализовать пушнину. Поэтому он расширял торговую деятельность с иностранными купцами и капитанами.

Так, в 1813 году он купил у американцев товары и суда с полным вооружением, назвав их «Беринг» и «Ильмень» и зачислив на службу англичан Юнга и Воздвита из-за отсутствия русских мореходов. Одно из этих судов под командой Воздвита было в конце 1813 года отправлено на юг к Калифорнии и в только что основанный форт Росс. Сначала все шло хорошо, промысел был богатый, было закуплено много продовольствия для Ново-Архангельска, но затем отношения испортились, калифорнийские власти взяли в плен американского доктора Эллиота, бывшего на судне, трех русских и нескольких алеутов. Остальные ушли на судне на Сандвичевы острова, откуда их забрал только в 1816 году О. Е. Коцебу, совершавший кругосветное плавание на «Рюрике».

Форт Росс был основан после рекогносцировки Кускова и последовавшего разрешения правительства по письму Главного правления Российско-Американской компании. В феврале 1813 года Иван Александрович Кусков с отрядом промышленников на судне «Чириков» подошел к облюбованному месту. 15 мая крепость была заложена, и через три месяца основные сооружения в ней, обнесенные забором, были завершены. 30 августа состоялась церемония открытия крепости, названной Россом. Река на полпути от Росса до залива Бодеги получила название Славянки.

Вот каким представлялся форт Росс в самом начале: «Крепость поставлена была на пригорке около 114 футов выше горизонта воды; к ней вели 166 ступеней. Она представляла форму правильного прямоугольника, имела 170 сажен в окружности и обнесена была тыном в две сажени вышиною. По углам ее находились будки, вооруженные пушками, число которых простиралось до пятнадцати. Внутри крепостной ограды помещались: дом начальника, казарма, два магазина для складки товаров, поварня, кузница и другие мастерские; а вне ее устроены

были сарай для помещения байдарок, баня и скотные дворы. За крепостью располагалось селение алеут. Они соорудили себе довольно опрятные жилища из досок красной сосны, похожей на нашу лиственницу, и вступили в родственные связи с местными жителями»¹.

С самого момента своего основания форт Росс сказался в поле зрения Испании, США и Англии. Если формально Соединенные Штаты не владели Калифорнией, то они и не признавали никогда права Испании на владение американским берегом к северу от занятого ею залива Святого Франциска (современный Сан-Франциско). Что касается Англии, то ее позиция вначале была ясной: она была против основания форта Росс и считала, что «занятием места под колонию Росс в Новом Альбионе, русские нарушают будто бы права Великобритании, так как Новый Альбион (как и имя его показывает) есть собственность этой державы, а не испанцев»² (из донесения И. А. Кускова А. А. Баранову от 18 июля 1814 года).

Российско-Американская компания, основывая форт Росс, имела в виду то обстоятельство, что со временем здесь можно будет развить земледелие и молочное скотоводство до такой степени, что хлебом и молочными изделиями можно будет снабжать не только Русскую Америку, но и Камчатку и Охотское побережье. Если бы этого удалось добиться, то значительно сократились бы расходы на организацию кругосветных плаваний: военные корабли привозили бы только необходимое снаряжение и припасы.

Но уже в первый год выяснилось, что место для устройства селения было выбрано не совсем удачно. Близость к морю делала почву непригодной для хлебопашества, пушной и морской промысел был также неважный, а плохая гавань затрудняла стоянку судов, которые вынуждены были становиться на якорь на рейде. «Но за то картофель, репа, салат, капуста, горох, бобы, тыквы, дыни, арбузы и другие огородные овощи родились в изобилии и большая часть их произрастала во всякое время года. От одной матки картофеля родилось иногда до 250 яблоков»³.

Таким образом, определился характер селения Росс: передовая база Российско-Американской компании в Калифорнии, место для совершения торговых операций, откуда поддерживалась связь с Калифорнией и с Ново-Архангельском («Чириков» и «Ильмень») и плодоовощная база, а затем и скотоводческая Русской Америки. Несмотря на отсутствие формального соглашения с Калифорнией о торговле, она существовала.

А тем временем в Европе закончилась война. Главное правление Российско-Американской компании смогло организовать новую экспедицию в Русскую Америку. Из Кронштадта в 1813 году вышел корабль «Суворов» под командованием лейтенанта Михаила Петровича Лазарева (будущего первооткрывателя Антарктиды и прославленного флото-

¹ В. Потехин. Селение Росс. СПб, 1859, с. 11.

² Д. И. Завалишин. Дело о колонии Росс. М., 1866, с. 6.

³ В. Потехин. Селение Росс. СПб, 1859, с. 12.

И. А. Кусков.

водца); старшим офицером на корабле был лейтенант Семен Яковлевич Унковский. На корабле шел также доктор Шефер, с именем которого связана одна из неприятных страниц в истории Русской Америки, повлиявшая, несомненно, и на судьбу Баранова.

«Суворов» пришел в Русскую Америку 17 ноября 1814 года и пробыл там по 24 июля 1815 года. С ним прибыли товары, снаряжение и продовольствие. После зимовки Баранов намеревался отправить «Суворова» на острова Прибылова за котиками, но Лазарев отказался. Дело дошло до ссоры с Барановым, закончившейся тем, что Лазарев ушел из Русской Америки без разрешения и согласования с Барановым. Само по себе это было неприятно, а тут еще история с Шефером, который остался служить в Российско-Американской компании.

Дело обстояло так. В свое время Баранов отправил на Сандвичевы острова судно «Беринг» (капитан Беннет) с грузом пушнины. Судно разбилось у одного из Сандвичевых островов, но весь груз и людей с помощью островитян удалось спасти. Правитель этого острова, Гомари, ссылаясь на обычаи своей страны — все, что выкидывает море, принадлежит островитянам, — конфисковал имущество компании, распорядившись, однако, кормить моряков и промышленников.

Это событие дало повод Шеферу предложить Баранову план, разумное исполнение которого сулило не только выгоды Российско-Американской компании, но и распространение влияния России на Сандвичевы острова. Но это только в случае разумных действий.

Баранов принял план Шефера, состоявший в том, чтобы ему отправиться на Сандвичевы острова на иностранном корабле, добиться «повеления короля Тамеамеа приказать Томари, чтобы он удовлетворил компанию за убытки, понесенные при кораблекрушении, и если сие счастливо окончится, тогда поручалось ему завести постоянные торговые связи с островами»¹.

Вслед за иностранным кораблем «Изабелла», на котором отправился Шефер, на Сандвичевы острова вышли суда компании «Открытие» (командир Подушкин) и «Кадьяк» (капитан Юнг) соответственно 3 и 24 марта 1816 года.

Шефер виделся с Тамеамеа, который распорядился удовлетворить претензии Баранова, отвел на островах места для основания русской колонии и согласился подписать просьбу русскому царю, прося о покровительстве России. В дальнейшем Шефер, действуя от имени Баранова, купил под вексель судно, сбывал пушнину с большими убытками. Его действия привели к распрям между правителями островов и Тамеамеа. Зарвавшийся Шефер до такой степени испортил отношения с королем и правителями, что в конце концов в 1817 году должен был искать убежища в Кантоне.

Безрассудная афера Шефера, которому поверил Баранов, обошлась Российско-Американской компании в круглую сумму, примерно в 200 000 рублей. Русский же царь счел неудобным признать покровительство над Сандвичевыми островами.

Вся эта неприглядная история принесла Баранову большие неприятности, отразившиеся на состоянии его здоровья. Но, когда в Петербурге организовывали очередную экспедицию в Русскую Америку в 1816 году, там об этой истории еще ничего не знали. Главное правление компании посылало на сей раз сразу два корабля — «Кутузов» и «Суворов». Командовали ими Л. А. Гагемейстер и лейтенант Захар Иванович Пашафидин. На «Кутузове» шли лейтенанты Селиванов и Кропотов, штурманы Ефим Алексеевич Клочков и Иван Михайлович Кислаковский, доктор Кернер, комиссионер компании Кирилл Тимофеевич Хлебников с помощником Тумановым, 7 промышленников и 45 старшин и матросов. На «Суворове» лейтенанты Семен Иванович Яновский и Новосильцев, штурманы Дионисий Федорович Зарембо и Домашнев, комиссионер компании Красильников, доктор, четыре промышленника и 30 старшин и матросов. Начальником всей экспедиции был назначен Л. А. Гагемейстер.

Главное правление Российско-Американской компании решило наконец сменить А. А. Баранова. Дважды трагические обстоятельства помешали этому. Теперь Баранов был близок к тому, чтобы повидать Родину, но силы его были уже не те. Это хорошо понимал Гагемейстер, который вез в Русскую Америку предписание директоров и Совета Глав-

¹ К. Т. Хлебников. Жизнеописание Александра Андреевича Баранова, Главного Правителя Российских Колоний в Америке. СПб, 1835, с. 161.

ного правления Российско-Американской компании¹ следующего содержания:

«Совета, учрежденного высочайшею волею при Главном Правлении Российско-Американской Компании, под высочайшим его императорского величества покровительством состоящей,

Ново-Архангельской конторе приказание.

Преклонность лет Главного правителя американских областей, г. Коллежского Советника и Кавалера Баранова, болезненные его припадки и двадцатипятилетнее пребывание там в беспрестанных трудах и заботах давали ему право на неоднократные требования об увольнении его от должности; посему хотя два раза отправляемы были ему преемники Кох и Борноволоков, но они за смертностью не достигли того края, а после того, третьего способного человека, правление Компании заместить не могло; ныне же встретило оное достойную к тому особу в лице предъявителя сего, флота капитан-лейтенанта и кавалера Леонтия Андреевича Гагемейстера, начальника кораблей «Кутузова» и «Суворова»; в разсуждении чего Совет Российско-Американской компании определил и с тем же г. Гагемейстером писал к г. Баранову, чтоб он ему сдал свою должность, капиталы и дела надлежащим образом. О сем событии Ново-Архангельская контора, г. г. морские офицеры и все должностные служащие в Компании имеют ведать и вновь определенному начальником областей г. Гагемейстеру повиноваться во всем, что до должности каждого относится, под опасением в случае неисполнения сего определения строгого взыскания по законам.

Дано в С. Петербурге, 1816-го года.

Подписали: Гаврило Сарычев, Иван Ведемейер, Яков Дружинин, Михайло Булдаков, Венедикт Крамер, Андрей Севергин. Правитель канцелярии Иван Зеленский»².

23 июля 1817 года в Ново-Архангельск пришел «Суворов», а 20 ноября «Кутузов», который не прямо шел в Русскую Америку, как «Суворов», а по пути туда заходил в заливы Бodega и Сан-Франциско. Там договорились о закупке продовольствия, а также познакомились с последними новостями после смерти губернатора Калифорнии Аррилаго. Его временно замещал Хосе де Аргуэлло. Чуть позже был назначен новый губернатор полковник дон Пабло дель Сола.

По прибытии Гагемейстера в Ново-Архангельск Баранову не сразу было объявлено о смещении. Как ни жаждал этого Гагемейстер, прошло два месяца, прежде чем он предъявил Баранову свои полномочия.

¹ 15 декабря 1811 года РАК передали в подчинение Министерства внутренних дел. 16 декабря 1814 года для решения особо важных дел был создан Совет в составе Ведемейера Ивана Андреевича, Молчанова Петра Степановича и Дружинина Якова Александровича. К двум директорам Булдакову Михаилу Матвеевичу и Крамеру Венедикту Венедиктовичу прибавились Севергин Андрей Иванович и Шелихов Сидор Андреевич. Евстрат Иванович Деларов и Иван Андреевич Шелихов уволились в 1807 году.

² Цит. по кн.: И. Ф. Крафт. Колония Росс. Примиздат, 1950, с. 284—285.

За это время лейтенант Яновский сделал предложение дочери Баранова, а затем состоялась и свадьба. Поэтому главным образом Яновский согласился остаться на два года в Русской Америке. В этой связи и Гагемейстер изменил свои планы: он приказал Яновскому принимать дела у Баранова, а все материальные ценности (склады, хозяйственную отчетность и прочее) принимал комиссионер «Кутузова» Кирилл Тимофеевич Хлебников — не новичок в дальневосточных и американских делах. Обо всем этом Гагемейстер поспешил сообщить в Петербург, отправив туда «Суворова», нагрузив его товарами на 900 тысяч рублей и передав Панафидину всю почту. 11 января 1818 года Баранову было объявлено об отставке, а уже 14 января «Суворов» ушел из Ситхи в Кронштадт. 18 октября того же года в Петербурге узнали о смене Баранова.

Гагемейстер тем временем, пока шла длительная (до сентября) передача дел, отправился с «Кутузовым» в Калифорнию. Отношения с испанскими властями при новом правителе резко ухудшились. Как свидетельствует П. А. Тихменев, «торговля и производство пушного промысла не только остановились совсем, но, по приказанию губернатора, многие из колониальных комиссионеров и промышленных, и в том числе американец Элиот, не успевшие заблаговременно удалиться отсюда, были арестованы. Калифорнийское правительство содержало их дурно и употребляло в работы наравне с туземцами»¹.

Гагемейстер знал о том, что из Кронштадта под командованием В. М. Головинна вышел шлюп «Камчатка» под военно-морским флагом. Старшим офицером на шлюпе был Матвей Муравьев, вторым лейтенантом Никандр Филатов, третьим лейтенантом шел Федор Кутыгин. Мичманами были три друга — три Федора: Литке, Врангель и Матюшкин (лицейский друг Пушкина). В составе экипажа находилось четверо гардемарин: Ардалион и Феопемпт Лутковские — братья невесты Головинна, а также Степан Артюхов и Викентий Тобулевич. Штурманами шли Григорий Никифоров, Прокопий Козьмин и Иван Афанасьев, штурманским учеником — Петр Ильин, лекарем — Антон Новицкий, фельдшером — Владимир Скородумов и Иван Рожнов, художником экспедиции — Михаил Тихонов. Всего в составе экипажа «Камчатки» было 130 человек. Для службы в компании на шлюпе шли лейтенант де Ливрон и мореходы Адольф Этолин и Карл Шмидт.

Экспедиция на шлюпе «Камчатка» под командованием В. М. Головинна кроме задач географического характера имела полномочия от правительства ревизовать компанию. Тихменев писал, что царем было приказано Головинну по случаю срока окончания привилегий «посетить по возможности все отделы русских колоний, и войти в подробное рассмотрение состояния их и отношений, существующих между служащими Российско-Американской компании и туземцами»².

¹ П. А. Тихменев. Историческое обозрение образования Российско-Американской компании. СПб, 1861, с. 216.

² Там же, с. 243.

«Камчатка» вышла в море 26 августа 1817 года, 3 мая 1818 года мореходы пришли в Авачинскую губу, а выйдя из нее, осмотрели острова Амля, Сигуам, Евдокеевские, Укамок и 9 июля пришли в Павловскую гавань на Кадьяке. 20-го ушли оттуда и 28-го были в порту Ново-Архангельска. Здесь в самом разгаре были приемо-передаточные дела. Головнин снова свиделся с Барановым, к которому питал искреннюю симпатию.

Баранов сперва решил было совсем остаться в Русской Америке, но затем передумал и договорился с Головниным, что тот заберет с собой сына Баранова — Антипатра для помещения в морское училище или определения в службу. Прождав более двух недель Гагемейстера, осмотрев Ново-Архангельск с пристрастием и произведя необходимые гидрографические работы и астрономические определения, Головнин 19 августа отправился на юг к компанейскому селению, «Славяно-Росс названному (форт Росс.— А. А.) и находящемуся на берегу Нового Альбиона в широте 38° 33' N, куда и прибыл 3 сентября»¹. Но и там Гагемейстера не оказалось, и Головнин, не останавливаясь в гостях у Кускова, пошел в Монтерей и прибыл туда 7 сентября.

Гагемейстер был там, и испанский губернатор дон Пабло дель Сола принял Головнина. Гагемейстер известил Головнина, «что претензии испанцев, будто бы наша Американская компания заняла места в Новом Альбионе им принадлежащие, несправедливы, потому что в них живут независимые индейцы, которые не терпят испанцев и ведут с ними вечную войну, а напротив того привязаны к русским и просят наших поселиться между ними и снабжать их европейскими вещами, и что в сем месте никогда испанских селений не бывало, а потому г. Гагемейстер и просил меня идти в порт Румянцева... с тем, чтобы я сам во всем сказанном уверился для донесения правительству»².

Головнин после недельного пребывания в Монтерее прибыл в залив Бодегу, «названной от Американской компании портом Румянцева», и убедился во всем сказанном. Независимые индейцы «все объявили чрез переводчиков из алеут между ими живших, что земля сия их, испанцы никогда у них не бывали и не селились, и что власти их они ни мало не признают и всегда убивают, когда встретят к северу от залива С. Франциска, которой почитают последнею испанскою границею с сей стороны; а русских они просят между ими селиться, ибо они с ними честно обходятся и не хватают их в рабство. В заключение старшина их по имени Валенила просил у меня русского флага, который мог бы он поднимать по приходе русских судов, в знак что русских он считает своими друзьями»³.

Из Калифорнии «Камчатка» отправилась далее по своему маршруту. На ней уходил в Петербург и Антипатр Баранов. В начале сентября

¹ АВПР, ф. 339, оп. 888, д. 232, л. 4.

² Там же, л. 4 об.

³ Там же, л. 5.

1819 года шлюп пришел в Кронштадт. «Кутузов» же прибыл в Ново-Архангельск из Калифорнии 3 октября 1818 года, доставив сюда 15 тысяч пудов продовольствия и обеспечив таким образом Русскую Америку на ближайшее будущее всем необходимым.

В Ново-Архангельске Баранов уже сдал дела и ожидал возвращения Гагемейстера. Сына он проводил и рассчитывал на скорую встречу с ним в Петербурге. Дочь его вышла замуж за достойного человека — С. И. Яновского и также через два года должна была прибыть в Петербург. Жену Анну Григорьевну — индианку — он взять с собой не мог. Ведь в России у Баранова была первая жена с дочерью Афанасьей, вышедшей замуж за Василия Беляева. Не мог взять он у Анны Григорьевны и вторую дочь, еще малолетнюю. Им он оставлял половину своего состояния в Кадьяке и Ново-Архангельске, а дочери Ирине еще и отдельно 5 тысяч рублей в год до достижения возраста для замужества. Ждали Баранова в России две сестры Авдотья и Василиса. Первая из них не была замужем, у второй был сын Иван. Сын же его, оставленный некогда в Якутске, давно умер. С Барановым возвращался Подушкин, его конторщик, и четверо его, Баранова, людей.

«Кутузов» был готов к выходу. Гагемейстер решил сам возвратиться в Петербург, хотя первоначально он намеревался остаться правителем в Русской Америке. Собственно говоря, с такими полномочиями он сюда и прибыл. Несомненно, на решение его возвратиться немедленно повлияла ревизия В. М. Головнина. Гагемейстер справедливо считал, что будет лучше, если во время разбора докладов Головнина, он будет в Петербурге и будет там защищать интересы Русской Америки как человек хорошо ее знающий. Этому решению помогло и то обстоятельство, что в лице Яновского Гагемейстер нашел хорошего заместителя. Главным правителем Русской Америки остался Семен Иванович Яновский.

27 ноября 1818 года «Кутузов» ушел из Ново-Архангельска. Уехал навсегда из Русской Америки ее основатель Баранов. Все его силы были отданы новой родине. Во время плавания Баранов чувствовал себя плохо, часто болел, и 16 апреля 1819 года, когда «Кутузов» шел Зондским проливом, он скончался. На другой день по морским законам тело его опустили в воду против острова Принца.

Прекрасные слова о Баранове написал Кирилл Тимофеевич Хлебников, хорошо его знавший и провожавший в последний путь в Ново-Архангельске: «Если славят отважного Ермака и Шелихова, то Баранов станет конечно не ниже их, ибо он удержал и упрочил завладания Шелихова и до возможной степени просветил и образовал народ, ему введенной. Шелихов, можно сказать, делал только предположения, но Баранов dokonчил оныя и все привел в исполнение; а кто не знает, что легче предписывать, чем исполнять? Кроме того, он сам сделал дальнейшая и важнейшая заселения, о коих Шелихов и не помышлял»¹.

¹ К. Т. Хлебников. Жизнеописание Александра Андреевича Баранова, Главного Правителя Российских Колоний в Америке. СПб, 1835, с. 187.

А на «Кутузове», который прибыл в Кронштадт 7 сентября 1819 года, было доставлено сданных Барановым товаров на сумму около двух с половиной миллионов рублей. Но только ли капиталами, нажитыми для владельцев акций Российско-Американской компании, стал так знаменит Баранов?

Весь смысл долголетней деятельности Баранова состоит в том, что он, заботясь об интересах Российско-Американской компании, думал о России.

Именно он, находясь в неимоверно трудных условиях, сумел закрепить многолетние усилия целых поколений русских мореходов и промышленников в северной части Тихого океана и на побережье Северной Америки, в жестокой борьбе отстоять их приобретения. И это во время, когда реакционные круги царского правительства не всегда поддерживали его начинания, его старания.

Главной трудностью была нехватка русских людей. Несмотря на острый недостаток рабочей силы, правительство не давало особых привилегий людям, желавшим остаться на постоянное жительство в Русской Америке.

Так, Главное правление Российско-Американской компании по инициативе А. А. Баранова 12 мая 1808 года обратилось к царю с прошением, в котором излагалась просьба 33 человек компанейских служащих и промышленных, «из коих некоторые завелись там уже своими домами, имеют тамошних жен и рожденных от них детей, и желают остаться там навсегда, составя гражданство»¹. Главное правление просило вообще разрешать такие вопросы положительно и просило царского «благословения, как на устройство тамошних постоянных селений, где они наиболее удобными найдутся, как из ныне проживающих, так и впредь пожелать имеющих тамо вовсе остаться промышленных людей, так и на освобождение их от податей в прежних их жилищах платиться должныствующих»².

Предложение Главного правления по резолюции царя рассматривалось на Государственном совете. И царь согласился с мнением совета от 3 августа 1808 года, по которому было отказано в просьбе, так как в числе 33 человек, подавших прошение, преобладали ямщики, мещане и казенные крестьяне, обязанные отбывать по месту прежнего своего жительства земские и городские повинности и рекрутский набор. Поэтому совет, «находя таковое предложение неудобным, заключает, что люди, занимающиеся промыслом Американской компании, могут оставаться в заведениях ее на том же самом основании, как и доселе было, то есть по обязательствам или контрактам, не изымая их навсегда от общих податей и повинностей»³. Один Н. П. Румянцев был противного мнения.

¹ АВГР, ф. 339, оп. 888, д. 194, л. 1, об.

² Там же, л. 2.

³ Там же, лл. 9—10, 14.

Русского и смешанного населения в Русской Америке было действительно очень мало. На 1 января 1819 года оно составляло:

русских мужчин	378 человек
» женщин	13 »
креолов	133 человека
креолок	111 человек

Или всего 511 мужчин и 124 женщины¹.

Они распределялись по следующим селениям (оседлостям): Ново-Архангельск — 291 мужчина и 122 женщины, Кадьяк и окрестные острова — 112 мужчин, остров Укамок — 2 мужчины, Катмайская артель — 4 мужчины, Сутхомская артель — 3 мужчины, Воскресенское укрепление — 2 мужчины, Константиновское укрепление — 17 мужчин, Николаевское укрепление — 11 мужчин, Александровское укрепление — 11 мужчин, остров Нушагак — 3 мужчины и 2 женщины, острова Прибылова — 27 мужчин и в селении Росс — 27 мужчин.

Местное население по разным данным различно. Тихменев приводит данные на 1 января 1819 года: 4 062 мужчины и 4 322 женщины, или всего 8 384 человека². А в «Обозрении состояния и действий Российско-Американской компании с 1797 по 1819 год» на начало 1820 года приводятся значительно меньшие цифры: 2 326 мужчин и 2 628 женщин, или всего 4 954 человека³.

Но и в том и в другом случае приходится констатировать, что для таких огромных областей такого количества людей явно недостаточно. А Баранов и небольшая группа русских, сумев наладить в большинстве своем дружественные отношения с местными жителями, сделали за четверть века так много в совершенно дикой стране. Было построено несколько русских селений. Селение в Павловской гавани на Кадьяке, селение Росс в Калифорнии и столица Русской Америки — Славороссия, о которой мечтал Шелихов, в виде Ново-Архангельска на острове Ситха, были крупными по тем временам.

За годы правления Баранова люди напромышляли и вывезли из Русской Америки морских бобров 72 894 штуки, речных бобров 34 546 штук, хвостов бобровых 59 530 штук, морских котов 1 232 374 штуки, песцов голубых 36 362 штуки, множество моржового зуба, разных лисиц и прочих мехов на сумму 16 376 695 рублей 95 копеек. Если в 1797 году капитал компании составлял 723 тысячи рублей, то на 1 января 1820 года он составлял 4 570 249 рублей 55 копеек⁴.

За это время кроме строительства верфей, зданий и прочего было выстроено в Охотске и в Америке 15 морских судов. И несмотря на то, что многие разбивались, флотилия компании к навигации 1821 года состояла из десяти судов: бригантины «Открытие», бригов «Финляндия»,

¹ П. А. Тихменев. Историческое обозрение образования Российско-Американской компании. Ч. 1. СПб, 1861, с. 252—253.

² Там же, с. 253.

³ АВПР, ф. 339, оп. 888, д. 125, лл. 262 об. — 263.

⁴ П. А. Тихменев. Историческое обозрение..., ч. 1, с. 239, 255, 256.

«Ильмень», «Булдаков», галиота «Румянцев», шхун «Чириков» и «Фортуна», шлюпов «Константин», «Баранов» и «Платов». А все начиналось с «Феникса»!

Баранов завел в Русской Америке школу для русских и школу для местных жителей. К концу его правления в 1816 году в Ново-Архангельске была настоящая православная церковь, хорошая библиотека.

Морские офицеры и мореходы, находившиеся на службе компании, попутно с исполнением поручений по доставке грузов выполняли и гидрографические работы. Укажем, в частности, на работу штурмана И. Я. Васильева, составившего в 1809 году «Карту залива Ситха со всеми лежащими в нем островами и частью промером на малую воду в саженьях»¹. Эта карта получила похвалу В. М. Головнина. Это подробная карта района, вошедшая затем во все пособия для плавания в этом районе. Помимо основных морских сведений на ней помещен план и зарисовки Ново-Архангельска и Павловского селения.

Баранов и его верный сподвижник Кусков распространили влияние России на Калифорнию, основав там форт Росс. В процессе освоения побережья Америки от Ново-Архангельска до Росса были укреплены отношения с местными жителями, делалось все возможное для улучшения отношений с государствами, имеющими интерес в этом районе. А о размахе международной торговли компании во времена правления А. А. Баранова было хорошо известно всем морским державам. Наметились и контуры государственной границы России на Американском материке.

Баранов — это эпоха в истории Российско-Американской компании, в истории освоения русскими людьми северной части Тихого океана и северо-западного побережья Северной Америки.

* ГЛАВА ШЕСТАЯ

Морские офицеры управляют Русской Америкой.

Конец форта Росс

Так, со сменой А. А. Баранова начался новый этап в истории Русской Америки и в истории Российско-Американской компании: к руководству, к власти во владениях компании были призваны морские офицеры. Этим актом, несомненно, усилились позиции компании при царском дворе. Теперь Российско-Американская компания, продолжая формально выступать от своего имени, фактически действовала по повелению царя и стала ширмой для политики царизма на Дальнем Востоке.

¹ ЦГА ВМФ, ф. 1331, оп. 4, д. 133.

Но коренная реформа в управлении Русской Америкой имела и недостатки. История показала, что с тех пор, как правителями компании в Русскую Америку на пятилетний срок назначались морские офицеры, экономические дела компании оставляли желать лучшего. Это зависело от многих причин, а также, между прочим, и от того, что морской офицер, назначенный правителем или его помощником, даже если он был исключительно честным человеком и добросовестно исполнял свои обязанности, смотрел на пребывание в Америке как на способ обогатиться и укрепить свои политические позиции в обществе.

Вот какие упреки в адрес Гагемейстера мы нашли в одной из записок архива Российско-Американской компании, принадлежащей главному бухгалтеру компании Платону Боковикову: «Что такое сделал Гагемейстер в Америке для пользы компании? Сменил Баранова и больше ничего... Распоряжения его касательно внутреннего управления в Америке мелки и ничтожны, что не стоит о них и говорить. Например, он уничтожил пай и положил промышленным жалованье — перемена сия вредна как для компании, так и для промышленных. Для компании вредна потому, что промышленные, имея в виду известное жалованье, перестали заботиться об улучшении промышленности, и от того промысла в последних годах весьма приметно уменьшились, щеты (счета.— А. А.) и дела это доказывают»¹.

Говоря же о прежних руководителях Русской Америки, кровно заинтересованных в успехе дела, постоянно, бессменно живших там, тот же автор записал: «Я всегда говорил — говорю, и пока жив, утверждать буду, что если бы Александр Андреевич (Баранов.— А. А.) владел прежними силами, прожил бы еще в Америке десять лет и есть ли бы Михайло Матвеевич (Булдаков.— А. А.) такое же время поуправлял компанией попрежнему, то компания наша наверно стала бы наряду с первыми европейскими компаниями, обладающими отдаленным морями и землями»².

Если отбросить субъективность этого мнения, то в записке Боковинова выражена тревога за судьбу Русской Америки именно по той причине, что морские офицеры не будут так рачительны и так заинтересованы в активных действиях, как легендарный Баранов, по причине своего временного там пребывания.

Но Боковинов, конечно же, не прав в том, что Гагемейстер совсем ничего не сделал полезного для Русской Америки, что его действия там и последующие распоряжения в Петербурге заслуживают всяческого порицания.

Отмена паевой системы и установление жалованья промышленным людям заметно облегчили их существование. Гагемейстер весьма активно действовал в Калифорнии. Он навел некоторый порядок в управлении Русской Америкой, составив штаты контор в Кадьяке, Уналашке,

¹ АВПР, ф. 339, оп. 888, д. 232, л. 3.

² Там же, л. 5.

форте Росс и Ново-Архангельске. По крайней мере на всю зиму он обеспечил безбедное существование жителям Русской Америки, доставив продовольствие из Калифорнии. А главное—пребывание у берегов Русской Америки военных кораблей продемонстрировало перед соседями на Американском континенте и перед европейскими морскими державами твердое желание России укреплять и защищать свои американские владения.

Возвратившись в Петербург, Гагемейстер принял самое активное участие в отправке в Русскую Америку корабля «Бородино», который 29 сентября 1819 года под командованием того же З. И. Понафидина вышел в Русскую Америку. В составе экипажа шестисоттонного корабля, груженного преимущественно железными изделиями, морскими припасами и такелажем, находились лейтенанты Петр Егорович Чистяков и Понафидин 2-й, штурманы Дионисий Федорович Зарембо, Прокофьев, Калькин, Раунен, врач Плантен, комиссионер Красильников с двумя помощниками, 79 старшин и матросов и 33 промышленника, направлявшиеся в Русскую Америку.

Не довольствуясь этим, Гагемейстер настоял на отправлении по тому же маршруту в 1820 году корабля «Кутузов» под командованием лейтенанта Дохтурова и при участии лейтенантов Новосильцева, Наумова, Романова, штурмана Ингстрема.

Известно также участие Гагемейстера в консультациях командирам военных кораблей, отправлявшихся в кругосветные плавания с заходом в Русскую Америку («Рюрика» — в 1815—1818 годах, «Открытия» и «Благонамеренного» — в 1819—1822 годах и других). Значительную роль сыграл Гагемейстер и при пересмотре привилегий компании после головнинской ревизии, привлекая к себе внимание не только правительственных кругов, но и широкой общественности.

Возвратясь из своего весьма результативного плавания в Петербург, В. М. Голсвинн разразился резкой критикой в адрес Главного правления Российско-Американской компании и правителей Русской Америки, выявив недостатки в жизни и деятельности промышленников компании, в их отношениях с местными жителями, обрушив на компанию весь свой гнев в нескольких донесениях членам правительства, в письме к М. М. Сперанскому, а затем опубликовав в своих сочинениях. Все выводы он основывал на своей ревизии и ее итогах, изложенных в «Обзрении состояния и действий Российско-Американской компании с 1797 по 1819 год»¹.

В материалах ревизии Головина следует разобраться, так как можно считать, что именно с них началось негативное отношение правительства к компании. Вообще-то недоверие к деятельности Шелихова и Голикова было выражено еще Екатериной II, затем оно было умножено многочисленными недругами компании, а теперь гневными обличительными письмами, рапортами, докладами очевидца, выдающе-

¹ АВПР, ф. 339, оп. 888, д. 125, лл. 178—281.

гося мореплавателя и человека, авторитетного в дальневосточных и американских делах.

Действительно, и на Кадьяке, и на Ситхе, и в других местах — повсюду к Головнину поступало много жалоб о тяжелом положении служащих компании. Об этом же ему говорил и глава духовной миссии Герман¹. Речь шла об изнурении алеутов работами, об отсутствии всякого суда, неисполнении церковных треб, отсутствии метрических книг для алеутов, о том, что «худое содержание и скудное продовольствие». Поселенцы Александр Головин и Федор Балахов жаловались, что из 35 семей, привезенных сюда еще в 1794 году, теперь, через 24 года, «осталось их в живых только трое мужчин и одна женщина, вместо того, чтоб надлежало числу их увеличиться, если бы их употребляли на тот предмет, на какой они взяты, и они бы теперь имели пропитание, которого ныне компания лишает их, потому что они работать не могут, будучи стары и хворы»². Управляющий Кадьяком мещанин Патарогин подтвердил, что обвинения в основном справедливы, но начисто отрицал случаи побоев. Примерно такого же рода жалобы были и в Ново-Архангельске: заставляют много работать и мало платят, посылают насильно работать туда, куда промышленные не хотят идти, и так далее. Донося обо всем этом правительству, Головин доложил подробно, что сделано им конкретно по жалобам, и добавил, что вступивший в управление Гагемейстер понемногу начал выправлять положение.

В письме директорам Российско-Американской компании Головин напомнил им об истории открытия Алеутских островов и Аляски, о бесспорном приоритете России: «На обладание островами Северо-восточного океана и Северозападным берегом Америки Россия имеет неоспоримое право, как по первенству открытия, так и по праву первоначального занятия, ибо одно открытие земель без действительного занятия по всеобщим признанным правилам не составляет обладания и есть ничто...

Русские не только что обрели и заняли сей край, они и описали многия места онаго подробнее и вернее других, и если бы журналы наших мореплавателей не сгнили в архивах, а были исправлены, сличены одним другим, приведены в исторический порядок и напечатаны, тогда вышеупомянутым мореплавателям (Куку, Ванкуверу и другим.— А. А.), начиная от мыса Св. Илии к северу, не осталось бы другого делать, как только определить долготы разных мест астрономическими наблюдениями, чего наши мореплаватели не имели способа сделать...

Прежние наши мореплаватели не для собственного своего честолюбия служили, а для пользы Отечества и потому об открытиях своих представляли журналы и описи правительству, а свету ничего не сообщали; правительство же тех времен, по примеру испанцев, все держало в тайне и тем лишало славы своих мореплавателей»³.

¹ АВГР, ф. 339, оп. 888, д. 320, л. 4.

² Там же, лл. 20 и 21.

³ Там же, лл. 45, 49, 52.

Перейдя затем к недостаткам, Головнин высказал директорам все откровенно и подробно, отметив, что эти нарекания бросают тень на Российско-Американскую компанию. Он рассказал директорам, как грабят компанию американские китобои, и привел пример: встреченные им во время плавания старые его знакомые рассказывали, что один из них за два лета выменял на территории Русской Америки 3500 бобров, а другой за одно лето — 1000. Он сообщил, что «каждое лето по 10, по 15 американских судов и даже иногда более, разъезжают по проливам наших областей и выменивают бобров и других зверей, снабжая при этом диких ко вреду и гибели колоний ружьями и всякого рода амунициею»¹. Головнин советует Главному правлению компании серьезно подумать об обороне, просить правительство о защите, напоминает о том, что, когда испанцы намеревались помешать основанию форта Росс, они сами не имели на эти места никаких прав.

Он с горечью указывал руководителям компании, что китобои и американские купцы «уже с вами не делятся, а грабят вас! Сверх того все русские и алеуты, умерщвленные **дикими** американцами (имеются в виду индейцы. — А. А.), убиты порохом и пулями **просвещенных** (подчеркнуто Головниным. — А. А.) американцев»².

В. М. Головнин считал своим долгом обратиться с письмом к новому генерал-губернатору Сибири, известному реформатору М. М. Сперанскому. В письме к нему 20 января 1820 года он сообщал: узнав о том, что его записка правительству не переслана Сперанскому, он решил не только отправить ее, но и снабдить частным письмом.

Отметив, что в удаленных областях очень многое зависит от человека, облеченного всей полнотой власти, Головнин написал: «Вашему высокопревосходительству лучше моего известно, что часто, в столице — в Сенате — пред оком самого государя, люди с познаниями, с сведениями законов, с умом, по несколько лет ищут правосудия и не находят, то безграмотные, полудикие могут ли надеяться сыскать оное, будучи в десяти тысячах верстах от ближняго к ним губернского города, с коим разделены они степями, горами, и океаном? Из сего следует, что участь их зависит совершенно от поставленного над ними начальника; но как в выборе его можно обмануться, то чтобы не совсем предать несчастных жертв политики его полной воле и произволу, можно, мне кажется, принять меры к ограничению его власти и открыть угнетенным доступ к правосудию»³.

Головнин рекомендует Сперанскому обязать Главного правителя хотя бы в два года раз лично объезжать все компанейские селения, каждые три года посылать из России «военное судно для обозрения состояния жителей», поставить под контроль министра все распоряжения Главного правления Российско-Американской компании до того, как они будут переданы для исполнения Главному правителю в Русской Аме-

¹ АВПР, ф. 339, оп. 888, д. 125, лл. 175—176 об.

² Там же.

³ Там же, д. 125, л. 174.

рике, обязать Главного правителя вести метрические книги местных жителей, «ибо теперь одним из первых преступлений, компанейскому правлению приписываемых, главное есть изстребление алеут на трудных и опасных работах» и, наконец, «обязать компанию во всех ея, по крайней мере главных селениях, иметь аптеки и лекарей, чего доселе нет еще и никогда там не бывало!»¹.

В то время, когда обсуждался вопрос о продлении срока привилегий Российско-Американской компании, Головнин еще не высказывался совершенно откровенно против компании. Сделал это он несколько позже. Как известно, привилегии компании кончились 8 июля 1819 года, а новые были введены только 14 сентября 1821 года. Конечно же, доклады Гагемейстера и Головнина сыграли в этом вопросе едва ли не решающую роль. В указе царя о даче вторых привилегий говорилось следующее: «Состоящая под покровительством нашим Российско-Американская компания, пользуясь всемилостивейше дарованными ей в 1799 году привилегиями, оправдала в полной мере ожидание наше, распространяя успехи мореплавания, расширяя общепользную торговлю империи, и принося значительные выгоды непосредственным участникам в оной. По уважению сего, желая продолжить и упрочить ея существование, возобновляем дарованные ей привилегии с нужными дополнениями и переменами, от сего времени впредь на двадцать лет...»².

В новых привилегиях в основном повторялись те условия, которые были даны и в первых, расширялась лишь сфера деятельности компании на Курильские острова и устанавливались более четкие границы территории, находящейся под юрисдикцией Российско-Американской компании. Это оговорено было в пункте втором: «Пользоваться на принадлежащих из давних времен России берегах Северо-Западной Америки, начиная от Северного мыса острова Ванкувера под 51° северной широты до Берингова пролива и далее, также на всех островах как, принадлежащих к сему берегу, так и на прочих, находящихся между сим и восточным берегом Сибири, а равно и на тех из Курильских, где компания имела промыслы до южного мыса острова Урупа под 45° 50', всеми промыслами звериными и рыболовными, исключительно от всех прочих Российских и иностранных подданных»³.

Другими пунктами компании дозволялось заводить новые селения (п. 5), принимать на службу людей всякого состояния (свободных и неподозрительных) и выдавать им паспорт на срок до семи лет (п. 10) и так далее. Иными словами, замечания В. М. Головнина и пожелания Л. А. Гагемейстера нашли отражение в новых привилегиях компании и в правилах ее.

Тем временем С. И. Яновский осенью 1819 года совершил плавание по владениям компании и осмотрел острова Прибылова, Уналашку, Кадьяк. Ему первому из морских правителей пришлось на практике про-

¹ АВПР, ф. 339, оп. 888, д. 125, лл. 175—176 об.

² Там же, д. 181, лл. 1—2.

³ П. А. Тихменев. Историческое обозрение..., ч. 1, СПб, 1861, Приложения, с. 41.

водить новые указания Главного правления компании. Положение осложнялось тем, что старые привилегии кончились, а новые получены еще не были. Непривычным был также новый принцип оплаты труда промышленников — не по паям, а в виде постоянного жалования. Пришлось вникать и в исправление ошибок своего знаменитого тестя в свете голландской ревизии и указаний Гагемейстера.

11 октября 1820 года на якорь у Ново-Архангельска стал корабль «Бородино». Там уже были в это время шлюпы «Открытие» и «Благонмеренный». Переход «Бородина», доставившего продовольствие и снаряжение в Русскую Америку, был одним из самых неудачных в истории русских кругосветных плаваний. Несмотря на меры, принимаемые З. И. Понафидиным, во все время плавания было много больных, до прихода в Русскую Америку умерло 6 человек, и в числе их корабельный врач Карл Шпингельберг. На «Бородине» среди пассажиров, отправлявшихся из Русской Америки в Петербург, был и будущий исследователь Аляски Александр Филиппович Кашеваров, креол, отец которого Филипп Артамонович Кашеваров¹ был крепостным курского купца Голикова, а в Русской Америке из-за своей грамотности стал учителем. Сын его Александр учился в Штурманском училище.

В эти годы в Русскую Америку прибыли в 1817 году на судне «Финляндия» в числе других промышленников иркутский крестьянин Кондратий Глазунов, тобольский ямщик Федор Колмаков, тюменский ямщик Иван Архимандритов, иркутский мещанин Александр Лосев, ставшие вскоре путешественниками и исследователями Аляски. В 1818—1820 годах кораблями и судами компании командовали лейтенант Александр Францевич де Ливрон, штурманы Адольф Этолин, Карл Шмидт, Иван Михайлович Демидов, мореходы Андрей Ильич Климовский, Иван Алексеевич Чернов, боцман Николай Пальянов и другие².

Очень нужным и знающим помощником Яновского зарекомендовал себя Кирилл Тимофеевич Хлебников. На его плечи легли все заботы по торговым операциям, связям с местными конторами, с иностранными купцами, связям с фортом Росс и с Калифорнией. В 1820 году на бриге «Ильмень» он попал в кораблекрушение. Бриг сел на мель при входе в бухту у мыса Барро де Арена у берегов Нового Альбиона. Вскоре корабль разбилось, экипаж и пассажиры выбрались на берег, все спаслись — был июль³.

В. В. Крамер и А. И. Северин доносили правительству 20 декабря 1820 года о состоянии Русской Америки: «Последние из новоархангельского порта известия (действительно последние: они отправлены с шлюпом «Константин» из Ново-Архангельска 10 мая 1820 года и доставлены в Охотск 10 августа того же года.— А. А.) заключают в себе между прочим следующее: что во всех колониях состоит благополучно. Все оныя,

¹ АВПР, ф. 339, оп. 888, л. 194, л. 4.

² Там же, д. 287, лл. 31, 32 об., 37 об., 44, 46, 68.

³ К. Т. Хлебников. Взгляд на полвека моей жизни. — «Сын Отечества», разд. II, «Словесность». СПб, 1836, с. 348.

в минувшем году осматривал и ревизовал ход дела лично управляющий оными флота лейтенант Яновский, плавая от Ситхи до островов Павла и Георгия, лежащих на севере в Беринговом проливе»¹.

Сообщая различные случаи и происшествия в Русской компании, Крамер и Северин передали известие о плавании в 1819 году брига «Константин» под управлением морехода Пометилова для подробной описи островов, заливов и рек, а годом раньше была организована экспедиция на байдарках «для разведывания приморских берегов и внутренней Америки к северу от полуострова Аляски» под руководством служащего компании Петра Корсаковского. В ходе исследовательских работ «экипаж вышеупомянутого судна Константина, видяся с индейцами, куст-куханцами называемыми, узнал от них, что далее их жилища к северу на двух довольно больших островах обитает народ, лицом белой и с бородами. Они показывали как тот народ молится по нашему, а полученные от них вещи: медной колокольчик, якутская калыма (большой нож с длинною деревянною рукояткою для убивания медведей), чукотское копье и штучка от часов с вероятностью доказывают, что тот белой бородатой народ есть наши соотечественники, может быть потомки тех самых зверопромышленников, кои в 1648 году предприняли под руководством холмогорца Федота Алексева...»².

Между прочим, Пометилов привез с собой двух индейцев. Они подтвердили все сказанное Яновскому и тот распорядился организовать специальную экспедицию под начальством морехода Бенземана. Затем подобное же задание дано было Хромченко и Эголину.

По-прежнему оставляли желать лучшего отношения с Калифорнией, с испанскими властями, подтверждением чему стал рассказ кадьякца Кыхляя, который в 1815 году был захвачен испанцами в плен, затем возвратился в форт Росс, а оттуда уже в 1819 году вернулся в Ново-Архангельск. Он был в 1815 году в составе промышленной партии из 15 человек под начальством служилого Тарасова, промышлявшей на острове Ильмене, никому не принадлежавшем. Промыслы были плохие, и Тарасов решил перейти на соседние острова Санта-Розе и Екатерина. Во время перехода их отнесло течением к берегу Калифорнии, где у мыса Петра они были задержаны испанскими солдатами и препровождены в миссию Сан-Педро. Все были связаны, «многих изувечили обнаженными саблями, одному же кадьякскому островитянину по имени Чунагнаку разрубили голову; а между тем их собственность и все компанейския промысловыя товары разграбили»³.

В миссии всем предложили принять католичество. Конечно, все отказались. Тогда Тарасов и кадьякцы, за исключением Кыхляя и полуживого Чунагнака, были переведены в миссию Сан-Барбара. Оставшиеся два кадьякца были переведены в тюрьму вместе с индейцами, где их несколько дней содержали без еды и воды. Затем снова повторили пред-

¹ АВПР, ф. 339, оп. 888, д. 295, л. 2.

² Там же, лл. 6—6 об.

³ Там же, л. 3 об.

ложение о принятии католичества и снова получили отказ. А дальше произошло вот что: «На рассвете духовная особа приближается к тюрьме в сопровождении индейцев, и по выводе из оной пленных велит индейцам составить около них круг. Тогда приказывает обрезать у выше-реченного Чунагнака на обеих руках пальцы по суставам, а потом и самыя руки по двум суставам же, а наконец, не довольствуясь сим тиранством, велит вскрыть ему внутренность. Мучимый таким образом Чунагнак при сей последней операции испускает свой дух»¹. Такая же казнь ожидала и Кыхляя. Но «священная особа» получила в это время какую-то бумагу и потому Кыхляя отвели снова в тюрьму, а его несчастного товарища закопали в землю. В тюрьме были и другие кадыякцы, ранее захваченные в плен. Их всех выводили на работу. С одним из товарищей Кыхляй сумел на захваченной байдарке убежать. В пути товарищ умер, а Кыхляя заметили моряки брига «Ильмень» и спасли.

Сообщая обо всем этом, Крамер и Северин обратили в послании внимание царя на то, что «сие происшествие есть одно из многих других, хотя не столько разительных, но также безчеловечных поступков испанцев с русскими промышленниками. Многие, бывшие у них прежде в плену, до того изнурены работами и так изувлены побоями, что по гроб будут чувствовать следствия оных. А что претерпевают от них бедные индейцы, того и вообразить нельзя без сердечного содрогания. Их не только не считают людьми, но поставляют даже ниже скотов. Первое удовольствие испанца состоит в том, чтобы бить невинного индейца, и сими побоями хвалиться пред соотечественниками»².

Но не только с пленными так обращались испанцы. Они разбойничали и на море. В этом же документе приводится следующий факт. В июне 1819 года недалеко от Ситхи в море была замечена шхуна. Когда лодман на баркасе подошел к ней, то выяснилось, что на шхуне нет ни одного европейца — лишь семь сандвичан. Они заявили, что «Бушард капитан испанских инсургентских фрегатов Аргентина и Санта-Роза взял их на оные в матросы с Сандвичевых островов. Сии фрегаты пошли оттоль прямо в Новую Калифорнию и выжгли там порты Монтерей — местопребывание губернатора и С. Франциско, потом заходили к острову Сересу, и возвратившись опять в Монтерей, застали там сию шкуну и взяли оную в плен. По построению и отделке ея, она не гишпанская; бывший же на ней капитан и испанцы ушли на берег. На сию шкуну были помещены трое европейцев и означенные сандвичане для отвода ея в какой-либо инсургентский порт, но на фрегатах вспыхнуло возмущение. Капитан Бушард и другие офицеры были убиты, некоторые же из них спаслись бегством на берег. Бунтовщики выбрали новых капитанов. Тогда европейцы, находившиеся на шхуне, поехали на фрегаты, забрав с собою из груза все, что могли взять, а сандвичанам приказали следовать за фрегатом»³.

¹ АВПР, ф. 339, оп. 888, д. 295, л. 4 об.

² Там же, л. 5.

³ Там же, лл. 2 об. — 3.

Фрегаты вышли в море, шхуна за ними, а затем сандвичане одумались и решили плыть на Сандвичевы острова, где хотели подарить шхуну своему королю Тамеамеа, но, так как моряки были неопытные, то и попали вместо Сандвичевых островов после восьмидесятидвухдневного плавания в Ситху...

Вообще положение в Россе и его отношения с правителями Калифорнии были сложными. Несмотря на все меры, принимаемые со стороны русских властей, не всегда удавалось с ними договориться. В 1817 году Гагемейстер на «Кутузове» вывез из Калифорнии 1 396 пудов пшеницы, 995 пудов ячменя, по 200 пудов гороха и бобов и 144 пуда соли¹, а с другой стороны, как видно из только что приведенных примеров, возможны были случаи насилия и разбой. Правление Российско-Американской компании неоднократно просило правительство о принятии более твердых мер к защите русских владений в Калифорнии.

В донесении министру иностранных дел К. В. Нессельроде 29 января 1820 года за № 99 правление писало, что «Компания заняла в Новом Альбионе место для основания крепости и селения Росс с высочайшего дозволения, объявленного компании через государственного канцлера со всемиловитейшим обещанием во всяком случае оказывать компании защиту. Ясно, следовательно, что русское правительство нисколько не сомневалось в праве своем занять никем не занятые земли. А что дело шло не о временном каком занятии, как иногда бывает при промысловых операциях, ясно было из характера заселения, которое предназначалось для земледелия, успех которого мог бы обеспечиваться только прочною оседлостью»².

Не всегда гладко шли дела и с американцами. В 1818 году Кускову предписанием Баранова 28 января за № 24 было предложено воздержаться от сношений с американцами: «Нам должно служить законом не заводить с ними связей, в коих обыкновенно нас обчитывают»³.

Несмотря на то, что на месте, в Русской Америке, очень хорошо была заметна та польза, которую приносил форт Росс, в Петербурге отношение к его возникновению и существованию постепенно менялось. В январе 1820 года Главное правление Российско-Американской компании доносило К. В. Нессельроде: «Хотя употребленный на заведение сей оседлости (форт Росс.— А. А.) немаловажный капитал не возвратился компании пользами от него ожидаемыми по краткости времени, и потому, что у компании нет еще таких людей, кои бы там поселились прочно с семействами и обзавелись домами и землею, имея их в неотъемлемой собственности, плоды трудов своих передавали бы компании, но при всем том испанское правительство Новой Калифорнии настоятельно требует уничтожения той оседлости и удаления русских людей, почитая землю под оною занятую и даже все берега Новаго Альбиона принадлежащими испанской короне по первооткрытию Америки Колумбом и, может

¹ В. Потехин. Селение Росс. СПб, 1859, с. 27.

² Д. И. Завалишин. Дело о колонии Росс. М., 1866, с. 19.

³ Там же, с. 7.

быть, до сих пор, употребило бы уже насильственные меры, ежели бы в состоянии было оная произвести. При сем порядке вещей Российско-Американская компания охотно желала бы уничтожить оную оседлость, зависть или боязнь в гишпанцах порождающую и никогда бы более не мыслила искать другого места на берегах альбионских, ежели бы она могла потерю той оседлости заменить постоянною торговлею с Новою Калифорниєю, в которую допуск иностранцам по колониальному праву, а более, чтоб не выказывать удивительной беспечности и слабости управления, недозволен»¹.

Итак, Главное правление Российско-Американской компании скрепя сердце, стараясь не прекословить К. В. Нессельроде, заявляло о своей готовности отказаться от форта Росс уже в 1820 году. А форт Росс с каждым днем рос и укреплял свои позиции. Этому, конечно, помогало то обстоятельство, что во главе его стояли такие люди, как И. А. Куков, В. И. Шелихов, А. Г. Ротчев и другие. Благодаря форту Росс Русская Америка с основания и до 1820 года вывезла из Калифорнии 8 127 фанег пшеницы, 1 458 фанег гороха и бобов, 1 192 фанеги ячменя, 1 135 ароб муки, 3 200 ароб сала, 1 354 аробы мяса².

Активная торговля продолжалась и при следующем правителе Русской Америки Матвее Ивановиче Муравьеве³, служившем на «Камчатке» во время ее пребывания в Русской Америке и потому хорошо знакомом с состоянием дел. В 1823 году на бригах «Волга» и «Булдаков» было доставлено в Ново-Архангельск 1 265 фанег пшеницы, 170 фанег гороху и бобов, 200 фанег ячменя, 250 ароб сала. В 1824 году вывезено из Калифорнии с помощью форта Росс на бриге «Байкал» 1 800 фанег хлеба, более 800 фанег сахарного песку и много других товаров, а на бриге «Булдаков» до 2 000 фанег пшеницы. С 1817 года по 1824 год на верфях форта Росс было построено четыре брига.

К сожалению, политика царского правительства, политика уступок на Американском материке, шедшая вразрез с интересами Российско-Американской компании и с мнением широкой общественности, медленно, но верно вела к снижению роли форта Росс в жизни Русской Америки. Но пока до продажи его было еще далеко. Наоборот, царское правительство, учитывая интересы компании, с одной стороны, и отношения с Северо-Американскими Штатами — с другой, пошло на половинчатое соглашение с американским правительством, которым надеемся удовлетворить его требования и хоть как-то отрегулировать пограничные вопросы в Северной Америке и в северной части Тихого океана.

Перед тем как принять решение, была дана возможность высказать свою точку зрения лицам, причастным к компании. И вот тут-то и вы-

¹ П. А. Тихменев. Историческое обозрение..., ч. 1, СПб, 1861, с. 222.

² Там же, с. 221. Фанега равна 3 пудам 30 фунтам, ароба составляет примерно 28 фунтов.

³ М. И. Муравьев (24 марта 1784 года — 27 сентября 1836 года) служил в РАК до 1825 года. В 1826—1827 годах, будучи генерал-майором, входил в состав правления РАК в Петербурге.

ступил снова В. М. Головнин. В докладе морскому министру в 1824 году он подробно изложил историю Российско-Американской компании, резко критиковал Шелихова, Баранова, Резанова, их политическую неправленность, экономическую деятельность и сделал далеко идущие выводы.

1. «Компания акционерам своим не доставляет никакой пользы, а еще делает убыток не от стечения непредвиденных или несчастных обстоятельств, но от неосновательных предприятий и худо обдуманых поступков правителей ее дел, с одной стороны, а с другой,— от самого правительства...»

2. «Обширные области, приобретенныя компаниею для России, только на картах к ней приложены одноцветною краскою и могут занимать одних лишь детей в школах, учащихся географии, или недорослей из министерств, вовсе географии не знающих; на самом же деле сии области всякая Европейская держава может отнять у нас без больших трудов и издержек, когда только пожелает оных...»

Отметив далее, что Русская Америка и деятельность Российско-Американской компании совершенно бесполезны для русского общества и для частных лиц, что духовенство и то в Русской Америке погрязло в разврате, Головнин окончательно изрек: «Следовательно, из всего мною лишь теперь сказанного ясно видно, что мнимое приобретение дикой бесплодной страны вовсе для государства бесполезно, ибо если бы компания и не заводила бы в ней своих заселений, то и тогда она столько же принадлежала бы России, как и теперь, ибо европейские державы также мало расположены обладать оною, как и Новою Землею или Шпицбергеном»¹.

Трудно представить себе, чтобы выдающийся русский мореплавец и государственный деятель мог написать такое. К счастью, нашлись и другие люди, и их было большинство, которые смотрели более дальновидно и отзывались куда более уважительно о русских мореходах, промышленниках и мореплавателях. Как бы переключаясь с Головниным, другой заслуженный русский моряк адмирал Н. С. Мордвинов писал Нессельроде в феврале 1824 года: «Сколь бы не являлась в настоящее время малополезность в пространном обладании дикой землей, но мы не можем забыть уступки, сделанной Россией китайцам, предела, от Яблоневого гор до реки Амура лежащаго. Во время сей уступки мы довольствовались великим пространством Сибири, презрели дикость уступаемых земель, но ныне болезнуем, что Амур, единая из Сибири текущая река в открытое для плаванья море, не течет уже в пределах наших и сии великие потери возвратит не можем»².

Правительство не могло не прислушаться к высказываниям подобного рода, хотя мнение Головнина, видимо, было больше по душе Александру I и канцлеру Нессельроде. Поэтому и существовала такая поло-

¹ АВПР, ф. 339, оп. 888, д. 321, лл. 216, 232, 246.

² С. Б. Окунь. Российско-Американская компания. М. — Л., 1939, с. 85—86.

винчатость в договорах с США и Англией. Мнение Головнина возобладало потом, через несколько десятков лет, а сейчас царское правительство, идя навстречу домогательствам американцев, заключило с ними 5 (17) апреля 1824 года конвенцию «о непоколебимом сохранении состоящей между ими дружественной связи».

Статья I конвенции гласит: «Постановляется с общаго согласия, что во всех частях Великаго океана... граждане или обоюдные высоких договаривающихся сторон подданные могут пользоваться безпрепятственно и с полною свободою мореплаванием, производством рыбной ловли и правом приставать к берегам в таких местах, которые еще не заняты, для торговли с природными тамошними жителями»¹.

Статья III устанавливала границу между странами — 54° 40'; к северу от этой параллели американцы не могли строить никаких селений, то же относилось и к русским — южнее этой параллели. Интересно отметить, что до этой конвенции побережье от 42° до 54° 40' по договору от 1818 года находилось в совместном владении Соединенных Штатов и Великобритании. Интересно также, что в конвенции ни слова не говорилось о форте Росс.

Но вот статья IV находилась в некотором противоречии со статьей II, которая запрещала приставать русским к американским селениям и американцам к русским селениям без предварительного на то разрешения. А в статье IV говорилось следующее: «Разумеется, однакоже, что в продолжении десяти лет, считая со дня подписания сей конвенции, кораблям обеих держав или таковым же принадлежащим гражданам или обоюдным их подданным будет позволено взаимно заходить без малейшаго вмешательства во все внутренние моря, заливы, гавани и бухты, находящиеся на берегу, в предыдущей статье обозначенном, для производства там рыбной ловли и торговли с природными жителями той страны»².

На запрос адмирала Н. С. Мордвинова, почему нарушены в конвенции права Российско-Американской компании, данные ей привилегиями, министерство иностранных дел ответило, что это сделано умышленно, чтобы не обострять отношений с американцами, ибо они раньше заходили в наши селения и ловили рыбу в наших водах и будут продолжать делать это и что в течение десяти лет их приучат не делать этого, а затем запретят окончательно.

Через год, 16 (28) февраля 1825 года, в Петербурге была заключена конвенция с Великобританией «о взаимных выгодах, относящихся до торговли, мореплавания и рыбных промыслов на Тихом океане и до границ обоюдных владений их на Северо-западном берегу Америки». Первые две статьи конвенции аналогичны статьям конвенции, заключенной с Соединенными Штатами Америки, а III статья устанавливает границы: «Черта разграничения между владениями высоких договаривающихся

¹ П. А. Тихменев. Историческое обозрение..., ч. I, СПб, 1861, Приложения, с. 62.

² Там же.

сторон по берегу твердой земли и по островам Северо-западной Америки будет проведена следующим образом. Начиная с самой южной точки острова, именуемого Принц Валлийский, каковая точка находится под 54-м градусом 40 минутами северной широты и между 131 и 133 градусами западной долготы (считая от Гринвичского меридиана), вышесказанная черта протянется к северу вдоль по проливу, называемому Портландский канал до той точки твердой земли, где она касается 56 градуса северной широты. Отсюда черта разграничения последует по хребту гор, простирающихся в параллельном направлении с берегом до точки пересечения на 141 градусе западной долготы (от того же меридиана) и, наконец от сей точки пересечения та же меридианальная линия 141 градуса составит в своем продолжении до Ледовитого моря, границу между российскими и великобританскими владениями на твердой земле Северо-западной Америки». Статья IV оговаривала принадлежность всего острова Принца Валлийского России, а граница от 56° северной широты до точки пересечения берега с 141-м меридианом идет параллельно горам в 10 милях от моря.

Статья VI конвенции так же, как и в случае с США, давала лазейку англичанам для вмешательства во внутренние дела компании. Эта статья сформулирована таким образом: «Разумеется, что подданные его великобританского величества на пути своем, с которой бы стороны то ни было, как от океана, так и с твердой земли, навсегда будут пользоваться правом плавать свободно и без всякого помешательства по всем рекам и речкам, кои протекая в Тихий океан, пересекают черту разграничения на прибрежном краю, обозначенном в III статье сей конвенции»¹.

Мы нашли интересный документ, который направило Главное правление Российско-Американской компании 17 февраля 1825 года министру финансов Е. Ф. Канкрину по поводу границ компании с Англией. Из письма видно, что в Главном правлении не знали об уже заключенной конвенции; знали лишь, что такие переговоры ведутся. Вот текст этого письма.

«С одобрения Совета, высочайше утвержденного при Российско-Американской компании Главное Правление оной имеет честь представить вашему высокопревосходительству, что колониальному начальству предписывается устраивать крепости на северо-западном берегу Америки по Медной реке, от морского берега внутрь земли; по чему Правление Компании долгом поставляет обратиться к в. высоко-ву с покорнейшей просьбой, сообщить о сем министру иностранных дел, дабы при переговорах с Великобританским кабинетом, оно обратило внимание на сей предмет.

Известно, что англичане уже распространили свои приобретения до самого хребта Каменных гор, что необходимо для прочного существования ея, чему уже сделано начало и чего она, без сомнения, достигнет, если не будет иметь опасного соседства; но как компания не име-

¹ П. А. Тихменев. Историческое обозрение..., ч. 1, Приложения, с. 64.

ет столь обширных средств, ибо не может войти в противоборство с Англинским правительством, которое в сем деле содействует, то дабы правительство англинской не присваивало себе страны, лежащей по сю сторону гор, Гл. Пр. компании осмеливается заметить, что Каменные горы могут и должны быть в тамошнем крае границей обеих держав. Взаимные пользы, справедливость и самая природа того требует».

Это письмо, подписанное директорами А. Севериным и И. Прокофьевым и правителем канцелярии К. Ф. Рылеевым, Канкрин в копии переслал канцлеру К. В. Нессельроде, который, видимо, так доложил обо всем царю, что имел после доклада все основания наложить 4 марта 1825 года на справедливом документе несправедливую и высокомерную резолюцию: «Получено от его величества лично, с высочайшим повелением предписать компании, чтобы она тотчас отменила построение крепостцов, а буде сделано уже распоряжение, послала бы об отмене нарочного, притом заметить компании, что самое требование сие не соответствует ни обстоятельствам тамошнего края, ни же правам, компании предоставленным; сверх того призвав директоров, сделать им строжайший выговор за неприличность как самого предложения, так и выражений, с тем, чтобы они беспрекословно повиновались распоряжениям и видам правительственным, не выходя из границ купеческого сословия»¹. Негативное отношение правительства к любому мало-мальски самостоятельному шагу Российско-Американской компании, к сожалению, не только не ослабевало с годами, а все более увеличивалось.

Заключение Россией конвенций с США и Великобританией вызвало резкую критику со стороны широкой общественности. Особенно резко выступил Д. И. Завалишин. В статье «О запрещении американским гражданам посещать северо-западные берега Северной Америки» он заявил: «Одно только может доставить безопасность Ситхе — совершенное удаление граждан Соединенных Штатов от берегов сих. В противном случае, думаю, для Российско-Американской компании выгоднее будет совершенно оставить сию крепость». Не менее острой критике подверглось и русско-английское соглашение, особенно шестой пункт конвенции, о которой Завалишин сказал, что она «делает бесполезным обладание материком. Дозволяя иностранцам всегдашнее свободное плавание по рекам, оно делает их настоящими властелинами земли, оставляя нам одно пустое ими обладание»².

Значение заключенных конвенций для судьбы Русской Америки было весьма значительным. Русское правительство этими актами показало, что оно не намерено считаться с мнением Главного правления Российско-Американской компании, показало, что по существу от купеческой компании ничего не осталось. Если со сменой Баранова и приходом к власти в Русской Америке военно-морских офицеров практически кончи-

¹ АВПР, ф. 339, оп. 888, д. 258, лл. 13, 12—12 об.

² Цит. по кн.; С. Б. Окунь. Российско-Американская компания. М. — Л., 1939, с. 88—89.

лась независимость компании в решении политических вопросов, то с передачей ее в непосредственное подчинение министерства внутренних дел ставилась под контроль и финансовая деятельность компании.

В Главном правлении Российско-Американской компании в Петербурге с каждым годом чувствовалось уменьшение купеческой прослойки. М. М. Булдакова, умершего в 1827 году, еще в 1824 году заменил Н. И. Кусов, появившись в 20-х и 30-х годах представители чиновничьего аппарата и адмиралы: Г. Г. Политковский, затем В. Г. Политковский, Г. И. Радинг, В. М. Головинин, Г. А. Сарычев, Н. С. Мордвинов, М. И. Муравьев, Ф. П. Врангель и другие, что позволило правительству полностью осуществлять контроль над коммерческой деятельностью компании.

Факт заключения двух конвенций предоставлял возможность американцам и англичанам беспрепятственно торговать на заселенной русскими территории компании, а это означало, «что компания лишалась каких бы то ни было перспектив расширения своей деятельности даже в пределах формально принадлежавшей ей территории. Неожиданно для себя Российско-Американская компания сталкивалась на собственной же территории с сильным и предприимчивым конкурентом»¹. Это было началом конца Русской Америки, хотя в конвенциях впервые в международном масштабе было отмечено, что Россия владеет не только Алеутскими островами, но также и определенной территорией на Американском континенте.

Несмотря на значительную поддержку, которую Русская Америка получала от торговли с Калифорнией, проходившей через форт Росс, все же основная масса снаряжения и продовольствия шла по-прежнему из Кронштадта морским путем. Это вызывалось еще и тем, что в двадцатых годах в Калифорнии создалась острая политическая обстановка. Политика России в этом районе переплеталась с политикой США, Мексики, Испании и Англии.

Форт Росс был основан русскими 30 августа 1812 года, а несколько ранее, 8(20) июля 1812 года между Испанией и Россией был заключен договор о дружбе и согласии. Представители местной администрации, в Калифорнии в частности, не сразу узнали об этом договоре и поэтому потребовали уничтожения форта Росс. А затем и официальный представитель Испании министр иностранных дел Бермудес в 1817 году заявил о том же. Но дело дальше не пошло, так как выяснилось, что русские не ставят вопрос о всей Калифорнии, а желают только через форт Росс торговать с ней. В этом же 1817 году вожди индейских племен официально уступили русским территорию под форт Росс — об этом имелся особый документ.

В феврале 1819 года между Испанией и США был заключен договор, по которому граница между ними проходила по 42-й параллели, и, следовательно, Калифорния становилась испанской. Но в 1820 году произошли революционные события в Испании, а затем Мексика стала неза-

¹ С. Б. Окунь. Российско-Американская компания. М. — Л., 1939, с. 85.

висимым государством. Калифорния вошла в состав Мексики. Это были годы, когда там оказался будущий декабрист, просившийся служить в Российско-Американской компании, но не отпущенный царем, Дмитрий Иринархович Завалишин¹. Он прибыл туда в составе экипажа корабля «Крейсер». Страстный патриот, он вел переговоры с представителями администрации Калифорнии, рассказывая о несуществующем ордене, под покровительством которого Калифорния могла бы обрести независимость, отделиться от Мексики. А став независимой, Калифорния, по мнению Завалишина, неизбежно искала бы покровительства России. Но ничего подобного не произошло, а торговля с Калифорнией ухудшилась. Ухудшилась она еще и потому, особенно в 1826—1827 годах, что иностранные суда пользовались там большим вниманием из-за того, что они имели возможность продавать свои товары дешевле, чем компания. Вот и приходилось по-прежнему завозить все основные грузы из Кронштадта. А Ф. П. Врангель, будучи правителем Русской Америки, в начале 30-х годов припугнул калифорнийские власти тем, что не будет присылать туда свои корабли за хлебом, а будет покупать его в Чили. Дипломатический ход этот был удачным и помог.

В 1821 году Российско-Американская компания отправила в Русскую Америку бриг «Рюрик», на котором совершил кругосветное плавание в 1815—1818 годах О. Е. Коцебу под командованием штурмана Ефима Алексеевича Клочкова, и корабль «Елизавета», которым командовал штурман Иван Михайлович Кислаковский. Оба капитана уже совершили кругосветные плавания — первый на «Неве», а второй на «Кутузове». В отличие от других кругосветных плаваний на обоих кораблях не было морских офицеров. Наряду с экипажем на них шла партия промышленников в Русскую Америку, сопровождавшая большое количество товаров. Значительные повреждения не были устранены и после ремонта. Поэтому пришлось у мыса Доброй Надежды «Елизавету» продать, грузы перенести на «Рюрик», часть их продать, а команде во главе с Кислаковским возвращаться в Россию. «Рюрик» же благополучно прибыл в Ново-Архангельск 7 ноября 1822 года. Здесь он остался в распоряжении М. И. Муравьева.

В 1823 году Главное правление, решив, что в Русской Америке достаточно всего привезенного на «Бородине», «Кутузове» и «Рюрике», не отправило туда очередного корабля. Известие об этом вызвало панику в Русской Америке, так как там лучше знали, что у них есть. М. И. Муравьев снарядил бриг «Головнин», на котором послал к Сандвичевым островам А. Ф. Этолина. Последний прекрасно справился с задачей и не только привез из Калифорнии 1900 фанег пшеницы, но и купил бриг «Араб» со всем вооружением и товарами. По прибытии в Ново-Архангельск «Араба» переименовали в «Байкал».

¹ Д. И. Завалишин (13 июня 1804 года — 5 февраля 1892 года). Лейтенант, плавал в 1822—1824 годах с М. П. Лазаревым на «Крейсере». Декабрист, был осужден на 20 лет каторги, вернулся из Сибири в 1863 году, жил долгое время на поселении в Чите. Автор многих работ об истории Дальнего Востока и Русской Америки.

«Елена» же, предназначавшаяся для плавания в 1823 году, вышла из Кронштадта 31 июля 1824 года под командованием лейтенанта Петра Егоровича Чистякова¹ с обычным грузом, предназначенным для Русской Америки. Среди офицеров были лейтенанты Балк, Шишмарев, Стодольский, штурманы Родионов, Кристеркин, Яковлев, врач Сахаров, комиссионер Северин и 40 человек команды. 29 июля 1825 года «Елена» стала на якорь у Ново-Архангельска.

В этом году произошла смена правителей Русской Америки. П. Е. Чистяков вступил в должность Главного правителя Русской Америки, а сдавший эти обязанности М. И. Муравьев принял корабль «Елена». На этом корабле он и перешел в Кронштадт (с 4 ноября 1825 года по 1 сентября 1826 года), привезя туда мехов на 150 тысяч рублей и около 10 тысяч пудов сахара, закупленного в Бразилии по пути домой.

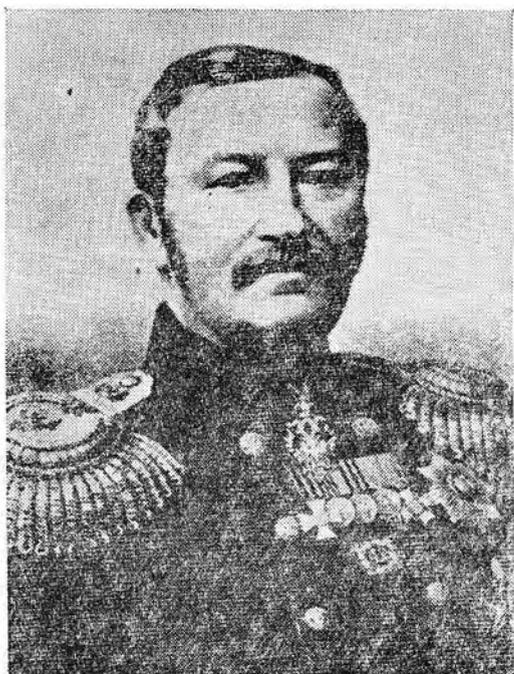
Мы рассказываем здесь о тех кораблях, которые приходили в Ново-Архангельск из Кронштадта под флагом Российско-Американской компании, то есть которые снаряжала компания. Но в это же время из Кронштадта выходили корабли под Андреевским флагом — военные корабли русского военно-морского флота. Они уходили в кругосветные плавания с различными задачами исследовательского характера, но редкий из них миновал Русскую Америку. И, несомненно, с каждым из таких военных кораблей посылалось самое необходимое для поселенцев, для жителей Русской Америки.

После плаваний В. М. Головнина на «Камчатке» и раньше на «Диане» под военным флагом в воды Тихого океана в 1819 году отправилась экспедиция, состоявшая из двух кораблей «Открытие» и «Благонамеренный» под командованием соответственно Михаила Николаевича Васильева и Глеба Семеновича Шишмарева². Дважды шлюпы побывали в Ново-Архангельске (1820 и 1821 годы), доставив в Русскую Америку около 2000 пудов грузов и разборный баркас. Плававший в 1815—1818 годах в водах Северной Америки шлюп «Рюрик» под командованием О. Е. Коцебу в Ново-Архангельск не заходил. В 1821—1824 годах кругосветное плавание совершил шлюп «Аполлон» под командованием Иринарха Степановича Тулубьева, а после его смерти 1 марта 1822 года в Рио-де-Жанейро — Степана Петровича Хрущева³. Этот шлюп также нес охрану поселений и промыслов Российско-Американской компании до

¹ П. Е. Чистяков (1790 год — 31 января 1862 года) умер в чине адмирала, будучи астраханским военным губернатором. До плавания на «Елене» совершил плавание в Русскую Америку в 1819—1821 годах на «Бородине» с З. И. Понафидиным. В должности Главного правителя Русской Америки был до 1830 года и в 1831 году через Сибирь возвратился в Петербург.

² М. Н. Васильев (1770—1847) — вице-адмирал, исследователь Русской Америки. Г. С. Шишмарев (? — 1835) — контр-адмирал, исследователь Русской Америки, произвел первую опись залива Сан-Франциско.

³ С. П. Хрущев (? — 25 октября 1865 года) — адмирал, плавал на «Аполлоне» в 1821—1824 годах, участник Наваринского сражения, был губернатором Севастополя (1849—1854), главным командиром Архангельского порта (с 1854 года). С 1857 года — член Адмиралтейств-Совета.

С. П. Хрущев.

3 сентября 1822 года, когда он сдал вахту фрегату «Крейсер», которым командовал Михаил Петрович Лазарев. Он же, в свою очередь, передал эстафету 16 октября 1824 года шлюпу «Предприятие», которым командовал О. Е. Коцебу. Затем последовало плавание Ф. П. Врангеля в 1825—1827 годах на шлюпе «Кроткий», экспедиция на шлюпах «Моллер» и «Сенявин» под командованием соответственно Михаила Николаевича Станюковича и Федора Петровича Литке, плавание Л. А. Гагемейстера на шлюпе «Кроткий» в 1828—1830 годах.

Даже из простого перечисления военных кораблей, направляемых к берегам Русской Америки, совершенно ясно, что Российско-Американская компания фактически превратилась в правительственное предприятие. Это устраивало и компанию: в течение нескольких лет она не снаряжала своих судов, используя военные корабли для отправления грузов. Лишь в 1828 году 3 августа из Кронштадта вышел корабль «Елена» под командой Василия Степановича Хромченко¹, прибывший в Ново-Архангельск 4 июля 1829 года. Штурманом на корабле был креол — окончивший Штурманское училище А. Ф. Кашеваров. 15 октября 1829 года шлюп вышел в Кронштадт, куда и прибыл 10 июля 1830 года, при-

¹ В. С. Хромченко (?—1849) — трижды кругосветный мореплаватель, исследователь Русской Америки, служивший в ней с 1821 по 1825 год.

веза пушнины на 1 200 000 рублей. А 26 августа 1831 года В. С. Хромченко, командуя военным транспортом «Америка» с грузами для Русской Америки, вышел во второе самостоятельное плавание. Прибыл в Ново-Архангельск 8 октября 1832 года и простоял там до 20 ноября, возвратившись в Кронштадт 13 сентября 1833 года. «Америка» совершила новое плавание в Русскую Америку в 1834—1836 годах под командованием Ивана Ивановича Шанца.

В 1835 году 5 августа в Русскую Америку отправилось судно «Елена», снаряженное Российско-Американской компанией под командованием Михаила Дмитриевича Тебенькова¹. На судне были доставлены 16 апреля 1836 года медь, железо, различные машины, орудия для компании. «Елена» была оставлена для службы в компании, остались служить в ней и некоторые офицеры «Елены» — Ростислав Григорьевич Машин, Александр Антонович Халезов, лейтенант Мурашов, комиссионер Александр Гаврилович Ротчев (1813—1873), ставший вскоре правителем форта Росс, комиссионер П. С. Костромитинов. На «Елене» были также доставлены 15 промышленников.

В Русской же Америке жизнь шла своим чередом. С каждым годом в Ново-Архангельске появлялось что-либо новое. Чистяков выстроил новый дом для правителя, возводилась новая пристань, построен был двухэтажный дом, в котором размещались офицеры компании, здесь же была контора, госпиталь, аптека, уделялось большое внимание обороне города, строились новые батареи. Население города в 1826 году составляло 813 человек, из которых 309 было русских, остальные креолы. С 1815 года в Ново-Архангельске была церковь, была она и на Кадьяке, а в 1823 году в Уналашке появился молодой священник Иоанн Евсеевич Вениаминов (в миру Иван Евсеевич Попов) — будущий епископ Иннокентий Вениаминов, ученый и исследователь Алеутских островов.

Городскую библиотеку пополняли офицеры, приходившие на кораблях и судах. В ней было полторы тысячи книг на русском, французском и английском языках. В Русской Америке существовали четыре школы для мальчиков и столько же для девочек.

Большое внимание уделялось строительству флота. Чистяков купил у иностранцев бот «Чичагов» водоизмещением в 150 тонн, строились в 1827 году палубные боты «Уналашка», «Бобр», «Сивуч», «Карлук», «Алеут», а в 1829 году — трехмачтовое судно «Уруп» на 300 тонн.

Сменивший П. Е. Чистякова в 1830 году Фердинанд Петрович Врангель² сам обошел берега Русской Америки, уделял большое внимание изучению и освоению внутренних частей Аляски. Заметив, что промыс-

¹ М. Д. Тебеньков (1802 год — 3 апреля 1872 года) — вице-адмирал. В 1845—1850 годах был Главным правителем Русской Америки, составил атлас Русской Америки и «Гидрографические замечания к атласу».

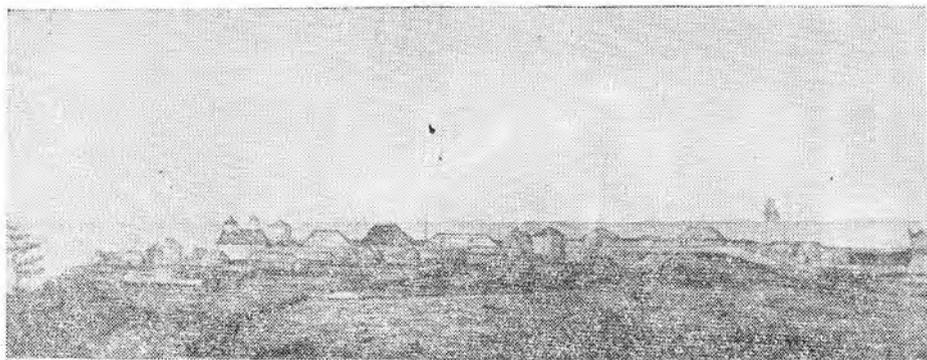
² Ф. П. Врангель (19 декабря 1796 года — 25 мая 1870 года) — трижды кругосветный путешественник, адмирал, правитель Русской Америки в 1830—1835 годах, выдающийся исследователь и ученый-гидрограф, один из основателей Русского Географического общества.

Ф. П. Врангель.

лы на островах Прибылова сокращаются, он распорядился прекратить их на определенное время (с 1836 по 1841 год). Добыча резко возросла и принесла большие доходы компании. Ф. П. Врангель продолжал следить за развитием флота компании. В 1829—1832 годах в Охотске по заказу компании были построены шхуна «Акция» (50 тонн), бриг «Полифем» (180 тонн), шлюп «Ситха» (230 тонн), «Уналашка» была передана в Курильский отдел, поскольку 9 ноября 1830 года на Курильские острова была распространена власть Российско-Американской компании.

На долю Ф. П. Врангеля выпала нелегкая задача: оставаясь в рамках исполнения обеих конвенций, выдерживать все усиливающееся давление американских и английских бизнесменов и мореходов. Практика показала, что соответствующие статьи соглашений позволяли купцам и морякам беспрепятственно торговать с местными жителями, вылавливать рыбу там, где им заблагорассудится. Уже в начале 30-х годов американцы начали заботиться о продлении полученных по этим соглашениям привилегий. Но на сей раз русское правительство вняло представлениям Российско-Американской компании, исходившим в начальной

Форт Росс. Рисунки И. Г. Вознесенского.

своей стадии от Ф. П. Врангеля, и с 1834 года запретило американцам приближаться к берегам Аляски. Но привыкшие хозяйничать там американцы продолжали вторгаться в пределы русских владений, чем принуждали Ф. П. Врангеля давать отпор. Доходило до отдельных случаев столкновений между русскими моряками и американскими нарушителями.

Предметом особых забот Ф. П. Врангеля стал форт Росс, особенно после того, как США завладели Техасом, крупнейшей провинцией Мексики. Все чаще стали поговаривать о том, что недалеко то время, когда и Калифорния станет очередным штатом США. Вопреки замыслам Д. И. Завалишина Ф. П. Врангель мечтал о заключении договора России с Мексикой и, следовательно, о сохранении Калифорнии в составе Мексики. А если бы в этом случае были и дружественные отношения с Мексикой, то можно было бы рассчитывать на расширение форта Росс, на заселение долины реки Славянки, которая была очень удобна для развития земледелия и скотоводства.

Сам форт Росс пока что не оправдал возлагавшихся на него надежд. С 1826 по 1833 год из него в Ново-Архангельск было вывезено только 6 тысяч пудов пшеницы и ячменя, или по 750 пудов в год. Несколько лучше обстояло дело в 1832 году — 1,5 тысячи пудов. Но и это было очень и очень мало. Хорошо развивалось животноводство. Если в 1817 году в форте была 61 голова крупного рогатого скота и 162 — мелкого, то в 1833 году всего было 1 773 головы: 415 лошадей, 719 коров и быков, 605 баранов и овец, 34 свиньи.

В Ново-Архангельск было вывезено значительно меньше пушнины, чем в первые годы существования Росса. Не лучше обстояло дело и с вывозом сельскохозяйственных продуктов. Содержание же форта Росс с 1825 по 1829 год превысило примерно в 3,3 раза получаемые от него доходы¹. Конечно, политические факторы и выгодное положение фор-

¹ В. Потехин. Селение Росс. СПб, 1859, с. 29—30.

та Росс Главное правление Российско-Американской компании принимало во внимание, но акционеров интересовали прежде всего доходы. Зависели же они от политического положения форта Росс, и потому что не было полной ясности в будущем русского калифорнийского селения, Главное правление компании пока медлило с окончательным решением судьбы форта. Если бы русское правительство признало Мексику и заключило бы с ней договор, тогда можно было бы строить и компании какие-то планы в отношении будущего форта. Но правительство Николая I не решалось признавать Мексику, боясь испортить отношения с Великобританией. Поэтому было решено использовать возвращение Ф. П. Врангеля в Россию для того, чтобы «прощупать» мексиканские настроения в отношении России.

Сменивший Ф. П. Врангеля на посту Главного правителя Русской Америки Иван Антонович Купреянов¹ в 1836 году проводил его на бриге «Ситха» в мексиканский порт Сан-Блаз. Не имевший дипломатических полномочий Ф. П. Врангель не мог действовать официально, хотя и встречал со стороны мексиканских властей самое доброжелательное отношение. Но когда он путешествовал по Мексике, правительство Англии признало ее, не дожидаясь пока это сделает Россия. Благоприятный момент был упущен, а ведь Мексика, находясь под угрозой США, вполне могла вступить в переговоры с Россией по поводу не только форта Росс, но и других земель в Калифорнии.

О том, что США совсем не собираются оставлять без внимания Калифорнию, Ф. П. Врангель узнал лично от американского посла в Мексике Бутлера: «Эту часть Калифорнии мы не упускаем из виду, у нас есть там люди, которые сообщают и доставляют нам всевозможные сведения оттуда, и недалеко то время, когда северная Калифорния перейдет к нашей Северной конфедерации»². Надо полагать, что не без помощи этих самых людей в октябре 1836 года в Калифорнии вспыхнуло восстание. Восставшие (инсургенты) прогнали мексиканцев и объявили Калифорнию самостоятельной страной. Немедленно началось кровопролитие Калифорнии со стороны Северной конфедерации (США), а вокруг форта Росс, как грибы после хорошего дождя, стали расти американские поселения.

Д. И. Завалишин приводит интересные сведения об этом периоде жизни форта Росс. Он сообщает, что во времена правления Ф. П. Врангеля «Калифорния уже наводнялась не только одиночными пришельцами, но и целыми хорошо вооруженными партиями звероловов, с которыми следовали их жены и дети». Так, в донесении Главного правителя Русской Америки от 28 апреля 1834 года за № 197 говорится о партии числом в 163 человека (с женщинами и детьми), при которых было

¹ И. А. Купреянов (1799 год — 30 апреля 1857 года) — вице-адмирал, плавал к берегам Антарктиды с М. П. Лазаревым на шлюпе «Мирный» в 1819—1821 годах, с ним же на «Кротком» в Русскую Америку в 1822—1824 годах, был Главным правителем Русской Америки в 1835—1840 годах.

² Цит. по кн.: С. Б. Окунов. Российско-Американская компания. М. — Л., 1939, с. 140.

И. А. Купреянов. Получено от правнука — В. В. Варли.

400 лошадей. «Эти пришельцы считали себя уже настолько сильными,— продолжает Завалишин,— что не только делали попытки самовольно селиться в стране, но и вмешивались во внутренние дела ея, как ясно свидетельствует предписание главного правления от 24 марта 1838 года за № 462, главному правителю колоний, в котором сказано: «С удивлением прочитав вашу депешу от 14-го июня 1837 года, за № 321, и приложенное к оной донесение правителя конторы в Россе, г. Костромитинова о возмущении в Калифорнии и содействии в этом корабельщика Американских Соединенных Штатов, главное правление увидело какими путями американцы желают достигнуть влияния на обладание Калифорнией... Ваше мнение совершенно справедливо, что со стороны мексиканцев нам не должно иметь ни малейшего опасения; но должно опасаться скрытых стеснений от американцев Соединенных Штатов, чему уже сделан повод заведением Купером (американским корабельщиком) вверх по реке Славянке, ранчи (т. е. фермы)».

Таким образом, между тем, как мы не смели ни двинуться вперед, ни даже расширяться в занятом уже нами бесспорно месте, по реке Славянке, окрещенной русским родным названием, — американский корабельщик прямо занимает место, никого не спрашиваясь, между заселениями испанцев и русских, не заботясь о правах ни тех, ни других, и

притом на той самой речке Славянке, о которой мы только что собирались трактовать с мнимыми ее владельцами»¹.

Вот что представлял собой форт Росс в 1836 году по описанию И. Е. Вениаминова: «Крепость Росс есть небольшое, но довольно хорошо устроенное селение или село, состоящее из 24 домов и нескольких юрт для алеут, со всех сторон окруженное пашнями и лесами, в середине коего находится четырехугольная небольшая деревянная ограда, имеющая 2 оборонительные будки с несколькими пушками и вмещающая в себе часовню, дом правителя, контору, магазин, казармы и несколько квартир для почетных жителей. Здесь мужского пола 154 и женского пола 106, а всего 260 душ, в числе коих русских 120, креол 151, алеут кадьяжских 50 и 39 индейцев крещенных»².

Вблизи форта Росс находились две русские фермы (ранчо): «Новая ранча» и «Долина близ Бодеги». Нам посчастливилось найти в архивах донесение в контору селения Росс помощника правителя Черных «Об успехах работ на Новой ранче и Долине близ Бодеги за генварь 1839 года».

Из этого донесения превосходно видно, чем занимались жители обеих ферм, из чего они состояли. На «Новом ранчо» было всего 7 человек (3 русских, 2 креола и 2 индейца), которые в январе выкопали 510 ям для виноградных лоз и посадили 260 и, кроме того, «постоянно находились при делании гряд и покрывшек для разсад, при сеянии и поливке разсад, при делании под семенные садушки досчаного поля для безопасности от хомяков... при набивке парника и добывании досок для его покрывшки»³.

На ранчо в долине близ Бодеги было 12 русских, 3 креола, 2 алеута и 18 индейцев, которые пахали, сеяли, борошили, которые засеяли на 34 десятинах 342 пуда пшеницы. Они сами добывали себе пищу охотой на коз и изюбров, сами возили пшеницу из Бодеги, ремонтировали селялку и борону⁴.

«Более двадцати лет прошло с того времени,— писал советский историк С. Б. Окунь,— как состоялось торжественное открытие колонии Росс, а Российско-Американской компании так и не удалось добиться даже формального признания своих прав на территорию, занятую русским поселением. Колония посещалась иностранными кораблями, производила торговые операции, компания несла значительные расходы по «оинежбдого эоднако, де юре колония эта не существовала. Не стал Росс и плацдармом для продвижения внутрь страны. Будущность русского заселения в Калифорнии не сулила каких-либо благоприятных перспектив. Наоборот, с каждым годом, с усилением мощи Соединен-

¹ Д. И. Завалишин. Дело о колонии Росс. М., 1866, с. 14.

² Л. А. Шур. Путевые записки и дневники русских путешественников как источник по истории Калифорнии (первая половина XIX в.).— «Американский ежегодник, 1971». «Наука», с. 313.

³ Архив Академии наук, ф. 53, оп. 1, д. 6/6, л. 28 об.

⁴ Там же, л. 29.

ных Штатов и ослаблением русского влияния на американском континенте, положение Росса делалось все более затруднительным»¹.

В создавшемся положении выход был один — передать форт Росс полностью в правительственное подчинение, но Николай I на это не пошел. Главному же правлению компании о доходах от Росса теперь не приходилось и думать: все заботы были о том, чтобы оградить форт от беспокойных американских соседей. Продолжаться долго такое положение не могло.

И. А. Купреянов в 1838 году сделал предложение Главному правлению компании, а оно — министру финансов о снятии форта Росс. Вскоре было выработано представление по этому вопросу и передано на утверждение царю. «Главное правление, обращаясь к отчетам прежнего времени, находит в донесении Главного правителя от 1831 г. расчисление расходов и приобретений за пятилетие, с 1825 по 1829 г., результат состоит в следующем:

Содержание селения Росс стоило средним числом в год	45 000 руб.
От пушного промысла приобретено средним числом в год	22 000 руб.
Сельскими произведениями получено в пользу прочих отделов средним числом в год	2 000 руб.
За 1837 год торговые расходы возросли до	72 000 рублей
Из числа этой суммы на жалованье служащим издержано	31 000 рублей
Из Росса же поступило в этом году на 8 000 рублей:	
масла коровьяго 30 пуд., солины 419 пуд., кож разных	
401 штука, кирпичей — 12 000 штук.	

Сначала значительные расходы на содержание селения частью покрывались случайными, но довольно выгодными промыслами морских бобров, в соседстве Росса и по берегам Калифорнии. Впоследствии, когда эти промыслы почти изсякли, главное правление питало надежду на расширение своих владений и на занятие мест, удобных для разведения хлебопашества и скотоводства в таком объеме, чтобы сверх содержания гарнизона, можно было бы снабжать и прочие отделы пшеницей, солониной и маслом. При настоящих же обстоятельствах, надежда сия совершенно рушилась и главное правление не находит никакого основания и не усматривает уважительной цели для дальнейшего занятия селения Росс. Даже в политическом отношении обладание Россом сопряжено с неудобствами: оно не подкрепляется никаким актом, ни признанием других держав. Географическое положение этого заселения, удаленного на 16° широты или 1 600 верст по меридиану от граничной параллели наших владений на северо-западном берегу Америки, несколько не выкупает указанные выше неудобства, не доставляя оному ни малейшей стратегической выгоды. Занятие Росса какою бы ни было нацией, не может иметь влияния на безопасность наших колоний: англичане имеют свои гавани у самых наших границ; мексиканцы или калифорнцы владеют превосходным заливом С. Франсиско возле Росса,

¹ С. Б. Окунь. Российско-Американская компания. М. — Л., 1939, с. 133.

граждане Соединенных Штатов толпами заселяют берега этого залива и не имеют надобности в недоступной скале Росс.

Высочайше утвержденный при Компании совет, по внимательном рассмотрении и обсуждении вышеизложенных оснований, доказывающих, что селение Росс не только бесполезно для Компании, но напротив даже еще сопряжено со вредом для нее чрез необходимые издержки на содержание онаго, не обещая и впредь никаких выгод, убедился в полной мере, что дальнейшее оставление селения Росс в настоящем его положении ни к чему больше не служит, кроме напрасных для Компании издержаний, а потому и полагает: согласно с мнением главного правления, упразднить селение Росс, распределив находящихся в оном служащих и имущество по другим отделам, а что окажется из имущества ненужным, продать или променять на пшеницу жителям С. Франциско»¹.

15 апреля 1839 года царь утвердил это представление, и судьба форта Росс была решена. В течение двух лет вывозилось все, что можно было вывезти, а недвижимое имущество и скот были проданы за 30 тысяч пиастров мексиканскому подданному, швейцарскому уроженцу, неизвестному Суттеру в рассрочку на четыре года. С большим трудом удалось заставить Суттера заплатить эту сумму. А 24 января 1848 года Джеймс Маршалл, плотник, служивший у Суттера, открыл золото в окрестностях форта Росс. Вся Калифорния вскоре была охвачена золотой лихорадкой.

Впрочем, вряд ли будет справедливо изображать дело таким образом, что Главное правление Российско-Американской компании не знало ничего о местонахождении золота на Аляске и в Калифорнии. Факты неумолимо свидетельствуют о том, что Главное правление знало о находках золота в своих американских владениях. Знало, но не проводило основательных научных изысканий, боясь широкой огласки этого дела. Главное правление компании скрывало и другие факты нахождения там полезных ископаемых, например, сведения о меди, угле, потому что боялось потерять монополию.

Так бесславно прекратил свое тридцатилетнее существование форт Росс — самое южное русское поселение на западном побережье Северной Америки. Рожденный Барановым и Кусковым для больших дел, он по воле недалеких правителей России был низведен до уровня заурядного селения. Думается, что если бы правительство было более дальновидно и настойчиво, то среди деятелей Российско-Американской компании оно всегда бы нашло поддержку: в смелых, предприимчивых и решительных людях недостатка не было. Справедливо писал впоследствии Д. И. Завалишин, что «дело продажи колонии Росс объясняется не только тем, что содержание ее было в убыток компании (временные затраты она соглашалась перенести), но и не было никакой надежды на изменение неблагоприятно действовавших обстоятельств,

¹ В. Потехин. Селение Росс. СПб, 1859, с. 38—41.

потому что все попытки компании (значит правительства. — А. А.) к устранению их оказывались безуспешными, и возможность добиться необходимого для развития калифорнийской торговли расширения территории, с каждым годом уменьшалась, а во время продажи селения Росс, можно сказать и совершенно уже исчезла»¹.

Вообще положение Русской Америки во второй половине 30-х годов было щекотливым. Угрозы со всех сторон, потеря форта Росс, полная зависимость от правительства, а не от компании, а впереди конец вторых двадцати лет ее привилегий. После заключения соглашений с Соединенными Штатами Америки и Великобританией число провокаций на границах значительно увеличилось. Дошло до того, что в 1834 году в это дело вмешались английские и американские газеты, подстрекавшие Компанию Гудзонова залива (Гудзонбайская компания) закрепить в пределах русских владений в устье реки Стахин. Целое пятилетие длилось напряженное состояние. В 1839 году с ведома царя было заключено соглашение между Российско-Американской компанией и Гудзонбайской компанией об отдаче Гудзонбайской компании в аренду на невыгодных условиях части русских владений на северо-западном берегу Америки. Компания Гудзонова залива получила сроком на 10 лет, считая с 1 июля 1840 года, территорию — прибрежную полосу русских владений — от 54° 40' северной широты к северо-западу до линии, проведенной между мысом Спенсера при заливе Креста и горою Доброй Погоды, то есть примерно до 58° 20'. «Молчаливое наступление английских и американских предпринимателей-колонизаторов на русские владения в Северной Америке продолжалось»². А русское правительство во имя своих интересов на континенте смотрело сквозь пальцы на судьбу Русской Америки, держало ее в своих руках, чтобы как можно выгоднее использовать в игре с Великобританией или США.

Но возвратимся к событиям, которые происходили непосредственно в самой Русской Америке, возвратимся к внутренней жизни Ново-Архангельска и других населенных пунктов. Русская Америка состояла в административно-территориальном отношении из семи отделов, которые включали в себя следующие острова, пункты, редуты, одиночки: 1. Ново-Архангельск; 2. Уналашкинский (Уналашка, Унга); 3. Атхинский (Атха, Атту, Беринга, Медный); 4. Курильский (Шумшу, Симу-сир); 5. Северный (Св. Павла, Св. Георгия); 6. Михайловский редут (Колмаковский редут, Северная одиночка, Уналакютская одиночка, Андреевская одиночка, Михайловский редут); 7. Кадьякский отдел (Чиниятская одиночка, Кальсинская, Орловская, Трехсвятительская, Карлукская, Афогнакская, Катмайская, Нушагакская, Иляшинская, Медновская одиночки, Николаевский редут, Константиновский редут, Кенайская экспедиция и сам Кадьяк)³.

¹ Д. И. Завалишин. Российско-Американская компания. М., 1865, с. 8.

² А. Л. Нарочницкий. Колониальная политика капиталистических держав на Дальнем Востоке. 1860—1895. М., 1956, с. 166.

³ АВПР, ф. 339, оп. 888, д. 181, лл. 209—212.

Оживленная жизнь нарушалась иногда внешними событиями, иногда давала о себе знать и стихия. Особенно запомнился жителям Русской Америки 1837 год. Советский писатель и большой знаток истории географических исследований Сергей Николаевич Марков, превосходно знающий историю Русской Америки, отметил, что в этом году там происходили разные редкие события. На острове Св. Павла произошло землетрясение. В тот же год произошло «чудо» близ Кадьяка: над Еловым островом в небе был виден светлый столб. Народная молва объяснила это знамение смертью отца Германа. В этом же году разразилась страшная болезнь — из Калифорнии завезли в Ново-Архангельск оспу, которая унесла в могилу около четырехсот человек. Последствия ее сказывались еще в 1838-м и даже в 1839 годах. На борьбу с ней были брошены все. Настоящий подвиг каждый день совершали врачи Блашке и Волинский¹.

Одной из важнейших задач компании всегда оставалось снабжение жителей продовольствием. В 1836 году за хлебом в Чили ходила «Елена» под командованием А. К. Этолина. Было привезено 18 тысяч пудов муки и пшеницы. Это стало основательным подспорьем тому, что купил в Мексике после проводов Врангеля Купреянов, доставивший в Ново-Архангельск на «Ситхе» 1 650 пудов муки и 10 тысяч пудов соли. Огромным событием для Русской Америки был приход в начале 1838 года в Ново-Архангельск транспорта «Николай I», купленного в Финляндии, водоизмещением 450 тонн. На нем в Русскую Америку прибыло груза на 400 тысяч рублей. Командовал транспортом Евгений Андреевич Беренс (1809—1878) — опытный моряк, побывавший уже в двух кругосветных путешествиях. Старшим офицером шел будущий герой Петропавловской обороны, участник Наваринского сражения Василий Степанович Завойко (1809—1898), лейтенант Дюгамель. В числе участников плавания были Александр Михайлович Гаврилов (1818—1848), дважды обогнувший земной шар, будущий предшественник Г. И. Невельского по исследованию устья и лимана реки Амур в 1846 году, вольнонаемный штурман М. Кликовстрем, штурман креол Н. Архимандритов, 16 вольнонаемных для службы в компании, преимущественно финны.

Следующий свой рейс в Ново-Архангельск транспорт «Николай I», прибывший в Кронштадт 9 июня, совершал с 20 августа 1839 года по 1 мая 1840 года. Он доставил в Ново-Архангельск нового Главного правителя Русской Америки Адольфа Карловича (Арвида Адольфа) Этолина (9 января 1799 года—17 марта 1876 года), который в 1837 году через Сибирь выехал в Петербург и теперь вот в новом качестве возвратился в Ново-Архангельск. Этолин с 1817 года связал свою судьбу с Русской Америкой, когда на «Камчатке» с Головинным пришел в Русскую Америку и стал здесь «вольным мореходом». Плавал он капитаном в Калифорнию, на Сандвичевы острова, по владениям Русской

¹ С. Н. Марков. Летопись Аляски. М. — Л., 1948, с. 120.

А. К. Этолин. Получено от проф.
Р. А. Парса (Канада).

Америку. В 1821—1823 годах, командуя куттером «Баранов» (совместно с В. С. Хромченко), производил опись побережья Северной Америки и открыл пролив, названный его именем. В 1825 году на «Крейсере», перешел в Кронштадт, где был принят на военную службу мичманом и отправился снова в Сибирь на службу Российско-Американской компании. С 1827 по 1832 год на бриге «Чичагов» и шлюпе «Байкал» плавал между Ново-Архангельском и Охотском. С 1832 по 1837 год, будучи капитан-лейтенантом, был помощником Ф. П. Врангеля — помощником Главного правителя Русской Америки. В эти годы он построил в Охотске бриг «Ситха».

А. К. Этолин, имевший чин капитана 2-го ранга, с переводом в Русскую Америку получал следующий чин. Он принимал американские владения в весьма сложное время, когда завершалась эвакуация форта Росс, когда участились случаи провокационных выступлений на границе с Канадой (Англией), когда никто не знал, чем будут чреваты новые правила Российско-Американской компании, поскольку двадцатилетний срок старых привилегий истек в сентябре 1841 года.

«Николай I» привел в Ново-Архангельск капитан-лейтенант Николай Кондратьевич Кадников (?—1842), который остался служить с Этолиным. В Рио-де-Жанейро Этолин купил бриг водоизмещением

С. В. Воеводский.

190 тонн, названный «Великий князь Константин». Обрато «Николай I» вышел под командованием Степана Васильевича Воеводского¹. На нем в составе экипажа шли лейтенант Р. Г. Машин, штабс-капитан Сергеев, прапорщик А. А. Халезов, доктор Э. Л. Бляшке. «Николай I» 14 июля 1841 года доставил в Кронштадт бывшего правителя И. А. Купреянова и 19 человек служащих компании.

В 1841 году в апреле в Ново-Архангельск прибыл транспорт «Наследник Александр» водоизмещением 300 тонн под командой Дионисия Федоровича Заремба². С ним возвратился в Ново-Архангельск А. М. Гаврилов. Транспорт остался служить, как, впрочем, в скором времени и «Николай I», в Русской Америке, и участь его оказалась печальной. В 1842 году под командой Н. К. Кадникова транспорт потер-

¹ С. В. Воеводский (1805 год — 17 сентября 1884 года) — адмирал, участник Наваринского сражения, в 1835—1839 годах командовал кораблями Российско-Американской компании, плавая у берегов Русской Америки, кругосветный мореплаватель. В 1854—1859 годах — Главный правитель Русской Америки.

² Д. Ф. Заремба (Зарембо) — дважды кругосветный путешественник, исследователь Русской Америки, командовал там «Чичаговым», «Охотском», «Финляндией» в 1827—1838 годах. Уволился от службы в 1851 году.

пел крушение на переходе из Сан-Франциско в Ново-Архангельск. Погиб транспорт, погиб командир, погибли члены экипажа. Спасти удалось лишь немногим.

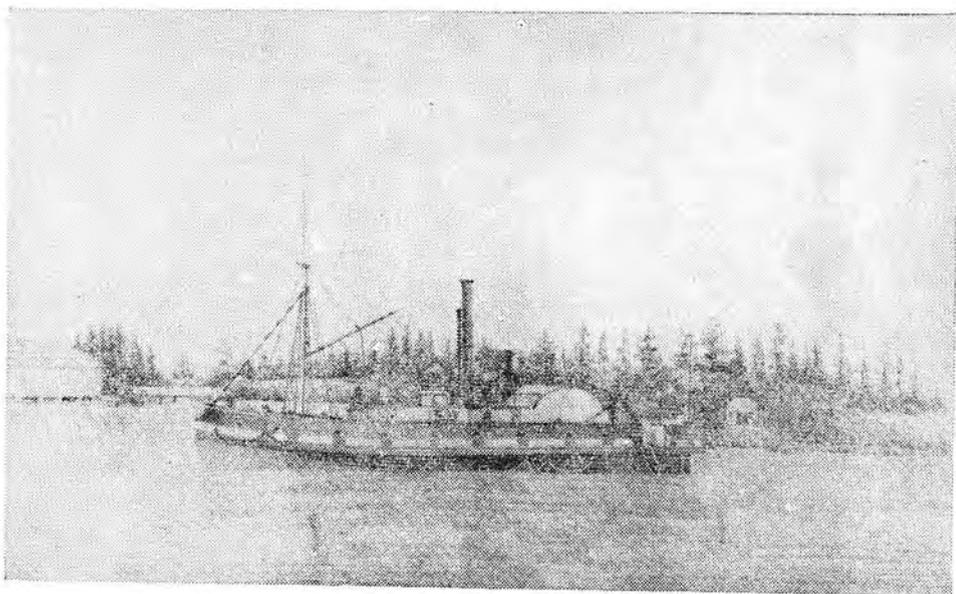
Положение с продовольствием в Русской Америке создалось весьма благоприятное благодаря усилиям Купреянова и в то время еще его помощника Этолина. В 1839 и 1840 годах в Калифорнии удалось купить по 6 300 фанег пшеницы за каждый рейс. Хорошо трудились Александр Гаврилович Ротчев, последний правитель Росса. В уже проданном форте он купил в 1840 году 1 700 фанег пшеницы. Этими и другими мерами был создан запас пшеницы в 30 тысяч пудов, то есть практически на весь 1841 год. В немалой степени помогло и то, что за последние четыре года существования форта Росс А. Г. Ротчеву удалось отправить отсюда в Ново-Архангельск 9 918 пудов пшеницы, 100 пудов сухарей, 939 пудов ячменя, 20 пудов ржи, 243 пуда гороха, 246 пудов гречи, 109 пудов фасоли, 38 пудов кукурузы, 4 пуда 25 фунтов табаку и прочее¹.

Значительные изменения произошли и в составе флота. Усилиями Купреянова в 1839—1842 годах в Ново-Архангельске были построены шхуны «Квихпак», «Чилькат», бриг «Промысел» и первые пароходы Российско-Американской компании «Николай I» и «Мур». Машины для пароходов Купреянов приобрел в США — одну в 60 лошадиных сил, а вторую в 8. Собирал машины американский машинист Мур, в честь которого и назвали второй паровой катер. Всего в Русской Америке в 1842 году находилось 15 судов, из них два паровых. На первом пароходе компании уже в 1840—1841 годах Главный правитель Русской Америки А. К. Этолин обогнул и осмотрел все владения.

В самом начале правления он принял энергичные меры для облегчения жизни жителей Кадьяка, более других пострадавших от оспы. Он же ввел укрупнение селений Кадьяка: вместо разрозненных и малочисленных населенных пунктов, а их насчитывалось до 65, сделал 7 крупных, и в их числе Трех Святителей, Афонгакское, Карлукское, Орловское и другие. Постепенно увеличивалась и плата местным жителям за продаваемые ими компании меха. Например, если в 1804 году шкура бобра морского стоила 10 рублей, лисы чернобурой 2 рубля, а песцовая шкурка оценивалась в 20 копеек, то соответственно в 1836 году закупочные цены возросли до 30 рублей, 9 рублей и 1 рубля 50 копеек. Шел постоянный рост цен, и к 1850 году они стали такими: 50 рублей, 9 рублей и 1 рубль 50 копеек. Годы правления Купреянова и Этолина совпали с временем наиболее интенсивных географических, этнографических и гидрографических исследований Русской Америки, в первую очередь связанных с экспедициями Л. А. Загоскина и И. Г. Вознесенского.

Главное правление Российско-Американской компании в связи с окончанием сроков привилегий подготовило предложения в Государственный Совет. В них говорилось: «Российско-Американскую компанию, по обширности и разнородному кругу ее действий нельзя ставить

¹ П. А. Тихменев. Историческое обозрение..., ч. 1, с. 355.

Первый пароход в Российско-Американской компании — «Николай I».
Рисунок И. Г. Вознесенского.

в сравнение ни с какою другою. Сверх торговой и промышленной монополии Правительство уделило ей и часть своей власти по управлению отдаленным и пространым краем, где лежит теперь на ней и на собственных ее способах вся местная администрация. В таком виде Компания есть уже не одно коммерческое сословие, но некоторым образом и власть правительственная, а привилегия ее заключает в себе не одно право, но вместе с тем и обязанность. Изменение сего порядка едва ли бы принесло пользу и, во всяком случае, успех онаго был бы весьма гадателен. Открыть в Американских наших владениях свободный всем доступ к звериным промыслам, значило бы произвести упадок в пушной торговле или от скорого и повсеместнаго при допущенном соперничестве потребления пушных зверей, или напротив, если число капиталистов, желающих обратиться к малоизведанному еще промыслу, будет незначительно, от недостаточнаго возмещения сильных средств, которыми располагает теперь в сей торговле Компания. С другой стороны, Правительство, сложив с Компании местное управление колониями и, следственно, приняв оное на себя, обременилось бы новою, немаловажною заботою и необходимостью изыскать для того и новые финансовые способы. Из сего очевидно, что если привилегия непременно нужна в видах частной пользы компании, то она, конечно, столько же нужна и в общих видах государственных, а потому нельзя согласиться, что

до устройства торговли и промыслов в Американских наших владениях на новом основании, действия упомянутой привилегии продолжить не-сходимо»¹.

В 1841 году 7 марта эти представления Государственного Совета были утверждены царем, и таким образом привилегии Российско-Американской компании были продолжены еще на двадцать лет. Но, как это хорошо видно из приведенного документа, промысловая деятельность компании все больше и больше уступала место непосредственной деятельности по управлению территорией в Северной Америке, территорией, принадлежащей России. «Американские поселения,— писал С. Б. Окунь,— начинали терять свое бывшее значение для царского правительства. Они превращались, по существу, в разменную монету для сплаты всевозможных выгод и преимуществ, получаемых на Ближнем Востоке. Но, несмотря на это, существование Российско-Американской компании еще не потеряло в глазах правительства смысла, так как теперь, к 40-м годам, компания почти полностью превратилась в государственную организацию»².

А в 1844 году был утвержден устав Российско-Американской компании. В первом параграфе была четко сформулирована главная функция компании: она организована «для управления российскими колониями в Америке». Наступали новые времена в жизни Русской Америки. И экономическое и внутрисполитическое положение Российско-Американской компании, сложившееся в первой половине 40-х годов, говорило о приближении конца некогда славной и великой купеческой компании Шелихова и Баранова.

* ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Исследования. Описания. Карты. Атласы. Книги

Для того чтобы осваивать страну, надо ее знать. Вот почему руководители Российско-Американской компании придавали большое значение географическим, гидрографическим и этнографическим исследованиям. Начались эти исследования при Баранове и закончились, точнее, почти закончились в 50-х годах, когда центр тяжести географических работ переместился на Амур и Сахалин.

В XVIII веке была известна только одна работа о западном побережье Северной Америки — работа Г. Стеллера, участника плавания Беринга, проведшего всего несколько часов на берегу, но сделавшего

¹ АВГР, ф. 339, оп. 888, д. 181, лл. 21 об. — 22.

² С. Б. Окунь. Российско-Американская компания. М. — Л., 1939, с. 205.

тем не менее очень много. Однако эта работа не была опубликована на русском языке. Затем можно назвать книгу Г. И. Шелихова, появление которой в Петербурге привлекло огромное внимание к Северной Америке, к открытиям русских на Тихом океане, к плаваниям самого Шелихова и мореходов его компании.

Со времени организации Российско-Американской компании, когда к работе в ней стали привлекать морских офицеров и когда открылась эпоха русских кругосветных плаваний, неизмеримо возросли возможности исследовательских работ. Побывавший в только что образованной Русской Америке участник первого кругосветного плавания Г. И. Лангсдорф дал первое описание Кадьяка и Ново-Архангельска, природы этих мест, правда, опять-таки на немецком языке.

Первые морские офицеры, служившие в Российско-Американской компании, — Г. И. Давыдов и Н. А. Хвостов с пользой потрудились и для науки. Г. И. Давыдов сумел закончить отчет о своих путешествиях, который вышел в свет уже после его смерти, в 1810 году. Кроме того, что Давыдов описал Сибирь и Охотск, он был первым натуралистом, давшим подробное описание части Алеутских островов, Кадьяка, Кенайской губы и обитавших там жителей. Вот образец географического описания места стоянки в бухте острова Танага: «Северный (берег) состоял из высоких гор, между коими три отменно возвышались, особливо средняя, оканчивающаяся острою конической вершиною; восточная же огнедышущая, испускала дым. Вершины всех трех покрыты новым снегом, который белизною своею отличался от старого, имеющего синеватый цвет. В лощинах также лежало много снегу. Южный берег сей губы несравненно ниже и оканчивался низменным каменистым мысом»¹.

Давыдов одним из первых дал описание сулоев и объяснил в основном правильно их происхождение: «Алеутские и Курильские острова составляют препону приливу и отливу, направление которых идет через проливы, разделяющие сии острова. Столь великое количество воды, стремясь сквозь узкие проливы, причиняет в оных весьма быстрыя течения, как во время прилива, так и во время отлива. При перемене течения, вода спирается с шумом в проливе, производит плещущия волны и стремления самая неправильныя, иногда кругообразныя. Сие продолжается до того времени, как новое течение осилит прежнее; тогда оно делается чрезвычайно быстро, но по малу уменьшается; а волнение или всплески, начинают также утихать. Таковыя быстрины называются здесь сулоями»².

Вторая часть сочинения Давыдова, изданная в 1812 году, полностью посвящена описанию острова Кадьяк, Кенайской губы и обитающих там народов. Центральное место занимает подробнейшее натуралистическое описание острова Кадьяк. В нем можно найти описание географического положения Кадьяка, жителей острова, их одежды, жилищ.

¹ Г. И. Давыдов. Двукратное путешествие в Америку морских офицеров Хвостова и Давыдова, писанное сим последним. Ч. 1. СПб, 1810, с. 165.

² Там же, с. 178.

Внимание автора привлекают и вопросы нравственности и душевные качества коняг, нравы и обычаи, образ жизни, болезни, обряды на свадьбах и похоронах, игры, пляски, представление коняг об истории, географии, арифметике и астрономии. В специальном приложении даются словари наречий народов, обитающих между Чугацким заливом и Якутатом, а также около Кенайской губы. В книге можно найти некоторые сведения о землетрясениях, полезных ископаемых Кадыяка, о животном и растительном мире.

Интересны выводы Давыдова о климате, к которым он пришел в результате пребывания на Кадыяке в течение семи с половиной месяцев: «Берега Азии и Америки, омываемые Северным морем и Восточным океаном, подвержены сырости и туманам. Климат в приморских районах не холоден, судя по широте оных, но дождлив и вреден для здоровья. Притом в середине лета никогда не чувствуют больших жаров, конечно по причине положения их близ обширных морей и ветров, непрерывно почти дующих. На полуострове Аляске, состоящем из цепи весьма высоких гор, зима несравненно холоднее, чем на Кадыяке, хотя оный отделяется только проливом в сорок верст от Аляски»¹.

Давыдов говорит, описывая остров Кадыяк, что он «подобно другим землям сей части света, состоит из хребтов каменных гор, между коими однако лежат полосы хорошей земли, удобной для сенокосов и хлебопашества, так что скотоводство на острове сем довольно удачно разводится»².

На Кадыяке часто бывали землетрясения. Об одном из них, наиболее сильном, Давыдов написал так: «В 1788 году сей остров и окрестные земли претерпели сильное землетрясение, продолжавшееся в течение 17 дней. В сие время у огнедышащей горы, что на Аляске за Камышатскою губою, сделалось в боку новое отверстие, из коего поныне выходит. После первых ударов море вдруг отступило от берегов; тогда коняги и русские побежали в горы. Через несколько минут вода с великим стремлением и как бы горою полилась на берег. Сим приливом сорвало со швартовов судно, и поставило оное на крышку юрты; некоторые же юрты водою совсем снесло. В тот же день случились еще два подобные прилива и отлива. В продолжение 17 дней происходили по временам жестокие удары, от коих горы и берега обваливались; а от обрушения мысов сделалось много отдельных скал»³. Это одно из ранних описаний явления цунами. Н. А. Хвостов и Г. И. Давыдов — первые русские исследователи, которые описали Аляску начала XIX столетия.

Командиром одного из двух кораблей — шлюпа «Нева», совершавших первое русское кругосветное плавание, был Ю. Ф. Лисянский. Он оставил интересные и важные в научном отношении записки о станов-

¹ Г. И. Давыдов. Двукратное путешествие в Америку морских офицеров Хвостова и Давыдова, писанное сим последним. Ч. 2, с. 150.

² Там же, с. 157.

³ Там же, с. 155.

лении Русской Америки, о быте, нуждах, отношениях с местными жителями. В книге Ю. Ф. Лисянского много внимания уделено гидрографическим работам, проведенным как им самим, так и офицерами шлюпа «Нева» под его руководством в Аляскинском заливе. В результате этих работ наиболее важные для мореплавателей подходы к Павловской гавани, к Ново-Архангельску и другие места были подробно нанесены на карты, основанные на астрономических определениях. Эти карты были сведены в атлас.

Так, во время зимовки на Кадьяке Лисянский вместе со штурманом Даниилом Калининым описал всю группу островов Кадьяк, составил подробный план Чиниатского залива с гаванями Павловской и Трех Святителей. В 1805 году Лисянский описал Ситхинский залив с прилегающими берегами, а Калинин открыл остров Круза, названный так Лисянским в честь адмирала А. И. Круза. Другой вновь описанный остров получил имя Чичагова. Во время этих описей Лисянский на трехлючной байдаре прошел более 400 верст и уверял, что он никогда не знал лучшего гребного судна¹.

Административная деятельность В. М. Головнина не помешала ему составить «замечания о берегах северо-западной Америки», где высказаны суждения о климате, характере береговой черты, отмечается его исключительная изрезанность: «...надобно знать, что северо-западный берег Америки, так сказать, осыпан тысячами островов различной величины, кои почти все покрыты непроходимыми лесами. Обширные сии леса, испускающие из себя вечную влагу, и смежность Восточного океана, беспрестанно покрытого туманами, суть причины почти всегдашней пасмурности и ненастных погод, господствующих на здешних берегах: сырость, от них происходящая, служит главным источником разных болезней (а особливо цинготной), коим живущие здесь европейцы бывають подвержены. Промышленники Американской компании опытом изведали пагубные свойства здешнего климата»².

Головнина, моряка, конечно же интересовали условия плавания в Русской Америке: они, несомненно, трудны и требуют повышенного внимания мореплавателей. В этих условиях большое значение имеют картографические материалы и средства навигационного оборудования: буи, вехи, знаки, маяки и прочее. Он нашел значительные погрешности в карте Павловской гавани, составленной Лисянским, но зато похвально отозвался о карте, составленной штурманом Иваном Филипповичем Васильевым³, участником плавания на «Неве» в 1807 году под командо-

¹ Н. Н. Зубов. Отечественные мореплаватели — исследователи морей и океанов. М., 1954, с. 232.

² В. М. Головнин. Путешествие на шлюпе «Диана» из Кронштадта в Камчатку, совершенное под начальством флота лейтенанта Головнина в 1807—1811 годах. М., 1961, с. 338.

³ И. Ф. Васильев (1776 год — 15 июля 1812 года). Мной в книге «Сыны отважных России» (с. 146) из-за отсутствия тогда материалов допущена ошибка. В это же время и позже в Русской Америке служил Иван Яковлевич Васильев, поэтому все путешествия последнего неверно приписаны уже умершему первому.

Карта залива Ситха по описи И. Васильева 1809 года.

ванием Л. А. Гагемейстера. Головин написал, что во время проверки «плана, снятого с сего залива штурманом Васильевым, который в тех местах, где мы имели случай и время сравнить его с натуральным положением мест, был весьма верен. А из сего должно заключить, что и во всех других частях снят он с такою же точностью, которая приносит

г-ну Васильеву большую часть. А потому план его очень с немногими переменами я и приложил в моем атласе как такой, в верности которого я совершенно уверен»¹.

Карта И. Ф. Васильева замечательна во всех отношениях: она и точна и удобна при пользовании. Называется она так: «Карта залива Ситхи со всеми находящими в том островами и частию промером глубин на малую воду в сажнях. Описана и сочинена штурманским 14-го класса помощником Васильевым в 1809 году»². На карте есть зарисовки, помогающие мореплавателям ориентироваться при входе в залив, есть план Ново-Архангельска с пояснительным текстом. Нарисовал И. Ф. Васильев и вид Ново-Архангельска. Остается добавить, что карты и планы И. Ф. Васильева в течение долгого времени были основными пособиями для мореплавания в Аляскинском заливе и в Ситхинском архипелаге.

Из-за перерыва, вызванного Отечественной войной 1812 года, кругосветные экспедиции возобновились отправлением Российской-Американской компанией в 1813 году «Суворова» под командой М. П. Лазарева и правительственной экспедицией на бриге «Рюрик» под командованием Отто Евстафьевича Коцебу³. Последняя имела определенную географическую задачу — отыскать морской проход из Тихого океана в Атлантический вокруг Северной Америки. Финансировал экспедицию Н. П. Румянцев, а инструкции написали И. Ф. Крузенштерн и астроном И. К. Горнер. В частности, исследования Северной Америки Коцебу должен был начать с залива Нортон. При описи он должен был собирать сведения о природе и населении побережья, путях во внутренние районы Аляски.

Выйдя из Петропавловска 3 июля 1816 года, «Рюрик» 18 июля был в Беринговом проливе, по пути описав остров Св. Лаврентия. Отсюда со своими замечательными помощниками Глебом Семеновичем Шишмаревым и Василием Степановичем Хромченко начал опись, решив опись залива Нортон оставить для обратного пути. Следуя на северо-восток, мореплаватели вскоре открыли бухту Шишмарева и островок Сарычева. Подробно исследовать бухту Коцебу не стал, так как предполагал на будущий год возвратиться сюда с байдарками.

Через некоторое время участники экспедиции увидели большой залив, принятый сначала за беспрепятственный проход в Атлантический океан. Залив этот впоследствии получил имя Коцебу. Названы были также и географические объекты, находящиеся в заливе Коцебу, — ост-

¹ В. М. Головин. Указ. соч., с. 329.

² ЦГАВМФ, ф. 1331, оп. 4, д. 133. В этом же фонде (д. 132) есть план Павловской гавани, составленный Васильевым в 1808 году. С. Г. Федорова упоминает еще о двух работах Васильева: карте Чиннатского залива и плане залива Ситха, хранящихся в фонде Музея землеведения МГУ. (С. Г. Федорова. Русское население Аляски и Калифорнии. М., 1971, с. 229).

³ О. Е. Коцебу (1788—1846) — капитан 1-го ранга, трижды кругосветный мореплаватель: плывал на «Надежде» с Крузенштерном, затем на «Рюрике» и «Предприятии» в 1823—1826 годах самостоятельно. Организатор морских научных исследований.

ров Шамиссо, залив Доброй Надежды, мыс Крузенштерна, мыс Обманчивый, губа Эшшольца и другие. Осмотрели и побережье залива. Коцебу писал, что залив «должен со временем доставить замечательные выгоды для торговли пушными товарами, которыми страна сия изобилует», и быть хорошим укрытием для всех путешественников, которых может настичь шторм в Беринговом море и проливе. Коцебу предложил учредить здесь несколько русских поселений¹.

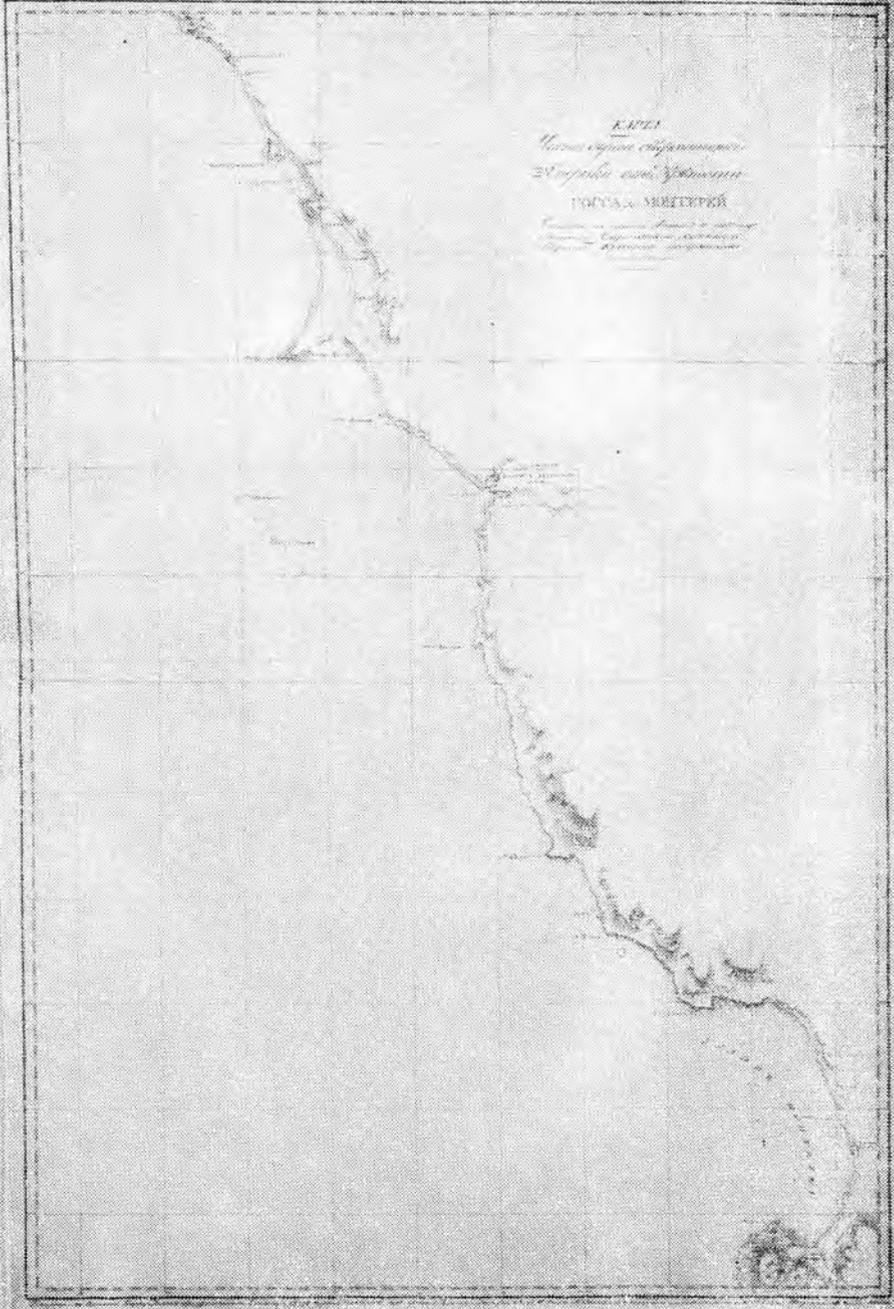
На обратном пути, описывая преимущественно азиатское побережье и определив на острове Св. Лаврентия астрономический пункт, описав также открытые острова Хромченко и Петрова (названы в честь штурманов «Рюрика»), Коцебу направился на юг. 26 августа «Рюрик» стал на якорь в бухте Илюлюк острова Уналашка. Во время стоянки моряки описали пролив между островами Акун и Унимак. Перед уходом на юг для научных исследований в Тихом океане Коцебу заказал байдары местному начальству, так как собирался продолжить на них опись Американского побережья.

12 апреля 1817 года «Рюрик» вернулся на Уналашку, взял на борт 15 алеутов с байдарами, но провести исследования Коцебу больше не мог. Еще до прихода на Уналашку во время шторма его сильно ранило в грудь, здоровье ухудшилось, к тому же к северу от Прибыловых островов, куда пришел Коцебу, еще стоял лед. На этом исследования в Русской Америке были окончены. Итоги своего плавания О. Е. Коцебу описал в книге: «Путешествие в Южный океан и в Берингов пролив для отыскания северо-восточного морского прохода, предпринятое в 1815, 1816, 1817 и 1818 годах иждивением его сиятельства господина государственного канцлера, гр. Н. П. Румянцева на корабле «Рюрик» (Ч. 1 и II. СПб, 1821).

В 1817—1819 годах состоялось плавание В. М. Головнина на шлюпе «Камчатка». Помимо ревизии дел Российско-Американской компании, были проведены гидрографические работы. В этих работах приняли активное участие М. И. Муравьев, Г. Никифоров, П. Т. Козьмин, Ф. П. Литке, Ф. П. Врангель, Ф. Ф. Матюшкин, которые астрономически определили пункты на островах и описали сами острова Беринга, Медный, Атту, Тахиняк (из группы Шумагинских островов), Укамок, или Чирикова, а также некоторые места Аляскинского залива, в частности Чиниатский залив.

Не остались без внимания Головнина и основные населенные пункты Русской Америки: Ново-Архангельск, Павловская гавань и Росс. «Ново-Архангельск есть главное место компанейских колоний, в ней живет правитель оных. Крепость сия деревянная и все строения в ней такие же; находится она на острове Ситхе, при заливе Норфолк в широте 57° 03' долготе 135° 00' западной от Гринвича. Климат сырой и дождливой, почему весьма не здоров; при том частая дожди не позволяют

¹ В. А. Есаков, А. Ф. Плахотник, А. И. Алексеев. Русские океанические и морские исследования в XIX—начале XX в. М., 1964, с. 39.

КАВКАЗ
Частъ южнаго склона
Горы Св. Екатерины
ГОУВЪ А. М. БЕЛЕНКЪ
Съставленъ въ 1802 году
по Высочайшему повелѣнію
Генерала Кавказскаго корпуса

завести хлебопашества; а дремучие леса и соседство диких варварских народов не благоприятствуют скотоводству. Жители имеют только огороды, рыба же ловится в изобилии и много строевого лесу. Гавань обширна и совершенно безопасна. Компания место сие заняла и с большою опасностью и издержками удерживает по соседству онаго к самым прибыльным бобровым промыслам, ибо в проливах с трех сторон остров Ситху окружающих, водится множество сих животных, для ловли коих компании близко отправлять отряды своих промышленников, иначе место сие не заслуживало бы того, чтобы его удерживать»¹.

В характеристиках Головнина преобладают экономические факторы. Географические моменты в них подчиняются политике и экономике. Совсем немного слов понадобилось Головнину для характеристики Павловской гавани: «Павловская гавань на острове Кадьяке в широте 57°47' долготе 152°15'00" есть самое выгодное и лучшее из всех компанийских селений. Рейд и гавань удобны и безопасны. Враждующих и опасных народов в соседстве нет; рыба всех лучших родов ловится в непонятном множестве; для скотоводства пастбы весьма обширны и обильны, так что компания несмотря на свое малолюдство здесь в 1818 году имела: быков и коров около 500, баранов около 100, свиной около 100. Огородная зелень родится в изобилии, но сырой климат и холод не благоприятствуют хлебопашеству. Китов при здешних берегах превеликое множество, а бобров и котов очень мало».

Приведем сведения и о Росссе: «Крепость Росс на берегу Нового Альбиона в широте 38° 33' долготе 122° 45' основана компаниею с тою целию, чтоб по соседству с оной к заливу св. Франциска промышлять в оном бобров, которые там водятся в чрезвычайном множестве, но как испанцы сего не позволяют, то компания довольствуется тем, что на островах Фаролонес, лежащих перед входом в помянутый залив, промышляет сивучей и морских котов, а между тем около крепости развела она много скота и занимается небольшим земледелием, садоводством и огородами, чему благоприятственный климат и пошва земли весьма способствуют, и если бы испанцы позволили компании промышлять бобров, которые самим им вовсе бесполезны, ибо они их не ловят и вовсе не умеют ловить, то сие место было бы самое выгодное из всех компанийских селений»².

В Монтерее, куда пришла «Камчатка» из Русской Америки, встретили корабль «Кутузов». Штурман его Иван Михайлович Кислаковский составил самые первые известные нам русские карты калифорнийского побережья Северной Америки. Это «Карта части берега северо-запад-

¹ АВПР. ф. 339. оп. 888, д. 284, л. 3.

² Там же, л. 4.

ной Америки от крепости Росса до Монтерей. Сочинена на правый компас в 1818 году Российско-Американской компании корабля Кутузов штурманом Кислаковским» и «Карта части берега северо-западной Америки от крепости Росса до мыса Большой Бодеги с означением глубины в сажнях на малую воду. Сочинена на правый компас в сентябре 1817 года корабля Кутузова штурманским помощником 14-го класса Кислаковским»¹.

Продолжали свою деятельность по описанию Русской Америки и мореходы компании. В 1818 году по приказанию А. А. Баранова был организован отряд под руководством Петра Корсаковского. В него вошли Федор Леонтьевич Колмаков, Петр Горохов, Еремей Родионов, Гаврила Патуков, креол Андрей Ильич Климовский. Экспедиция действовала на байдарках, управляли которыми алеуты. Путешественники шли разными маршрутами. Корсаковский из Павловской гавани с 27 апреля по 31 мая добирался до селения Егегик. От Егегика до мыса Ньюэнхэм с 31 мая по 10 июля опись производил Ф. Л. Колмаков, обратно байдары возвратились к селению Екук 21 июля. Оттуда под руководством П. Корсаковского производились исследования в низовьях реки Нушагак, затем был совершен переход к озеру Илиамна и далее по системе рек и озер к верховьям реки Нушагак. Отсюда небольшая группа промышленников и алеутов совершила переход к реке Кускоквим, по этой реке до селения Окхагамют (с 18 августа по 1 сентября) и обратно к основной группе. Затем от селения Кийик весь отряд возвратился через Илиамну в Павловскую гавань 4 октября².

В 1819 году Баранов послал для описи залива Бристоль и открытой бухты Добрых Вестей морехода Пометилова на бриге «Константин» с байдарками и алеутами. Описными работами руководил мореход Андрей Устюгов. В течение двух лет мореходы описали все побережье от полуострова Аляска до мыса Ньюэнхэм — южного мыса залива Бристоль. В устье реки Нушагак был выставлен Александровский редут, собраны разные известия о народах, живущих далеко к северу. Получено известие об острове, лежащем к северу от устья реки Кускоквим (остров Нунивак)³.

В 1821 году по распоряжению М. И. Муравьева была организована экспедиция на двух компанейских судах — бриге «Головнин» и куттере «Баранов». Командовал первым кораблем и всей экспедицией Василий Степанович Хромченко с брига «Рюрик», оставшийся служить в Русской Америке, а вторым — Адольф Карлович Этолин. Задачи экспедиции включали описание Бристольского залива и сбор сведений о местном населении. В. С. Хромченко вышел в море из Ново-Архангельска 27 мая 1821 года, а из Павловской гавани 12 июня. Описав пролив и остров Гагемейстера, завершив недоделки по описи бухты Добрых Вестей, Хромченко перешел к мысу Нортон-Саунд. Занявшись там описными

¹ ЦГАВМФ, ф. 1331, оп. 4, д. 155 и д. 154.

² ГБЛ, рукописный отдел, ф. Корсаковского (256), р. 487.

³ АВПР, ф. 339, оп. 888, д. 295, л. 5.

М. Н. Васильев.

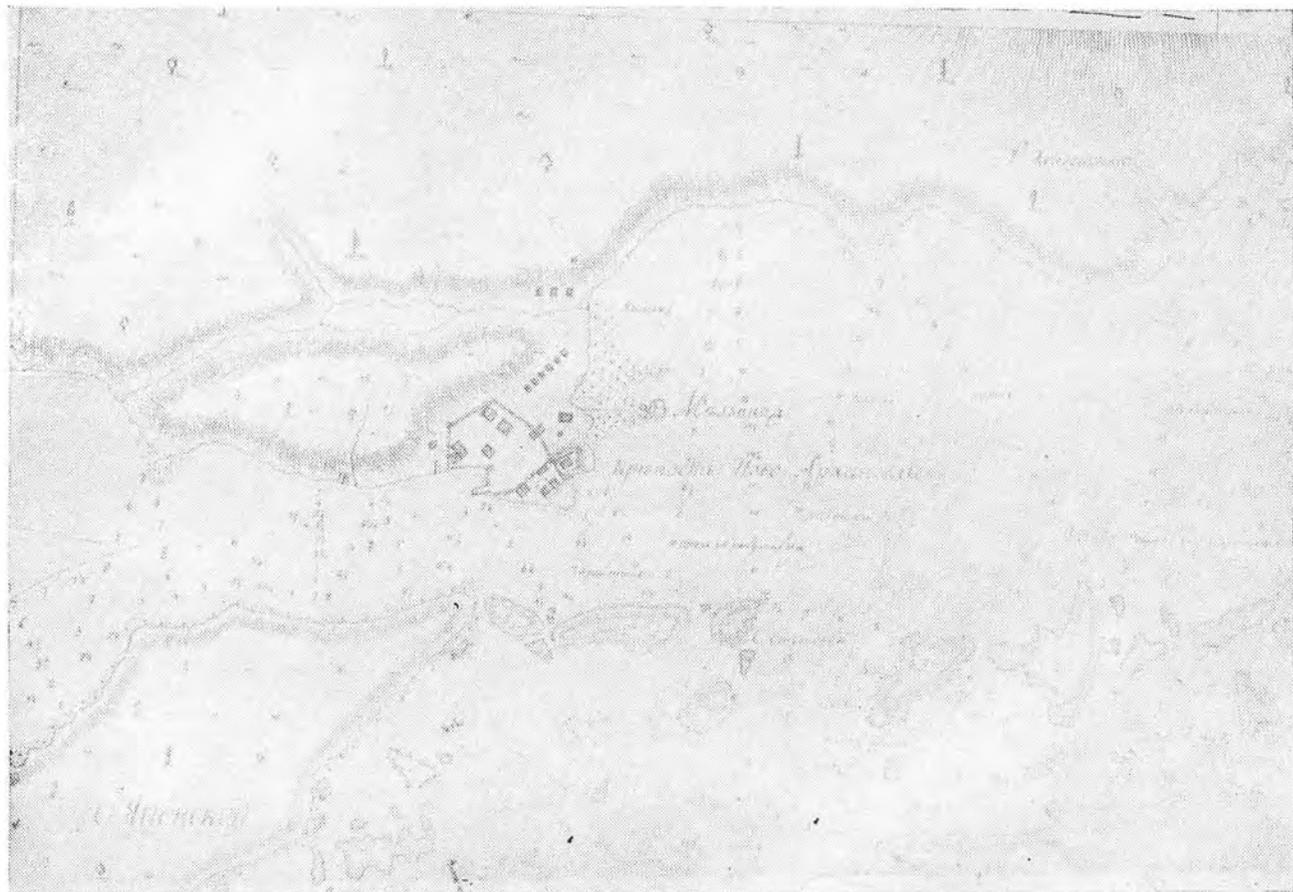
работами, он открыл большой залив, который местные жители называли Тачик. Хромченко назвал его заливом Головнина. 10 августа, завершив все работы по его описи, вышел обратно и 7 сентября возвратился в Ново-Архангельск.

Этолин, плававший самостоятельно, не был столь удачлив. Только 30 мая он подошел к острову Гагемейстера, где пробыл длительное время, выполняя различные поручения Главного правителя по налаживанию торговли с местными жителями. Затем на пути к бухте Добрых Вестей он встретился с Хромченко, но вскоре после окончания описи они расстались. Этолин пошел к устью реки Кускоквим, описал его и 23 июля продолжил свой путь к северу. Уменьшение глубин заставило его стать на якорь — недалеко был виден берег. От приехавшего местного жителя удалось узнать, что это остров Нунивак. Несмотря на крайне неблагоприятную погоду (ветер и туман), Этолин сумел описать часть берега материка и острова Нунивак, в частности, мыс Ванкувер назван так Этолиным. 6 августа Этолин был у острова Стюарт, но Хромченко здесь не нашел, начал спускаться на юг и 13 октября 1821 года возвратился в Ново-Архангельск¹.

Несмотря на то, что экспедиция на шлюпах «Открытие» и «Благонамеренный» под командованием Михаила Николаевича Васильева и

¹ Н. Н. Зубов. Отечественные мореплаватели — исследователи морей и океанов. М., 1954, с. 244.

Карта залива Ситха по описи офицеров шлюпа «Открытие» и увеличенная часть карты с планом Ново-Архангельска.

Глеба Семеновича Шишмарева не смогла исполнить главной своей задачи — пройти из Берингова моря в Атлантический океан вокруг Северной Америки, географические открытия и исследования, сделанные этой экспедицией, оказались очень важными.

«Открытие» с юга направилось в Петропавловск-Камчатский, а «Благонамеренный» — в Уналашку. Шишмарев, взяв с собой четыре байдары с алеутами, 17 июня 1820 года ушел к острову Св. Лаврентия, оттуда к Берингову проливу и затем перешел к заливу Коцебу, где 12 июля стал на якорь. Через четыре дня сюда пришел и шлюп «Открытие». Оба шлюпа отправились на север и, несмотря на трудные ледовые условия, достигли широты $71^{\circ}06'$, то есть были на 25 миль севернее, чем Дж. Кук в 1779 году. Офицеры «Благонамеренного» под руководством Г. С. Шишмарева описали мыс Лисбурн и берег около него. На обратном пути Шишмарев описывал остров Св. Лаврентия, а Васильев — острова Прибылова. Оба пришли в Капитанскую гавань на острове Уналашка, откуда перешли в Ново-Архангельск, выполнили там все поручения и направились для исследований на юг.

Во второе плавание к северу оба шлюпа и выстроенный бот отправились 29 мая 1821 года из Ново-Архангельска и 20 июня были на Уналашке. 25 июня все три судна вышли в море. «Открытие» и бот должны были описывать побережье Северной Америки до Берингова пролива. «Благонамеренный» направлялся заканчивать опись острова Св. Лаврентия, проверить острова карты Синдта и идти к месту встречи в пролив Беринга. Корабли встретились там 10 августа, выполнив намеченную программу.

Наиболее интересным было плавание шлюпа «Открытие» и бота, командовать которым было поручено офицеру «Открытия» лейтенанту Александру Павловичу Авинову¹. Побывав у островов Прибылова, Васильев прибыл к мысу Ньюэнхэм, откуда с описью на боте в залив Нортон пошел Авинов, а Васильев стал описывать Американское побережье к северу от этого мыса. 11 июля он открыл остров Нунивак, не зная, что там уже побывал А. П. Авинов, поднявший на острове военно-морской флаг. Примерно в это же время к Нуниваку подходили Хромченко и Этолин.

Из Берингова пролива оба шлюпа продолжали плавание к северу вдоль берегов Америки и достигли на сей раз широты $70^{\circ}40'$. Шишмарев, плававший отдельно, дошел до $70^{\circ}13'$. Тяжелые ледовые условия помешали дальнейшему продвижению. Эта экспедиция описала также залив Сан-Франциско и нанесла его на карту². Описание плавания «Благонамеренного», составленное старшим офицером А. П. Лазаре-

¹ А. П. Авинов (1786 год — 13 сентября 1854 года) — адмирал, исследователь Русской Америки, участник Наваринского сражения, начальник штаба Черноморского флота и командир Севастопольского порта при М. П. Лазареве.

² А. В. Ефимов. Атлас географических открытий в Сибири и в Северо-Западной Америке XVII—XVIII вв. М., 1964, № 188, 189.

А. П. Авинов.

вым, сравнительно недавно (в 1950 году) было обнаружено и опубликовано А. И. Соловьевым¹.

В 1822 году В. С. Хромченко возглавил новую экспедицию на том же судне «Константин», а помощником у него теперь был А. К. Этолин. Для описи на бриг были взяты пять байдарок с алеутами. Мореплаватели, выйдя 26 апреля 1822 года из Ново-Архангельска, направились к островам Прибылова, где искали новые острова, о которых ходили слухи среди промышленников. Не найдя никаких островов, перешли к острову Гагемейстера и подробно описали его, а затем устье реки Нушагак. Оттуда «Константин» прошел к острову Нунивак и через пролив Этолина к острову Стюарт, который, как и пролив между этим островом и материком, был подробно описан. Много внимания было уделено изучению промысловых возможностей этих районов и знакомству с местными жителями.

В 20-х годах потрудились, исследуя побережье Русской Америки, экипажи военных кораблей, отправлявшихся из Кронштадта в кругосветные плавания. О. Е. Коцебу в 1823—1826 годах на корабле «Предприятие» во время пребывания у берегов Русской Америки исправил карту

¹ А. П. Лазарев. Записки о плавании военного шлюпа «Благонамеренный» в Берингов пролив и вокруг света для открытий в 1819, 1820, 1821 и 1822 гг., веденные гвардейского экипажа лейтенантом А. П. Лазаревым. М., 1950.

Ванкувера, где западное побережье Северной Америки было изображено на 20' восточнее его фактического положения¹. М. Н. Станюкович в 1827—1828 годах на шлюпе «Моллер» произвел опись некоторых островов Алеутской гряды. Ф. П. Литке, плавая в эти же годы на шлюпе «Сенявин», уделил внимание магнитным наблюдениям в Русской Америке. Он же собрал большой материал по физической географии, этнографии и истории Ново-Архангельска². В 1823 году командир судна «Аполлон» С. П. Хрущев, крейсируя вдоль побережья Северной Америки, произвел опись южной части пролива Чатам, пролива Фредерик, залива Кордова, пролива Кларенс, западных берегов островов Королевы Шарлотты и острова Аристасабль.

Первой итоговой работой по истории географических открытий русских на Тихом океане стала книга В. Н. Берха «Хронологическая история открытия Алеутских островов, или подвиги Российского купечества», изданная в 1823 году. Василий Николаевич Берх (1781—1834) был участником первого кругосветного плавания русских на корабле «Нева» под командованием Ю. Ф. Лисянского. Он стал свидетелем и участником строительства Ново-Архангельска, хорошо знал многих мореходов того времени, был знаком с Барановым, Кусковым и многими другими деятелями становления Русской Америки. Выйдя в отставку в 1808 году, Берх до 1827 года занимался литературным трудом, собрал материалы о плаваниях мореходов, которые и послужили основой книги. Описание плаваний интересно само по себе. Сведения же о первых русских купеческих компаниях, организованных этими компаниями промысловых плаваниях, а также результаты этих плаваний, сведенные в таблицы, представляют собой большую ценность. Эту историко-географическую и историко-экономическую ценность книга В. Н. Берха сохраняет до настоящего времени. На составленной В. Н. Берхом первой генеральной «Карте Российских владений в Северной Америке»³ отчетливо прослежены сферы влияния компании русской и Гудзонбайской.

В 1826 году увидел свет «Атлас северной части Восточного океана», составленный Г. А. Сарычевым. Это фундаментальное и очень точное пособие для мореплавателей было и крупным достижением отечественной гидрографической науки. Содержащий 26 листов карт и 7 листов видов атлас Г. А. Сарычева охватывает почти всю северную часть Тихого океана, включая Сандвичевы, Каролинские и Филиппинские острова, куда плавали мореходы Русской Америки. При составлении атласа широко использованы описи и промеры Врангеля (1821—1823), Анжу (1821), Головинина и других русских и иностранных мореплавателей, например Франклина, Парри, Пурди, Лаперуза. Обобщающая карта «Меркаторская карта Восточного океана и части Ледовитого моря» охватывала огромную часть водной акватории этих океанов от 5° до 80°

¹ В. А. Есаков, А. Ф. Плахотник, А. И. Алексеев. Русские океанические и морские исследования в XIX—первой половине XX вв. М., «Наука», 1964, с. 50.

² А. И. Алексеев. Федор Петрович Литке. М., «Наука», 1970, с. 120—122.

³ ЦГАВМФ, ф. 1331, оп. 4, д. 188.

Карта русских владений в Северной Америке В. Н. Берха 1823 года.

северной широты¹. В атлас вошли карты О. Е. Коцебу, Л. А. Гагемейстера, М. Н. Васильева, Г. С. Шишмарева, А. П. Авинова, В. С. Хромченко.

Большую работу по исследованию побережья Русской Америки провел Михаил Дмитриевич Тебенков². Он с 1825 по 1839 год состоял на службе Российско-Американской компании и в это время плавал по Тихому океану и у берегов Русской Америки, командуя различными кораблями. В 1829—1830 годах, плавая на судне «Уруп», он описал берега залива Нортон, острова Стюарт, основал редут Св. Михаила, описал архипелаг Александра. Будучи в 1845—1850 годах Главным правителем Русской Америки, организовал несколько экспедиций по исследованию Русской Америки и сам в них участвовал.

1829—1830 годах состоялись выдающиеся экспедиции по исследованию внутренних частей Русской Америки, во главе которых стоял Иван Яковлевич Васильев (1797 год — после 1838 года). В 1829 году по распоряжению П. Е. Чистякова он предпринял путешествие по внутренним частям Аляски «для обозрения местности между редутом и заливом Нортон и собирания топографических и этнографических сведений о том крае, равно как и для распространения сношений компании с туземцами»³. В экспедиции участвовало 15 человек, в основном местные жители. Помощником у Васильева был штурманский ученик Петр Федорович Колмаков, сын Федора Терентьевича Колмакова, известного путешественника Русской Америки. Из русских в экспедиции участвовали Алексей Батурин и Иван Андреев да креол Семен Лукин.

Васильеву предписано было сначала пойти на остров Кадьяк. Оттуда на боте «Карлук», взяв стрелков Алексея Агучика и Петра Тальквальяка, отправились 31 марта 1829 года и после продолжительного плавания 9 апреля подошли к проливу Шелихова⁴. Не дожидаясь, пока бот придет в Катмай, Васильев на байдаре поплыл туда. «Карлук» появился там на другой день. Здесь Васильев сделал длительную остановку, готовясь к путешествию.

18 апреля Васильев в сопровождении семи человек пошел внутрь страны и к вечеру добрался до подножия гор. Погода резко испортилась, пришлось пережидать. Только 23 апреля удалось подняться в горы. Шли на лыжах, снег был очень плотный, как лед, но речки, встречавшиеся по пути, вскрылись, и их приходилось переходить вброд. К ве-

¹ А. И. Алексеев. Гавриил Андреевич Сарычев. М., «Наука», 1966, с. 126.

² М. Д. Тебенков (1802 год — 3 апреля 1872 года) — вице-адмирал, исследователь и Главный правитель Русской Америки, автор «Атласа северо-западных берегов Америки» и «Гидрографических замечаний к Атласу».

³ П. А. Тихменев. Историческое обозрение..., ч. 1, СПб, 1861, с. 281.

⁴ С. Г. Федорова в книге «Русское население Аляски и Калифорнии» (М., «Наука», 1971, с. 230) ошибочно утверждает, что до настоящего времени не опубликовано описание И. Я. Васильева, хранящееся в Государственном архиве Пермской области (ф. 445, оп. 1, д. 15). В книге «Сыны отважные России» (Магадан, 1970) мы использовали это описание и карту Васильева, о чем имеются сноски на с. 148 и с. 154. Используем мы его и в настоящей работе.

черу были примерно верстах в пятидесяти от Катмая. Заночевали в охотничьей избушке-одиночке.

Продолжая путь на лыжах, Васильев и Колмаков описывали встречавшиеся озера и реки: озера Напуан-иллюк и Накнек, а также реку Игьяк, вытекающую из озера в море. Первое озеро вытянуто с северо-востока на юго-запад на 30 верст, второе — на 35. Ширина озер доходила до полутора верст. Озера соединяются протокой в полверсты. Там, где из них вытекает река Игьяк, путешественники снова просидели из-за непогоды двое суток.

На одиннадцатый день встретили на реке прибывшие из Александровского редута три байдарки и поплыли на них вниз. Течение было такое сильное, что через несколько часов путешественники оказались на побережье у аглемютского селения Паугвик. После ночевки там пошли напрямик через Бристольский залив, держа курс по компасу, плывя вдали от берегов. 1 мая в три часа дня путешественники появились в Александровском редуте.

Река Нушагак была еще покрыта льдом, часто дули сильные переменные ветры, иногда с дождем. Мороз был небольшим, но местные жители говорили, что в этом году зима очень жестокая и продолжительная. Даже старые люди не помнили ничего подобного. Река хотя и вскрылась 7 мая, но местами еще была покрыта толстым льдом. Васильев усиленно готовился к походу. Были приготовлены пять трехлучных байдар и десять однолучных, наняты гребцы и проводники — жители с реки Кускоквим и с реки Нушагак.

13 и 14 мая начальник экспедиции совершил экскурсию на реку Алегнагак. Правый берег реки возвышенный, левый — низменный. На возвышенном растет ель, ольха, березняк, верба, а на левом — один тальник. Ширина реки от 50 до 150 саженей, а в верховьях и на байдарках пробираться трудно. Река эта вытекает из озера того же названия. Оно было замерзшим. На реке в селении проживало около десяти кускоквимцев, переселившихся сюда с реки Кускоквим во время междоусобных войн.

Только 31 мая экспедиция на пяти больших и восемнадцати малых байдарках направилась вверх по реке. У редута река очень широкая, более двух миль, но затем резко сужается и доходит до 3—4 кабельтовых¹. Ночевать остановились в излучине реки, на том самом месте, где в 1816 году произошла битва между аглемютами и киятайглютами. Последних было убито 200 человек. На месте побоища путешественники и сейчас видели множество костей и черепов.

По берегам Нушагака лежало еще много снега и льда, но это не мешало рыбной ловле. Рыбу ловили сетями и в ночь, например, на 2 июня поймали 18 щук. Река становилась мелкой, раздробленной на множество протоков, ориентироваться в них и описывать их было все труднее. Днем 2 июня встретили 30 байдар киятайглютов и с ними приплыли в селение.

¹ Одна морская миля равна 1852 метрам, кабельтов — 0,1 мили — 185,2 метра.

По дороге видели частые следы работы бобров, встречались и их заботливо устроенные дома-убежища.

Сильные дожди задержали путешественников в этом селении на целую неделю. Занимались они преимущественно рыбной ловлей, заготовкой оленины, покупая ее у жителей. Иван Яковлевич описывал внешний вид здешних обитателей, их нравы, быт, одежду. Медленно начинало пригревать солнце. Если ночью термометр опускался до нуля, то днем становилось теплее — было до 13 и один раз даже до 18 градусов. Но легче не стало, так как вместе с теплом появились в несметных количествах комары, гнус, всякие мошки, от которых не было спасения.

Перед отправлением в дальнейший путь Васильев рассчитался с проводниками и гребцами, взятыми в редуте, и отпустил их домой. Вместо них он нанял жителей селения. 10 июня стало возможно плыть дальше. В полдень Васильев определил свое местонахождение: $59^{\circ}25'15''$ с. ш. и $157^{\circ}17'$ з. д. В этот же день миновали селение Кахатуляк. А плыть становилось все труднее: путь преграждали каменистые перекаты, многочисленные мели. Сильное течение также затрудняло плавание.

Через день подошли к месту, где в реку Нушагак впадает приток Ильгаяк. Васильев решил осмотреть приток Ильгаяк, который течет с северо-востока на юго-запад, а затем уж продолжить путешествие по основному руслу. Налегке, оставив весь груз на развилке, он поднялся до того места, где Ильгаяк образуется из двух горных речек. Васильев определил координаты места слияния: $60^{\circ}29'16''$ с. ш. и $156^{\circ}10'30''$ з. д. Через три дня он возвратился на стоянку.

На следующий день продолжали путь по основному руслу с большим трудом. Ночевали там, где заставала ночь. Начались пороги, пришлось байдары с грузом переносить по берегу несколько верст. А пороги здесь каменистые, покрыты мохом, обманчивы. По берегам растет ель, береза, тополь. Часто встречали оленей, соболей, а однажды встретили даже дикобраза. По-прежнему было много бобров.

19 июня подошли к водопаду Тукунагли (или Месту Смерти). Зрелище было великолепное. Вода падает здесь в трех местах с высоты 18 футов (свыше пяти метров) узкими, но сильными водопадами между скал. Долго любовались, как бурлящая вода перемалывает здесь деревья. В этот же день обошли еще один водопад, и уже к вечеру прибыли на озеро Нушагак, где и остановились в селении. От жителей его Васильев узнал, что с Нушагака можно перебраться на реку Кускоквим; нужно плыть байдарами до озера Чавыкахтули, затем перенести байдары на вторсе, третье и четвертое озера. И уже оттуда по притоку — небольшой речке спуститься к реке Кускоквим.

За время этого путешествия Васильев установил, что киятайглу́ты — это те же кускоквимцы, переселившиеся сюда для промысла оленей с Кускоквима и здесь осевшие. Само слово «киятайглу́т» означает «живущий при вершине». Такое название и дали переселенцам с верховьев Кускоквима приморские жители. Сначала они приходили только для промысла, а затем поселились на вершине реки Ильгаяк. А уж с приходом

русских на реку Нушагак они спустились сюда для торговли с ними. Киятайглюты выступают посредниками в торговле русских с жителями внутренних частей Аляски. Купленные у русских вещи они выменивают у квихпакцев на бобров, которых в свою очередь сбывают русским. Поэтому они, естественно, не были заинтересованы в продвижении русских внутрь полуострова.

Отсюда у Васильева сбежали два аглемюта. А между тем стало совсем тепло и ясно. В тени термометр показывал выше 20 градусов. Во время стоянки запаслись олениной и рыбой. Иван Яковлевич убеждал жителей проводить его на реку Кускоквим и поэтому задержался в селении на два дня. В конце концов ему удалось добиться своего.

23 июня экспедиция поплыла по озеру Нушагак. Колмаков и Васильев начали опись. Озеро Нушагак оказалось длиной в 33 мили, а шириной — до 8 миль. Но примерно в средней своей части берега его близко сходятся, образуя мелкий пролив. В средней части глубина озера доходит до 60 саженей, да и у берегов редко где можно взять лотом глубину. В озеро впадают две речки: Тыкею, вытекающая из озера того же названия, и Капулагак, несущая свои воды с гор.

Озеро Нушагак соединяется проливом Акулигак с озером Чавыкахтули. Пролив этот всего полторы версты длиной и около сорока саженей шириной. Оба озера окружены высокими горами, на склонах растет мелкая ель, ольха, тальник и тополь. На вершинах гор еще лежал снег. Озера были полны сугами, нельмой, щуками, налимами. Озеро Чавыкахтули меньше Нушагака. По определением Васильева и Колмакова, оно в длину составляет 23 мили, а наибольшая ширина доходит до пяти миль. А вот по глубине озера не уступают друг другу. Чавыкахтули имеет примерно такие же глубины, как и Нушагак.

Пока Васильев и Колмаков описывали озеро, сопровождавшие их киятайглюты сбежали. Васильев срочно послал в редут нарочного, чтобы выслали людей, так как остались только те, которые пошли с ним из редута. Не ожидая подмоги, Васильев все-таки двинулся дальше и поднялся по речке Тыкаю к озеру Тыкаю у подошвы высокого хребта.

Погода стояла прекрасная — до 26 градусов жары, но зато доносили комары. Стреляли оленей, ловили рыбу, производили опись озера. Здесь Васильев остановился и стал ждать вестей из редута. Но в ночь на 7 июля сбежали четыре человека. Это были, казалось бы, преданные аглемюты, бывшие в экспедиции с самого редута. Остался только один. Он и рассказал Васильеву, что они услышали следующее. Оказывается, кускоквимцы, к которым собирался направиться Васильев, хотели убить его со всей командой. Поэтому они сначала уговорили бежать киятайглютов, что те и сделали. А с оставшимися русскими и аглемютами кускоквимцы должны были по замыслу расправиться без труда. Вот аглемюты и испугались, оставив Васильева на произвол судьбы.

Продолжать путешествие стало невозможно, некому было даже помогать при переездах, переходах. Оставаться же на месте было далеко небезопасно. Пришлось возвращаться назад. С большим трудом Васильев

уговорил нескольких местных жителей за высокую плату проводить экспедицию до редута. 9 июля отправились в обратный путь и по быстрому течению через двое суток возвратились в Александровский редут.

Васильев не намерен был долго отдыхать. Задерживала погода. Шли непрерывные дожди. Время использовали для подготовки к следующей экспедиции, во время которой предполагалось подробнее описать озера Алекнагак, Памьек и другие. Дожливый сезон прекратился в начале августа, и с 5-го числа наступила ясная солнечная погода. Подготовка к путешествию была в полном разгаре. Изредка привычный ритм жизни редута нарушался неожиданными событиями. Так, 11 августа в редут приехали с реки Квихпака местные жители. У них удалось выменять несколько русских монет и медную медаль с изображением Екатерины II.

Наконец все было готово, и 18 августа И. Я. Васильев в сопровождении Алексея Батурина, Ивана Андреева, Алексея Агучика, Петра Тальк-ваяка и переводчика на четырех байдарках отправился в очередное путешествие. К вечеру того же дня благополучно прибыли по реке Алекнагак к озеру Алекнагак, остановившись в селении Игьяк. А на следующий день Васильев начал опись озера.

Он определил координаты места стоянки у озера: $59^{\circ} 19' 50''$ с. ш. и $159^{\circ} 5' 30''$ з. д. Наибольшая его длина составила 21 милю, а ширина 8. На озере находится много небольших островов. Так же как и многие озера Аляски, оно окружено горами, глубина его превышает 50 саженей. В него впадают четыре речки, где обнаружили много налимов, хариусов, щук, максунов и прочей рыбы. Чавыча же, поднимаясь во время нереста по Нушагаку, заходит во все ручьи, за исключением крупного — Алекнагака. По берегам растет тополь, ель, береза, а в низинах мелкий ольховник.

Закончив опись, Васильев по одной из речек — Акулюкагмаку поднялся к озеру Памьек. Течение этой речки было настолько сильным, что пришлось тянуть байдары бечевой. Озеро размерами 17,5 на 8,5 мили изобилует рыбой, а берега его поросли лесом, где привольно чувствуют себя многочисленные бобровые семейства. Озеро это соединяется с озерами Амакагагьяк и Унгакталык мелкими проливами.

Для обзора местности Васильев поднялся на высокую гору, которая показалась ему выше других, и его взору представилась изумительная картина. Вокруг видны были горы, перемежающиеся лентами рек, ручьев и речек, а рядом, как исполинские чаши, лежали все озера: Амакагагьяк, Памьек, Унгакталык и Чуллин. Это в значительной мере помогло Васильеву правильно сориентироваться и описать озера. На озере Унгакталык оказалось множество гусей и уток. В зимнее время, как рассказали местные жители, здесь бывает так много красных лисич, что их промышляют сетями.

Между тем начинало холодать, температура стала опускаться ниже нуля. На горах выпал снег. А Васильев все шел вперед. Встретившиеся по пути кусоквимцы помогли ему перенести байдары через горы, а затем 25-го числа путешественники по равнинам дошли до ручьев, а уж по ним

добирались до небольшого озерка Кынга, из которого текла река Анванык. По ней путешественники и поплыли.

Вокруг на протяжении более 80 верст по течению встречалось много бобровых жилищ. Васильев насчитал их более ста. В путевом журнале штурман заполнил новые страницы. Берега реки низкие, песчаные или глинистые, покрыты травой, мохом, ольхой, тополем, тальником, ивняком; кое-где встречали и березу. Ширина реки от 25 до 60 саженей, течет со скоростью 5—6 узлов (миль в час). Но она неглубокая. Как заметил Васильев, ее почти везде можно было перейти вброд.

26 июля доплыли до того места, где река впадала в другую реку — Тугияк. Васильев поплыл по ней вверх и вскоре добрался до озера такого же названия. По берегам преобладала ольха, кору которой так любят бобры. Васильев приметил, что бобры валят молодой ольховник не для постройки своих жилищ, а только для того, чтобы достать с ветвей молодые побеги.

Описав озеро, Васильев вышел к речке Анчагуктули, где расположено селение кускоквимцев. У многих жителей этого селения Васильев видел медные крестики, а у одного старика был большой медный крест. Иван Яковлевич предположил, что это, вероятно, остатки имущества миссионеров Ювеналия из свиты архимандрита Иоасафа, убитого близ селения Квингы в 1796 году.

Отсюда Васильев хотел пройти к реке Кускоквим, но, как и в первый раз, проводники отказались проводить его туда, ссылаясь на трудности пути. Произведя опись реки Анчагуктули и озера Тугияк, Васильев решил плыть обратно, к морю. 29 августа путешественники удобно расположились в байдарках и по спокойной реке Тугияк со скоростью шести узлов поплыли вниз, к морю.

Берега реки были низкими. Лес на них не рос: он виднелся вдалеке. Только многочисленные бобры да вблизи устья нерпы, зашедшие сюда с моря, нарушали однообразие путешествия. На другой день были в устье реки, в селении, расположенном на песчаной кошке. Население его занималось промыслом нерпы, белуги, моржей и рыбы — летом, оленей — весной и осенью. Бобров никогда не били. За кожи и жир люди выменивали себе табак и бисер.

31 августа путешественники вышли в море и, плывя вдоль берега, добрались к вечеру до устья речки Канак. Поднимаясь по ней, они дошли до озера Кулюк; а оттуда по небольшой протоке пришли к озеру Кагати, окруженному невысокими горами. Оба эти озера и протока были описаны и нанесены на карту.

Из озера Кагати вытекает извилистая речка Июмым и впадает в реку Нушагак ниже Александровского редута. Берега ее низки, поросли травой. Если в верховьях она неглубокая, то ближе к устью в полную воду возможны заход парусных судов и стоянка на якорю. По ней-то путешественники и добрались 5 сентября до Александровского редута. Их прибытие совпало с сильным наводнением. 6-го задул большой восточный ветер, солнце едва виднелось сквозь густую мглу. Все предвещало бурю, и вско-

ре она разразилась. Ветер дул навстречу течению, вода стала стремительно подниматься и уже через полтора часа поднялась на 13 футов выше обычного. Водная стихия обрушилась на огороды, с которых еще не был снят урожай, унесла заготовленный лес, смыла все строения — частные дома, сараи, амбары. Уцелел только один сарай, где лежал годовой запас рыбы и продуктов.

Закончив дела по экспедиции, рассчитавшись с ее участниками и произведя предварительную обработку наблюдений, И. Я. Васильев 26 ноября в сопровождении одного человека из своей команды пошел пешком через полуостров Аляску. Маршрут, вычерченный на его карте¹, позволяет говорить о том, что он шел сначала к вершине Бристольского залива, затем по его восточному берегу до устья реки Игьяк и по ней, а когда река кончилась, — по озеру и по суше к Кенайскому проливу. О том, как он шел, не осталось записей, только лаконично сказано, что на «переходе через Аляску претерпел множество трудностей от жестокости морозов и недостатка пищи»². В Павловской гавани на Кадьяке И. Я. Васильев появился 15 января 1830 года.

Существуют еще указания на то, что Васильев в 1830 году производил опись берега Аляски, а Л. А. Загоскин, путешествовавший десятилетием позже Васильева по этим же местам, говорит, что Васильев описал и реку Кускоквим. «Васильев успел сделать только половину того, что ему было поручено Чистяковым (обзор страны между Александровским редутом и заливом Нортон): в первое лето он описал астрономически реку и озеро Нушагак и другия ближайшия к Александровскому редуту; во второе, перейдя с вершины Ильгаяка на Хулитну, вышел по ней на Кускоквим, которым спустился до устья и возвратился в редут по Приморью»³.

Следовательно, Васильеву удалось-таки добраться до Кускоквима. Это путешествие было очень тяжелым, так как Васильев путешествовал в сопровождении всего четырех человек: остальные, опасаясь недружелюбных действий со стороны кускоквимцев, разбежались уже в начале экспедиции. «Достигнув в начале июля реки Кускоквима Васильев посетил почти все туземные заселения по берегам реки, но до верховья ея, по решительному отказу туземцев сопровождать его, не мог добраться, и к концу месяца предпринял обратный путь. В продолжении путешествия приходилось ему нередко переносить от туземцев насмешки, оскорбления и даже угрозы. Противопоставляя всем враждебным намерениям их отчаянную храбрость и явное презрение смерти, высоко ценимая в глазах этих людей, он успел снискать расположение некоторых из почетнейших между ними, и под защитою их благополучно возвратился в редут»⁴. На

¹ Эта упоминавшаяся уже карта называется: «Карта, показующая течение рек и озер, лежащих к NW от Бристольского залива. Приморские берега положены с карты Г. Хромченко. Соч. корп. штурм. прапорщ. Васильевым». ЦГАВМФ, ф. 1331, оп. 4, д. 243.

² ГАПО, ф. 445, оп. 1, д. 15.

³ Л. А. Загоскин. Пешеходная опись части русских владений в Америке. Ч. 1. СПб, 1847, с. 2.

⁴ П. А. Тихменев. Историческое обозрение..., ч. 1, с. 282.

упомянутой уже карте Васильева проложен береговой маршрут от залива Добрых Вестей вдоль берега до мыса Ванкувера и далее с заходом в устье Кукоквима.

Значение путешествий И. Я. Васильева (даже только этих) огромно. Изучавший и продолжавший их Загоскин дал критическую, но справедливую и очень высокую оценку деятельности И. Я. Васильева. Эти замечания проливают некоторый свет на то, что, по-видимому, к началу 40-х годов, когда Загоскин собирался в путешествие по Аляске и тщательно изучал материалы своего предшественника, Васильева уже не было в живых. Иначе Загоскин не ограничился бы только разбором одних его материалов, а обязательно встретился бы с ним и рассказал бы об этом на страницах своей «Пешеходной описи».

Вот что писал Загоскин: «Обозрение Васильевым Кукоквима не точно: по журналу его видно, что постоянные дожди не позволяли ему определить ни одного пункта астрономически. Будучи часто в опасности быть убитым туземцами, он плыл по Кукоквиму как на почтовых, не означая даже главнейшего ее направления. Сведения, собранные им о быте и обычаях жителей, поверхностны, смешанны и во многом не верны, но в ту пору они были достаточны.

Описания некоторых местностей в топографическом отношении весьма определительны, а собранные им данные о богатстве страны пушными промыслами и торговых сношениях туземцев послужили колониальному начальству краеугольным камнем для основания других заселений. Васильев первый предложил мысль об основании редута в заливе Нортон, близ острова Стюарт»¹.

В 1831 году Васильев возглавил экспедицию по описи побережья Аляски. Он описал берег от мыса Дугласа на 80 миль. В этом же году им составлены карты южного и восточного берегов полуострова, снятых Васильевым в это время². После этих путешествий Васильев получил чин подпоручика и продолжал служить в Русской Америке, плавая по Тихому океану. Судя по найденному документу о подвиге И. Я. Васильева в Калифорнии, когда он спас от смерти нескольких мексиканцев, Иван Яковлевич к 1835 году был уже в Петербурге. Последнее упоминание о нем относится в 1838 году: И. Я. Васильев, находясь на квартире Ф. П. Врангеля, стал свидетелем смерти их общего хорошего знакомого Кирилла Тимофеевича Хлебникова, оставившего Русскую Америку вместе с В. С. Хромченко в 1832 году. К сожалению, найти новые материалы о жизни и делах этого славного человека пока не удалось. Но и то, что собрано, в какой-то мере воссоздает необыкновенную жизнь скромного штурманского офицера. В 1832 году на реке Кукоквим по докладу Ва-

¹ Л. А. Загоскин. Пешеходная опись части русских владений в Америке. Ч. 1. СПб, 1847, с. 3.

² Об этом сообщает С. Г. Федорова в кн.: Русское население Аляски и Калифорнии. М., «Наука», 1971, с. 232. ЦГАВМФ, ф. 402, оп. 1, д. 618, л. 9 об.

силева Врангель распорядился выставить русскую одиночку при впадении в нее реки Хулитнак¹.

Морские офицеры и мореходы Русской Америки продолжали исследование как побережья, так и внутренних частей Аляски. Наряду с исследованиями вели работы по налаживанию торговых отношений с местными жителями, утверждали свое влияние. В 1830 году по распоряжению П. Е. Чистякова А. К. Этолин на бриге «Чичагов» плывал к заливу Головинна и к острову Св. Лаврентия. 21 июня он вышел из Ново-Архангельска к острову Св. Лаврентия, но пасмурная погода заставила его отложить осмотр острова, и он пошел в залив Головинна. После знакомства с жителями и условиями жизни там Этолин высказал соображение о строительстве редута вблизи острова Стюарт. Такой редут был основан во время плавания М. Д. Тебенкова в 1833 году на шлюпе «Уруп». Тебенков в заливе своего имени, открытом им в прошлое плавание, недалеко от селения местных жителей основал Михайловский редут на небольшом островке, названном островом Св. Михаила.

Из этого редута, как из нового центра, ближе других русских селений расположенного на пути к жителям внутренних частей Аляски, стали организовываться экспедиции для научных исследований и торговых отношений в бассейнах рек Квихпака и Кускоквима. В 1834 году по поручению помощника Главного правителя Розенберга низовье Квихпака, его дельту осматривал креол Андрей Глазунов. «Многие из туземных селений, с которыми ему приходилось иметь дело, вступили с ним в торговые сношения, упорочившиеся впоследствии постоянным посещением редута жителями этих мест для расторжек и снабжения его продовольствием»². В 1835 и 1836 годах А. Глазунов поднялся по реке Квихпак до того места, где по реке Юкхан можно было перебраться на Кускоквим. Перейдя по тундре до реки Кускоквима, Глазунов поплыл по ней до слияния ее с рекой Тхальхук, откуда с невероятными трудностями и из-за недостатка продовольствия возвратился к Кенайскому заливу. В 1838 году креол Петр Васильевич Малахов, путешествуя по Квихпаку, добрался до места соединения рек Юкхана и Нулато, где затем была основана известная в Русской Америке одна из дальних одиночек — Нулато, спустился обратно по всему Квихпаку и благополучно через протоку Апхун и губу Пастоль возвратился в Михайловский редут.

Продолжалась и опись побережья. В 1837 году поручик корпуса флотских штурманов Воронковский, состоявший на службе Российско-Американской компании, описал побережье Аляски до того места, где закончил описание Васильев несколько лет назад, а затем довел опись до мыса Хиткук, до которого с другой стороны берег был описан М. Н. Стайюковичем во время плавания на «Моллере». Воронковский погиб на шхуне «Чилькат» в том же 1837 году, потерпев крушение у острова Баранова.

Всю свою жизнь связал с Русской Америкой замечательный человек,

¹ Одиночка — место торговли (расторжки) с жителями внутренних районов Аляски. Как правило, это был один дом с русским или креолом — начальником.

² П. А. Тихменев. Историческое обозрение..., ч. 1, с. 286.

организатор, путешественник и писатель Кирилл Тимофеевич Хлебников. Он родился на Урале в городе Кунгуре в 1780 году и уже в юности проявил большую склонность к путешествиям.

В 1800 году он отправился в Иркутск, где поступил на службу Российско-Американской компании, но вскоре уехал в Охотск. Там он служил приказчиком, а затем комиссионером компании в Гижигинске. Из Охотска ему часто приходилось плавать вдоль побережья и до Камчатки. Первым испытанием для молодого Хлебникова было плавание на «Константине» в 1801 году, когда при выходе из Охотска галиот сел на мель. Постепенно он привык к превратностям скитальческой жизни и стойко их переносил.

В 1802 году на переходе из Охотска в Гижигу летом в жаркое время при затянувшемся плавании экипаж страдал от недостатка пресной воды. Хлебников писал: «...я покупал ее тогда у матросов на водку, мера за меру, хотя последняя стоила 25 рублей осмина или 2 бутылки. Но когда нельзя было купить, то для утоления жажды грыз свинец,пил морскую воду, жевал сахар, леденец и сими средствами только ее усиливал. Капитан транспорта спустился в Ямскую губу и ключевая вода показала нам драгоценным напитком, не взирая на то, что доставлена была в тюленьих пузырях и очень явно отзывалась ворванью»¹.

После Гижигинска К. Т. Хлебников в течение десяти лет служил на Камчатке комиссионером и приказчиком Российско-Американской компании. Тут он вплотную столкнулся с делами Русской Америки, хорошо познакомился с П. И. Рикордом, Г. И. Давыдовым, Н. А. Хвостовым, В. М. Головинным, а Г. И. Лангсдорфа даже сопровождал во время путешествия последнего по Камчатке. Несомненно, такие встречи оказали весьма благотворное влияние на Хлебникова.

В 1814 году он возвратился в Кунгур и был вызван в Петербург, где ему предложили отправиться в Русскую Америку, чтобы возглавить руководство конторой в Ново-Архангельске, принять все хозяйственные дела у А. А. Баранова. Хлебников согласился и вместе с Л. А. Гагемейстером совершил плавание к русским колониям. «17 ноября 1817 года на корабле Кутузов мы подошли на вид берегов острова Ситхи; увидели величественный Эчком (Эджкомб. — А. А.) и цепь гор, покрытых снегом, облегающих весь берег»². Но подойти к Ново-Архангельску удалось только 20 ноября — помешала внезапно начавшаяся буря.

В Русской Америке Хлебников провел без малого шестнадцать лет. Он побывал во всех местах Русской Америки, неоднократно плавал в Калифорнию, Мексику, Чили, Перу. И о каждом пребывании в стране он оставлял статьи, описания, записи, дневники. Больше всего таких записей, естественно, относится к Калифорнии, к форту Росс, в них есть интересные зарисовки.

¹ К. Т. Хлебников. Взгляд на полвека моей жизни. — «Сын Отечества», ч. 175, 1836, разд. II, «Словесность». СПб, с. 324.

² Там же, с. 360.

Вот как, например, описал Хлебников окрестности Росса: «Летом в Калифорнии бывают густые туманы, которые налегая на поверхность моря, несутся по направлению ветра и примыкают к прилежащим горам. В один ясный день, поднимаясь на довольно высокую гору близ селения Росс, мы видели, как туманы разливались по горам, а потом вскоре накрыли нас и лишили солнечного света: после жара холод сделался очень чувствителен. Поднимаясь выше и выше на верховых лошадях оставили наконец область туманов под ногами и были на самой вершине горы. Вид, представившийся нам оттуда, если нельзя назвать магическим, то имя очаровательного по всей справедливости ему принадлежало: туманы поднимались до известной высоты, где оределость воздуха поставляет им предел; ветер, в них заключающийся, волновал их и образовал бурное, облачное море до самого горизонта. Вершины гор с прелестною зеленью дубов и лавров, возвышаясь как острова, разнообразили белизну туманов. Солнце сияло ярко, небо было ясно, и ветерок едва колыхал листья. Сидя под тенью каштанового дерева, мы любовались чудесною картиною природы; к довершению красот ея, из семейства живущих поблизости в дупле огромного дерева индейцев, несколько детей обоего пола в природной наготе вертелось около нас; не доставало способности описать счастливое сочетание столь многих прелестей»¹.

«В Северной Калифорнии растут огромные кедры и сосны; одну из последних, известную под русским именем чага, а по испански *раю colgado*, я измерил с точностью: толщина ее в диаметре у самого корня имела 13½, а на шесть футов от поверхности земли — 11 футов. Срубленная впоследствии она имела 200 футов длины, и доставила из себя для селения Росс 1 400 досок в 8 аршин длины, и множество дров»².

Были у Хлебникова и тяжелые моменты во время долгих американских лет. В июне 1824 года он на шлюпе «Байкал» под командованием А. К. Этолина отправился из Ситхи в залив Бодега и оттуда в порт Монтерей. Получив там груз, «Байкал» с Этолиным ушел обратно в Ситху, а Хлебников остался ожидать брига «Кяхта», только что выстроенного в Бодеге. Бриг пришел в сентябре, нагрузился пшеницей в Санта-Крузе и с Хлебниковым на борту направился опять в Бодегу. Обычно путь проходили за 20—30 часов, а в этот раз суденышко носило по океану ровно 30 дней. Сначала было безветрие, сменившееся затем жесточайшим штормом. И все это вблизи скалистого берега. Только самоотверженность всего экипажа и умелое руководство бригам спасли людей от верной, казалось бы, смерти.

Был он и свидетелем землетрясения, которое разразилось в январе 1827 года во время стоянки на якоре на рейде Сан-Франциско: «В глухую полночь, — записал Хлебников, — почувствовали один за другим два удара столь сильные, что опасались потерять мачты. Причину этому

¹ К. Т. Хлебников. Взгляд на полвека моей жизни. — «Сын Отечества», ч. 175, разд. II, «Словесность». СПб, 1836, с. 304—305.

² Там же, с. 318.

скоро угадали: с вечера было видно сильное зарево от пламенеющей горы на востоке, прикрытой рядами высших ее гор. Другие корабли, стоявшие на глубине до 8 сажен, чувствовали то же; в президии Сан-Франциско расселись стены домов и строения потерпели немало повреждений¹.

К. Т. Хлебников хорошо отзывался о М. Д. Тебенькове как о мореходе. В том же 1827 году 3 ноября на бриге «Головнин» Хлебников принимал пшеницу в Санта-Крузе. Рейд здесь открытый от южных и юго-западных ветров, которые как раз свирепствовали в осеннее время. Восемь суток бриг отстаивался на якоре. Его несло на берег, заводили дополнительные якоря — одним словом, восемь суток экипаж держался между жизнью и смертью. А «молодой почти не имевший опытов, но теоретически знакомый со всеми путешествиями, и следовательно с опасностями, твердый духом, решительный и хладнокровный капитан брига М. Д. Тебеньков, распорядивши, что должно, сам был совершенно спокоен и остроумными шутками и приличными положению анекдотами старался ободрить всех и каждого»².

При жизни К. Т. Хлебникова были опубликованы «Записки о Калифорнии», «Первоначальное поселение русских в Америке», «Жизнеописание Г. И. Шелихова», «Жизнеописание А. А. Баранова» и ряд других работ³. После смерти увидели свет его «Записки об Америке»⁴, а совсем недавно Р. Г. Ляпунова опубликовала статью, в которой рассказала о неопубликованной работе Хлебникова «Записки о колониях в Америке»⁵. Выяснилось, что «Записки об Америке» — это две части «Записок о колониях в Америке», полное содержание которых составляют шесть частей: 1. Порт Новоархангельский на Ситхе; 2. Кадьяк с подведомственными местами; 3. Уналашка, часть полуострова Аляски и Лисьи острова; 4. Атха, Андреяновские, Ближние и Командорские острова; 5. Прибылова острова, остров Матвея и часть Северной Америки; 6. Селение Росс на берегах Нового Альбиона.

К. Т. Хлебников очень много путешествовал по Северной Америке и по Калифорнии. В частности, Л. А. Шур, занимающийся исследованием К. Т. Хлебникова, проследил маршруты путешественника по Калифорнии⁶. Во время этих путешествий и поездок К. Т. Хлебников

¹ К. Т. Хлебников. Взгляд на полвека моей жизни. — «Сын Отечества», ч. 175, разд. II, «Словесность». СПб, 1836, с. 311.

² Там же, с. 354.

³ «Сын Отечества», ч. 175, СПб, 1829, разд. II; «Радуга», 1833, кн. II, III, V; «Сын Отечества», ч. II, СПб, 1838; СПб, 1835.

⁴ Материалы по истории русских заселений по берегам Восточного океана, приложении к «Морскому сборнику». СПб, 1861, вып. 3.

⁵ Р. Г. Ляпунова. Рукопись К. Т. Хлебникова «Записки о колониях в Америке как источник по этнографии и истории Аляски и Алеутских островов». — В кн.: От Аляски до Огненной земли. М., 1967.

⁶ Л. А. Шур. Путевые записки и дневники русских путешественников как источник по истории Калифорнии (первая половина XIX века). — «Американский ежегодник 1971». М., 1971, с. 306—307.

досконально изучил Калифорнию, хорошо знал испанский язык. Его записки о Калифорнии — это превосходный материал по исторической географии данного района. В них приводятся названия всех бывших в те годы селений в Северной и Южной Калифорнии, их характеристики, много сообщений об образе жизни индейцев, об экономике страны.

Весь свой богатейший архив К. Т. Хлебников завещал своему родному Кунгуру. В настоящее время он находится в Государственном архиве Пермской области. Возвратился Хлебников в Петербург на шлюпе «Америка» в 1832 году. Здесь он стал одним из директоров Российско-Американской компании. Научные заслуги К. Т. Хлебникова были признаны Академией наук, которая избрала его своим членом-корреспондентом по разделу политических наук. Он продолжал активную переписку с Русской Америкой, готовил и публиковал свои богатейшие записки. Часто виделся он со своими товарищами по Русской Америке. В 1838 году во время одной из таких встреч на квартире Ф. П. Врангеля, на которой присутствовал и старый его знакомый штурман И. Я. Васильев, Кирилл Тимофеевич Хлебников скончался.

Одной из интересных личностей в Русской Америке был креол Александр Филиппович Кашеваров (1810 год — 25 сентября 1866 года)¹. Сын уроженца Курской губернии Филиппа Артамоновича Кашеварова, находившегося с 1794 года на службе в компании Г. И. Шелихова в должности учителя Ново-Архангельской школы, и алеутки, он получил первоначальное образование у своего отца, а с 1824 года стал пансионером Кронштадтского штурманского училища. Кашеваров окончил училище в 1828 году и был назначен на корабль «Елена». Под командованием В. С. Хромченко «Елена» совершила плавание к берегам Русской Америки.

4 июля 1829 года после почти восьмилетнего отсутствия А. Ф. Кашеваров ступил на землю, которая была его родиной, которую он помнил с детства. Как же были удивлены родные, а еще больше сверстники, когда увидели, что подтянутый штурман корабля близкий им человек. Для всего экипажа длительная стоянка в Ново-Архангельске показалась кратковременной, а для Кашеварова время пролетело особенно быстро. Александр знал, что он ненадолго прощается с родными местами: он твердо решил после возвращения в Петербург проситься служить в Российско-Американскую компанию. 15 октября транспорт отправился в Кронштадт, куда и прибыл 10 июля 1830 года.

Как отмечал Н. А. Ивашинцов, плавание транспорта «Елена» было одним «из самых счастливых плаваний: не только что из команды не потеряно ни одного человека, но даже не было никаких повреждений в корпусе корабля и вооружении»². Кашеваров, исполнявший обязанности

¹ По одним данным, А. Ф. Кашеваров родился в 1808, а по другим — в 1810 году (ЦГАВМФ, ф. 406, оп. 1, д. 364, лл. 307—308 и ЦГАВМФ, ф. 402, оп. 2, д. 10, л. 10). Мы приводим дату по службному списку. Родился А. Ф. Кашеваров в Павловской гавани на Кадьяке. Крестным отцом А. Ф. Кашеварова был А. А. Баранов.

² Записки Гидрографического департамента. Ч. VIII. СПб, 1850, с. 98.

старшего штурмана, проявил себя во время плавания самым лучшим образом. В аттестате, выданном ему В. С. Хромченко, командир корабля, между прочим, написал: «За счастье бы себе счел и впредь иметь его в своей команде»¹.

После этого плавания Кашеваров подал 13 апреля 1831 года прошение об определении его на службу в военно-морской флот и о присвоении штурманского чина. Он был проэкзаменован и 17 июня 1831 года стал прапорщиком корпуса флотских штурманов. Он уже знал, что В. С. Хромченко назначен командиром военного транспорта «Америка», уходящего в этом же году в кругосветное плавание. Кашеваров, естественно, был зачислен в штат экипажа для следования в Ново-Архангельск. Кашеваров был с 1 июля официально зачислен в состав офицеров, служащих в Российско-Американской компании.

26 августа транспорт вышел из Кронштадта и 8 октября 1832 года прибыл в Ново-Архангельск. Встретили на родине молодого штурманского офицера очень тепло, приветливо, а теплее всех молоденькая девушка, дочь местного священника Серафима. Главный правитель Русской Америки Ф. П. Врангель назначил молодого штурманского офицера командиром бота «Бобр» и предоставил ему отпуск для всяких семейных дел. Тогда Кашеваров и женился на Серафиме Алексеевне Соколовой.

25 января 1833 года он принял командование и до 17 сентября плавал к острову Кадьяк и другим островам архипелага. Вся зима прошла на берегу в береговой службе. Кашеваров не только исправно нес эту службу, но и непрерывно повышал свои знания, много читал, охотно посещал вместе с другими флотскими офицерами занятия, проводившиеся Врангелем. Кашеваров мечтал сменить штурманский мундир на флотский строевой с золотыми эполетами.

В следующую компанию Кашеваров получил в свое командование шхуну «Квихпак». С 11 мая по 25 августа 1834 года по заданию Врангеля он плавал к островам Унга и Уналашка, оттуда — к островам Прибылова, к полуострову Стюарта и в устье реки Нушагак. Несмотря на то, что целью плавания была доставка товаров или, например, смена промышленников, Александр Кашеваров выполнил и большую научную программу. Он систематически вел метеорологические наблюдения, описывал посещенные места, определял координаты мест, в достоверности которых возникали сомнения, приглядывался к окружающей природе, животным, знакомился с бытом и нравами местных жителей.

Следующим летом Кашеваров совершил на той же шхуне интересное прибрежное плавание к берегам Калифорнии, побывав в заливе Румянцева, в форте Росс. Плавание длилось с 3 мая по 16 сентября 1835 года. Когда он возвратился в Ново-Архангельск, то там уже произошла смена Главного правителя компании, новым начальником стал И. А. Купреянов.

¹ ЦГАВМФ, ф. 402, оп. 2, д. 10, л. 2.

В компанию 1836 года Кашеварову довелось на той же шхуне совершить плавание по маршруту 1834 года — к Алеутским островам, затем к островам Прибылова и к устью реки Нушагак. На берегу ему пришлось пробыть недолго, так как в конце января 1837 года он уже ушел в плавание к острову Укамок, а затем, едва отдохнув, опять по маршруту Уналашка — острова Прибылова — река Нушагак. В перерывах во время этих плаваний Кашеваров по мере надобности совершал плавания на Кадьяк и обратно в Ново-Архангельск. 25 июня 1836 года Кашеваров стал подпоручиком.

В 1838 году была организована экспедиция. Целью ее было продолжение проводившейся Дж. Куком, а затем М. Н. Васильевым и в 1826—1827 годах английским капитаном Бичи описи северо-западных берегов Америки. Экспедиция эта была вызвана желанием предупредить появление англичан на крайнем северо-западе Северной Америки, завершить опись этого побережья к северу от мыса Барроу. Экспедиция организовывалась по инициативе сначала Н. П. Румянцева, а затем, после его смерти, Врангель и Купреянов продолжили его дело. Первоначально экспедицию должен был возглавить В. С. Хромченко, а помощником у него должен был стать А. К. Этолин. Однако из-за смерти Н. П. Румянцева эти назначения не состоялись, и для руководства экспедицией был выделен А. Ф. Кашеваров.

План экспедиции был таков. Кашеваров в сопровождении 18 креолов и алеутов на корабле добирался до залива Нортон, а оттуда идет к Берингову проливу так далеко, как позволят льды. Кашеваров продолжает плавание на байдарках, а корабль ждет его в заливе Коцебу. Все это время должна производиться опись побережья и знакомство с местными жителями — эскимосами.

Примерно так и получилось. 12 мая 1838 года на бриге «Полифем», командиром на котором был прапорщик Иван Алексеевич Чернов, экспедиция отправилась в путь. Пройдя залив Нортон, где останавливались в Михайловском редуте, «Полифем» прошел Беринговым проливом в Чукотское море. Здесь у мыса Лизбурна Кашеваров перебрался на байдары: на 18 человек, не считая его самого, было взято пять байдар — одна шестивесельная и четыре трехлучные. «Полифем» пошел в залив Коцебу, а Кашеваров 5 июля 1838 года начал опись побережья.

С большими трудностями, но работа все-таки подвигалась. Времени для описи было мало, так как лето в этих местах очень короткое. Кашеварову сравнительно быстро удалось достичь мыса Барроу, крайней точки, до которой доходил капитан Бичи. Берег от мыса Лизбурн до мыса Барроу стал называться берегом Меншикова.

Пройдя мыс Ледяной, Кашеваров был вынужден отказаться от большой байдары и идти далее только на малых. Появившиеся льды и остороженное отношение эскимосов заставляли путешественников быть очень осторожными.

Позже в письме к своему хорошему знакомому Андрею Васильевичу Фрейгангу (26 мая 1840 года) Кашеваров писал: «О том, что езда на бай-

дарке между льдами, или вдоль открытого берега, на пространстве до 1 000 миль (вперед и обратно) опасна и трудновата — давно известно, следовательно и говорить мне нечего. Страна интересна в высокой степени — для этого я и был послан: но что же могу сказать Вам о ней? На взгляд судить и толковать бесполезно, когда на взгляд этот представлялась мертвая природа. Но эта самая бедность и составляет все там: она питает людей и животных... И там живут люди, у которых средства существования современны человечеству, но стоят на одной степени, может быть для того, чтобы люди не забывали природу. И в самом деле: дикие обитатели мертвой природы, ужасной страны, царство тьмы и холода, нисколько не нуждаются в пособиях наших, людей движущихся с веками...»¹

Продвигаясь далее за мыс Барроу, Кашеваров подробно описал побережье, открыл два залива, назвав их именами Прокофьева, (в честь одного из директоров Российско-Американской компании) и Купреянова (в честь правителя), получили свое название и мысы Степового и Врангеля.

Несмотря на неприязнь местных жителей, Кашеваров продолжал знакомиться с ними. В том же письме Кашеваров высказывает интересные мысли о их жизни.

«Могу сказать утвердительно, что один и тот же народ, начиная от Аляски расселился по NW берегу Америки, он имеет один язык эскимосский, а по нашему чукотский, который более или менее изменяется в наречии, — так же как и в образе жизни есть разница, произошедшая от местности, но основание во всем заметно одно и то же. Мне сопутствовал в экспедиции один дикарь-житель из залива Нортон, он часто спрашивал новых своих знакомцев и отвечал мне всегда, что у них все то же, что и у нас. Число жителей от зунда Коцебу до моего последнего пункта не превышает 1 500 человек. Нравственность их плохая: склонны к воровству в сильной степени, мстительны в обидах и эта месть передается как драгоценность в наследство, коварны и не заслуживают доверенности. В малом числе добродушны и трусливы, а в большем — развращается их дерзкий характер и жадность завладеть чужими вещами, для достижения чего не разбирают средств (это самое было причиной моего возвращения). Вообще смелы, отважны, ловки, проворны и очень любят песни и пляску, которая у них довольно разнообразна и не без приятности.

Курить табак имеют большую страсть, даже трехлетние дети мальчики и девочки с наслаждением тянут табак из трубки. И для этого у них существует торговля в известном для них мире... Важнейшие статьи торговли составляют: черкасский табак, трубки, огнива и вообще металлические вещи и корольки — все это русское от нас. Прочие вещи суть второстепенные.

¹ Архив А. И. Петрова. Частное собрание. (О письме сообщила внучка А. И. Петрова Т. В. Пестинская).

Л. А. Загоскин.

Искусства их разнообразны, но для удовлетворения их потребностей прочны и совершенны. Жилища их разделяются на зимние и летние: зимой живут в барабарах внутри обложенных плахами и вообще довольно чистых, а снаружи обкладены в несколько слоев тонким дерном. Вход в эти барабары сделан коридором, едва достаточном пройти человеку. В барабаре два ночника освещают и нагревают комнату; для постелей, которые у них из оленьих шкур, как и их платье, устроены нары.

Вообще живут они не как звери и не совсем глупы, чтобы не умели защитить себя от холода. С наступлением лета, в этих барабарах жить делается несносно: кругом лед начинает таять и от этого стоит лужа на полу или сама барабара делается колодцем. При том же чистый воздух никому не лишней, то здешние дикари, чтобы насладиться им, ставят палатки, составленные из 6 или 7 хорошо выделанных оленьих шкур, сшитых вместе, которые обвертываются кругом 4 шестов и составляют пустой конус, в котором они хорошо и удобно помещаются с большими семьями. Для света вшиты в шкуры разрезанные нерпичьи кишки. Обвертывают шкуры шерстью вверх — и от этого они сохраняются в сырости и не скоро промокают.

Дикари здешние вполне пользуются коротким своим летом и продолжительными днями: деятельность в это время живее, чтобы обеспечить себя для зимы, в которое они едят, веселятся и сеят. Лето бывает чаще теплое, чем холодное, но в мою бытность была дождливая погода и от этого не так много было оленей, которые во время жарких дней, спасаются от комаров, оставляя тундры и прибегая к морю, где холоднее и меньше комаров, но встречаются с людьми, которым они нужны. Я видел здесь большие табуны оленей, в которых, я полагаю, было не менее 1 000 штук!»¹

Двадцать байдар эскимосов постоянно были вблизи малочисленной экспедиции Кашеварова. Эскимосы вели себя вызывающе, всем своим поведением показывая нежелательность пребывания в их местах пришельцев с Аляски. Все больше и больше появлялось льдов. Кашеваров решил больше не подвергать себя и участников экспедиции опасности. Большую роль сыграло и то обстоятельство, что среди эскимосов появились случаи заболевания оспой. Тридцать миль за мысом Барроу удалось описать Кашеварову, а дальше он «нашелся вынужденным скрываться во льдах моря от преследований туземцев; не видя никакой возможности спасти вверенную ему команду от многочисленных дикарей, озлобленных противу белых за появившуюся здесь оспенную заразу, Г. Кашеваров, скрепя сердце, решил возвратиться назад. Совершив на своих байдарках до 850 ит. миль экспедиция достигла благополучно острова Шамизо, в заливе Коцебу, где и соединилась она с Полифемом, на котором возвратилась в порт Ново-Архангельск со здоровою командою»².

За эту экспедицию Кашеваров был награжден орденом Св. Станислава 3-й степени. Экспедиция возвратилась в Ново-Архангельск 11 октября 1838 года.

А. Ф. Кашеваров был очень недоволен результатами своей экспедиции. В цитированном уже письме А. В. Фрейгангу есть и такие строки: «Я начал мою экспедицию с мыса Лисбурна, объехал мыс Барро и проехав от него к востоку до 30 миль — (это все, что я приобрел) — воротился назад к Лисбурну, оттуда поехал в зунд Коцебу и у острова Шамиссо соединился с судном 6 сентября, начав мои подвиги (?) с 5 июля 1838 года... Ужасна та минута, в которую я решился в обратный путь. Ничтожный успех моей экспедиции остался мне вечным укором — а мысль, что я должен был иметь полный, совершенный успех и что для этого сама природа мне помогала — страшно преследует меня»³.

Назначенный командиром брига «Чичагов», Кашеваров в следующую навигацию снова в плавании: он побывал в Колошенских проливах, в Дионисьевском редуте и в заливе Якутат. А в 1840 году к этому маршруту прибавилось еще и плавание к реке Нушагак и островам Прибылова.

¹ Архив А. И. Петрова. Частное собрание. (О письме сообщила внучка А. И. Петрова Т. В. Пестинская).

² АВПР, ф. 339, оп. 888, д. 369, лл. 5—6.

³ Архив А. И. Петрова. Частное собрание. (О письме сообщила внучка А. И. Петрова Т. В. Пестинская.)

Главный правитель Русской Америки А. К. Этолин хорошо знал Кашеварова и всю его семью.

В 1841 году Кашеваров был произведен в подпоручики (30 марта) и назначен командиром парохода «Николай». На этом пароходе он повстречался с известным исследователем Русской Америки Ильей Гавриловичем Вознесенским. В навигацию 1841 года ему довелось совершить большое плавание вдоль островов Алеутской гряды, в Петропавловск-Камчатский, Нижнекамчатск, а затем до залива Бодега, где прекратил свое существование форт Росс, и снова к Алеутским островам. Плавал он и на бриге «Константин» — в Сан-Франциско, в Нижнекамчатск, к острову Шумшу, в Охотский порт.

В 1843 и 1844 годах Кашеваров совершил плавание на том же бриге в Охотский порт: в 1843 году — командиром, а с 9 мая по 15 июня из Ситхи в Охотск — пассажиром. Дело в том, что правление Российско-Американской компании решило, как говорят, «дать ход» опытному мореходу и разрешило ему перейти на службу в Петербург в Гидрографический департамент, где он был прикомандирован к Чертежной мастерской департамента для составления карт. Впрочем, для такого решения большим основанием было заключение врачей о состоянии здоровья Кашеварова.

Все эти годы Кашеваров усиленно работал над картами по Русской Америке, издание которых было начато в 1846 году и закончено в 1850 году. Карты были собраны в «Атлас Восточного океана с Охотским и Беринговым морями». Этот атлас, так же как и атлас Сарычева, составлен не по одной какой-либо съемке, а по всем русским и иностранным исследованиям. Район, вошедший в атлас, ограничен координатами: 35—69° с. ш. и 120—225° з. д. и охватывает Охотское и Берингово моря, Алеутские острова и часть Тихоокеанского побережья Северной Америки — всего 10 карт. В атласе имеется также шесть входных карт, из которых только одна служит для обеспечения входа в Петропавловск-Камчатский, прочие же — для входа в порты Северной Америки. Основой карт атласа послужили свыше 30 астрономических пунктов, определенных различными мореплавателями в период с 1805 по 1827 год. Лучшими из них следует считать Ново-Архангельск (8 определений), Сан-Франциско (5), Гонолулу (6) и Петропавловск-Камчатский (9).

Но когда по представлению генерал-губернатора Восточной Сибири Н. Н. Муравьева состоялось решение правительства о преобразовании дальневосточного управления, то А. Ф. Кашеваров снова был призван под «дальневосточные знамена» и назначен начальником Аянского порта, что открыло ему наконец-то дорогу к золотым эполетам. До этого он был штабс-капитаном (с 11 апреля 1848 года), а 25 января 1850 года в связи с новым назначением стал лейтенантом с производством в капитан-лейтенанты по положению о службе в Сибири. Сбылась его мечта: сын русского крепостного курянина купцов Голиковых и алеутки с далекого Кадьяка стал флотским строевым офицером — капитан-лейтенантом русского флота.

Во время событий 1850—1856 годов на Дальнем Востоке, когда там активно действовала Амурская экспедиция под командованием Г. И. Невельского, когда дважды переносился основной порт России на Тихом океане — из Охотска в Петропавловск-Камчатский и затем оттуда в Николаевск-на-Амуре, Александр Филиппович Кашеваров, произведенный в капитаны 2-го ранга, по мере своих сил содействовал успеху русского флота. Он особенно ревностно отстаивал интересы Российско-Американской компании, которая была ему родной, которая дала ему воспитание и образование. И это сказалось на его отношениях с начальником Амурской экспедиции Г. И. Невельским. Выполняя распоряжения правительства, экспедиция зависела от щедрот компании. На этой почве часто возникали трения между Г. И. Невельским и представителем компании А. Ф. Кашеваровым. В одном из писем А. В. Фрейгангу из Аяна 26 сентября 1852 года Кашеваров сообщал ему: «Уже сколько бывало у меня хлопот с Невельским, Завойкой и всеми командирами казенных судов. Вывели меня из терпения! По секрету скажу Вам, что я формально пожаловался, кому следует, на Невельского и на Лихачева. Не уступлю им, потому что я совершенно прав, а они, к сожалению, забылись»¹.

В 1857 году А. Ф. Кашеваров снова в Петербурге, где служит в Гидрографическом департаменте начальником Чертежной мастерской до 1862 года. К этому времени он был капитаном 1-го ранга и состоял в резерве. С 1865 года и до скорой своей смерти был в отставке. Есть сведения, что А. Ф. Кашеваров жил в последние годы довольно бедно, нуждался постоянно в деньгах. После смерти его осталось со слепой вдовой семь человек детей.

Таков вклад — практический, научный и военный — в освоение Дальнего Востока и Русской Америки интересного человека, скромного труженика и воина, для которого эти места были родными.

Конец 30-х годов знаменателен для Русской Америки появлением там двух выдающихся исследователей — Л. А. Загоскина и И. Г. Вознесенского. Загоскин появился в Русской Америке на год раньше, чем И. Г. Вознесенский.

Лаврентий Алексеевич Загоскин² 8 декабря 1838 года поступил на службу в Российско-Американскую компанию, а 30 декабря уже отправился в трудное путешествие через Сибирь. Проезжая через Москву, Загоскин побывал в семье братьев-декабристов Муравьевых, и мать их просила навестить сыновей в Иркутске в селе Урике. Загоскин сдержал свое слово и, будучи в Иркутске в марте 1839 года, повидал Никиту и Александра Муравьевых. В их доме он познакомился с четой Волконских, доктором Вольфом, Луниным и Поджио.

¹ Архив А. И. Петрова. Частное собрание. (О письме сообщила внучка А. И. Петрова Т. В. Пестинская).

² Л. А. Загоскин (21 мая 1808 года — 22 января 1890 года) — крупнейший исследователь Аляски. О нем написан С. Н. Марковым роман «Юконский ворон». Биографические сведения — в книге А. И. Алексеева «Колумбы Росские» (Магадан, 1966), очерк «По Юкону и Кускоквиму». Описание путешествий Загоскина по Аляске дается по этому очерку.

9 июля 1839 года Л. А. Загоскин принял в Охотске от Р. Г. Машина бриг «Охотск» и немедленно стал готовиться к выходу, собираясь доставить пассажиров в американские владения и товаров тысяч на сто, включая в это количество пять тысяч пиастров. В ночь с 14 на 15 августа бриг «Охотск» вышел в плавание.

Начало было очень неудачным. Предательский вход в Охотский порт, проклятый моряками всех стран, хоть раз побывавшими в нем, подвел и на этот раз.

Бриг «Охотск» выбросило при выходе на одну из отмелей, а в это время начался отлив. К счастью, с последующим приливом удалось стянуться с песчаной банки, даже не повредив ни одного листа медной обшивки корпуса. В начале сентября прошли Курильские острова через Четвертый пролив и вышли в Тихий океан. «Великолепна, но уныла картина островов Четвертого пролива: ни малейшего признака жизни, всюду одно разрушение»¹, — пишет Загоскин. Наблюдательный лейтенант уже в первое свое плавание, производя астрономические и гидрографические наблюдения, отметил неточности карт Крузенштерна, Головнина, Сарычева и других мореплавателей.

От пролива взяли курс прямо к Ново-Архангельску. Длительный, месячный, переход в северной части Тихого океана не ознаменовался какими-либо значительными событиями. 5 октября заметили вершину горы Эджкомб при входе в Ситхинский залив. В ночь на 6-е в ответ на выстрел с брига вдаль засветился маяк Ново-Архангельска. На рассвете приехал лодман, и вскоре судно стало на якорь. Лейтенант Загоскин прибыл в Новый Свет. Несколько позже он написал по этому поводу: «Надобно побывать в Ситхе, чтобы понять ожидание почти тысячи человек прихода из Охотска судна, на котором единожды в год доставляются из Европы в американские колонии форменные бумаги, газеты и письма; притом в нынешний год на мой пай досталось весьма продолжительное плавание, а дошедшие слухи через американское судно о происшествии, случившемся с бригом на Охотском баре, могли тревожить до последнего жителя Ново-Архангельска. Спустя шлюпку, я отправился с рапортом. Свидание моряка с моряком есть встреча родных, непонятная жителю твердой земли...»²

Всю зиму 1839—1840 годов Л. А. Загоскин провел в Ново-Архангельске с правителем колоний и другими служащими. Именно в эту зиму он написал очерки, напечатанные в 1840—1841 годах в журнале «Маяк» под общим названием «Заметки жителя того света». В них Загоскин описывал свое путешествие по Сибири, Охотскому морю и северной части Тихого океана, а также жизнь и быт Ново-Архангельска и его жителей. Вместе с тем Л. А. Загоскин тщательно изучает историю исследования Аляски и готовится к будущим морским походам.

¹ Путешествия и исследования лейтенанта Лаврентия Загоскина в Русской Америке в 1842—1844 гг. М., 1956, с. 357.

² Там же.

В течение 1840—1842 годов Загоскин, командуя сначала бригам «Байкал», а затем корветом «Елена», обходил все владения компании. В 1840 году на «Байкале» он ходил в Охотск, а в 1841 году — в Калифорнию на «Елене». На обратном пути вместе с Загоскиным шел И. Г. Вознесенский. Лаврентий Алексеевич крепко с ним подружился и получил от него много полезных сведений по естествознанию и, в частности, по антропологии и этнографии.

Интересовался Л. А. Загоскин и путешествиями по внутренним районам Аляски. Особенно хорошо он изучил материалы путешествий И. Я. Васильева в 1829—1831 годах, говорил с его спутниками по путешествиям к Нушагаку и Кускоквиму. В 1832 году Федор Колмаков на 100 верст продолжил опись реки Кускоквим и исследовал некоторые ее притоки. Сын Федора Терентьевича Колмакова Петр продолжал дело отца.

О том, что инициатором экспедиции был сам Загоскин, говорит его «Письмо из Америки», где он выражает благодарность Ф. П. Врангелю и А. К. Этолину и добавляет: «...последнего я просил в 1840 году о подобном назначении и крепко подозреваю в этой милости»¹. Непосредственным предшественником Загоскина был Андрей Глазунов. В 1835—1836 годах он прошел долиной Юкона от реки Анвиг до устья Юкона и после этого побывал на Кускоквие.

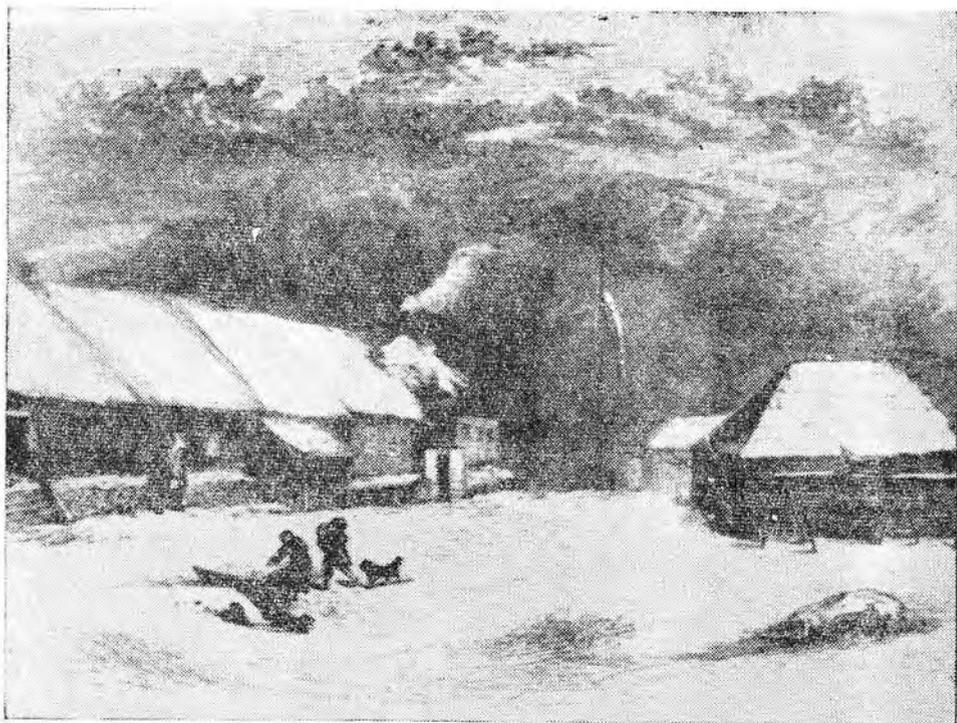
Цели и задачи экспедиции, к которой Л. А. Загоскин начал энергично готовиться, он обстоятельно изложил в «Письме из Америки»². В 1833 году в заливе Нортон был образован Михайловский редут для «закупки от туземных жителей нужных промыслов, и в особенности речных бобров, водящихся во множестве по притокам реки Квихпака». До этого времени все богатства переходили в руки островного народа — адьягмютов. Переплывая на байдарках Берингов пролив адьягмюты вели меновую торговлю с чукчами, а те в свою очередь перепродавали пушнину русским. Поэтому следовало внимательно изучить внутренние пути сообщения, особенно речные, и подобрать места, где можно было бы производить меновую торговлю с местными жителями и устроить новые редуты. Практической целью экспедиции было ликвидировать конкуренцию со стороны этого воинственного островного племени.

Л. А. Загоскин сразу же понял, что экспедиция готовится не только для решения практических вопросов, но и «для обозрения и описи системы вод, орошающих внутреннюю страну наших северных американских владений»³. Официальное предложение от А. К. Этолина участвовать в экспедиции Л. А. Загоскин получил 8 марта 1842 года и 1 мая, полностью подготовившись, перебрался на бриг «Охотск». Это судно должно было доставить Загоскина и его спутников к Михайловскому редуту

¹ Путешествия и исследования лейтенанта Лаврентия Загоскина в Русской Америке в 1842—1844 гг. М., 1956, с. 351.

² Там же, с. 341.

³ Там же, с. 375.

Вид Михайловского редута.

в залив Нортон. Сопровождать Загоскина добровольно вызвались Николай Шмаков, Тимофей Глазунов, Прокопий Вертопрахов, Павел Акляюк и денщик, матрос 15-го флотского экипажа Яков Махов.

Перед отправлением Загоскин получил от А. К. Этолина инструкцию следующего содержания: «Лейтенанту Загоскину поручено: во-первых, исследовать течение реки Букланд (так названной капитаном Бичи), впадающей в Коцебу-Зунд. Вершина этой реки, по удостоверению туземцев, находится в близком расстоянии от вершины другой реки, Куюкак, впадающей в реку Квихпак. По этому водяному пути идет ежегодно весьма значительное количество мехов в Коцебу-Зунд, а там переходит в руки приезжающих туда чукчей. Для обращения этой торговли в пользу компании следует приискать на месте действительные меры и, если будет нужно, определить удобное место для учреждения в Коцебу-Зунде нового редута. Во-вторых, исследовать из Михайловского редута течения, до самых вершин Квихпака и Кускоквима и текущей в параллели обеих, неизвестной нам реки Чагелюк, которая, по сведениям, весьма изобилует речными бобрами. Составить по возможности удовлетворительное описа-

ние страны, орошаемой этими реками, и определить удобнейшие и ближайшие переносы из одной реки в другую»¹.

4 мая 1842 года бриг «Охотск» отошел из Ново-Архангельска и 19 мая стал на якорь у Шумагинских островов. Несколько дней, проведенных здесь, Загоскин использовал для сбора коллекций и описания одного из островов — Унги. 22 мая двинулись дальше, к Уналашке, и 27-го стали на якорь в лучшей гавани острова — Капитанской, напротив селения Илюлюк, где простояли до 5 июня.

Следующая небольшая стоянка была у острова Св. Павла из группы островов Прибылова. Дальнейшее продвижение на север задержал густой непроницаемый туман. Пришлось провести 10 дней в дрейфе, во время которого развлекались «ловлею на уду трески и падением на палубу морских птиц, ударявшихся с налету о паруса»². Когда туман рассеялся, бриг обошел с севера остров Св. Матвея, направился к острову Св. Лаврентия и, с большим трудом лавируя среди густого льда, только к вечеру 10 июля добрался до Михайловского редута. Здесь к экспедиции присоединился переводчик креол Григорий Курочкин.

Ледовые условия и другие обстоятельства заставили Загоскина отказаться от мысли установить редут в заливе Коцебу. Служители редута были совершенно не обеспечены провиантом, и в первый же день команда Загоскина, кроме хлеба, ничего не получила. Пришлось немедленно отправить «стрельца с своей винтовкой, который на утро и возвратился с оленем. В течение остальных дней июля, — пишет Загоскин, — мы приобрели еще четырех и таким образом относительно продовольствия были совершенно обеспечены»³.

Л. А. Загоскин отправил на лодке и байдаре отряд в селение Нулато при устье реки того же названия, впадающей в Квихпак. Там у русских был один из первых редутов. На отряд была возложена доставка запасов экспедиции, а также припасов и товаров для торговли с местными жителями. Отряд отправился 25 июля. Загоскин в оставшееся до экспедиции время (она намечалась на осень и зиму) побывал в селении в устье реки Уналаклик, где содержались собаки для экспедиции. Затем, окончательно убедившись, что «при укомплектовке команды зимнею одеждою, при покупке собак, постройке нарт и прочем» все это «поспело ко времени довольно в сносном виде»⁴, начал писать исторический, топографический и этнографический очерк Михайловского редута⁵.

Между тем наступило время отправляться в поход. «В данной мне инструкции, — пишет Загоскин, — не было означено, каким образом я должен был производить свое путешествие зимою. В редуте я мог при-

¹ Л. А. Загоскин. Пешеходная опись части русских владений в Америке, произведенная лейтенантом Л. Загоскиным в 1842, 1843 и 1844 годах. Ч. 1. СПб, 1847, с. 7.

² Там же, с. 15.

³ Там же, с. 20.

⁴ Там же, с. 28.

⁵ См. «Записки Гидрографического департамента». Ч. IV. СПб, 1846, с. 86—104.

обрести свору собак собственно для себя, как то делали до меня некоторые отрядные начальники; имел средства приготовить и несколько запасных провизий. Но рассудя, что успех экспедиции наиболее зависит от примера начальника, я отстранил от себя всякое преимущество и удобство»¹.

Вместо заболевших Вертопрахова и денщика вызвались идти Лука Пахомов, который служил еще при А. А. Баранове, и Григорий Никитин, сопровождавший П. Т. Козьмина при описи Шантарских островов. Научное снаряжение экспедиции состояло из карманного хронометра, серебряных часов, транспортира, карманного пель-компаса, искусственного горизонта, секстана, четырех ртутных термометров и двух запасных стрелок к компасам.

Утром 4 декабря 1842 года пять нарт тронулись в дальний путь. Идти вдоль берега поначалу было нетрудно. В селении Кикхтагук местные жители приняли Загоскина и его спутников весьма радушно. Сразу было видно, что их здесь ждали как почетных гостей. «Даже пол, — отмечает Загоскин, — был не только выметен, но и вымыт». Они попали на праздник потопления в море пузырей (в честь морского духа) и встречены были подарками, состоявшими из толкуши, юколы, жира и ягод. Вечером для приезжих устроили пляски.

Морозы были сравнительно небольшие, люди и собаки не устали, и уже 11 декабря Загоскин прибыл к селению, расположенному в устье реки Уналаклик. Здесь, учитывая опыт, приобретенный в походе, переменили некоторых собак, укрепили пострадавшие нарты и подготовились к дальнейшему переходу. На все это ушло пять дней. 16 декабря вышли в Нулато. В следующую ночь выпало столько снега, что Загоскин, послушав совета старосты перехода, возвратился обратно. На стоянке пополнили запасы провизии, а Загоскин практиковался в решении астрономических задач.

Только 30 декабря удалось выйти снова в путь. Он лежал вдоль реки Уналаклик, по ее левому берегу. Ночевали в устье реки Куикхоглюк. В селении было пусто, так как все ушли торговать на Квихпак. Загоскин со спутниками стали полными хозяевами жилья. Новый, 1843 год встретили в дороге, а на следующий день Загоскин ходил в селение Улукак. Вскоре все жители Улукака прибыли к месту стоянки отряда, чтобы чем возможно помочь путешественникам. От них Загоскин получил нужные сведения и договорился относительно проводников.

3 января, провожаемый всеми жителями Улукака, отряд отправился в путь. Шесть суток продолжалось путешествие по сильно холмистой местности, покрытой мелким еловым горелым лесом и глубоким рыхлым снегом. Нарты, задевая за пни и кусты, часто опрокидывались, доставляя путешественникам много хлопот. Впереди нарт всегда двигались поочередно топтальщики по два в ряд. Они обтапывали каждый куст, особенно на поворотах, но, несмотря на это, собаки с трудом тянули и очень

¹ Л. А. Загоскин. Пешеходная опись..., ч. 1, с. 74.

редко обходились без помощи человека. Поэтому Загоскин распорядился, чтобы «передовщики» протаптывали к следующему дню вперед три или четыре мили; снег ночью затвердеет, и собаки повезут дружнее и бодрее.

А морозы все крепчали и крепчали. 7, 8 и 9-го температура понизилась до того, что ртуть в термометре замерзла. «Чуть остановился, — пишет Загоскин, — мороз пробирает до костей. В последнюю ночь все просидели перед огнем, не имея возможности просушить обувь и паркн; с одной стороны жгло, на другую в то же время садился иней»¹.

Наконец 10 января, «пройдя с милю по направлению к востоку, мы вышли из гор; вчерашний след туземцев лежал к NO 60° чрез гладкую долину около двух миль протяжения; за обгорелым лесом, окаймляющим Квихпак, виднелся ее противоположный берег. Слыша вой собак, скрип полозьев и не выпуская из виду переднюю нарту, в сопровождении толмача мы перешли долину, лес и вышли на берег»².

Загоскин добрался до реки Квихпак, более известной под названием Юкона, на которой несколько лет спустя были открыты богатейшие месторождения золота. Собаки, почуяв жильё, побежали живее, и вскоре, в полдень, головные нарты прибыли в селение Хоголтлинде, расположенное на левом берегу Квихпака. Трудно себе представить, что испытывали путешественники, когда с тридцатиградусного мороза (по Реомюру) они попали в жарко натопленную баню, где температура была сорок градусов. По настойчивому требованию Загоскина для путешественников освободили одну половину хижины, называвшейся кажимом, в которой была устроена баня. Постепенно подошли и другие нарты, и все расположились на ночлег, а Загоскин остался караулить. Такая предусмотрительность была не лишней.

На следующий день появившийся было в отношениях с местными жителями холодок исчез и началась обычная мена, сопровождаемая подарками. Загоскин стремился расположить к русским местных жителей и угощал их любимейшим напитком — чаем. В этом же селении он приобрел две легкие нарты, более удобные в таком далеком путешествии, чем редутские. Как ни грустно было Загоскину, но ему пришлось попрощаться с одним из усерднейших сподвижников — Т. Глазуновым, который совсем ослабел, и отпустить его в редут. Другой, Шмаков, должен был остаться на некоторое время в селении, чтобы подлечить обмороженные ноги.

Из Хоголтлинде выступили 13 июня отдохнувшие и отогревшиеся и через два дня прибыли в селение Нулато, послужившее базой для дальнейших исследований. Здесь путешественников встретили русские во главе с управляющим артелью старожилем Дерябиным, участником всех походов Глазунова и Малахова. В Нулато предстояло основательно подготовиться к дальнейшему пути и прежде всего заняться продовольствием. Вместо Т. Глазунова добровольно вызвался идти в экспедицию

¹ Л. А. Загоскин. Пешеходная опись..., ч. I, с. 97.

² Там же, с. 95.

бывший в Нулато рязанский ямщик Баженов, а больного Акляюка Загоскин отпустил обратно в реду́т.

Исполняя данную ему инструкцию, Загоскин решил отправиться отсюда в залив Коцебу для постройки реду́та. Положение осложнялось тем, что из Хоголтлинде не пришел заболевший Шмаков и пока никто не явился вместо Акляюка. Получив 21 февраля из реду́та извещение, что в Нулато выходит транспорт с людьми и продовольствием, Загоскин предложил пойти с ним в залив Коцебу артельщику Иванову, который, к радости Загоскина, дал согласие. Проводником пошел один местный житель.

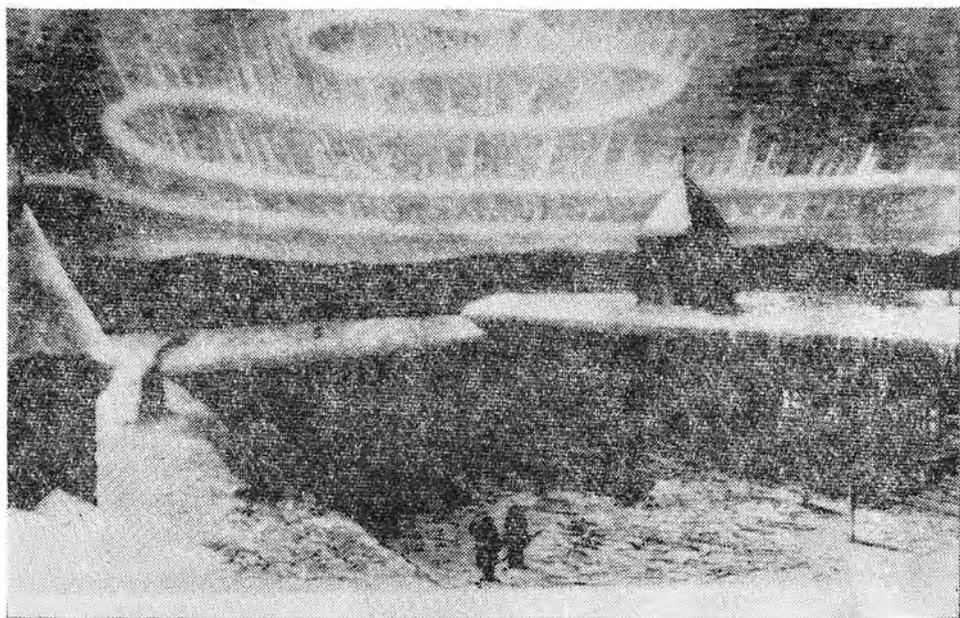
25 февраля Загоскин, Никитин, Пахомов, Курочкин, Баженов, Иванов и проводник на пяти туземных нартах с некоторым запасом продовольственных товаров оставили Нулато. Загоскин и проводник шли впереди, а остальные, имея перед собой по две собаки каждый, впряглись в ляжку и тащили свои нарты. Придерживались реки, по которой кое-где встречались редкие селения, состоящие из одной-двух семей. Во время ночлегов Загоскин, внимательно наблюдавший природу, добросовестно заносил все в дневник. С горьким юмором сообщает он о средствах от мучительной боли в ногах после долгих пеших переходов: «...покой и терпение, первое не всегда может быть приложено к делу, а последним запасаются все посвящающие себя скитальческой жизни»¹.

1 марта вышли на приток Квихпака Юннака и продолжали путь по левому его берегу. Когда встречались селения, ночевали в них, а чаще останавливались на ночлег прямо в лесу, раскладывая брезент между деревьями и разводили костер. 4 марта добрался до селения Хотылькат. Это был крайний пункт, до которого доходил проводник Загоскина. Против селения с нагорной стороны находится устье речки Хотыльно, текущей с запада в Юннака. Здесь встретилось неожиданное препятствие. Никто из жителей не соглашался проводить экспедицию до верховья реки Бокланд, впадающей в залив Коцебу. Никакие обещания Загоскина не помогали. Свой отказ местные жители объясняли наступлением весны, а с ней и сезона промысла оленей, а также страхом: жители залива Коцебу враждебно относились к русским и не раз уже просили выжечь русское селение в Нулато.

К вечеру 6 марта все мужчины из селения действительно ушли в горы, и у Загоскина не было другого выхода, как продолжать путь самостоятельно, без проводника. Пользуясь описаниями, данными ему оставшимся в селении стариком, Загоскин 8 марта вышел к заливу через горы, поросшие еловым лесом. Широкая проезжая дорога и заломы верхушек небольших деревьев служили путешественникам вехами.

На другой день случилось происшествие, едва не стоившее Загоскину зрения. Вот что писал об этом сам путешественник: «При остановках на ночлеги, не приводилось мне оставаться праздным: мое дело было разгребать снег, рубить и устилать хвою. Вчера ввечеру остановясь под вет-

¹ Л. А. Загоскин. Пешеходная опись..., ч. 1, с. 108.

Вид Нулато.

вистой елью, следовало срубить один сук, который нам мешал. Ударив по дереву топором, чтобы отряхнуть снег, я почувствовал, что засорил глаз. В ночь глаз заплыл опухолью. Делать было нечего, пошли с утра назад, но пройдя около полуторы мили, я совершенно измучился от нестерпимой рези. Если бы возможно было ехать на нарте, то на открытом воздухе это не принесло бы облегчения. Возобновленные операции нянюшкиных вылизываний не помогали. Наконец, тунгусу пришло в голову попробовать достать соринку концом ремня и опыт увенчался успехом, только осталась небольшая царапина, да один глаз отказался в верности при наблюдениях»¹.

Едва Загоскину стало легче, как он приказал снова продолжать путь. 10 марта, определив свое место и «убедясь в действительных сношениях туземцев с реки Юннака с проживающими по берегам Коцебу-Зунда, я решил воротиться, потому что не имел ни времени ни способов обследовать самое побережье»².

Обратный путь до Нулато был еще более трудным. Оттепель превратила снег в месиво, и приходилось идти по утрам. Пользуясь тем, что местные жители промышляли оленей, зная, что в Нулато с продовольст-

¹ Л. А. Загоскин. Пешеходная опись..., ч. 1, с. 114—115.

² Там же, с. 115.

вием плохо, Загоскин запасся олениной. 18 марта экспедиция благополучно прибыла в Нулато. Загоскин сразу же засел за обработку журнала и за доклады для представления их в Ново-Архангельск. Курьера с депешами провозжали до Хоголтлинде. Загоскин определил в селении астрономический пункт.

В Нулато, куда возвратились к 1 апреля, вскоре начали готовиться к летнему походу 1843 года. 5 апреля в экспедицию прибыл служащий компании Ф. Дмитриев. Усиленно запасали провизию, а Загоскин все свободное время отдавал «сбору естественных предметов в стране». 19 мая спустили на воду сделанную здесь лодку. Невод для рыбной ловли собственноручно изготовил Загоскин. В вопросах рыболовства из всех участников экспедиции он был самым сведущим: сказался опыт, приобретенный на службе на Каспийском море до поступления в Российско-Американскую компанию.

За время пребывания в Нулато Загоскин написал очерк по истории, статистике, географии и экономике района редута Нулато, назвав его «Общий очерк состояния заселения в Нулато; материалы по топографии и климатологии этого края».

4 июня вечером экспедиция отправилась вверх по Квихпаку в прежнем составе. Только Курочкина, у которого был прострелен палец, заменил креол Никифор Талижук. За веслами сидели шесть участников похода, за рулем — Загоскин. В светлое время суток плыли, на ночь выбирались на берег и расставляли палатку, чтобы спастись от комаров и москитов. «Не сказать о комарах и мускитах (москитах — А. А.), — пишет Загоскин, — ни слова, значило бы умолчать об ощутительнейшем мучении, которое привелось нам испытать во время этого похода»¹. Но в конце концов путешественники привыкли и к комарам.

Ни на минуту не забывая об интересах компании, Загоскин не прекращал и научных занятий; описывал плесы, берега, наблюдал за уровнем воды в реке, регулярно производил астрономические определения. Загоскин просит извинения читателей за утомительное описание и тут же объясняет, что он «принужден их показывать в руководство будущим исследователям. Не век же брать проводников»². Взятый в селении Уньльгачтох 7 июня проводник предупредил, что, если идти дальше вверх, селения будут встречаться редко, и поэтому Загоскин распорядился захватить с собой побольше сухих продуктов. Для разездов по реке, охоты и разведки в дополнение к лодке приобрели берестяную байдарочку, обшили ее сивучьей кожей и тащили на буксире. Местные жители встречали путешественников приветливо, исполняли в их честь свои танцы, часто продолжавшиеся до утра.

22 июня прибыли в селение Минхотлянто, где Загоскин по просьбе жителей продемонстрировал им действие русского ружья. Он выстрелил рикошетом по воде. «Надобно было видеть удивление туземцев когда

¹ Л. А. Загоскин. Пешеходная опись..., ч. 1, с. 126.

² Там же, с. 129.

вслед за вспышкой показались брызги означаемые скачками пули; но они еще более были приведены в изумление, когда на лету я убил ласточку и при рассмотрении они не нашли никакой видимой раны»¹.

30 июня подошли к мелководью вблизи впадения в Квихпак реки Ноггойя. Загоскин решил, описав верховье реки, возвращаться обратно. «Выждать времени я не мог, — писал он, — тем более, что нам предстояло в других местах исполнение дальнейшей поручений»². На высоком двухсаженном яру в память пребывания в верховьях Квихпака Загоскин и его спутники поставили крест с надписью. 1 июля начали спускаться по течению. С местными жителями встречались теперь уже как с добрыми старыми знакомыми.

7 июля путешественники прибыли в Нулато. Загоскин не собирался здесь долго задерживаться и думал, окончив обработку материалов последнего похода к верховьям реки и подготовку к следующему, отправиться вниз по Квихпаку. Но осуществлению этих планов помешали слухи о передвижении воинственного племени галеймютов. Оказалось, что такие слухи распускают такаяксанцы, известные коварным отношением к русским. 20 июля они на сорока двух лодках попытались попасть на редут Нулато. Так как их вовремя заметили, они были принуждены подойти к редуту, и здесь Загоскин при всей команде, поставленной во фронт, поговорил с ними, а затем отпустил с миром, распростившись «как с добрыми приятелями». Все эти обстоятельства задержали дальнейшее продвижение экспедиции до августа.

2 августа в восемь часов утра «не без грусти» оставили редут Нулато и начали спускаться по великой реке. Загоскин не только не тяготился таким продолжительным путешествием, но, наоборот, оно все больше и больше увлекало его. «Вот слишком год, — записал он, — как я в сообществе простолюдинов и ежедневно среди так называемых дикарей, но первые ревнуют об общей пользе отечества и беседы с ними никогда не наскучая, часто были мне поучительны; вторые, по нравам и обычаям своим, побуждают мое любопытство и участие»³.

Двигаясь вниз по реке, Загоскин большую часть времени занимался исследовательской работой, описывая не только реку, но и по возможности ее притоки. 14 августа подошли к устью реки Анвиг, известной тем, что жители селения на ней первыми во внутренних районах Аляски дружелюбно приняли русских в 1835 году. Они, как, впрочем, и большинство населения по Квихпаку от Нулато до устья, промыслу зверя или ловле рыбы предпочитают торговлю, скупая для этого меха, дичь у других племен и перепродавая все это русским.

19 августа вблизи устья реки Иннока путешественники остановились на ночлег у «известного по всему низовью Квихпака торговца, прозванного русскими Заплатка... И сам Заплатка и повод приданного ему прозвища, мне кажется достойны сохранения в исторических материалах

¹ Л. А. Загоскин. Пешеходная опись..., ч. 1, с. 138—139.

² Там же, с. 145.

³ Там же, с. 165.

этого края, — отмечает Загоскин. — Вследствие первого путешествия Глазунова по Квихпаку, зимою 1834 года, явился в следующую весну к редуту бодрый старик в изношенной выхухоловой парке, покрытой множеством заплат. Оставляя байдару на воде, старик вынул сверток бобров и явился к управляющему. Казалось, на свои пять шкур он желал закупить всю лавку; справлялся с ценностью каждой вещи, перерывал бисера, корольки, табак и прочее. Управляющий терпеливо объяснил употребление и цены каждого предмета. Старик слушал, соображал и уехал, не купив ничего. На утро он возвратился на байдаре с полотораста бобрами, как знаток, выбирал потребные для себя товары, был обласкан управляющим, скоро сдружился с служителями, которые, хваля его тароватость, часто в шутку приговаривали: «Ай-да Заплатак»¹.

На всем протяжении от Нулато до Икогмюта река Квихпак широкая и судоходная. Правый ее берег высокий и гористый. В пяти милях от селения Икогмют высятся величественные сопки из зеленой яшмы и затвердевших глинистых пород. Левый берег реки луговой, с редким, но хорошим строевым лесом. К вечеру 23 августа экспедиция прибыла в Икогмют. Позади было около 700 верст пути по великой реке Аляски — Квихпаку. Здесь предстояло провести все оставшееся летнее время и осень, а зимой Загоскин предполагал быть на реке Кускоквим.

Прежде всего он распорядился послать в Колмаковский редут двух местных жителей в надежде получить известия от А. К. Этолина. Одновременно были посланы люди и вниз по Квихпаку, чтобы выяснить причины опоздания лодок, следующих с продовольствием в Нулато и с командой в Икогмют. Совершенно неожиданно 29 августа прибыла команда, доставив много радости всем участникам экспедиции и жителям селения, а Загоскину особенно. Он впервые за время скитания по Аляске получил письмо с родины и из Ново-Архангельска, «свиделся с деньщиком, которого оставил в безнадежном состоянии, и был рад ему как родному». По этому поводу началось празднество, тем более, что «из Ново-Архангельска прислано было, для освежения команды около ведра рому: с первой чаркой понеслось общее спасибо и здравие на многие лета внимательному начальнику; вторая отразилась в песне; третья успокоила всех»².

2 сентября возвратились посланные из Колмаковского редута и принесли весьма неутешительные вести. Продовольствия и людей в редуте было явно недостаточно, чтобы идти на Кускоквим, не оказав редуту никакой помощи. Поэтому Загоскин решил с наступлением санного пути часть запасов перебросить туда.

Отличной подготовкой и благополучному ходу экспедиции Загоскин во многом был обязан своим славным сподвижникам. О них он пишет тепло и с любовью следующее: «По всему Квихпаку ни один туземец на бегу не перегонял Никитина; пятерых вместе перетягивал на палке Дмитриев, и никто из дикарей в своей же пляске не мог сравниться с Ку-

¹ Л. А. Загоскин. Пешеходная опись..., ч. 1, с. 175.

² Там же, ч. 2, СПб, 1848, с. 2.

рочкиным. Мне оставалось, возможными поощрениями сохранить этот дух в команде, столь много способствующей к перенесению трудностей нашей бродячей жизни¹.

С 8 по 20 ноября был редкостный ход миноги, которую ловили все жители местных селений днем и ночью, делая большие запасы своего излюбленного лакомства. Участники экспедиции за это время, «не весьма прилежно» наблюдая за орудиями лова, поймали до восьми тысяч миног. Утром 23 ноября при небольшом морозе шесть нарт экспедиции, на каждой из которых было не менее пяти пудов груза, вышли к редуту Колмакова. «Зимний путь по рекам везде одинаков, — пишет Загоскин, — то по весьма скользкому льду так, что свежим ветром сбивает с ног и собак и человека; то по обнаженным от снега косам и середкам, на которых камешником дерет полозья; то наконец чрез снежные сугробы, надутые на торосы»².

Ни на один день не прерывались научные наблюдения во время похода: проводили опись, два раза в сутки — в восемь вечера и в восемь утра — метеорологические наблюдения. Все это, а также и этнографические заметки заносили вечером в журнал. 25 ноября прибыли в селение Паймют, откуда предстоял путь на реку Кускоквим. С помощью Заплатки удалось найти двух проводников — никто не соглашался в такое суровое время идти один. 26-го пошли сначала вверх по притоку Уалика, а затем по чистой тундре, пересеченной кое-где небольшими горами и мелкими озерами. 30 ноября проводники заявили, что они сбились с пути. Загоскин вел все время прокладку пути на карте, и теперь ему пришлось принять «на себя звание провожатого». «Через горы, доли и леса» отряд вышел на реку Кускоквим с отклонением всего в четверть мили от селения Тулукагнак, куда намечено было выйти.

Вторая по величине река Аляски, шириной до ста саженой, так же величественна, как и Квихпак. Правый гористый берег ее состоит преимущественно из гранитных пород. «Левый берег покрыт лесом, среди которого змеятся многие горные потоки и рассеяны небольшие озера, изобилующие речною рыбою; в двадцати милях от него тянется в параллель реки горный хребет, до двух тысяч фут, составляющий раздел вод Кускоквима от озер Нушагакских»³.

3 декабря прибыли в Колмаковский редут. Там Загоскин пожал руку ветерану русского заселения на Аляске, воспитаннику А. А. Баранова, управляющему редуту Ивану Лукину. У него особая нужда была в табаке и жире. Загоскин помог ему, дав в долг до весны необходимое из своих запасов. Только 10 февраля 1844 года Загоскин смог продолжить экспедицию. За это время он настолько хорошо изучил быт и условия местных жителей, что написал важные для науки «Материалы для этнографии»⁴, не потерявшие ценности и до наших дней, как, впрочем, и все

¹ Л. А. Загоскин. Пешеходная опись..., ч. 2, с. 7.

² Там же, с. 9.

³ Там же, с. 13.

⁴ Там же, с. 16—42.

его описания. В течение этого же времени члены экспедиции дважды сходили за запасами в Икогмют. 24 января произошло несчастье: туземцы, рассматривая последний оставшийся термометр, разбили его и тем самым лишили Загоскина возможности производить наблюдения за температурой.

Целью этого похода было исследование реки Иннока, притока Квихапака. Спустившись несколько по Кускоквиму, начали переход к долине Иннока (или Чагелюка). 11 февраля прошли горный перевал, а 14-го перебрались на правый берег реки Уаллик, продолжая придерживаться курса на северо-запад. Проводник не достаточно хорошо знал дорогу и начал сбиваться с пути. К счастью, набрели на одинокую хижину. Хозяин ее согласился сопровождать экспедицию до ближайшего жилья. 16-го с его помощью добрались до реки Иннока и начали подниматься вверх. Жители встречали путешественников доброжелательно, приглашали на обратном пути остановиться у них. 27 февраля дошли по реке до места, до которого в 1839 году доходил Колмаков. Не пошел дальше и Загоскин. Обратный путь не занял много времени, и уже 10 марта экспедиция снова была в Икогмюте.

Настало время готовиться к последнему этапу — путешествию по Кускоквиму. С собой Загоскин решил брать только тех, кто хорошо умел управлять байдарками. В Икогмюте оставались денщик со всеми запасами и журналы прошлых походов, Петров и больной Курочкин, а также и Дмитриев для временного исполнения обязанностей коменданта редута. Все для экспедиции было готово, оставалось только ждать вскрытия рек. Загоскин использовал время для подготовки «Материалов этнографических и статистических относительно краснокожего племени Тынайцев»¹.

4 апреля по уже хорошо знакомому пути отправились в редут Колмакова и 10-го прибыли туда. Кускоквим еще не вскрылся, и в ожидании ледохода занимались самыми разнообразными делами. Как отмечает Загоскин, «проживая на месте, мы на месте не сидели»². Охота, лечение болезней, похороны, литературные и научные занятия — вот далеко не полный перечень обязанностей начальника экспедиции. К ним нужно прибавить хозяйственные дела и подготовку к предстоящей летней экспедиции.

3 мая тронулся лед на Кускоквиме, а 8-го ледоход кончился. Начиналось лето, зазеленел тальник, кое-где на ольховнике лопались почки. Отпраздновали праздник троицы, который навеял «невыразимую тоску» по родным рязанским местам (Загоскин был родом с Рязанщины), и 19 мая утром отправились вверх по Кускоквиму. Экспедиция выглядела внушительно: две байдары составляли собственно экспедицию, затем шла байдара управляющего и байдара с переводчиком и товарами для меновой торговли.

Загоскин сразу же занялся обычными наблюдениями и астрономи-

¹ Л. А. Загоскин. Пешеходная опись..., ч. 2, с. 59—68.

² Там же, с. 77.

ческими определениями. При этом обнаружилось несходство их с наблюдениями побывавшего ранее в этих местах И. Я. Васильева. В байдаре Загоскин устроился со всеми возможными удобствами. «Не сужу о других конструкциях (имеется в виду конструкция байдары. — А. А.), — пишет он, — но в построенных ныне для экспедиции так называемых грузовых, я — как дома»¹. Несмотря на удобства, байдара оставалась байдарой, плавать на которой против течения, хотя и более спокойного, чем на Квихпаке, было трудно. Иногда приходилось бросать весла и впрягаться в бечеву. Река неширокая — не превышает трехсот саженей. Правый берег гористый, с оснаженными вершинами, левый — из низменных холмов, поросших оленьим мохом. За селением Хулиткак река попадает в «щеки», протекая в «ярах и утесах от трехсот до пятисот футов. высоты, покрытых частью горелым, частью молодым лесом»².

Некоторое разнообразие аляскинской природы скрашивалось различными происшествиями. Загоскин отмечает, что они очень часто видели медведей. «Нынче с полчаса смотрели на одного, как забавно и с какими осторожностями он скрадывал журавля. В свою очередь ленной журавль, не имея сил к значительному перелету, перескакивая с места на место, как бы дразнил медведя»³.

От селения Тальготно ширина реки заметно уменьшилась и составляла 50—70 саженей, спокойнее стало и течение. Чувствовалось, что приближались к верховьям реки. По правому берегу, почти не прерываясь, тянулась цепь невысоких гор, выходящих к реке лесистыми ярами. Левый берег был более низменным, горный хребет уходил все дальше и дальше к горизонту. 29 мая на летниках Хунанилинде путешественники были встречены ружейным салютом, который произвел в их честь тойон здешних мест, награжденный еще по представлению Ф. Колмакова медалью «Союзная Россия». Ландшафт менялся с каждым днем. Теперь уже и правый берег представлял собой тундру, усеянную небольшими озерами. На невысоких буграх росли низкорослые и тонкие лиственницы. По вечерам и ночью досаждали жестокие комары.

31 мая Загоскин решил остановить экспедицию и возвращаться обратно. Предварительно он собрал подробные сведения о верховьях Кускоквима. «Заманчиво было достигнуть верховьев Кускоквима», — пишет Загоскин, — но дела компании не ждали. Задержка экспедиции повлияла бы на исход отправки промыслов в Александровский редут. «С грустью принуждены мы были обратиться назад»⁴, — записал он в своем дневнике. Обратный сплав прошел быстро, и 5 июня экспедиция прибыла в Колмаковский редут. Недолгие сборы, затем проводы, и по не раз хоженной дороге отправились в путь. 10-го вечером были в Икогмюте. К радости Загопкина, переводчик здесь был здоров, а байдара готова к плаванию в Михайловский редут.

¹ Л. А. Загоскин. Пешеходная опись..., ч. 2, с. 90.

² Там же, с. 93.

³ Там же, с. 97.

⁴ Там же, с. 103.

13 июня, простившись с жителями Икогмюта и сопровождаемые командой икогмютской артели, путешественники поплыли вниз по Квихпаку. Широкая полноводная река, разбитая здесь на три протока, быстро несла байдары. У селения Анкочаг ширина ее достигла полутора миль. В горизонтальных сечениях правого берега кое-где хорошо видны были куски сплошного кварца, яшмы и обломки мелкозернистого песчаника. Загоскин едва успевал производить свои наблюдения — так быстро двигалась байдара. Но для астрономических определений неизбежно приходилось делать остановки. 17 июня путешественники вышли к морю. Пробыв на устье два дня, 20-го отправились вдоль берега к Михайловскому редуту. Шли на веслах всю ночь и в семь часов утра 21 июня 1844 года прибыли туда же, откуда вышли один год, шесть месяцев и шестнадцать дней назад, проделав за это время пешком и на лодках около пяти тысяч верст.

5 августа на том же бриге «Охотск» Л. А. Загоскин вышел из Михайловского редута и 26 сентября прибыл в Ново-Архангельск, тепло встреченный его жителями. Самая крупная и самая результативная в истории исследования внутренней Аляски экспедиция была окончена. Научные результаты ее, добытые с затратой таких ничтожных средств, превзошли все ожидания. Описаны и положены на карту были бассейны рек Квихпака и Кускоквима, а также западная и южная части залива Нортон. При этом астрономически определено 40 пунктов, послуживших надежной основой для нанесения на карты указанных рек. Основные их притоки Загоскин исследовал на расстоянии до ста миль.

Метеорологические наблюдения дали богатый материал о закономерностях климата Аляски. Загоскин собрал большие естественные коллекции по зоологии, ботанике и минералогии. И, наконец, исключительную ценность представляют собой работы и материалы Загоскина по этнографии и статистике. Помимо историко-статистико-этнографических описаний, была собрана коллекция оружия, одежды, домашней утвари народов, населяющих исследованные Загоскиным части Аляски. Впервые составлен «Краткий словарь двух племен народа ттынай» и «Краткий сравнительный словарь наречий намоллов и кадьакцев с наречиями туземцев, проживающих по берегам Берингова моря».

Но главным результатом следует считать установление Загоскиным хороших контактов с местным населением, которое после экспедиции стало относиться более дружелюбно к русским, находившимся в редутах. Немаловажное значение для компании имело и то обстоятельство, что благодаря экспедиции Загоскина наметились основные пути торговых операций, выяснились возможные возможности бассейнов рек Юкона и Кускоквима. Небезынтересно привести следующий факт. По подсчетам современников¹, экспедиция Загоскина не только оправдала затраченные на ее осуществление незначительные средства, но и принесла еще более 655 рублей прибыли. Современники Загоскина утверждали, что он «не

¹ «Отечественные записки», 1848, т. 56, № 2, отл. VI, СПб, с. 95.

П. А. Тихменев. Фотография из фонда Хабаровского краеведческого музея им. В. К. Арсеньева.

только исполнил поручение колониального начальства, но и обогатил науку своими исследованиями этого отдаленного и малодоступного края. Поэтому его «Пешеходная опись» — книга столько же занимательная для обыкновенных читателей, сколько полезная для ученых»¹.

«Экспедицию эту должно признать во всех отношениях весьма успешною, — отмечает П. А. Тихменев². — Из отчета г. Загоскина видно, что в продолжение двух лет его путешествия (1842—1844), независимо от исследований по части статистики, этнографии, геологии, ботаники и пр., река Квихпак была осмотрена им на протяжении 600 итальянских миль; р. Кускоквим на протяжении 250 и главнейшие из притоков первой на 100 миль от своих устьев. Все замечательнейшие промежуточные пункты, в числе более 40, определены были г. Загоскиным астрономически, равно как и сообщения между реками исследованы со всевозможной точностью»³.

В исследовательской работе Л. А. Загоскина важно то, что все наблюдения были им своевременно обработаны, изданы и стали доступны не только заинтересованным лицам, но и широкому кругу читателей. В 1849 году по предложению академика А. Ф. Миддендорфа труды Л. А. Загоскина были удостоены Российской Академией наук Демидовской премии. Промышленный поход Загоскина превратился в научную

¹ «Сын Отечества», кн. 9, СПб, 1848, «Критика», с. 42.

² Тихменев Петр Александрович (1825—7 сентября 1888) — участник плавания на фрегате «Паллада», автор «Исторического обозрения образования Российско-Американской компании». С 1882 года — начальник Кронштадтского архива. Капитан 1-го ранга.

³ П. А. Тихменев. Историческое обозрение..., ч. 2, СПб, 1863, с. 197.

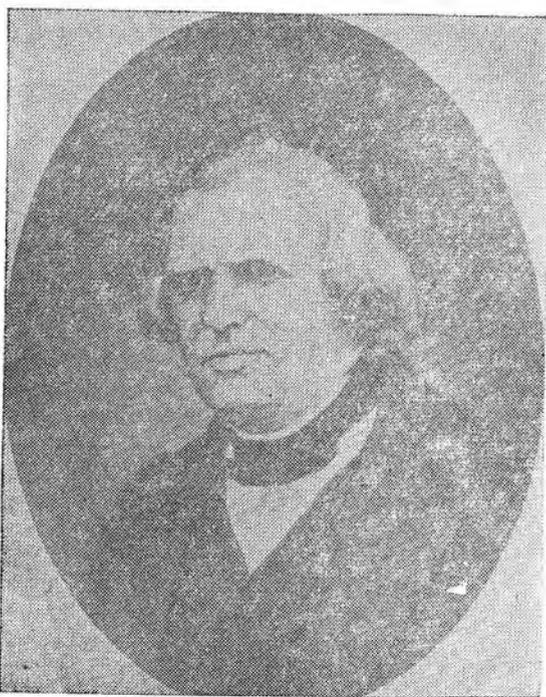
экспедицию по исследованию внутренних глубинных районов Аляски. Загоскин составил генеральную карту северной части Аляски, примыкающей к Берингову морю, собрал ценнейшие материалы по общей географии Аляски, ее климату, гидрографии и гидрологии рек; исключительно важны и его этнографические исследования.

Поскольку срок пребывания Загоскина в Русской Америке закончился, то 16 мая 1845 года он вышел на корабле «Наследник» из Ново-Архангельска в Охотск. Проезжая через Иркутск, Загоскин снова навещал семейство Волконских, где показывал свои этнографические коллекции и даже подарил некоторые экспонаты Марии Николаевне. От нее Загоскин получил драгоценную записку, которую сохранял всю свою жизнь. 23 марта 1847 года по прошению он был уволен с чином капитан-лейтенанта с мундиром и положенной пенсией. До конца жизни Л. А. Загоскин не порывал связей с наукой. Прогрессивный общественный деятель своего времени, он приветствовал раскрепощение крестьян, не мирился с продажей Аляски и использовал все средства, чтобы показать бесправие и тяжелую жизнь крестьянства. Скончался он в Рязани 22 января 1890 года.

Замечательный путешественник, выдающийся ученый, писатель и мореплаватель, отзывчивый и честный человек, патриот своей Родины — таким остался в памяти русских людей Лаврентий Алексеевич Загоскин.

Одновременно с путешествиями Л. А. Загоскина проходила в Русской Америке деятельность неутомимого путешественника и исследователя Ильи Гавриловича Вознесенского (19 июня 1816 года — 17 мая 1871 года). Об этом замечательном человеке, подлинном труженике, подвижнике науки, к сожалению, написано очень мало. Имя его известно преимущественно специалистам — зоологам, этнографам, антропологам и мало что говорит неискушенному читателю. В 1967 году советские этнографы и антропологи выпустили сборник «Культура и быт народов Америки», посвященный 150-летию со дня рождения И. Г. Вознесенского. Сборник открывается статьей Р. Г. Ляпуновой «Экспедиция И. Г. Вознесенского и ее значение для этнографии Русской Америки», в которой приводится карта путешествия И. Г. Вознесенского, созданная в 1951 году Б. Э. Бломквист, и несколько рисунков Вознесенского, впервые воспроизведенных также Б. Э. Бломквист. Остальные статьи сборника посвящены этнографии и основаны в значительной мере на этнографических коллекциях путешественника. К столетию со дня рождения Вознесенского была издана его биография «Илья Гаврилович Вознесенский», написанная К. К. Гильзен¹. Несколько страниц очерка «Неутомимый препарат» посвящено Вознесенскому автором в книге «Сыны отважные России» (Магадан, 1970). Можно еще упомянуть о рукописном труде К. К. Гильзена, оставшемся до сего времени неопубликованным. Этим по

¹ К. К. Гильзен. Илья Гаврилович Вознесенский. К столетию со дня рождения. Сб. МАЭ, т. III, 1916, с. 1—14.

И. Г. Вознесенский.

существу и ограничивается научная и популярная литература о Вознесенском.

В Архиве Академии наук в Ленинграде хранится фонд И. Г. Вознесенского, с которым в течение 1968—1971 годов мне довелось знакомиться. С этим фондом работали ботаники, зоологи, антропологи и, разумеется, этнографы. Почему-то десятилетнее странствование И. Г. Вознесенского по всему свету и преимущественно по Русской Америке и Дальнему Востоку прошло мимо внимания историков и географов. В самом деле, известные нам еще две работы — Б. А. Липшиц и М. В. Степановой, опубликованные в географическом журнале, носят по преимуществу этнографический характер¹. Вероятно, это можно объяснить особенностями ведения дневников Вознесенским, трудностью чтения его бумаг из-за чрезвычайно мелкого и неразборчивого почерка и тем, что путешественник не обработал свои записи, не систематизировал их и не оставил опубликованного наследия.

¹ Б. А. Липшиц. Этнографические материалы по северо-западной Америке в архиве И. Г. Вознесенского. — ИВГО, 1950, т. 82, вып. 4, с. 415—420; М. В. Степанова. И. Г. Вознесенский и этнографическое изучение северо-запада Америки. — ИВГО, 1944, т. 75, вып. 5, с. 277—279.

Л. А. Шур разобрал часть дневников И. Г. Вознесенского, относящуюся к его пребыванию в Калифорнии¹.

Кем же был И. Г. Вознесенский? Он родился в Петербурге в семье инвалида унтер-офицера, служившего в Академии наук, с которой была в дальнейшем связана и вся жизнь путешественника. Сначала ученик наборщика, затем ученик препаратора Зоологического музея, участник экспедиции академиков Э. П. Менетрие и К. А. Мейера по Закавказскому краю и, наконец, помощник препаратора. По словам академика А. А. Штрауха, «он получил, соответственно общественному положению своих родителей, самое элементарное образование»².

В мае 1840 года в Русской Америке появился препаратор Зоологического музея Академии наук Илья Гаврилович Вознесенский. Годом раньше туда прибыл Загоскин. Пути их не раз перекрещивались на просторах Тихого океана, на Алеутских островах и на побережье Северной Америки. Появление Вознесенского было обусловлено тем, что ученые учреждения России всегда интересовались огромными заокеанскими территориями, почти неизученными в естественно-научном отношении.

Гидрографическими исследованиями занимался преимущественно Гидрографический департамент. Российско-Американскую компанию интересовала наряду с изучением морей и морских подходов к Русской Америке еще и география внутренних частей Аляски. Физико-географическими исследованиями, изучением животного и растительного мира, полезных ископаемых призвана была заниматься Академия наук, куда не было создано Русское Географическое общество. Она посылала своих представителей, крупных ученых в кругосветные и полукругосветные плавания, во время которых можно было увидеть природу Русской Америки. Такие посещения учеными русских владений в Америке были полезны в научном отношении, но кратковременность их не позволяла накопить достаточно большое число наблюдений и материалов, нужных для научных обобщений.

Когда в Академии наук встал вопрос в 1839 году о сборе коллекций животных и растений в Русской Америке, то единодушно было принято предложение академика Ф. Ф. Брандта направить для этой цели Вознесенского. 2 августа это решение было утверждено конференцией Академии наук. Вознесенский отправлялся на три года с двойным окладом жалованья, и на приобретение коллекций ему выделялось 1 200 рублей в год. Все расходы по доставке Вознесенского в Русскую Америку, а также по перевозке грузов, переездам правление Российско-Американской компании взяло на себя.

Инструкцию по ботанике для Вознесенского написал академик Ф. Фишер, обративший особое внимание на флору Ситхи. «Флора самого

¹ Л. А. Шур. Путевые записки и дневники русских путешественников как источник по истории Калифорнии (первая половина XIX в.). — «Американский ежегодник 1971». М., «Наука», 1971.

² А. А. Штраух. Зоологический музей Императорской Академии наук. — «Записки Академии наук», т. LXI, № 3, Приложение. СПб, 1889, с. 46.

острова Ситхи не совершенно известна... Флора Калифорнии в окрестностях колонии Росс чрезвычайно богата и любопытна во всех отношениях», — писал он и наказывал «собирать флору Российско-американских владений, и каждый год, сколько возможно в многочисленных экземплярах»¹.

По этнографии Вознесенский получил указания от консерватора Зоологического музея Шрадера. Директор Зоологического музея Ф. Ф. Брандт в первом пункте инструкции обязанности Вознесенского изложил так: «1). Собирать и приобретать покупкою для музея Академии наук предметы естественной истории, как животного, так и растительного царства, кои имеет надлежащим образом приготавливать и сохранять и 2). Научать способных в колонии людей собиранию, приуготовлению и сохранению животных и растений, дабы можно было отправлять таковых в разные места колонии, так как Вознесенскому не удастся самому на всех быть»². Подчиняться он должен был непосредственно Главному правителю Русской Америки.

20 августа 1839 года на транспорте «Николай» Российско-Американской компании, которым командовал капитан-лейтенант Николай Кондратьевич Кадников, Вознесенский отправился в далекое плавание. На транспорте шел и новый правитель Русской Америки капитан 2-го ранга А. К. Этолин. Во время плавания судно посетило Копенгаген и Плимут. Затем со 2 октября по 29 ноября длился безостановочный переход по Атлантическому океану до берегов Бразилии. Здесь Вознесенскому просто повезло. Этолин и Кадников были заняты переговорами с бразильскими судостроителями о приобретении судна для компании. Трехнедельную остановку успешно использовал Вознесенский. Как раз прошли дожди, и пышная растительность на каждом шагу поражала воображение молодого натуралиста. Все это время Вознесенский проводил на берегу, собирая растения и животных в окрестностях Рио-де-Жанейро.

«Первоначальные зоологические мои поиски, — писал он, — во время кругосветного плавания начались с роскошных окрестностей Рио-Жанейро, где я едва было не лишился жизни. Однажды, занимаясь охотою на островке Ратас, я увидел небольшого зверя, который удалялся от меня очень медленно; ружье мое оставалось по другую сторону острова в лодке, а в руках на этот раз у меня ничего не было кроме рукоятки от мешка, коим ловил я тут насекомых; рассчитывая на быстроту своих ног, я опрометью пустился за зверем, торопившимся скрыться в камнях на краю берега; догоняя предмет моего преследования, я кинул в него палкою и в этот же момент с разбегу поскользнувшись упал с камня в море. Искусству плавания я не учился и не знал тогда, — подать помощь спасения было некому. Я был один, к счастью прилив волны, в которую я погрузился, пошел к берегу, меня бросило к скале и я уцепился в отвесном камне за кораллы, но вылезти не мог, оттого, что не находи-

¹ Архив АН СССР, ф. 53, оп. 1, д. 7, л. 1.

² Там же, д. 8, л. 1.

лось под ногами опорной точки, я висел несколько минут как улитка: волны то поднимали, то отрывали меня от спасительного утеса. Собравшись с силами и осмотревшись, я переменял злополучное положение свое, — ухватился за более надежный камень, высовывавшийся из скалы и, к счастью, в то же время мог опереться ногами, и таким образом вылезти на берег»¹.

А тем временем было куплено для компании второе судно — бриг «Константин». Оно также направлялось в Русскую Америку. 24 декабря вышли вместе в дальнейший путь. Моряки и с ними Вознесенский испытывали все трудности перехода вокруг мыса Горн, и 16 января 1840 года прибыли в Чили, в порт Вальпараисо. «В Хили (Чили. — А. А.) я имел случай сделать больше приобретений по части натуральной истории, потому что нашел себе ученых спутников: д-ра Солберга и пастора Сигнеуса, жаждавших также собиранием естественных коллекций, с которыми заблаговременно согласившись определить некоторую сумму денег служившею нам средством предпринять недалекую поездку во внутренность страны, жить на берегу — покойно и использовать время на наши занятия»². Время с 5 по 21 февраля 1840 года прошло в окрестностях Кильоты, где была и охота на кондоров, ловля и препарирование цапель, уток, фламинго, альбатросов, колибри, покупка товаров для меновой торговли в Русской Америке и прочее.

Затем снова переход, большой переход через весь Тихий океан. Начался он 22 февраля, а окончился 1 мая, когда «Николай» отдал якорь на ситхинском рейде, в столице Русской Америки — Ново-Архангельске. Главный правитель Иван Антонович Купреянов, начавший сдавать дела прибывшему Этолину, выделил в распоряжение Вознесенского двух креолов, которых Илья Гаврилович начал обучать препараторскому искусству. Один из них оказался неспособным, и Вознесенский не возлагал на него никаких надежд, а второй — Филат Дружинин всегда сопровождал его во время экскурсий по окрестностям Ново-Архангельска и оказался деятельным помощником и в других делах.

Первой продолжительной экскурсией, точнее, первым путешествием было путешествие в Калифорнию. 7 июля на той же «Елене» с тем же командиром Н. А. Кадниковым Вознесенский отправился в Северную Калифорнию и через две недели, 20 июля, прибыл в залив Бодега и ступил на землю проданного форта Росс, которым командовал (вывозил имущество) Александр Гаврилович Ротчев. Сначала Вознесенский жил на берегу этого залива в так называемом порту графа Румянцева, занимаясь преимущественно сбором орнитологических коллекций.

Перебравшись 1 августа в форт Росс, Вознесенский встретил самое радужное отношение к своим занятиям со стороны образованного Ротчева. За короткое время он сумел приготовить к отправке в Академию наук 15 ящиков с различными коллекциями, среди которых были и две

¹ Архив АН СССР, ф. 53, оп. 1, д. 27, л. 2 об.

² Там же.

бочки с «мягкотелыми животными в спирту». Эти коллекции были отправлены 16 октября в Петербург с кораблем «Николай», возвращавшимся в Россию и стоявшим в Сан-Франциско. «Из беспрестанных частных поездок, которых я сделал много, до отъезда моего в порт С. Франциско, заслуживает быть упомянута та, которая простиралась от Росса на север к мысу Мендосино; там в горах я провел несколько дней между дремучих лесов исполинских сосен: чаг и величественных кедров. Чтобы судить о величине лесов в Сев. Калифорнии я выпишу несколько слов из моих наблюдений: 1) срубленный кедр, который в отрубе имел от земли 2 аршина, высота была 77 аршин, ветви начинались от корня на 20 аршин; 2) другого кедра высота была 73 аршина, отруб от корня был 1 аршин и 2 вершка; первого ветви от засеки начинались на 44-аршинном расстоянии, диаметр отвала был 2 аршина; 3) чага, по измерении длина оказалась от земли до вершины 178 фут, диаметр 7 фут; 4) длина 201 фут, в диаметре $7\frac{1}{2}$ фут; 5) я видел одну сосну, вершина которой была сломана ветром и, когда оную срубили, то в отрубе от земли на 2 аршина диаметр толщины был 11 фут и 4 дюйма.

Таковые-то леса укрывают дикие племена индейцев Нового Альбиона, которые скитаются подобно зверям за защитой непроницаемых трущоб, удалившись от порабощения испанцев»¹.

Из форта Росс на лошадях верхом Вознесенский перебрался в Сан-Франциско, куда после трехдневного путешествия прибыл 23 октября 1840 года и находился там в его окрестностях до 20 февраля 1841 года. Жил он в районе Эрба Буэна у французского эмигранта Виктора Прюдона, содержавшего там лавку и трактир. За эти четыре месяца он совершил много поездок по побережью залива, побывал в Санта-Клара, Сан-Леандро, Сан-Антонио, Сан-Пауло и других местах, побывал в резиденции военного генерал-губернатора Верхней Калифорнии. Во время этих поездок, которые совершались при помощи моряков «Николая», стоявшего здесь, а затем и пришедшей сюда «Елены», Вознесенский встречался с капитаном порта А. Ричардсоном, Дж. Суттером, купившим форт Росс, с многими испанцами-миссионерами. Огромную помощь Вознесенскому оказывали находившийся на «Николае» И. А. Купреянов и А. Г. Ротчев.

Несмотря на то, что основной целью Вознесенского был сбор ботанических и зоологических коллекций, он не забывает о своем дневнике, в котором появляются записи о природе Калифорнии. Эти записи свидетельствуют о том, что Вознесенский был очарован ею. Вот как, например, он описал свой выход на баркасе из Сан-Франциско на ранчо Сан-Антонио в ноябре 1840 года: «Якорь был поднят, мы тихо стали отходить от берега... Ночь была прелестная, полная луна катилась высоко по темно-голубому небу, прозрачные тучи быстро неслись и скрывали светлый лик спутницы нашей, которая простирала к нам блеск свой и сквозь завесу покрывала. Оба берега чернелись в равном почти один от другого

¹ Архив АН СССР, ф. 53, оп. 1, д. 27, л. 5—5 об.

расстоянии, огни в казах (домах. — А. А.) Гербо-Буэны мелькали как метеоры; корабли, стоящие на якорях в заливе казались уже не огромными гигантами, а маленькими корабликами; свет луны ударял на распущенные паруса их... которые белелись и блестели...»¹

А вот как Вознесенский описал ранчо Сан-Антонио: «Я ходил на ранчу владельца С. Антонио, которая лежит верстах в 3-х от того места, где приставши был баркас наш. Усадьба эта гораздо лучшее имеет строение против ранчи Св. Павла, местоположение оной живописнее, большую красу придают окрестности два тенистых ручейка, которые вытекают из противоположащих гор и впадают в бухту залива; несколько каз раскинута по неровному месту, в середине дом владельца, довольно отличный против других домов, как и снаружи, так хорош равно и внутри по отличному порядку в домашнем обиходе...»²

С 20 февраля Вознесенский отправился на лодке по реке Сакраменто в имение капитана Суттера — Новую Гельвецию, где провел 31 день. Берега реки этой покрыты пышной растительностью, среди которой много дуба и лавра. «Калифорнийский лавр цветет с первыми дождями в ноябре м-це. Мною сорвано несколько ветвей с сего дерева в бытность мою в Св. Павла на берегу небольшой речки, но шумной, стекающей по глинистому грунту», — записал Вознесенский³.

Вместе с Суттером Вознесенский бродил по его земле, спал с ним в хижине, доходил до Трех гор, несколько раз переходил вброд золотоносные реки. Суттер помог ему в сборе различных коллекций, помог ему, в частности, достать индейские костюмы. Впоследствии Вознесенский записал: «Когда я привез с Рио Сакраменто индийские костюмы: моллок и куکشуй, то индейцы, видевши оныя, в сильном были страхе и удивлялись, как я могу держать в комнате подобную вещь, как куکشуй, в котором обитает сам сатана: они потом считали меня шаманом»⁴.

Илья Гаврилович возвратился в Эрба Буэну 2 апреля, откуда вскоре переехал в форт Росс, где первое время был занят сбором и упаковкой материалов. В мае — июне он исследовал реку Славянку от устья до верховьев, в «необозримых степях Сан-Пола гонялся за изюбрами, восходил на одну из высочайших гор, на вершине которой тогда еще никому не случалось быть»⁵.

В это время все были заняты эвакуацией форта Росс. В июле население его было переведено в Бодегу для перехода в Ново-Архангельск. Вознесенский эти дни жил в долине Хлебникова и продолжал свои исследования. И сейчас и ранее жители Росса постоянно помогали ему. В дневниках Вознесенского часто встречаются записи такого рода: «Дети

¹ Л. А. Шур. Путевые записи и дневники русских путешественников как источник по истории Калифорнии (первая половина XIX в.). — «Американский ежегодник 1971». М., «Наука», 1971, с. 318.

² Указ соч., с. 318.

³ Архив АН СССР, ф. 53, оп. 1, д. 1/1, л. 18 об.

⁴ Там же, д. 1/2, л. 8.

⁵ Там же, д. 28, л. 3 об.

Чеченева принесли мне из лайды два живых морских ежа и морскую звезду»; «Утром я получил от Андрея Мунина одну змею из рода боа и скелет дикой кошки»; «В полдень Александр Гаврилович (Ротчев) принес мне живого бурундука»; «Г. Черных убил недалеко от реки Славянки дикую козу, которую он прислал мне»; «Принесена мальчиком птичка из рода пеночек»; «Матрос Баранов сделал мне сеть на железном обруче для ловления моллюсков и пр. морских животных»¹.

Илья Гаврилович Вознесенский стал свидетелем и участником ликвидации форта Росс. 5 сентября он перешел на корабль вместе с последними жителями Росса и с ними же прибыл 4 октября 1841 года в Ново-Архангельск. Полтора месяца на сей раз провел здесь Вознесенский, подводя итоги сделанному, готовя к отправке в Петербург новые ящики с самыми разнообразными коллекциями. А затем снова в путешествие. На сей раз он шел в Южную Калифорнию.

23 ноября на корабле «Наследник Александр» Вознесенский направился туда. Корабль должен был принять там груз соли. А Вознесенский все это время мог находиться на берегу. Переход через океан был очень тяжелым и оставил много неприятных ощущений. Он длился более месяца. Все время штормило, были часто туманы. Лишь 10 декабря смог Вознесенский записать: «С того дня как вышли из г. Ситки и по сие число, мы не имели еще ни одного такого прекрасного теплого дня, каков был сегодня»². За сутки прошли 176 миль.

В воскресенье 14 декабря Вознесенский расстался с теплыми вещами, нагрудником, шерстяными носками и бараньей шапкой и надел летнюю одежду. На следующее утро прошли остров Гваделупа. Морской капусты было так много, что казалось, будто у бортов корабля целые плоты ее; кругом было множество чаек, морских черепах, фрегатов.

16-го вечером открылся берег, в котором опознали мыс Св. Лазаря, а на следующий день увидели берега Калифорнии. В этот же день в половине четвертого пересекли тропик Рака. Вознесенский записал 19 декабря в своем дневнике: «Цвет воды изменился, в океане был голубой, а теперь в заливе Калифорнийском — зеленовато-серый. Я заметил в кругосветном плавании, в плавании в Северную Калифорнию и теперь в Южную Калифорнию, что там, где цвет воды имеет вышесказанный колорит, который бывает преимущественно в заливах, проливах, бухтах — вода сильно ночью светится»³.

26-го числа Вознесенский вместе с помощником командира корабля Илларионом Ивановичем Архимандритовым плавал на байдаре на острове Кармел, где он обратил внимание на белоголовых фрегатов: «Прочая часть тела черная, как смоль, хвост длинный и развилстый. Летает очень гордо, быстро и высоко»⁴. Прибытие корабля в порт Лоретто Илья Гаврилович описал следующим образом: «В 12 часов пополудни (27 декаб-

¹ Архив АН СССР, ф. 53, оп. 1, д. 37, лл. 7, 10, 11 об., 12.

² Там же, д. 1/2, л. 6.

³ Там же, д. 1/4, л. 15 об.

⁴ Там же, л. 19.

ря. — А. А.) мы увидели в трубы, остроглазые креолы без вспомогательных средств, простыми глазами — сначала купол лоретской церкви и вершины зонтичных пальм, потом открылась площадь, обстроенная довольно высокими плоскокрыхими домами. В исходе 1-го часа якорь загремел из бухты во второй раз и мы остановились на глубине 11-ти сажен, почти пред Лореттою, в разстоянии от берега на четверть часа в езде. В эту же минуту спустили гичку. Капитан, суперкарго и я отправились на берег по тропически, т. е. под тентом; четыре гребца в красных рубахах (из креолов) ловко взмахнули веслами, быстро подлетели к берегу, и по камням с буруном вкатились в песчаную лайду. Несколько человек испанцев с дюжиною до трех ребятишек ожидали уже нас на берегу, столпившись в кучу. Впереди всех стоял толстый преклонный человек в форменном мундире, шитом серебром и с красными лампасами на панталонах, в мексиканской обыкновенной шляпе. Матрозы вынесли нас из гички на руках, и мы тотчас окружены были донами и сеньорами всех возможных имен, которые держа в левой руке пакелистку, как будто хотели нас запалить, а правую рукою отодвинули свои сомбреро на затылок»¹.

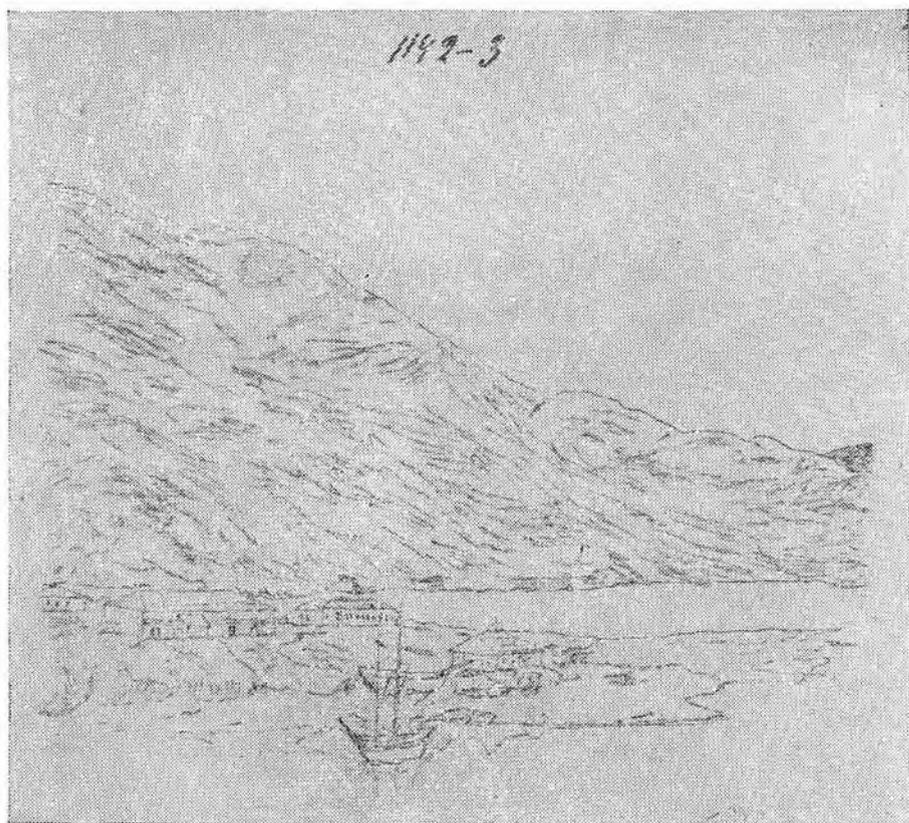
Пока команда занималась погрузкой соли, Вознесенский начал организовывать свои экспедиции по Южной Калифорнии. До 4 февраля он находился на берегу. За это время изъездил все окрестности, дважды посетил остров Кармел, потом производил поиски вокруг Лоретто и Эскондидо. И снова — большой сбор: одних растений 113 видов в 360 образцах. А затем обратный переход с 4 февраля до 19 марта, когда с полным грузом соли и с богатыми коллекциями корабль появился в Ново-Архангельске.

Три месяца до следующего путешествия Вознесенский провел в Ново-Архангельске. Все это время он почти каждодневно встречался с Лаврентием Алексеевичем Загоскиным, с которым он впервые познакомился во время плавания на «Елене» из Калифорнии в 1841 году. В дневнике Вознесенского сохранились такие краткие записи об этих встречах: 23 марта «Лаврентий Алексеевич подарил 2 маски и один бат колошенский»; «Лаврентию Алексеевичу Загоскину — три колибри из Южной Калифорнии: высушенных две и одна препарированная. Две зеленых и одна лиловая — самцы»; 27 марта «Лаврентий Алексеевич подарил одну маску еще колошенскую и круглую кость»; 28 марта «Лаврентий Алексеевич подарил мне два куска руды серебряной»; 29 марта «Лаврентию Алексеевичу подарил птицы Сандвичевых островов... им мне подарена колошенская резная аспидная ваза»; 2 апреля Загоскин подарил Вознесенскому китайскую зубочистку, ложечку для чистки ушей и прочее в футляре и так далее². Сам Загоскин упоминает в книге, что у Вознесенского он научился искусству препарировать птиц, рыб и животных.

Постоянно занимаясь препарированием и подготовкой к отправке оче-

¹ Архив АН СССР, ф. 53, оп. 1, д. 1/4, лл. 20 об. — 21 об.

² Там же, д. 37, лл. 18 об. — 20 об.

Остров Кадьяк. Рисунок И. Г. Вознесенского.

редной партии ящиков с коллекциями, Вознесенский пополнял свое образование, пользуясь возможностями Ново-Архангельской библиотеки. Так, в начале апреля он взял книги Карла Линнея, естественную историю Блюмменбаха, физиологию Г. Консбруха.

Тщательно готовился Вознесенский и к следующему путешествию на север Русской Америки. В июне он разговаривал с теми промышленными, которые часто бывали на Кадьяке и в Кенайском заливе, покупал для подарков и оплаты за будущие экспонаты, необходимые также и в путешествии порох, мыло, паклю, свечи, бумагу, нитки, сургуч, чернильный порошок, гвозди, ситец, чай, сахар, ленты, ножницы, серьги, кольца и другие товары.

Оказия для путешествия на север была хорошая: А. К. Этолин обходил владения Русской Америки на бриге «Промысел» и Вознесенский

отправился с ним. 22 июня 1842 года вышли к острову Кадьяк и 27-го стали на рейде Павловской гавани, откуда на байдаре Илья Гаврилович пришел в гавань. Тут он дальних походов не совершал, ожидая попутного корабля в Кенайскую губу, так как хотел сделать центром своих маршрутов по Аляске Николаевский редут. 7 июля такая возможность представилась. Вышли в Кенайскую губу. Первое время Вознесенский путешествовал вместе с «Промыслом», совместно с Этолиным побывал за время до 17 сентября в Орловской одиночке, откуда вернулись 13 июля, затем совершал экскурсии один: «Промысел» с Этолиным ушел в Ситху.

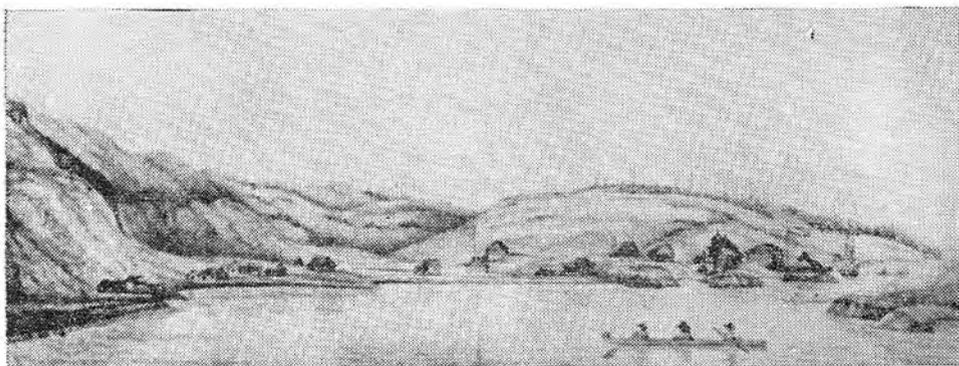
Два месяца Вознесенский находился в непрерывных путешествиях. В Кенае он оставался до 17 сентября и предпринял «путешествие во внутренность этой страны, ходил на снеговых хребты к отрогам Каменной горы и плавал в байдарках по Кенайскому заливу на остров Калеин, который лежит близ полуострова Аляксы, на реках Кокну (Касиловой) и по большому озеру, из которого вытекает эта река; для обозрения каменно-угольной формации и собирания горнокаменных пород северо-западного берега Кеная — я прошел для сего верст 80 от мыса Микешина до Качетмакской губы или Чукачик»¹.

С приходом брига «Квихпак» разъезды Вознесенского по окрестностям Кенайской губы прекратились: на зиму он перебрался в Павловскую гавань на Кадьяк. 19 сентября вышли из Кеная. За два дня до выхода Вознесенскому пришлось исполнять обязанности священника — крестить новорожденного, которому он дал имя Петр Балашов. Впрочем, Вознесенский делал это уже не первый раз, равно как и оказывал медицинскую помощь. 27 сентября пришли в Павловскую гавань. Прежде всего Вознесенский доложил по начальству (А. К. Этолину) об итогах своего пребывания на Кенайском берегу. Он, в частности, писал: «Приобретенные мною коллекции по части зоологии, ботаники, минералогии и этнографии состоят из значительного числа любопытных предметов, собранных на снеговых горах, называемых туземцами Трыыли, в окрестностях большого озера Тустамена, из которого и выходит река Касилова, с острова Кулшаха и многих других мест. По причине позднего моего прибытия на Кадьяк, к сожалению, не могу предпринять путешествие в Нушагак чрез Аляску; и для моих открытий, до наступления весны будут одни окрестности Кадьяка и близлежащие острова...»²

Сразу же пришлось положить в госпиталь ученика и помощника креола Филата Дружинина, который серьезно заболел. Терять время даром Вознесенский не привык. За зиму он побывал в гавани Трех Святителей, в Игютском заливе, на островах Еловом, Угаке и других, в Чиниатском заливе. Во время этих путешествий и плаваний на байдарках Вознесенский кроме сбора коллекций записывал в своих книжках и самые любопытные сведения: то он встретил у Орловской одиночки выброшенного кита «размером длины 11½ косых сажений, а ширина 5 у передних ла-

¹ Архив АН СССР, ф. 2, оп. 1839, д. 9, л. 94, об.

² Там же, ф. 53, оп. 1, д. 35, л. 8.

Павловская гавань. Рисунок И. Г. Вознесенского.

стов», то пишет о том, что отец Герман умер 2 ноября 1834 года на 78 году от рождения. Много записей есть о расходах во время разъездов. Они позволяют судить о том, что Вознесенский работал и в темные зимние ночи: «...покупал много стеариновых свечей для вечерних занятий». У Лесновского тоюна Вознесенский «купил 11 разнохарактерных личин (масок. — А. А.), употребляемых кадьякскими алеутами на игрушках (то есть во время праздников. — А. А.), и с следующими к ним причитающимися принадлежностями»¹. И кто знает, не эти ли самые маски выставлены для всеобщего обозрения в Музее этнографии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая в Ленинграде?

Вознесенский выбрался с Кадьяка 27 марта 1843 года и 1 апреля прибыл в Ново-Архангельск. Только месяц провел он в столице Русской Америки, готовясь преимущественно к крайнему северному путешествию. Бриг «Охотск» снаряжался для длительного плавания в Берингово море для обзора и снабжения крайних северных островов и районов Русской Америки. В это же время он приготовил очередную партию коллекций для отправки в Петербург на корабле Гудзоновской компании, а остальные ящики с коллекциями перенес из своей квартиры в компанейский магазин для хранения до своего возвращения с севера.

6 мая 1843 года «Охотск» вышел в плавание. По пути на север Вознесенский имел возможность побывать на островах Унга, Уналашка, на островах Прибылова. И везде он находил что-нибудь новое. Так, на Уналашке алеуты помогли ему обзавестись несколькими видами птицы урил: «Между ними мне попался один, который показался мне очень замечательным по голым частям щек. Вид этот я назвал урил желтощекий»². 8—9 июня Вознесенский воспользовался пребыванием у островов При-

¹ Архив АН СССР, ф. 53, оп. 1, д. 1/5, л. 9 об.; д. 38, лл. 13 об. — 15.

² Там же, д. 29, л. 2.

былова и побывал на обоих островах, где отметил: «8 июня я был на острове Георгия, лесу на вершине хотя есть, но не очень много, впрочем и встречается и под утесами у моря, но только в малом количестве. Погода прекрасная, я съехал в байдаре в 3 часу к мысу Толстомер, шел по берегу до селения, куда прибыл в 1/2 6 часа. Берег извесьт, птиц пропась. Видел котиков»¹.

Дальнейший путь лежал к острову Св. Лаврентия, где «Охотск» встречал льды на северной стороне острова. Это было 20 июня. Затем пошли в залив Нортона, где стояли у Михайловского редута. Кое-что пришлось Вознесенскому тут прикупить в местной лавке, так как время позволяло ему сделать несколько поездок на реку Уналаклит. Здесь же, в Михайловском редуте, были получены вести о путешествии Л. А. Загоскина. Ему было оставлено продовольствие, в том числе и ром, который так обрадовал спутников «юконского ворона», и почта.

Из Нортонова залива взяли курс в залив Коцебу, в Северный Ледовитый океан. Вознесенский смотрел на острова Гвоздева слева и на мыс Принца Валлийского справа. Затем пошли в залив Коцебу, где предписано было описать полуостров Хорис и реку Букланд, но сделать этого не удалось — кругом были льды. Останавливались у мыса Эспенберга, где, как пишет Вознесенский, «видел и застрелил единственных птичек, замеченных мною, на том берегу водящихся в продолжении ночи и утра моего пребывания. Приобшил их к роду подорожника»².

Отсюда ушли к юго-западу, посетили залив Шишмарева, потом были у чукчей на Мечигменской губе, откуда вторично попали к островам Прибылова, в Михайловский редут, и в середине сентября снова были на Уналашке. При вторичном посещении островов Прибылова Вознесенский забрал оставшегося тут с июня своего ученика Ф. Дружинина, который не терял там времени даром и делал письменные донесения. В одном из донесений Дружинин сообщает, что, выполняя указание Вознесенского, он пытался достать различные предметы обихода алеутов, но «так как народ здесь работчи довольствуются все компанеским, и по той причине оне не имеют своих инструментов и которые уже давно заброшены и забыты; а женщины обыкновенно шьют камлейки и чехлы, но однако с большею трудности могут что либо сшитое послать куда или носить сами, по той причине, что женщины всегда на работе на компанеской, а вечерами выделявают для компании горла за что и получают жалованье годовое и также здесь нет алеут вольных как в протчих местах...»³.

Вознесенского интересовали многочисленные скелеты животных, находящихся на островах Берингова моря. Он захотел узнать причину появления таких скелетов. И вот что Дружинин сообщил по этому поводу своему начальнику: «...действие сих насекомых только что три месяца июнь, июль и август, после сих времен теряются неизвестно куда, уходят

¹ Архив АН СССР, ф. 53, оп. 1, д. 1/9, л. 4.

² Там же, д. 29, л. 14.

³ Там же, л. 35, л. 6.

Жители залива Нортон. Рисунок И. Г. Вознесенского.

на глубину моря или под камни на круглый год, и опять являются в июне месяце, и также когда море бурное не действуют сии насекомые, а надо избрать время тихое; и в это время очень хорошо объедают мясо. Птицу в один день, а зверя например как нерпу, или котика, в два дня, но если очень тихо не больше 17 часов, Сивуча остов лежит очень много время; и вообще худо едят, когда пять дней если тихо, даже и с неделю, а моржа остов лежит в воде не больше пяти дней; и было испробован в нынешнее лето первый раз, в чем имею предупредить, что старый остов лежит несколько времени на ветру, снятою с ней кожу вообще худо работают и очень тихо, а иногда даже разсыпаюца кости и мясо еще не объеденно...»¹

11 октября Вознесенский снова появился в Ново-Архангельске, где он провел зиму с 1843 на 1844 год. Все это время прошло в подготовке к отправке приобретенных коллекций. Оставленные в магазине ящики были перетащены снова в квартиру, которая предварительно была отремонтирована, углы ее были отделаны железом, чтобы крысы не смогли пробраться к препарированным экспонатам. Вознесенский продолжал приобретать новые материалы. Из записей его видно, что ему удалось за 5 рублей купить модель курильской байдары, а 22 декабря «через толмача Гедеона Ванкеича у колошенского тоэна Кухантана Сухорукаго куплен национальный колошенских старшин накидка или плащ (нахэн)

¹ Архив АН СССР, ф. 53, оп. 1, д. 35, л. 7.

за 4 одеяла»¹. Но больше всего он готовился к предстоящему новому путешествию, во время которого — он знал об этом — будет возможность переправить ящики с собранными материалами в Петербург через Охотск, через Сибирь. Много времени занимало у него чтение книг по истории исследования Сибири и Камчатки, где он готовился производить исследования.

21 апреля Вознесенский с помощью четырех рабочих перевез из квартиры на судно «Промысел» все необходимое, а оставшиеся ящики с коллекциями — для хранения в пушной магазин. 25 апреля бриг снялся с якоря, направившись к Курильским островам. 47 суток продолжалось нелегкое плавание. Вознесенский побывал на островах Шумшу, Парамушир, Симусир, Уруп. На последнем он оставил Ф. Дружинина, снабдив его всем необходимым, с заданием собирать «все предметы по части натуральной истории, как животного, так растительного и минерального царств, которые должен надлежащим образом готовить и сохранять»². Дружинин оставался на Урупе до мая 1845 года.

17 июля Вознесенский прибыл в Петропавловск-Камчатский. Здесь пересел на галиот «Мореход» и с ним 25 июля ушел к Командорским островам. Два дня он пробыл на острове Беринга. Там «посчастливилось открыть на морском берегу моря совершенно целый череп морской коровы и несколько других костей от позвоночного столба этого животного»³. Это было большой находкой, так как морская корова исчезла с 70-х годов XVIII века, и останки ее появлялись не так уж часто.

Затем Вознесенский побывал на островах Атта, Атхе, Прибылова и через Унимакский пролив вышел в Тихий океан. После трудного перехода по бурному океану галиот 29 сентября пришел в Ново-Архангельск. Вознесенский привел в порядок собранные материалы, составил отчеты по экспедиции и снова отправился в путь. На местном пароходе он в ноябре 1844 года плавал по Колошенским проливам, останавливался в Фридрихзунде, в Хуцноу и в других местах, собирая естественно-научные материалы.

Зима 1844—1845 годов в Ново-Архангельске была для Вознесенского особенной. В июне 1845 года кончался срок пребывания его в Русской Америке, и он намерен был через Сибирь возвратиться в Петербург. С этой целью Илья Гаврилович написал письмо в Академию наук и просил продлить срок пребывания в экспедиции, намереваясь исследовать Камчатку. Он просил прислать ответ в Аян, куда отправлялся весной 1845 года.

16 мая 1845 года «Наследник Александр», на борту которого находился И. Г. Вознесенский с большей частью всего своего имущества, уходил из Ново-Архангельска, куда больше уже не собирался возвращаться неутомимый препаратор-путешественник. 27 июня он прибыл в Охотск и почти сразу же оттуда перешел в Аян. Там он ждал распоряжения

¹ Архив АН СССР, ф. 53, оп. 1, д. 38, лл. 17—18 об.

² Там же, д. 12, л. 1.

³ Там же, ф. 2, оп. 1839, д. 9, л. 97.

до 16 июля 1846 года, когда пришло разрешение продлить пребывание в экспедиции. За это время Вознесенский совершил несколько экскурсий по побережью Охотского моря, побывал дважды в заливе Алдома, пересек хребет Джугджур, побывав в урочище Нелькан на берегах реки Май. С 31 июля по 14 августа 1846 года он совершил переход в Петропавловск, откуда и начал свои многочисленные маршруты по Камчатке, побывав практически во всех ее районах. Деятельность Вознесенского в этот период также заслуживает самого пристального внимания историков и географов.

Более двух лет провел на Камчатке Вознесенский, стал здесь своим человеком, лечил местных жителей, делал им прививки от оспы, учил искусству препарирования, собирал коллекции, рисовал. Но наступило время уезжать. Еще весной 1848 года начальник Камчатки капитан 1-го ранга Р. Г. Машин рекомендовал Вознесенскому возвращаться через Сибирь, гарантируя сохранность всех коллекций и доставку их в Петербург. Илья Гаврилович ответил ему письмом, которое характеризует его как истинного ученого: «Разстроенное мое здоровье многолетним путешествием, которое в последнее время еще более ослабло от зимних странствований в северной части Камчатки, лишает меня теперь способности приготовиться к отходу отсюда на транспорте в Охотск для следования оттуда в Санктпетербург. По советам врачей для поправления здоровья мне нужно воспользоваться покойным состоянием на берегу некоторое время лета. Тяжелый и неблагоприятный климат Охотска несколько не представляет выгод моему здоровью, а трудный верховой путь от Охотска до Якутска должен еще усугубить мой недуг. Вследствие чего, я решился пробыть здесь в Камчатке до прихода колониального судна из Аянского порта, на котором желательно мне отправиться в Ново-Архангельск с тем, чтобы на корабле, принадлежащем Российско-Американской компании, достигнуть до Петербурга водою, т. е. вокруг света. Между тем, имея ввиду, что такое обратное мое путешествие будет выгодно Академии и полезно для ея Музеумов: выгодно потому что на издержки этаго путешествия, по соображению моему, требуется меньше денег, чем на береговой путь от Петропавловского порта через Охотск до Санктпетербурга; в разсуждении пользы для Музеумов — какая могу я еще сделать в кругосветное плавание это состоит в приобретении тех естественных предметов, которыми тропическая страны так разнообразны в своих приобретениях — что обещают... (оборван лист документа. — А. А.). К этому следует присоединить и то... (оборван лист документа. — А. А.) даст случай взять с собою почти все многочисленные коллекции, собранныя в Камчатке, — хранить их во время пути под личным надзором и доставить Академии без всякой за провоз платы, — в надежде на это, потому что в шестилетнее мое пребывание в владениях Российско-Американской компании, Главное правление, приняв меня, по просьбе Академии, под особое свое покровительство — оказывало все пособия и средства. Изложив причины и последствия, я обращаюсь к вашему высокоблагородию с всепокорнейшею просьбою — оказать мне содействие

Ваше в исполнении предпринятого мною намерения поправить свое весьма разстроенное здоровье и принести посильные труды той цели, для которой Академия сделала мне честь своим избранием и поручением»¹.

Такое содействие было, конечно, оказано Вознесенскому. Он был снабжен деньгами, всем необходимым и определен на судно «Атха», которое 13 сентября вечером вышло из Петропавловска и 13 октября 1848 года пришло в Ново-Архангельск, где простояло 16 суток, до 30 октября. Эти сутки прошли в окончательной укладке багажа, различных встречах, приемах у Главного правителя, архиепископа, во встречах с многочисленными друзьями, в прощании с краем, который стал Вознесенскому родным. 30 октября «Атха» покинула Ново-Архангельск. И снова Тихий океан. Судно побывало на Сандвичевых островах, островах Оаху, обогнуло мыс Горн, стояло на якоре в прекрасном Рио-де-Жанейро. Повсюду, где только представлялось возможным, Вознесенский съезжал на берег, покупал предметы для коллекций, совершал кратковременные экскурсии. 21 июня 1849 года И. Г. Вознесенский со всем багажом, с многочисленными коллекциями совершенно благополучно возвратился в Кронштадт.

Десятилетнее путешествие И. Г. Вознесенского проводилось по инициативе, на основании инструкций и на средства Академии наук при весьма существенной помощи Российско-Американской компании. Выполняя свою главную задачу — сбор коллекций, препарирование рыб, птиц, морских и сухопутных животных (он собрал более 150 ящиков этнографических экспонатов, препарировал 3887 всевозможных животных, дав науке более 400 новых видов представителей флоры и фауны), И. Г. Вознесенский не упускал случая собирать и другие материалы, вести записи всевозможных наблюдений.

Особенно ценна его геологическая коллекция. На основании ее академик К. И. Гревинг уже в 1850 году издал орографический и геогностический очерк северо-западного берега Америки и соседних островов. Большая геолого-минералогическая коллекция, собранная на Камчатке, осталась, к сожалению, необработанной. Записи его не являются профессиональными, но дают специалисту общее представление о структуре земной поверхности.

Весьма ценными как для истории географии, так и для исторической географии являются все дневниковые записи и зарисовки. Не менее интересны и статистические сведения. В архиве Вознесенского насчитывается 156 рисунков, из которых 96 раскрашенных — «по части натуральной истории», 25 «контуров с разных животных» и 38 картин, видов, портретов. В отчете его значится также 6 специальных карт, которых, к сожалению, обнаружить пока не удалось. И. Г. Вознесенский составил несколько физико-географических очерков берегов, рек, островов.

Вознесенский обучил искусству препарирования многих местных жителей, а его ученик Филат Дружинин вел самостоятельные исследова-

¹ ЦГА РСФСР ДВ, ф. 1007, оп. 4, д. 15, лл. 35—35 об.

ния на островах Прибылова и Курильских. Вознесенский обучал грамоте население Аляски и Камчатки, вел просветительскую деятельность среди поселенцев Русской Америки и Камчатки.

Исключительное по своему героизму, замыслам и исполнению десятилетнее путешествие Ильи Гавриловича Вознесенского — подлинно научный подвиг. Обозрение маршрутов путешественника позволяет судить о большом размахе его деятельности, о напряженной работе, связанной с невероятными трудностями и непрерывными лишениями.

Еще до возвращения Вознесенского в Петербург в Академии наук в 1846 году было принято решение обязанности консерватора музея Менетрие, ушедшего в отставку, передать Илье Гавриловичу. И когда он прибыл, на его плечи легло все техническое руководство работами, которое он успешно осуществлял в течение 22 лет, вплоть до самой своей смерти. Один только Вознесенский мог разобраться в огромном коллекционном собрании музея. По словам академика А. А. Штрауха, «по крайней мере, Вознесенский был в состоянии во всякое время ориентироваться среди накопившегося материала»¹.

Занять штатную должность консерватора Вознесенскому было нельзя, хотя он и исполнял ее, так как «ни происхождение, ни воспитание не давали ему права на занятие классной должности»². Только в 1852 году с разрешения царя ему, человеку, говорящему на французском, немецком и испанском языках, выдающемуся исследователю и путешественнику, дали чин коллежского регистратора, а в 1853-м — губернского секретаря.

К сожалению, Илье Гавриловичу не удалось обработать и издать свои записи, рисунки, описания. И. Г. Вознесенский намеревался обработать свои дневниковые записи и составить из них подробный журнал своего путешествия. В одном из рапортов академику Ф. Ф. Брандту в 1848 году он писал: «Продолжительность кругосветного плавания даст мне время привести в систематический порядок журнал моего путешествия и отдельные записки, которые мне должно будет по приезде в Санкт-Петербург представить вашему высочородию»³. К сожалению, путешественник не успел осуществить свое намерение, дневники остались необработанными, и сводный «журнал» всего путешествия составлен не был.

Его коллекциями воспользовались все, кому это было нужно: академики видели в Вознесенском талантливого подсобного сотрудника, поставщика материалов для них. Единственный его биограф К. К. Гильзен приводит отзыв Брандта, написанный уже после смерти Вознесенского: «В научном же отношении богатые коллекции, составленные г. Вознесенским, послужили материалом для новых ученых трудов гг. академи-

¹ А. А. Штраух. Зоологический музей Императорской Академии наук. Приложение к LXI тому «Записок Имп. АН». СПб, 1890, № 3, с. 158.

² К. К. Гильзен. И. Г. Вознесенский. — «Сборник музея антропологии и этнографии им. П. Великого», 1916, т. III, II гр., с. 12.

³ Данный абзац и цитата приведены по Л. А. Шур у: «Американский ежегодник 1971». М., «Наука», 1971, с. 317.

ков Бэра, Брандта, Миддендорфа, Шренка, Штрауха, и нет зоологического труда о Восточной Сибири и наших бывших северо-американских колониях, в котором с благодарностью не упоминалось бы имя Вознесенского»¹.

Академик А. А. Штраух сожалеет, что Вознесенскому не удалось обработать и издать материалы: «Не ограничиваясь одним только коллектированием (коллекционированием. — А. А.), — писал он, — Вознесенский собрал даже в дневниках своих массу наблюдений относительно образа жизни животных, охоты на них, перелета и гнездования птиц и проч.; к сожалению, неблагоприятные обстоятельства помешали ему обработать эти ценные заметки»².

И ни слова об обстоятельствах, которые помешали Вознесенскому. А они, конечно, были: постоянная неустроенность в делах, огромная занятость текущей работой и подорванное здоровье. К этому нужно добавить одно, едва ли не самое главное: сожаления и высказывания академиков появились лишь после смерти путешественника. А при жизни никто не хотел помочь ему в обработке, никто не подумал о временном освобождении его от дел для приведения в порядок своих материалов, для издания дневников. Наоборот, всем нужны были его материалы, все писали по ним научные трактаты.

И. Г. Вознесенский женился в 1858 году, но уже через три года овдовел. Умер он после тяжелой болезни в ночь с 17 на 18 мая 1871 года. Судьба его дочери Марии пока неизвестна. С 1852 года Вознесенский был действительным членом Русского Географического общества и с 1859-го — членом-учредителем Русского Энтомологического общества. В Петербурге он был широко известен как большой знаток по сибирскому меху.

Необходимо рассказать также о деятельности в Русской Америке Иннокентия Вениаминова³. Вклад его в изучение жизни алеутов, в географию и этнографию Алеутских островов достаточно велик. Ученый-священник провел на Алеутских островах вместе со своей семьей безвыездно десять лет. Распространяя христианство среди местных жителей и будучи в курсе всех дел Уналашкинского отдела Русской Америки, он вел постоянно записи. От природы наблюдательный и деятельный, Вениаминов сумел до мелочей изучить природу Алеутских островов, нравы и обычаи их жителей.

¹ К. К. Гильзен. И. Г. Вознесенский. — «Сборник музея антропологии и этнографии им. П. Великого», 1916, т. III, II гр., с. 9.

² А. А. Штраух. Зоологический музей Императорской Академии наук. — Приложение к LXI тому «Записок Имп. АН», № 3, СПб, 1890, с. 46.

³ Иннокентий Вениаминов (Иван Евсеевич Попов) родился 26 августа 1797 года в семье пономаря Иркутской губернии, умер в Москве 31 марта 1879 года. В 1823—1833 годах — священник Уналашкинского отдела Русской Америки, затем епископ Камчатский и Алеутский и, наконец, митрополит Московский и Коломенский. Принимал большое участие в жизни Русской Америки, потом — на Дальнем Востоке. Его сын Гавриил Иванович Вениаминов, родившийся в 1824 году на Уналашке, был священником Амурской экспедиции Г. И. Невельского.

В 30-х годах в Русской Америке было четыре церковных прихода: Ново-Архангельский (с Дионисьевским редутом, Озерной крепостью и фортом Росс) с 1817 года, церковь на Кадьяке с 1795 года с Кенайской крепостью и селением Нучек, Уналашкинская церковь с 1824 года (Алеутские острова от Унги до Четырехсопочных островов и острова Прибылова) и Атхинский приход с 1825 года, включавший все остальные Алеутские острова. Вениаминов прекрасно знал Русскую Америку 30-х годов, но лучше всего знал Алеутские острова.

Научные исследования он производил во время своих многочисленных поездок по островам, по всей Русской Америке. Целью их было исполнение церковных треб, служб, но вместе с тем они давали возможность вдумчивому сибирскому священнику примечать и записывать многое. Вел он и значительную просветительскую деятельность. По его настоятельной инициативе в Уналашке было открыто училище для мальчиков, причем учебники для него написал Вениаминов. Значителен вклад Вениаминова в изучение алеутского языка¹. Еще больше возможностей стало у Вениаминова для занятий природой и языком, когда с 1841 года он стал епископом Камчатским и Алеутским. Именно в это время и был издан капитальный его труд «Записки об островах Уналашкинского отдела»², принесший Вениаминову широкую известность в научных кругах и огромный авторитет среди жителей Русской Америки и служивших там морских офицеров.

Труд И. Вениаминова состоит из трех частей. В первой, географической, в трех ее отделениях содержатся общие сведения об островах Уналашкинского отдела, во второй — конкретные сведения об островах Четырехсопочных, Умнак, Уналашка, островах Креницына, Унимак, Алякса³ и Шумагинских, и в третьем — сведения об островах Прибылова и различные таблицы в приложении.

Автор правильно отметил, что «все здешние острова и самый полуостров Алякса лежат правильно грядою, или цепию, от юго-запада к северо-востоку; и вообще почти каждый остров, отдельно, имеет то же направление»⁴. Он подметил гористый характер островов и указал на их вулканическое происхождение. «Многие горы, лежащая, или подле берегов, или иногда внутри островов, чашеподобными, или гребнистыми вершинами своими, или обрывистыми утесами, доказывают, что здешнее место и особенно самые горы были некогда под сильным и непосредственным действием подземного огня»⁵.

Говоря о характере береговой черты островов, он подмечает, что южные берега менее изрезаны, нежели северные. И те и другие приглубы.

¹ В. И. Иохельсон. Алеутский язык в освещении грамматики Вениаминова. — «Известия Росс. Ак. Наук», 1919.

² И. Е. Вениаминов. Записки об островах Уналашкинского отдела. Издано изданием Российско-Американской компании. Ч. I—III. СПб, 1840.

³ Алякса — так называли местные жители свою страну.

⁴ И. Вениаминов. Записки об островах Уналашкинского отдела. Ч. 1. СПб, 1840, с. 2.

⁵ Там же, с. 5.

И. Е. Вениаминов.

Подмечена и любопытная деталь, что во многих местах островов море с течением времени отступило от берегов. Автор объясняет это тем, что в «бухтах и особливо на перешейках небольших островов, а также на косах или кошках видно, что холмы и бугры очень походят на волны моря и лежат всегда в параллель морского берега. Все таковыя прибы- вочныя места состоят или из песку, или мелкаго булыжнику»¹. Замечание Вениаминова совершенно правильно и объясняется действием прили- во-отливных явлений.

Исключительно важное значение имеет высказывание Вениаминова о том, что жители Северо-Западной Америки появились из Азии: «Алеуты в самом деле пришли с запада, с большой земли, т. е. из Азии»². Это мнение доминирует и в современной науке, разделяется учеными Евразии и Америки.

Автор сообщает подробные физико-географические и экономические характеристики всех островов Уналашкинского отдела и проливов между

¹ И. Е. Вениаминов. Записки об островах Уналашкинского отдела. Ч. 1. СПб, 1840, с. 7.

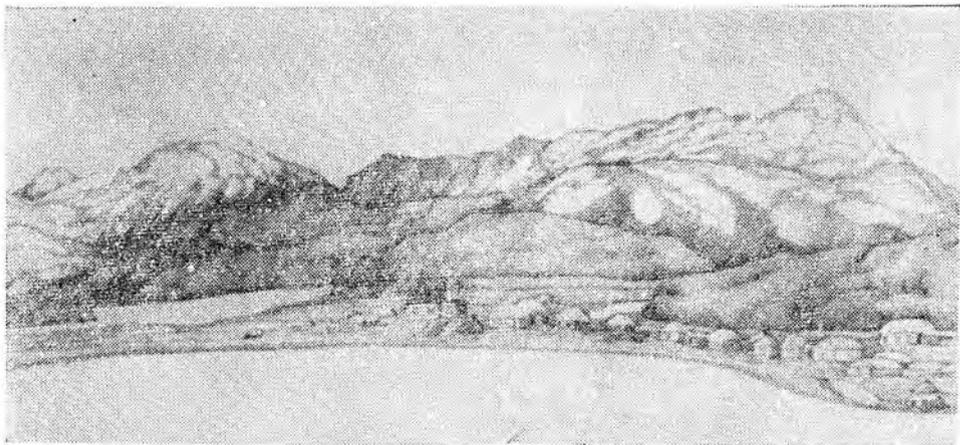
² Там же, с. 110.

ними. Все эти характеристики глубоки, правдивы и весьма ценны для исторической географии. Возьмем в качестве примера описание главного селения Уналашки, так сказать, «столицы» Уналашкинского отдела Русской Америки, когда (в 1834 году) на всем этом острове насчитывалось 10 селений, в которых проживало 470 жителей.

«Главное селение (или селение Согласия) Ильюлюк, есть главнейшее из всех здешнего отдела; оно лежит в восточном предместии Капитанской гавани, на ровной и низкой косе, шириною от 50 до 100 сажен, и образуемой: с двух сторон — Гаванскою бухтою, а с третьей — речкою, вытекающею из озера. Это селение, говорят, основано Соловьем (вероятно, имеется в виду Иван Соловьев. — А. А.). Строений здесь находится: церковь деревянная с колокольнею, 5 домов и 3 магазина деревянных, 5 домов, обложенных дерном, и скотный двор, принадлежащая компании, имеющей здесь контору, под управлением правителя, при котором находятся конторщик и три прикащика, 27 юрт, принадлежащих креолам и алеутам. Жителей в 1834 году было: алеутов — мужского пола 90, женского — 106, а обоего — 196, сверх того русских и креолов до 75, а всех до 275 душ.

Здесь, кроме конторы Российско-Американской компании, заведывающей всем здешним отделом (кроме островов Прибылова), находится первоначальное училище, открытое 12 марта 1825, состоявшее в 1834 году из 22 человек креолов и алеутов — сирот; больница на 8 человек и при ней фельдшер; воспитательный дом для сирот девиц, находящихся ныне в числе 12, и главное скотоводство компании.

В 1833 году сделано здесь преобразование по училищу и скотоводству. В училище определено содержать не более 12 мальчиков. А скотоводство предположено уменьшить до 10 штук рогатого скота, а прочих

Селение Ильюлюк. Рисунок И. Г. Вознесенского.

коров раздать алеутам. У некоторых из служащих компании, водятся свиньи, куры и утки; и почти у каждого хозяина имеются огороды, засеваемые репою и картофелем, последний здесь родится сам 5 и 8; в 1833 году со всех огородов, собрано было его до 120 боченков»¹.

Впервые на Алеутских островах Вениаминов в течение семи лет вел метеорологические наблюдения и пришел к выводу, что климат Алеутских островов имеет свои особенности по отношению к широте, в которой они расположены. «О климате здешнем совсем нельзя заключить по сравнению с другими приморскими местами, лежащими в одинаковой и даже высшей широте»², — отметил он. Он указал, что здешний климат зависит от ветров и что на островах вследствие особенностей климата нельзя подметить правильного чередования времен года.

Интересны также замечания Вениаминова о происхождении и природе островов Прибылова: «Острова Прибылова вообще безлесны; только на острове Св. Павла есть небольшой тальник, стелящийся по земле. А на острове Георгия, как уверяют старовояжные самовидцы, в первое время не было даже и травы, кроме кое-где растущаго мху. В настоящее же время оба острова покрыты травой, по большей части из роду осоки. На них родятся из ягод: шикша и морошка, а из съедомых корней: сарана, макарша, желтыя, кутагарник и чичельник. Остров же Св. Павла вообще произрастаниями богаче и разнороднее Георгия. Эти острова суть ни что иное как остатки материка, или, по крайней мере, островов большой величины, поглощенных морем; оба они потерпели весьма много от подземного огня, но не оба в одинаковой степени. На острове Георгия мало явных признаков вулканических переворотов; напротив того остров Св. Павла есть остаток жерла огромнейшего вулкана»³. Продолжая мысль о вулканическом происхождении островов, Вениаминов в другом месте упомянул и о последнем землетрясении на них: «Острова Прибылова, кажется, и по ныне находятся под действием подземного огня; страшное доказательство тому было 2 апреля 1836 года. В этот день, в одно и то же время, было сильное землетрясение на обоих островах; но на острове Георгия оно было сильнее, так что там нельзя было на ногах стоять; многие утесы разселись и осыпались. На острове Св. Павла оно кончилось в тот же день, продолжаясь несколько минут. На острове же Георгия землетрясение чувствуемо было даже до августа, но время от времени слабее и реже»⁴.

Вторая, этнографическая часть труда И. Е. Вениаминова содержит сведения о жителях островов. В первых двух отделениях говорится о самоназваниях жителей, описывается их внешний вид (антропологические сведения), душевные качества, способности, обычаи, вера, самоуправле-

¹ И. Е. Вениаминов. Записки об островах Уналашкинского отдела. Ч. 1. СПб, 1840, с. 175—176.

² Там же, с. 84.

³ Там же, с. 272—273.

⁴ Там же, с. 291.

ние, число жителей, описание жилищ, одежды, орудий труда и прочие сведения. Из книги можно узнать о преданиях, сказках, языке алеутов, их играх, песнях, можно научиться делать алеутские байдары, познакомиться с взглядами алеутов на астрономию и на счисление времени. Всего алеутов в Уналашкинском отделе в 1834 году Вениаминов насчитывал 1 494 человека (682 мужчины и 812 женщин).

В третьем отделении второй части автор рассказывает о животном мире Алеутских островов, выделив отдельно сухопутных животных, земноводных, птиц и китов.

Наконец, третья часть труда содержит всевозможные сведения об алеутах Атхинского отдела и некоторые сведения о колошах (происхождение, вера, предания, обычаи, способности, характер, язык и так далее).

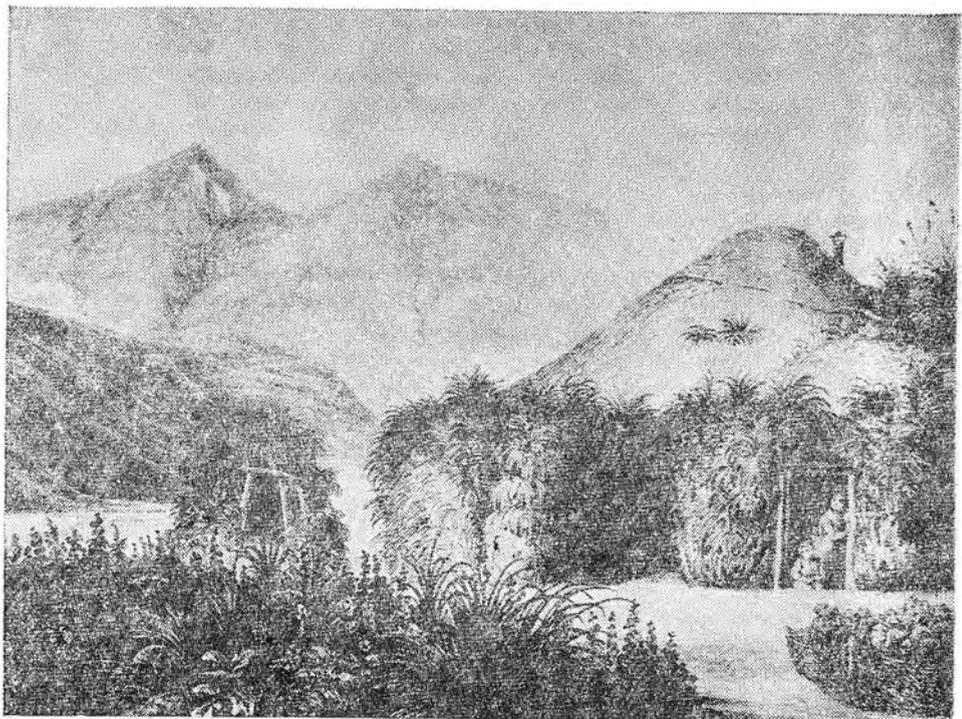
«Записки об островах Уналашкинского отдела» — первое научное исследование, первое естественно-историческое описание Алеутских островов и значительной части Аляски (главным образом южного берега полуострова). Труд И. Е. Вениаминова сохраняет свою историко-географическую ценность до настоящего времени.

В заключение хотелось бы привести одно место из письма дочери И. Вениаминова о том, как обязателен был ее отец в научных наблюдениях. «Домик отца Вениаминова стоял на берегу небольшой речки Уналашки, над которой он делал наблюдения, т. е. следил за убылью и прибывлюю воды; для этого он на противоположном берегу выкопал глубокую яму и опустил в оную сруб, какой употребляется для колодезя, только гораздо уже в размере; затем в срубе была опущена на веревочке трубочка, разделенная на футы. Аккуратно каждое утро и вечер ходил он сам проверять, посредством опущенной трубочки прибывль или убыль воды... Наблюдения над водою шли у него безостановочно и даже не прекращались во время его частых отлучек на острова, потому что дети обязаны были ежедневно следить и записывать в особую тетрадку о повышении и понижении воды, а он, по возвращении, всегда проверял эту тетрадку»¹.

В 1847—1848 годах побережье Аляски и внутренние ее районы описывал креол Руф Серебренников. Известно, в частности, его описание путешествия на реку Медную, в котором он был убит вместе со всеми своими пятью спутниками. По некоторым сохранившимся в дневниках записям, астрономическим тетрадам и черновой карте А. П. Соколов сделал описание этого путешествия. Подойдя на трех байдарках к устью реки Медной 14 августа 1847 года, путешественники стали подниматься вверх по одному из рукавов реки Ани. Продолжая подъем, 4 сентября прибыли в селение Одиночку в широте $61^{\circ} 28' 39''$. Здесь остановились на зимовку, которая проходила в трудных условиях.

16 мая 1848 года отправились дальше вверх по реке. По пути осмотрели Плавежное озеро. Серебренников оставил его описание: «Плавежное

¹ И. П. Барсуков. Иннокентий митрополит Московский и Коломенский по его сочинениям, письмам и рассказам современников. М., 1883, с. 48—49.

Жилища алеутов на Уналашке.

озеро простирается по меридиану, на юге заворачиваясь несколько к юго-востоку, примыкая здесь к хребту высоких, льдами покрытых гор, а в других частях ограниченное низменной тундрой. С западной стороны, впадают в него две речки, у одной из которых, Нальчан, по словам туземцев, есть дорога к Кенайской губе, дней двенадцати ходу. Лес только на южном берегу. На месте пристанища и близко южной оконечности озера, определены широты места, по полуденным высотам: $62^{\circ}2'32''$ и $62^{\circ}1'40''$ ¹.

Путешествие по реке Медной продолжалось до широты $62^{\circ}48'43''$, куда Серебренников пришел 25 июня. Дальнейший ход экспедиции остался неизвестным. Первое русское географическое описание реки Медной, сделанное Р. Серебренниковым, имеет большую историко-географическую ценность. Река Медная, по описанию Серебренникова, «имеет направление: от устья миль на 100 к северу, потом миль на 90 к западу, и наконец опять к северу и северовостоку. В море впадает многими протоками,

¹ Записки Гидрографического департамента, Ч. X. СПб, 1852, с. 175.

и один из них, западный, называющийся Ани, не достигая моря мили за три, обращается в противную сторону, к северо-западу, и впадает в залив Алаганик, открытый к юго-востоку. Самая река мелководна, довольно узка, местами не шире $\frac{1}{2}$ версты, но чрезвычайно быстра. Берега гористы, особенно правый»¹.

Не много нам известно об этой экспедиции, но и то, что стало достоянием истории, служит делу науки, рассказывает о первой тропе русских по реке Медной.

В этой главе было рассказано почти о всех географических, гидрографических, этнографических, ботанических, зоологических и геологических исследованиях, которые велись различными учреждениями России в Русской Америке и омывающих ее водах. Несомненно, наибольший вклад в эти исследования внесли офицеры и служащие Российско-Американской компании и офицеры военно-морского флота, плававшие здесь во время кругосветных и полукругосветных путешествий.

Можно было бы продолжить описание ежегодных гидрографических исследований во время плаваний компанейских судов. В результате на картах появлялись новые описанные места побережья Русской Америки или корректировались старые описания, создавались и новые карты. Для примера можно указать, что в 1845 году только в Гидрографический департамент были от Российско-Американской компании доставлены три карты Алеутских островов, составленные М. Д. Тебеньковым, карта южной части Курильской гряды, составленная А. М. Гавриловым, две карты проливов ко входу в Ново-Архангельск, исправленные командирами судов, генеральная карта Северо-Западной Америки, составленная Л. А. Загоскиным, и многие другие².

В 1838 году штурман Нейцветаев, в 1839-м — Мурашов, в 1845-м — Архимандритов, в 1848-м — Д. Ф. Зарембо проводили описные и гидрологические работы в Беринговом море, преимущественно у берегов Русской Америки. Все результаты их исследований суммировались и становились источником новых данных для корректуры морских карт этого района. Использовались для этой цели и сведения иностранных мореплавателей, например с корвета «Геральд», шлюпа «Пlover», яхты «Лоусон» и других (1848—1849 годы).

Концентрированным воплощением результатов географических и гидрографических работ являются генеральные, морские карты и атласы. В Русской Америке имел наибольшее значение и получил заслуженное признание моряков и ученых «Атлас северо-западных берегов Америки от Берингова пролива до мыса Корриентес и островов Алеутских с присоуплением некоторых мест северо-восточного берега Азии», составленный М. Д. Тебеньковым в 1852 году.

Главный правитель Русской Америки работал над атласом в течение целых 25 лет. Посетив сам почти все описанные в атласе места, он писал

¹ Записки Гидрографического департамента. Ч. X. СПб, 1852, с. 177.

² Там же, ч. IV, 1846, с. II—III.

в замечаниях к атласу: «Я не считал нужным распространяться в описании тех мест, о которых уже обнародованы достаточные сведения в оригинале или переводе; моя главная задача — математическое определение места, а описания я представил себе только в тех случаях, когда их или вовсе нет, или не имеется на русском языке, когда они служат дополнением изданному, или заимствованы из личных наблюдений и сведений, хранящихся в грудах журналов»¹.

Относительно границ атласа М. Д. Тебеньков оставил следующие примечания: «Границею моих изысканий, я определил сначала матерой берег Америки между Беринговым проливом и полуостровом Аляскою, с прилегающими к нему островами. Далее к югу, есть превосходные карты берегов Америки описи Ванкувера, доведенной до широты 31° N. Но как суда компании, плавающие вдоль этих берегов, и часто огибающие мыс С. Лукас, для достижения в Калифорнийский залив, также нуждаются в картах этой части, атлас же Ванкувера сделался ныне чрезвычайно редок, и притом новые наблюдения показали, что берега им определенные, по долготе не на своем месте; сверх того, после описи Ванкувера (с 1794 года) изследовано много подробностей, то я и решился распространить предложенные мною границы, составив карты северо-западного берега Америки до широты 20° N, в размерах атласа Ванкувера»².

В атласе М. Д. Тебенькова 21 карта относится к северо-западным берегам Америки, 10 карт — к Алеутским островам, Командорским островам и Аляске, 7 карт — к восточному берегу Азии и к Курильским островам. Кроме того, имеется 48 частных планов и карт, а также видов побережья.

Характерной чертой карт атласа является то, что абсолютное большинство из них составлено или исправлено по результатам гидрографических исследований местных мореходов, служащих Российско-Американской компании. Все такие карты (а их больше тридцати) содержат приписку: «...исправленная колониальными мореходами». Этот факт придает особый смысл достоверности и точности помещенных Тебеньковым в атласе карт и планов: живущий в своем доме лучше знает его, чем пришедший к нему гость. На картах указываются течение, глубины, склонение компаса, прикладной час, возраст воды. В каждом отдельном случае дана пометка — справка: чья опись положена в основу данной карты и так далее.

Хуже других нанесены районы северного побережья Охотского моря и части берега от Анадырского залива до мыса Олюторского. Отдавая дань своему времени, М. Д. Тебеньков, используя карту А. М. Гаврилова 1846 года, показал Сахалин полуостровом.

Необходимо указать также на большое количество астрономических определений (астропунктов), на которых основаны карты атласа

¹ М. Д. Тебеньков. Гидрографические замечания к атласу северо-западных берегов Америки. СПб, 1852, с. 4.

² Там же, с. 2.

М. Д. Тебенкова: их 426 с указанием того, кем из мореплавателей каждое из этих мест определено.

Атлас М. Д. Тебенкова — выдающееся событие в русской гидрографии. Карты атласа служили и во многих случаях продолжают служить и поныне мореплавателям Северной Америки. Они стали основой большинства последующих карт этих районов. Ф. П. Врангель, представляя работу М. Д. Тебенкова Академии наук на соискание полной Демидовской премии, писал, что «сочинитель исполнил огромный труд на пользу гидрографии вообще, а отечественных мореплавателей в особенности»¹.

Своеобразный итог всей деятельности Российско-Американской компании — издание капитального труда Петра Александровича Тихменева (1825—1888) «Историческое обозрение образования Российско-Американской компании и действий ее до настоящего времени». Первая часть (с момента образования до 40-х годов) вышла в 1861 году, вторая (до 60-х годов) с анализом состояния торговли, образования, промыслов, капитала, с приложением сведений по статистике и этнографии — в 1863 году.

П. А. Тихменев, побывавший на Дальнем Востоке в 1854—1856 годах во время плавания фрегата «Паллада», служил с 1857 по 1865 год в Петербурге в Главном правлении Российско-Американской компании. Ему и было поручено составление «отчета для всех» о действиях компании. Сделано это было в самый разгар борьбы за дальнейшее существование компании, за утверждение нового устава. Работа преследовала вполне определенную цель — подготовить общественное мнение к тому, что все в Русской Америке было очень хорошо (поэтому-то работа П. А. Тихменева и выдержана преимущественно в весьма благожелательных тонах по отношению к компании) и этим самым попытаться воздействовать на правительственные круги с целью воспрепятствовать или уж, по крайней мере, оттянуть, задержать продажу Русской Америки.

Несмотря на определенную политическую направленность, работа П. А. Тихменева до сего времени служит основным источником по истории Российско-Американской компании. Большое значение имеют карты, приложенные к исследованию. Для этнографии важна карта расселения местных жителей — «Карта туземных наречий».

В результате многочисленных русских исследований в первой половине XIX века русские владения в Северной Америке, включая внутренние части Аляски, были настолько хорошо изучены в географическом отношении, что карты этих районов служили в некоторых местах в течение более столетия. Вся береговая черта Русской Америки имела гидрографическо-навигационное описание. Во многих местах географические описания существовали и на внутренние части Русской Америки. Первая половина XIX века, таким образом, характерна средоточием географических исследований в районе владений России в Северной Америке, на Алеутских и Курильских островах. Тихоокеанское побережье России ис-

¹ «Морской сборник», 1854, т. 12, № 6, с. 9.

следовало значительно слабее. И лишь с середины XIX века положение коренным образом изменилось: основные усилия моряков, географов, гидрографов, ученых устремились на русские районы Дальнего Востока, особенно на районы Японского моря, Амура и Сахалина.

* ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Почему же продали Русскую Америку?

Возвратимся к началу 40-х годов, когда решался вопрос о предоставлении Российско-Американской компании новых привилегий и когда выработывался новый устав компании. Посмотрим, в какой обстановке все это происходило.

Всегда нужно помнить слова В. И. Ленина: «Выделять «внешнюю политику» из политики вообще или тем более противопоставлять внешнюю политику внутренней есть в корне неправильная, немарксистская, ненаучная мысль»¹. Поэтому и ответ на вопрос о причинах продажи Аляски и Алеутских островов надо искать не столько в географических условиях, в которых находилась Русская Америка (отдаленность, суровость климата, трудности снабжения, мизерное число русского населения и так далее), сколько в изменении внешней и внутренней политики русского феодально-крепостнического государства первой половины XIX столетия, вступавшего в новую стадию своего развития.

Уже в 20-х годах на севере Тихого океана завязался узел противоречий между Россией, США и Англией. Последние претендовали на все Тихоокеанское побережье Северной Америки, и конвенции 1824 и 1825 годов показали, что они сумели добиться значительных уступок со стороны России, заставив царское правительство отказаться от распространения своего влияния южнее 51-й параллели. Царское правительство вынуждено было лавировать между Англией и США, когда дело касалось политики на Тихом океане и в Северной Америке. «Противоречия между Россией и Англией и преобладание Англии на Дальнем Востоке побуждали царское правительство меньше бояться американской торговли, чем проникновения в этот район английских фирм. Такая позиция царского правительства облегчала США возможность использования англо-русских противоречий в своих интересах»². И царское правительство нередко шло на уступки США, так как, с одной стороны, чувствовало себя не совсем уверенно в северных водах Тихого океана, с другой же — поддержание хороших отношений с США в бассейне Тихого океана помогало цар-

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 30, с. 93.

² А. Л. Нарочницкий. Колониальная политика капиталистических держав на Дальнем Востоке 1860—1895. М., 1956, с. 168.

ской России осуществлять свою реакционную политику в Западной Европе и на Ближнем Востоке.

Правительственные круги США умело пользовались таким положением и настойчиво проводили экспансионистскую политику на Тихом океане. Япония и Китай, острова в юго-западной части Тихого океана, Русская Америка и Восточная Сибирь — вот основные направления экспансии США на Тихом океане, сложившиеся в 40-х годах XIX столетия¹. Экспансия США в Русской Америке и на Дальнем Востоке особенно усилилась после того, как в результате присоединения к ним Орегона и Калифорнии стало бурно заселяться западное побережье Америки. Сначала там развивалось земледелие, морские и пушные промыслы, которые требовали рынков сбыта, а затем огромным толчком к развитию торговли послужило открытие месторождений золота. В 1850 году население Калифорнии достигло 300 тысяч человек.

Развитие капитализма на западе США сопровождалось всеми присущими этому процессу явлениями: эксплуатацией трудящихся, усилением гнета местного населения, истреблением индейцев и так далее. Американские бизнесмены и китобой безнаказанно хозяйничали в северных водах Тихого океана, вели хищнический промысел китов и ловлю рыбы. Американские капиталисты настойчиво добивались возобновления действия конвенции 1824 года, чтобы получить право торговать во всех незанятых, не заселенных Российско-Американской компанией местах западного побережья Америки и на Алеутских островах. Ведь в северной части Тихого океана в конце 40-х годов промышляло до 700 китобойных, рыболовецких и промысловых американских судов! Руководящие деятели США поднимали вопрос о том, чтобы американским судам был разрешен свободный доступ не только к берегам Русской Америки, но и к побережью Чукотки, Камчатки, Охотскому побережью, к Курильским островам, к устью Амура.

А тем временем китобой не ждали — они беспрепятственно били китов в Беринговом и Охотском морях, приближались не только к берегам, но высаживались на них, творили бесчинства. В государственном архиве Иркутской области в фонде Главного управления Восточной Сибири мне встретилось дело «О похищении американцами двух девиц». Случилось это уже в 1859 году. Из Армани на Охотском побережье американский китобой сумел, как пират, увести двух девиц: под покровом ночи он снялся с якоря и ушел в неизвестном направлении. Жалоба на это незаконное дошла до Якутска, затем была препровождена в Иркутск. Оттуда дело направилось к министру внутренних дел. И, когда товарищу министра внутренних дел нужно было сообщить подробности, никто ему ничего определенного сказать не мог: никто не знал ни названия судна, ни куда оно скрылось. И все же русское правительство поручило своему «поверенному в делах в Вашингтоне» обратиться теперь же на вышеупомяну-

¹ А. Л. Нарочницкий. Колониальная политика капиталистических держав на Дальнем Востоке 1860—1895. М., 1956, с. 156.

тое происшествие особенное внимание Президента Соединенных Штатов Северной Америки»¹. На том дело и кончилось.

Это только один случай. Американские китобои обманывали местных жителей, спаивали их и за бесценку забирали пушнину. А. Л. Нарочницкий сообщает, что в 1850 году 144 американских китобойных судна нагрузились добычей у берегов Чукотки на 5 миллионов долларов»². Генерал-губернатор Восточной Сибири Н. Н. Муравьев, совершавший в 1849 году плавание по Охотскому морю из Аяна к северному берегу Сахалина и в Петропавловск-Камчатский, сам встречал американских китобоев в Охотском море. И это американские китобои делали совершенно незаконно, нарушали основы государственного суверенитета России.

Ну, а каково же было отношение к политике США на Тихом океане со стороны царского правительства и как воспринималась эта политика Главным правлением Российско-Американской компании? Царское правительство понимало шаткость своих позиций на Дальнем Востоке. Его беспокоило далеко идущее вмешательство американцев и англичан в китайские и японские дела, все учащающиеся случаи пребывания американцев в Охотском и Беринговом морях у берегов Дальнего Востока, непрекращающиеся случаи нарушения границ Русской Америки.

Но большее беспокойство царского правительства вызывало положение в Западной Европе и на Балканах, где интересы России входили в самое тесное соприкосновение с интересами Англии. Сюда, в Европу, были направлены основные устремления России, здесь был центр приложения государственной казны и всей военной мощи царской России в середине XIX века.

В подобной обстановке отказаться от монопольной Российско-Американской компании и взять все бремя управления владениями в Америке в руки правительства было нельзя. Российско-Американская компания представляла собой превосходную ширму для действий правительства на Дальнем Востоке.

Несмотря на то, что русские когда-то хорошо знали о судоходности Амура и его устья, в конце XVIII и в начале XIX века доминировало мнение, что устье Амура недоступно для морских судов и что вход в Амур с юга запирает перешеек, якобы существующий между материком и Сахалином. Это мнение возникло главным образом после недостаточных гидрографических исследований, произведенных экспедициями Ж. Ф. Лаперуза (1783—1788), У. Р. Браутона (1793—1796) и И. Ф. Крузенштерна (1803—1806). Не найдя фарватеров, ведущих с юга в лиман Амура, и наблюдая вокруг мели, видя сходящиеся на горизонте берега, эти выдающиеся мореплаватели делали выводы о полуостровном поло-

¹ ГАИО, ф. 24, оп. 5, д. 224, св. 1317.

² А. Л. Нарочницкий. Международные отношения на Дальнем Востоке во время «опиумных войн» и тайпинского восстания (30—60-е годы XIX в.). — В кн.: Международные отношения на Дальнем Востоке. Кн. 1. М., 1973, с. 113.

жении Сахалина и об отсутствии, следовательно, входа в лиман со стороны Японского моря.

Но документы, сохранившиеся в русских архивах, картографические материалы неумолимо доказывали существование пролива, островное положение Сахалина. Ведь от решения этих географических загадок зависела и политика России в этом районе Тихого океана, да и не только в этом. Окажись Сахалин полуостровом, а Амур недоступным для входа морских судов, — царское правительство продолжало бы в своей дальневосточной политике ориентироваться на Камчатку и Русскую Америку. А если бы Амур вдруг оказался судоходным на всем своем протяжении, это был бы самый краткий, самый удобный и самый дешевый путь к Тихому океану из Восточной Сибири, почти из самого Иркутска.

В 40-х годах XIX века экспансионистские устремления США, Англии в отношении Японии и Китая заметно усилились. Уже первые, так называемые «опиумные» войны, развязанные в Китае Англией, дали возможность США добиться от Китая уступок, добиться тех же преимуществ, которыми пользовалась там Англия. Американцы подбирались к Амуру, хорошо понимая важное стратегическое значение его устья. Не менее они интересовались и Японией, требуя от нее открыть для США несколько портов. С этой целью в районы Японии и Китая посылались военная экспедиция под командованием М. Перри и научная гидрографическая экспедиция под начальством К. Рингольда. Последняя экспедиция побывала на Камчатке, плавала в Охотском море, искала входы в Амур, побывала у Шантарских островов — все это было в 40—50-х годах.

Именно тогда царское правительство России, решая вопрос о дальнейшей судьбе Российско-Американской компании, несмотря на настойчивые требования некоторых деятелей сделать компанию правительственной, то есть, по существу, ликвидировать купеческую монопольную компанию, не пошло на это. Сохранение Российско-Американской компании отвечало политике царского правительства. Не случайно генерал-губернатор Восточной Сибири Н. Н. Муравьев, излагая свое мнение по поводу существования Российско-Американской компании, писал: «По моему мнению существование Российско-Американской компании для правительства, по крайней мере, до времени, необходимо, ибо взять на себя управление северо-американскими нашими владениями было бы сопряжено с весьма значительными издержками, единовременными и ежегодными, а между тем управление наше и силы в Охотском море и Камчатке в таком еще положении, что распространиться на американский берег было бы преждевременно. Смею думать, с другой стороны, что оставить северо-американские наши владения, если компания не в состоянии была бы ими управлять, не соответствовало бы правительственным видам. Оба эти соображения приводят к заключению, что правительству придется оказать содействие компании в настоящем, как мне известно, трудном ее положении»¹.

¹ Цит. по кн.: С. Б. Окунь. Российско-Американская компания. М. — Л., 1939, с. 207.

№ 6510

150 Руб. Серб.

АКЦІЯ

РОССІЙСКО-АМЕРИКАНСКОЙ КОМПАНИИ.

НА СТО ПЯТЬДЕСЯТЬ РУБЛЕЙ СЕРЕБРОМЪ.

Въ Санктпетербургѣ, 1 Января 1865 г.
Исполнительный директоръ
Иванъ Ивановичъ Кошманъ

150 Руб. Серб.

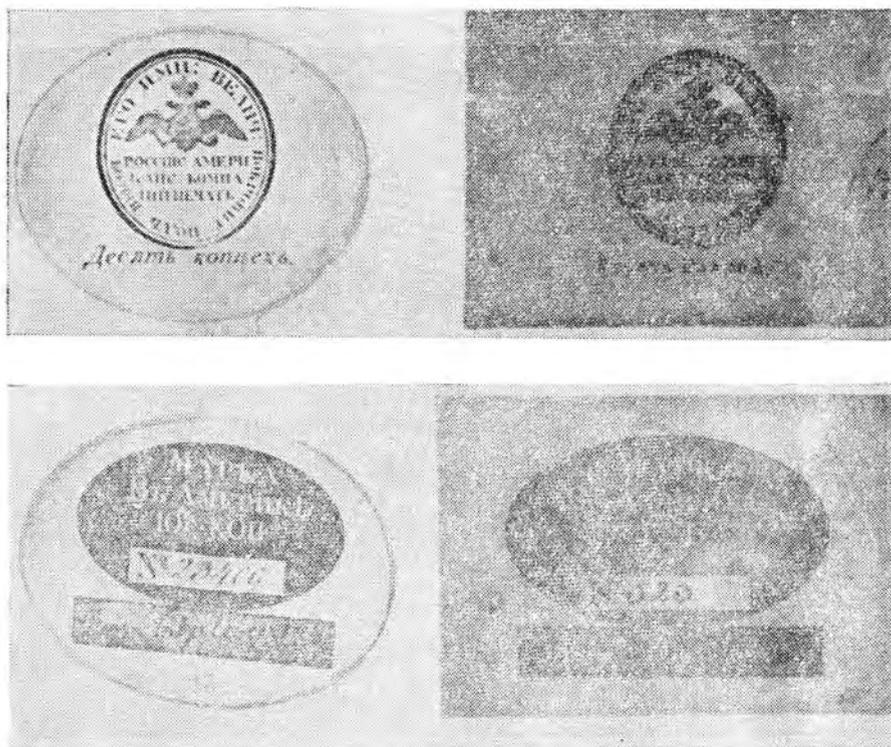
Копія Губерн. Правленія, Копія Губерн. Предводителя
Иванъ Ивановичъ Кошманъ
Иванъ Ивановичъ Кошманъ
Иванъ Ивановичъ Кошманъ
Иванъ Ивановичъ Кошманъ

Выписка изъ Высочайшихъ утвержденныхъ Уставовъ Компаніи.

1. Акція есть документъ, удостоверяющій, что обладатель ея имеетъ право на часть прибыли и на часть имущества Компаніи.
2. Акція не имеетъ номинальной стоимости, но выдана въ размѣрѣ 150 руб. серебромъ, и по ней выдается часть прибыли и часть имущества Компаніи.
3. Акція не имеетъ срока, въ теченіи котораго она должна быть выкуплена, и по истеченіи срока она остается въ распоряженіи Компаніи.
4. Акція не имеетъ срока, въ теченіи котораго она должна быть выкуплена, и по истеченіи срока она остается въ распоряженіи Компаніи.
5. Акція не имеетъ срока, въ теченіи котораго она должна быть выкуплена, и по истеченіи срока она остается въ распоряженіи Компаніи.
6. Акція не имеетъ срока, въ теченіи котораго она должна быть выкуплена, и по истеченіи срока она остается въ распоряженіи Компаніи.
7. Акція не имеетъ срока, въ теченіи котораго она должна быть выкуплена, и по истеченіи срока она остается въ распоряженіи Компаніи.
8. Акція не имеетъ срока, въ теченіи котораго она должна быть выкуплена, и по истеченіи срока она остается въ распоряженіи Компаніи.

Акции, деньги и марки Русско-Американской компании.

По поручению правительства Главное правление Российско-Американской компании организовало экспедицию на бриге «Константин» под командованием А. М. Гаврилова, которая в 1846 году входила с севера, как и И. Ф. Крузенштерн, в лиман Амура. Гаврилов на байдарках описал северную часть лимана, вход в реку Амур, но проход между Сахалином и материком не нашел, да, собственно, на поиски этого пролива он и не решился, так как был весьма ограничен инструкциями и временем, отведенным для исследовательских работ.

Успешно решила амурскую проблему в географическом аспекте экспедиция под руководством Г. И. Невельского. Начало экспедиции положили исследования на севере Сахалина и в лимане Амура военного транспорта «Байкал» под командованием Г. И. Невельского. В 1849 году было окончательно установлено работами офицеров «Байкала», что вход в Амур возможен с севера и с юга для морских судов и что, следовательно, Сахалин — остров.

Решение географической загадки дало возможность правительству организовать специальную экспедицию (Амурскую) для исследования Приморья и Сахалина, для организации плавания по Амуру.

В своевременном решении амурского вопроса, повлиявшем на исход Крымской (Восточной) войны, существенная роль принадлежала Российской-Американской компании. Подкрепление, пришедшее по Амуру с первым сплавом, помогло выстоять защитникам Петропавловска-Камчатского в 1854 году, и не только выстоять, но и победить англо-французскую эскадру.

Сменивший А. К. Этолина новый правитель Русской Америки (1845—1850) Михаил Дмитриевич Тебенков был энергичным администратором и хорошим организатором географических исследований. Так же как и его предшественник А. К. Этолин, он организовал несколько экспедиций по описи Русской Америки, для исследования внутренних путей по Аляске, лично участвовал в некоторых из них.

Тебенкову пришлось действовать в соответствии с новым уставом компании 1844 года, по которому политическая власть компании и Главного правителя на месте резко ограничивалась. По сути дела, он был теперь лишь хозяйственным распорядителем. Для упорядочения расходования денежных средств был утвержден новый штат. Всего в штате Русской Америки было 949 человек. Вместо контор с их штатами на Уналашке и Атхе были теперь управляющие островов Уналашка, Унга и Атха с подчинением их Ново-Архангельской конторе; Александровский речуд на реке Нушагаке заменен одиночкой.

Наряду с организацией экспедиции А. М. Гаврилова для исследования Амура в эти годы была организована геологическая экспедиция горного инженера Петра Петровича Дорошина. Исследуя остров Ситху, остров Кадьяк и Кенайский залив, он нашел месторождения известняков на Ситхе, каменного угля в Хуцнове, каменного угля и графита на Кадьяке, каменного угля по берегу Кенайского залива и признаки золота на реке Какну.

В скором времени начались разработки каменного угля в Кенайской губе и в заливе Чугачик: необходимо было снабжать каменным углем паровые суда, появившиеся в Русской Америке.

Продолжалось и строительство в Ново-Архангельске, Кадьяке и в других населенных пунктах Русской Америки. Еще при Этолине были построены новая пристань, магазин, дом для обсерватории, дом для клуба, казарма, общественная прачечная, мукомольная мельница. Тогда же был построен кожевенный завод, расширен кирпичный завод в Кенайской губе. Тебенков продолжал благоустройство, основал лесопильный завод в бухте Серебrenикова, устроив колошенский рынок, проведя хорошую дорогу от пристани. Принимал он меры для упорядочения промыслов и даже сделал попытку разводиться речных бобров и горных баранов.

М. Д. Тебенков упорно добивался ограничения иностранного китобойного промысла. В письме на имя Главного правления он приводил выдержку из донесения находившегося в крейсерстве у Курильских островов командира брига «Константин»: «Китоловы, произведя во множестве промысел у островов, покрыли море жиром, а берега китовыми осто-

вами и китами, издохшими от ран. Китобойные же вельботы пристают к берегу, в особенности по ночам, и разводят повсюду огни, от дыму которых бегут не одни бобры, но и сивучи и нерпы»¹.

Результатом этих настойчивых просьб-требований Тебенъкова было решение правительства назначить военное судно для крейсерства в водах Русской Америки. В 1850 году первое такое судно — корвет «Оливуца» под командованием Ивана Николаевича Сущева — отправилось из Кронштадта. Что же касается принятия закона о запрещении китобойного промысла иностранными судами в водах Русской Америки, то оно не было принято, хотя Главное правление Российско-Американской компании неоднократно возбуждало перед правительством этот вопрос.

В дальневосточной политике все внимание правительства по-прежнему было обращено на Амур. Особенно тяжелыми для Русской Америки оказались военные, 50-е годы. Главным правителем стал Юган Халтусович (Иван Васильевич) Фуругельм². Тут уж было не до защиты промыслов. Владения в Америке были практически не защищены и не смогли бы выдержать нападения англо-французского флота, который хозяйничал в годы войны в Охотском и Беринговом морях. Поэтому Главное правление компании искало пути для обеспечения сохранности имущества компании.

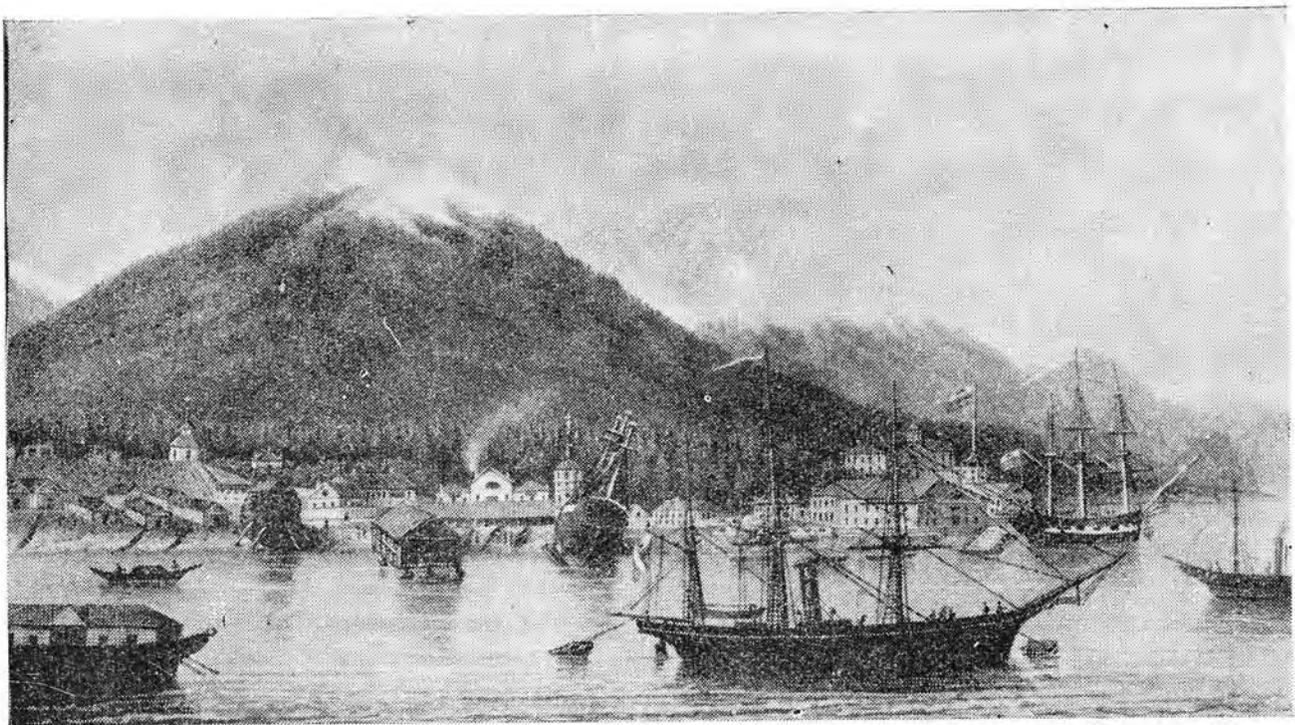
Такой путь был найден в договоре с Американско-Русской компанией из Сан-Франциско, заключенном с 1 мая 1854 года по 1 мая 1857 года. Суть этого фиктивного договора состояла в том, чтобы заставить англичан отказать от нападения на Русскую Америку, так как договором предусматривалась передача всего имущества и привилегий Российско-Американской компании американским купцам из Сан-Франциско. Договор этот должен был вступить в силу лишь в случае самой крайней необходимости. Тогда уже была названа сумма в 7 миллионов долларов, которую якобы обязывалась уплатить Российско-Американской компании за ее имущество и привилегии Американско-Русская компания из Сан-Франциско.

Со своей стороны царское правительство согласилось на договоренность Российско-Американской компании с правлением компании Гудзона залива о нейтралитете, которая была достигнута уже в январе 1854 года, когда стало известно о возможности посылки в Русскую Америку английской эскадры. Российско-Американская компания заручилась от английского правительства при помощи Гудзонбайской компании гарантиями о неприкосновенности русских владений, а Гудзонбайская компания должна была получить продление аренды на сравнительно небольшую полосу Русской Америки³. Договор о нейтралитете между

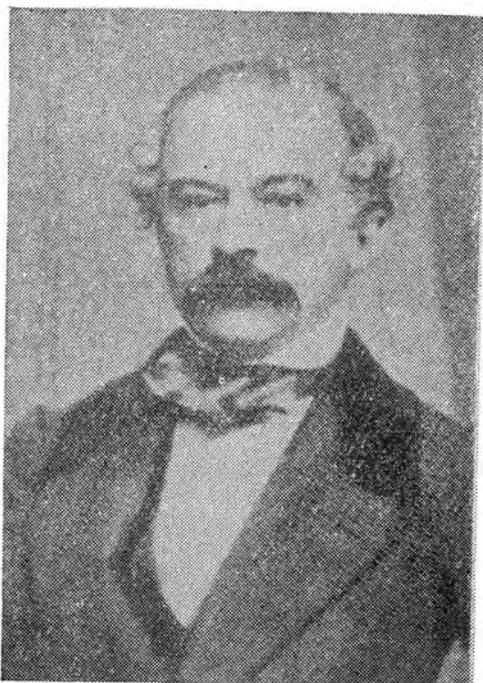
¹ П. А. Тихменев. Историческое обозрение образования Российско-Американской компании. Ч. II. СПб, 1863, с. 135.

² И. В. Фуругельм (11 марта 1821 года — 21 сентября 1909 года) — вице-адмирал, Главный правитель Русской Америки в 1850—1855 годах, правитель Сахалина в 1856 году, служил в РАК до 1865 года. В 1878—1880 годах — командир Ревельского порта.

³ С. Б. Окунь. Российско-Американская компания. М. — Л., 1939, с. 221—222.

Ново-Архангельск. 1860-е годы.

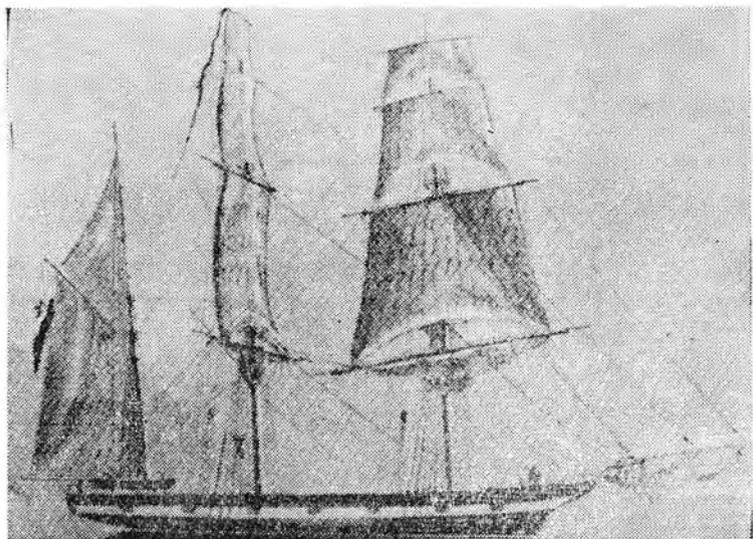

И. В. Фуругельм. Получено от проф. Р. А. Пирса (Канада).

Российско-Американской и Гудзонбайской компаниями был санкционирован Николаем I и английским правительством в марте 1854 года. Таким образом обеспечивалась безопасность Русской Америки в годы войны.

Во время Крымской войны впервые встал вопрос о продаже Русской Америки, пусть даже в виде фиктивного соглашения. Слухи об этом и побудили английское правительство дать согласие на договор о нейтралитете, так как Англия хотела воспрепятствовать продаже Русской Америки Соединенным Штатам. Таким образом, впервые в истории Русской Америки прозвучали слова о возможности ее продажи. Они наполнили сердца патриотов тревогой за дальнейшее существование русских владений в Северной Америке.

В эти же годы Российско-Американская компания существенно усилила свой флот. В 1850—1853 годах были куплены четыре корабля: «Николай I», «Цесаревич», «Ситха», «Камчатка». Вслед за ними были приобретены «Князь Меншиков», «Шелихов» и «Кадьяк». Некоторые из этих кораблей, например «Ситха», «Князь Меншиков», «Николай I», непосредственно участвовали в военных действиях, доставляя войска и припасы в Аян, Петропавловск-Камчатский и к устью Амура в Николаевск.

Барк «Князь Меншиков». Получено от проф. Р. А. Пирса (Канада).

Главное правление Российско-Американской компании стремилось сгладить впечатление фиктивного соглашения военного времени о продаже Русской Америки, кстати, не получившего реального воплощения. Несмотря на то, что члены правления после окончания войны высказывали свое недовольство действиями русского вице-консула в Калифорнии П. С. Костромитинова, заключавшего это соглашение, разговоры о продаже Русской Америки продолжались. И особенно они усилились в конце 50-х годов в связи с успехами на Амуре и в связи с приближением окончания срока привилегий — 1862 года.

Царское правительство боялось захвата Русской Америки Англией. Оборона же американских владений требовала немедленно самых энергичных мер и немалых затрат, а казна и так была опустошена Крымской войной. На это правительство решиться не могло, да и не хотело. Не могло оно также решиться и на немедленную продажу Русской Америки, хотя Соединенные Штаты с середины 50-х годов толкали правительство на этот путь. «Сенатор от Калифорнии Гвин и государственный секретарь Марси, — пишет А. Л. Нарочницкий, — еще в 1854 году запрашивали русского посланника Стегля о возможности продажи владений в Америке Соединенным Штатам, но получили отрицательный ответ. К мысли о продаже Аляски Соединенным Штатам царское правительство пришло в 1857 году после Крымской войны. В 1859 г. Гвин и помощник государственного секретаря США Апплтон по поручению президента Бьюкенена

вели со Стеклем переговоры об этой сделке, но в 1860 г. царское правительство по настоянию А. М. Горчакова отложило решение этого вопроса ввиду неизвестности исхода предстоящих президентских выборов и назревавшей гражданской войны в США»¹.

Судьба Русской Америки была предрешена. Вопрос состоял в том, как бы выгоднее завершить эту позорную сделку. И в этом вопросе царь отдавал предпочтение США перед Англией, потому что надеялся, что американцы поддержат Россию в ее борьбе за ликвидацию Парижского мирного договора 1856 года, закрепившего большие уступки России западным державам в результате Крымской войны.

Великий князь Константин в письме канцлеру А. М. Горчакову писал совершенно однозначно: «Северо-американские штаты, следуя естественному порядку вещей, должны стремиться к обладанию всею Северной Америкой и поэтому рано или поздно встретятся там с нами, и не подлежит сомнению, что овладеют нашими колониями даже без больших усилий, а мы никогда не будем в состоянии возвратить их». Константин предлагал продать Русскую Америку США и тем самым «разрешить дружелюбно и с выгодой для нас вопрос, который в противном случае разрешится против нас и притом завоеванием»². В принципе с предложением Константина соглашалось и министерство иностранных дел, но настаивало на отсрочке в принятии решения до истечения срока привилегий.

Несомненно, мнение великого князя Константина сыграло большую роль при решении вопроса о судьбе Русской Америки. Константин возглавлял морское министерство, и ему были особенно близки интересы военно-морского флота. Крымская война показала всю шаткость русских военно-морских позиций на Тихом океане, и это хорошо понимал Константин. Но ему оказались чужды более чем вековые героические свершения нескольких поколений русских людей, создавших Русскую Америку. Сиюминутные заботы и интересы постепенно возобладали. Близорукостью, недалекновидностью и какой-то удивительной беспечностью, граничащей с легкомыслием, веет от документов той поры, когда решался вопрос, оставаться или нет России на берегах Северной Америки.

Главное правление Российско-Американской компании в Петербурге и новый Главный правитель в Ново-Архангельске Степан Васильевич Воеводский³ много потрудились в эти тяжелые годы для того, чтобы отстоять права и неприкосновенность созданной Шелиховым и Барановым монопольной компании. В числе акционеров компании были многие влиятельные лица, члены царского правительства, и это позволяло рассчитывать на удачу, рассчитывать на то, чтобы отстоять компанию и ее права.

¹ А. Л. Нарочницкий. Колоннальная политика капиталистических держав на Дальнем Востоке 1860—1895. М., 1956, с. 167.

² С. Б. Окунь. Российско-Американская компания. М. — Л., 1939, с. 228.

³ С. В. Воеводский (1805 год — 17 сентября 1884 года) — адмирал, кругосветный путешественник, Главный правитель Русской Америки в 1855—1860 годах, в 1835—1839 годах служил в компании, командуя различными кораблями.

В связи с приближением срока окончания привилегии правление компании заблаговременно представило в 1860 году в министерство финансов проект нового устава. Первый пункт его был сформулирован совершенно определенно: «Компания учреждается для управления российскими колониями в Америке». По-прежнему Главным правителем Русской Америки должен быть морской офицер. Основные пункты нового устава оставались прежними.

Проект устава был разослан во все инстанции. Больше всего нареканий вызвало основное положение устава о монопольных правах компании. И резче других прозвучала критика со стороны министерства финансов и морского министерства. Выразителем другого мнения выступал, как всегда, великий князь Константин. Он требовал приравнять компанию ко всем остальным компаниям — акционерным обществам, а управление Русской Америки подчинить непосредственно генерал-губернатору Восточной Сибири.

В ответ на отзыв морского министерства министру финансов от 18 февраля 1861 года за № 302 Главное правление Российско-Американской компании представило «Объяснение». Оно содержало анализ развития и современного состояния компании, а также исчерпывающий ответ на неблагоприятные отзывы морского министерства и некоторых государственных деятелей. Отметив в начале, что компания со дня своего основания три раза получала привилегии, Главное правление подчеркнуло, что всеми своими действиями она оправдывала оказываемое ей доверие и помогала правительству в случаях «необходимости» и в «видах государственной пользы»¹. Полувековое существование компании и постоянное внимание к ней правительства показали, что «предоставление компании прав и преимуществ, коими она пользуется, нельзя назвать важною государственною ошибкою, нельзя согласиться также, чтобы существование ее при этих правах принесло России положительный вред», как об этом сказано было в отзыве морского министерства².

В «Объяснении» рассмотрены все сферы деятельности компании соответственно высказанным министерством морского флота упрекам. Основанные преимущественно на результатах давнишней ревизии В. М. Голловина, упреки морского министерства касались управления Русской Америкой и отделами ее, произвола в отношении местного населения и поэтому высокой его смертности, слабого развития мореходства и прочего.

В записке правления компании эти нападки в основном опровергаются. Из «Сравнительной таблицы народонаселения в Российско-Американских колониях за последние 30 лет с 1830 по 1860 г.» видно, что в последние годы уровень населения (10 075 человек в 1858 году) был тот же, что и в начале 30-х годов (10 327 в 1830 году), в то время как в 40-х годах проходил спад (7 470 в 1842 году)³. Этот спад правление компании

¹ АВПР, ф. 339, оп. 888, д. 181, л. 21.

² Там же, л. 22.

³ Там же, л. 40—40 об.

объяснило эпидемиями кори, оспы, но ни в коей мере не плохим отношением колониального начальства. Для сравнения в записке приводятся данные по Камчатке, управляемой правительственными чиновниками, где в одном только 1854 году умерло 480 человек, а родилось — 274.

Совершенно непонятны упреки морского министерства по поводу того, что Главное правление компании с 1854 года добилось содержания в Ситхе военного гарнизона из 200 человек из числа Сибирских линейных батальонов. Ехидно заметив, что компания намерена была с помощью этого гарнизона бороться против местных жителей, составители отзыва морского министерства не подумали о том, что эта мера была вызвана военными действиями. Ну, а кроме того, если бы Русская Америка была передана полностью в ведение правительства, неужели бы там не было военного гарнизона?

Что касается управления Русской Америкой, то после ревизии Головнина Главный правитель два раза за время правления сам должен был объехать свои владения. Так, в 1860 году С. В. Воеводский побывал на Кадьяке, в Кенайской губе, в Николаевском и Константиновском редутах, в Нушагакской, Карлукской и Афогнакской одиночках, а также на островах Унга, Уналашка, Прибылова. Кроме этого, Главный правитель дает поручения своим помощникам, командирам судов, ежегодно разъезжающим по всем частям Русской Америки, посылает специальных ревизоров в отделы. «Соединение в лице главного начальника власти правительственной, и прав доверенного управляющего от лица компании, не только не вредно, но полезно и даже необходимо, — заключает рассмотрение этого пункта Главное правление... — Все это доказывает, что действия компании имеют целью не одни торговые интересы, но и благоустройство вверенного ей управлению края и жителей, и что существование компании, признававшееся необходимым по прежним видам правительства, и ныне в колониях не должно быть заменяемо ни другою властью, ни другим порядком управления. Еще не настало время для подобной реформы»¹.

Главное правление подчеркнуло в «Объяснении», что если правительство отберет у компании ее привилегии и Русская Америка перейдет в правительственное подчинение, то оно должно будет взять на себя все расходы (более 300 000 рублей в год) по содержанию владений и более сильного военного гарнизона в Ситхе, а также гарнизонов в других населенных пунктах. Оно должно будет взять на себя все заботы по снабжению края продовольствием и всем необходимым. Поскольку купеческих судов в этом случае в районе Тихого океана почти не будет, то все функции снабжения, промысла составят обязанность правительственного начальника. Наконец, «... в компании правительство лишится самого верного, самого надежного и добросовестного агента, который оному необходим во всех особенных случаях, где оно находит неудобным действовать от своего лица. Достаточно указать на ... экспедицию к устьям

¹ АВПР, ф. 339, оп. 888, д. 181, лл. 28 об. — 29 об.

Амура, на употребление корабля компании «Князь Меншиков» при эскадре графа Путятина, в качестве курьера для собрания сведений в иностранных портах о политическом положении дел перед началом последней войны, когда появление туда военных судов сопряжено с опасностью, и на другие, тому подобные случаи, которые могут конечно встретиться и впредь, и для исполнения коих компания имеет все средства сколько в отличных своих судах, столько же и в прочных заграничных связях и кредите. Наконец, в политическом отношении нынешний способ частного владения и управления колониями оказывается удобнейшим для государства. Минувшая война служит лучшим тому доказательством. Ежели бы колонии принадлежали казне, но нейтральной конвенции, которая заключена была компанией с английским министерством, наше правительство при всем желании не могло бы достигнуть, и колонии подверглись бы неминуемому разорению»¹.

Какие-либо решения по поводу этого «Объяснения» Главного правления компании были отложены впредь до возвращения из Русской Америки специальной комиссии в составе действительного статского советника С. А. Костлищева и капитана 2-го ранга П. Н. Головина, направленной туда в 1860 году в связи с рассылкой нового проекта компании.

Поскольку же доклад комиссии о состоянии дел в Русской Америке ожидался не ранее как через два года и поскольку привилегии кончались 1 января 1862 года, царь утвердил мнение Государственного совета 29 мая 1861 года: «Представить министру финансов, по получении ожидаемых им по настоящему делу донесений от чинов, командированных в Российские Северо-Американские колонии для собирания на месте сведений о состоянии оных, и по сношении с кем следует, внести в Государственный Совет представление по сему предмету не позже 13 июня 1863 года и впредь, до окончательного рассмотрения сего представления в Государственном Совете и до воследования по оному высочайшего его императорского величества утверждения, действие Российско-Американской компании оставить на ныне существующих основаниях»².

С. А. Костлищев и П. Н. Головин представили отчет о командировке осенью 1861 года, благодаря которому в государственной канцелярии по отделению государственной экономии была составлена «Записка о Российско-Американской компании», где был дан обзор истории компаний с 1789 по 1863 год и выносились на обсуждение вопросы и предложения о преобразовании компании и об устройстве русских колоний в Америке.

Необходимо заметить, что Костлищев и Головин весьма объективно доложили о состоянии Русской Америки. На некоторых из выводов комиссии необходимо остановиться. Комиссия правильно отметила решающую роль компании в сохранении территории Русской Америки во время войны, указала также на значительную роль компании в решении и других вопросов, не нашла она больших злоупотреблений со-

¹ АВПР, ф. 339, оп. 888, д. 181, л. 35 об.

² Там же, л. 50.

стороны различных деятелей компании по отношению к местным жителям. Как положительное явление отмечено было распространение образования в Русской Америке: для обучения детей служащих компаний есть училище, существуют две школы грамотности для детей нижних чинов и пять первоначальных школ для детей местных жителей — всего в училище и школах в 1860 году обучалось около 200 человек.

Но отмечены были и недостатки. Бытовые условия жизни алеутов показали членам комиссии неудовлетворительными. В частности, отмечался тот факт, что насильственное соединение алеутов в большие селения мешает им ловить рыбу в необходимом количестве. Указывалось на невыполнение компанией устава, по которому креолы объявлялись независимыми людьми: компания принуждала креолов, обучавшихся за счет компании, отрабатывать за это 10—15 лет. Особое внимание комиссия обратила на состояние промыслов, которое было признано неудовлетворительным: пушной промысел сокращался, а китовый «совершенно ничтожен; американцы завладели водами северных частей Тихого океана, и до того перебили китов, что ныне жители довольствуются лишь мясом мертвых китов, выкидываемых на берег»¹. Отмечено было также плохое состояние скотоводства и полное отсутствие хлебопашества.

Далее резюмируются мнения бывшего генерал-губернатора Восточной Сибири Н. Н. Муравьева, министра государственных имуществ, генерал-губернатора Восточной Сибири, русского посланника в Вашингтоне, Комитета о возобновлении прав и привилегий компании, министра финансов статс-секретаря Рейтерна. Суть их высказываний сводится к постепенному введению в крае самостоятельного управления и к продолжению привилегий (от 12 до 20 лет). Комитет предложил исключить из прав компании право принимать политические решения, ныне имеющиеся в компании².

С этим предложением категорически не согласилось Главное правление компании, заявив, что оно «не находит возможным согласиться на освобождение ее администрации в колониях от политической части»³. Что касается управления Русской Америкой, то великий князь Константин предложил «передать управление колониями лицам, назначаемым от правительства и вовсе независимым от компании», причем колониальное управление должно быть подчинено генерал-губернатору Восточной Сибири. В принципе с этим согласился и генерал-губернатор, но он предложил передать Русскую Америку в ведение губернатора Приморского края или Амурской области. Комитет же предложил «главное управление краем и наблюдение за компанейскою администрациею вверить военному губернатору». Заключал обзор мнений министр финансов: «главное управление краем и наблюдение за компанейскою администрациею вверить Главному правителю колоний с тем, чтобы он был назначаем вы-

¹ АВПР, ф. 339, оп. 888, д. 181, л. 54 об.

² Там же, л. 60.

³ Там же, л. 61.

Д. П. Максотов.

сочайшею властию, имел бы права военных губернаторов и был бы от компании независим»¹.

Записка эта была представлена в Государственный совет, где и рассматривалась долгое время. Врангель, член совета, подал по поводу этого документа свою записку. Суть ее состояла в том, чтобы оставить все как было. Он утверждал, что никакие правительственные меры тут не помогут, что содержание колоний правительством не окупится налогами: «Если предположено не продолжать привилегии, без которой компания существовать не может, то она в ту же минуту должна приступить к ликвидации, и потому она не должна быть оставлена в неизвестности на счет преднамеряемых правительством мер, несвоевременное разглашение коих в публике может повредить кредиту компании, которым она в обширных размерах пользуется по всей справедливости в Европе и Америке»². 3 декабря 1864 года и морское министерство отозвалось на записку заключением, соглашаясь в нем на продление привилегий на 12 лет и предлагая главное заведывание Русской Америкой оставить за морским министерством.

Из всех этих зачастую противоречивых мнений и предложений было

¹ АВПР. ф. 339, оп. 888, д. 181, лл. 65—67.

² Там же, л. 76 об.

выработано мнение Государственного совета, которое царь утвердил 14 июня 1865 года. Этот документ предусматривал основные положения, принятые при пересмотре устава компании и устройстве Русской Америки. Сроки привилегиям, правам и обязанностям устанавливаются по 1 января 1882 года, то есть на 20 лет, с сохранением права выпуска марок вместо денег, поднятия на судах компании собственного флага, содержания церквей и духовенства, школ, больниц, военного гарнизона и прочего. Разрешается иметь открытые порты — Ново-Архангельск, Павловскую гавань и другие, признанные нужными; алеуты и прочие местные жители освобождаются от обязательного труда в пользу компании и могут поселиться где пожелают; срок службы для креолов, учившихся за счет компании, устанавливается в пять лет; жители Русской Америки впредь до особого распоряжения освобождаются от всяких налогов. Главное управление поручить «назначаемому высочайшею властью Главному правителю колоний, от компании независимому и непосредственно высшему правительству подчиненному, с учреждением при нем колониального совета из членов от правительства и от Российско-Американской компании»¹, причем главное заведывание Русской Америкой и самой Российско-Американской компанией вменяется в обязанность морскому министерству.

Государственный совет и министерство финансов 15 января и 2 марта 1866 года обсуждали снова вопрос о выработке устава компании, и министр финансов, заключая дискуссию, в основном согласился с мнением Государственного совета, утвержденным царем. Это был 20-летний срок новых привилегий, санкция «исключительное право производства нужных промыслов сохранить за компанией на всем пространстве колониальной территории», разрешение выпускать марки вместо денег и «при включении в новый устав компании правил об открытии портов Ново-Архангельска — на о. Ситхе, и Св. Павла — на Кадьяке, для свободной торговли, о допущении производства таковой и промыслов в колониях вообще, а равно по предмету привоза и продажи крепких напитков в колониях и снабжения их оружием и порохом, принять представленные ныне кампаниею предположения по сему предмету, не допуская однако, ни под каким предлогом удержания в силе торговой монополии, которую доселе компания пользовалась»².

2 апреля 1866 года царь утвердил представление Государственного совета о привилегиях Российско-Американской компании; на 20 лет были продлены прежние основные привилегии и предоставлены некоторые новые согласно заключению министра финансов, и повелено было «производить сей компании собственно на покрытие издержек по исполнению административных обязанностей, ежегодное из государственного казначейства пособие в двести тысяч рублей... каковое пособие дается компа-

¹ АВГР, ф. 339, оп. 888, д. 181, лл. 108—108 об.

² Там же, л. 112.

нии только до тех пор, пока она в точности будет исполнять возложенная на нее высочайше утвержденным 16 июня 1865 года мнением Государственного Совета обязанности»¹.

Финансовое положение компании в последние годы ее существования было действительно весьма стеснительным. Об этом красноречиво говорят сведения от 20 апреля 1866 года. Обороты компании представляются в следующем виде.

К 21 сентября 1865 года компания была должна казне и частным лицам 1 844 841 рубль 76 копеек.

Для своевременной уплаты вновь поступивших векселей получено в ссуду от правительства 410 642 рубля. Итого было долгу 2 255 483 рубля 76 копеек.

В течение этого времени расходы компании по платежам колониальных и заграничных векселей, снабжению Русской Америки и прочему составили 1 376 574 рубля 26 копеек.

Таким образом, в течение этого времени компания была должна 3 632 058 рублей 2 копейки.

На покрытие этих расходов и долгов Главное правление употребило суммы, вырученные от сбыта пушнины, от продажи дома в Москве и полученные от правительства, в том числе и субсидии на один год — 1 883 001 рубль. Кроме того, сложено правительством казенного долга 725 000 рублей. Итого получается 2 608 001 рубль.

За вычетом этой суммы компания оставалась должна 1 024 057 рублей².

Такое положение в компании существовало всего за несколько месяцев до продажи Русской Америки и ликвидации самой компании. Главное правление Российско-Американской компании официально не было уведомлено о предстоящей продаже Русской Америки, хотя не знать об этом не могло. Слухи о продаже ходили по Петербургу, за несколько дней до подписания соглашения они проникли даже в печать. Газета «Голос», например, в передовой от 25 марта написала: «Сегодня слухи — продают Николаевскую железную дорогу, завтра русские американские колонии; кто же поручится, что послезавтра не начнут те же самые слухи продавать Крым, Закавказье, Остзейские губернии? За охотниками-де до покупки дело не станет»³.

Но не впервые распускались слухи, не впервые шли разговоры об этом, поэтому Главное правление Российско-Американской компании продолжало свою деятельность, продолжало разрабатывать новый устав. Трудно было в эти годы последнему Главному правителю Русской Америки князю Дмитрию Петровичу Максутову⁴. С одной стороны — заботы об

¹ АВПР, ф. 339, оп. 888, д. 181, лл. 130—130 об.

² Там же, лл. 138—138 об.

³ С. Б. Окунь. Российско-Американская компания. М.—Л., 1939, с. 252.

⁴ Д. П. Максотов (10 мая 1832 года — 21 марта 1889 года) — контр-адмирал, герой Петропавловской обороны, с 1859 года — помощник Главного правителя Русской Америки, плавал в 1861—1862 годах командиром корвета «Камчатка», винтового парохода «Константин», с 1863 года и до продажи Русской Америки — Главный ее правитель.

укреплении поселений, о дальнейшем развитии промыслов и мореходства, о развитии строительства и повседневные хлопоты об улучшении жизненных условий жителей обширнейших территорий, а с другой — все учащающиеся случаи пограничных и внутриколоннальных инцидентов и настойчивые слухи из соседних государств, из Канады и США, о готовящейся за спиной компании сделке.

М. В. Максудова. Получено от проф. Р. А. Пирса (Канада).

К слову сказать, правительство энергично заставляло газеты молчать. В приведенном выступлении «Голоса» цензура усмотрела «как бы систематическое стремление редакции... к порицанию действий правительства»¹. После такого вмешательства «крамольные» выступления русских газет и журналов против продажи Русской Америки закончились.

Соединенные Штаты уже ранее давали понять царскому правительству, что они не прочь купить Русскую Америку. В то время, как Россия была занята войной на Балканах, куда рекой текли казенные деньги, со стороны американцев участились прямые провокации на границах, а со стороны американского правительства уже поступали предложения купить у России Русскую Америку, как раньше, в 1803 году, американцы купили у Франции штат Луизиану за 15 миллионов долларов, затем у Испании Флориду за 5 миллионов долларов, потом наступила очередь Техаса, Калифорнии, а теперь на повестке дня была

Русская Америка. Ее территория составляла одну пятую всей территории США и равнялась полутора миллионам квадратных километров.

Несмотря на недостатки в хозяйствовании, в отношениях с местными жителями, русские люди освоили в тяжелой борьбе с природой этот далекий громадный край. В момент продажи Русская Америка состояла из шести отделов с многими русскими населенными пунктами, со столицей Русской Америки — Ново-Архангельском. Наш современник американец Д. С. Робинзон заметил недавно: «В те времена, когда Сан-Франциско был всего лишь миссионерским поселком, Ситха превратилась в круп-

¹ С. Б. Окунь. Российско-Американская компания. М. — Л., 1939, с. 252.

нейший населенный пункт на всем Тихоокеанском побережье. Во дворце Баранова обедало до ста человек, а вечера и балы княгини М. В. Максумовой, молодой жены последнего из русских правителей, озаряли дикий край блеском Москвы и Санкт-Петербурга»¹.

В Павловской гавани на Кадьяке — в самом раннем русском поселении в Русской Америке и втором по величине и значению после Ново-Архангельска — кроме жилых зданий был обширный магазин, больница с мужским и женским отделениями, казарма для служителей, дом для правителя и конторы, офицерский дом, столярная и слесарная мастерские, кузница и другие хозяйственные строения.

Кадьякской конторе подчинялись Александровский и Константиновский редуты, Кельсинская, Чиниатская, Орловская, Трехсвятительская, Карлукская, Афогнакская, Укамокская, Катмайская, Нушагакская, Ильяшинская, Медновская одиночки.

В северной части Аляски центром стал Михайловский редут, в ведение которого входили Колмаковский редут, Северная, Уналаклитская и Андреевская одиночки и одиночка Нулато. На Алеутских островах русские селения были в Уналашке, там, где теперь военная гавань Пирл Харбор, в Унге, на Атхе, Атту, на Беринговом и Медном островах, были русские люди и на островах Павла и Георгия, жили они на Шумшу и Итурупе в Курильском ожерелье. Всего за время существования Русской Америки там было создано около 60 русских поселений². В последние годы в Русской Америке проживало (на 1 января 1863 года): русских — 582 мужчины и 90 женщин, креолов — 944 мужчины и 1 045 женщин³.

Внешняя политика США в 60-х годах ставила целью не допустить англо-французского вмешательства в ход борьбы между Севером и Югом в пользу рабовладельческого Юга. Царское правительство желало укрепления единства США, так как видело в этом определенный противовес влиянию Англии и Франции. Прибытие в США русской эскадры под командованием С. С. Лесовского в какой-то мере сыграло свою роль, помешало интервенции Англии и Франции и способствовало победе Севера в гражданской войне.

Именно этим и можно объяснить, что царское правительство, давно готовившее продажу Русской Америки тайно от Российско-Американской компании, пошло на сделку с правительством США. В эти же годы царское правительство в своих активных действиях в Средней Азии не исключало возможности противодействия там Англии. Поэтому ослабление ее позиций в Северной Америке и в Тихом океане представлялось России крайне желательным.

При создавшейся обстановке Русская Америка и владевшая ею Российско-Американская компания давили тяжелым грузом на плечи цар-

¹ Д. С. Робинзон. Самый романтический город Аляски. — «Америка», 1958, № 19, с. 34.

² С. Г. Федорова. Русское население Аляски и Калифорнии. М., 1971, с. 246.

³ Там же, с. 251.

ского правительства, которое хотело избавиться уже давно от этого бремени и тем самым создать лучшие возможности для проведения политики в отношении Англии и Франции, укрепить основательнее свои отношения с США и немного поправить дела своей пошатнувшейся казны. Но правительство не могло пройти мимо общественного мнения своей страны.

Именно этими причинами можно, на наш взгляд, объяснить особую секретность переговоров: ведь до нас не дошли ни записи, ни тем более протоколы предварительных переговоров и обсуждений. Не нашли мы их и в личном архиве царя и в архиве канцлера А. М. Горчакова, которые вели переговоры о продаже Аляски один на один, с глазу на глаз, не оставляя никаких официальных документов и не привлекая к переговорам руководителей Российско-Американской компании. Наверное, принять такое решение было совсем не просто: ведь до самого акта продажи никто из государственных деятелей, ни тем более руководителей Российско-Американской компании не ставил вопрос о продаже русских территорий. Но всем ходом своей внешней политики недальновидное царское правительство, подталкиваемое правительствами США, Англии и Франции, подходило к этому позорному решению.

И правительство сделало последний шаг. Переговоры велись в Вашингтоне между русским посланником Э. Стеклем и государственным секретарем США У. Г. Сьюардом и завершились подписанием «Договора между Соединенными Штатами Северной Америки и Его Величеством Императором Всероссийским об уступке русских владений в Северной Америке Соединенным Штатам, заключенного в Вашингтоне 30-го марта 1867 года». Ратификация договора состоялась 9 апреля — со стороны России и 28 мая 1867 года — со стороны США. Лишь только после этого Главное правление Российско-Американской компании было поставлено в известность о свершившемся. Сохранилась любопытная записка, из которой видно, что один из членов Политического комитета Главного управления компании генерал-адъютант барон Е. Е. Врангель 10 апреля 1867 года был уведомлен министром финансов статс-секретарем М. Х. Рейтерном: «По соглашению с Министерством Иностранных Дел разрешаю ваше превосходительство уведомить Главного Правителя Российско-Американских колоний о заключении с Соединенными Штатами трактата об уступке им колоний». На документе резолюция Врангеля: «Депешу кн. Макс. (князю Максутову — последнему правителю Русской Америки. — А. А.) надобно отправить тот час же. Пришлите мне ее на просмотр»¹.

По этому договору граница между СССР и США пролегает только по морским и океанским просторам. Пункт о границах сформулирован в статье первой следующим образом: «Западная граница, внутри которой помещаются передаваемые территории и владения, проходит через точку Берингова пролива, находящуюся под 65-ым градусом 30-тью минутами

¹ АВПР, ф. 339, оп. 888, л. 181, л. 143.

северной широты, у пересечения с меридианом, проходящим по середине между островами Крузенштерн или Игмалук и островом Ратмановским или Нукарбукским, и следует прямо к северу, без ограничения, в тот же Ледовитый океан. Та же Западная граница, начиная с той же исходной точки, следует оттуда по направлению почти прямо юго-восточному, через Берингов пролив и Берингово море, так чтобы пройти по середине между северо-западною оконечностью острова Св. Лаврентия и юго-восточной оконечностью Чукотского мыса, до 172-го градуса западной долготы; оттуда от точки пересечения с этим меридианом по юго-западному направлению, так чтоб пройти по середине между островами Атту и Медным островом Командорской группы, в Северном Тихом океане, до 193-го градуса западной долготы, так чтобы включить в передаваемую территорию все Алеутские острова на восток от этого меридиана»¹.

Для приведения в исполнение трактата по передаче Русской Америки США были командированы А. А. Пещуров² и Ф. Ф. Коскуль. Они отправились из Петербурга 28 июня и возвратились 2 августа 1869 года. В Вашингтоне совместно со Сьюардом были выработаны «условия к пояснению трактата», согласно которым устанавливался крайний срок передачи владений в три года и оговаривалось, что во все время передачи за русскими сохраняется право пользования жилыми и нужными казенными зданиями.

18 октября 1867 года русский флаг в Ново-Архангельске был спущен и поднят американский.

Русские тяжело переживали это событие. Жена последнего правителя Русской Америки Мария МаксUTOва плакала, глядя из окна губернаторского дома на церемонию смены флагов. Сержант Эдвин, командовавший подразделением американских солдат, впоследствии писал: «Русские в Ситхе все до одного ведут себя так, как будто присутствуют на похоронах царя. Те немногие из них, кто не занят упаковкой своего имущества, — ведь все они готовятся к отъезду в Россию... бродят по улицам в подавленном настроении»³.

Капитан 2-го ранга Ф. Ф. Коскуль писал в своем донесении, что американцы не выполнили второго условия по передаче Русской Америки и «тотчас по перемене флага, все самые необходимые здания как-то: дом Главного Правителя, казармы, клуб где квартировали служащие, мастерская, элинг и значительная часть магазинов занято было американскими властями, так что прикащики, штурмана и около 200-т человек рабочих в позднее осеннее время должны были быть помещены на компанейския суда»⁴.

¹ «Американский Православный Вестник». Нью-Йорк, 1897, № 1, с. 8—9.

² Алексей Алексеевич Пещуров (?—8 октября 1891 года) — вице-адмирал, кругосветный мореплаватель на «Палладе» и «Диане», правительственный комиссар по передаче Русской Америки.

³ С. Г. Федорова. Русское население Аляски и Калифорнии. М., 1971, с. 244.

⁴ АВПР, ф. 339, оп. 888, д. 181, л. 304 об.

А. А. Пещуров.

Несмотря на меры, принятые к отправке всех желающих выехать в Россию на компанейских кораблях, а также на купленном специально для этой цели корабле «Крылатая стрела», желание это своевременно выполнить не удалось. Некоторые же русские приняли американское подданство и остались жить на старых, насиженных местах. Но были и такие, которые, уже спустя несколько лет, упорно добивались отправки в Россию.

Письмо их с просьбой о помощи было направлено в Петербург, откуда исполнительный департамент полиции министерства внутренних дел 13 июня 1875 года (№ 2205) сообщил генерал-губернатору Восточной Сибири, что «Морское министерство не признало возможным перевезти в Владивосток из о. Ситхи русских и креолов на транспортном судне «Японец», а купец Филиппеус (А. Ф. Филиппеус — купец, взявший обязательство обеспечивать доставку продовольствия и других грузов для районов Дальнего Востока. — А. А.) на сделанное предложение представил счет, по которому означенная перевозка на его судне «Курьер» с продовольствием переселенцев могла обойтись 28 185 рублей. Но министерство финансов, приняв во внимание, что при таком способе перевозки

потребуется безвозвратного из казны расхода до 50 тыс. руб., а между тем упомянутые русские и креолы, имея право быть перевезенными в свое время в Россию на счет казны, сами не пожелали этим воспользоваться (это предназначение ложь министерства внутренних дел. — А. А.), и таким образом со стороны правительства прекратилось всякое обязательное к ним отношение, признало нужным предположение о перевозке русских и креолов в Владивосток мерами правительства отклонить, предоставив им отдельными лицами, семействами или партиями перебраться из о. Ситхи в С. Франциско на собственные средства и оттуда таким же образом переехать в наши пределы, на что им могло бы быть оказано возможное облегчение и денежное пособие чрез посредство нашего консульства в С. Франциско.

Ввиду изложенных заявлений министерств морского и финансов, со стороны министерства внутренних дел не предстоит никаких по настоящему делу распоряжений¹.

Итак, министерство финансов, морское министерство и министерство внутренних дел «не признало возможным» перевезти во Владивосток с острова Ситхи русских и креолов. У царского правительства не нашлось денег для этих нужд. Что стало с ними, с семьями Иллариона Чубарова, Платона Ларионова, Ивана Сенотрусова, Александра Бурдуковского и многих других, нам неизвестно. Может быть, некоторые из них набрались сил и приехали за свой счет. Но, надо думать, основная масса осталась там, на Аляске, на Алеутах. И сейчас там живет много русских, потомков тех самых людей, которые страстно желали возвратиться на родину и мольбам которых не вняло царское правительство.

Это лишь одна из трагедий, связанных с продажей Русской Америки. Царское правительство, опасаясь народного гнева, опубликовало впервые полный текст договора лишь в «Дипломатическом ежегоднике» на французском языке в 1868 году. Вне всякого сомнения, продажа Русской Америки — самый печальный факт в истории формирования Русского государства на Дальнем Востоке, факт, обличающий всю порочность прогнившего царского режима в России.

Академик А. Л. Нарочницкий так охарактеризовал позорную сделку: «США добились от царского правительства уступки за бесценок всех прав на владение огромной территорией, превосходившей по своим размерам первоначальные 13 штатов и вдвое больше по площади, чем Техас. Тупость некоторых представителей помещичье-самодержавного строя облегчала американским капиталистам заключение столь выгодной сделки»².

На протяжении всей первой половины XIX столетия у руководства внешней политикой России стояли люди, которым был чужд и Дальний Восток, и кровью выстрадавшие земли, и острова в Тихом океане и в Северной Америке. Они считали Россию прежде всего европейской держа-

¹ ГАИО, ф. 24, оп. 10, д. 315, связка 1668, лл. 50—51.

² А. Л. Нарочницкий. Колониальная политика капиталистических держав на Дальнем Востоке 1860—1895. М., 1956, с. 180—181.

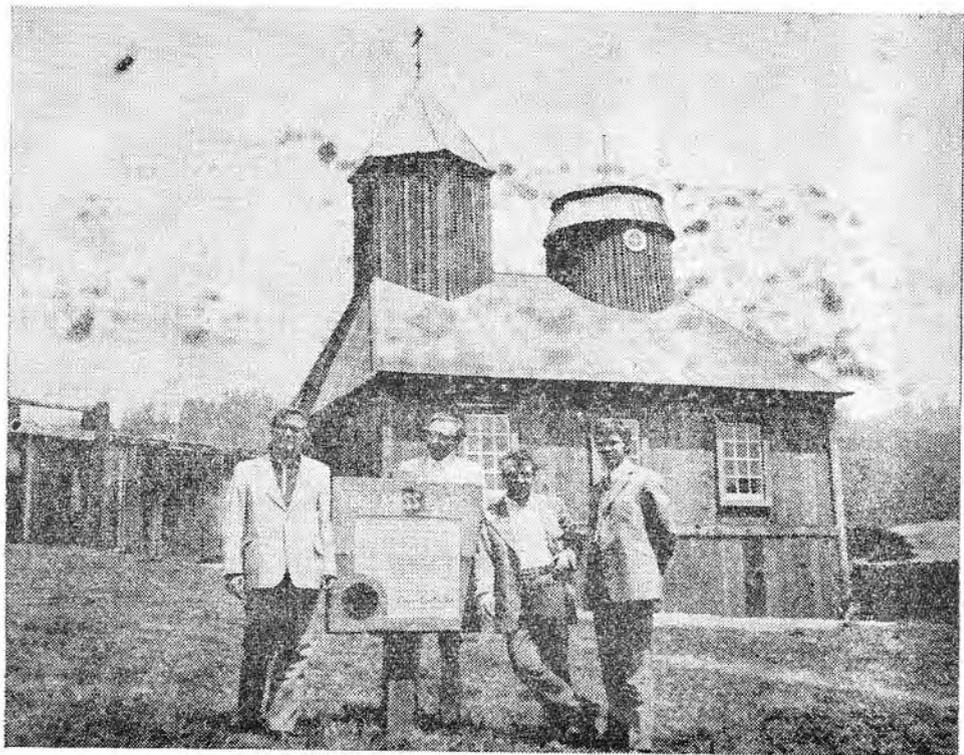

Рисунок форта Росс А. В. Duhaut-Cilly, сделанный в 1928 году. Фото из «Fort Ross the Russian Settlement in California». Published by the Fort Ross Citizens' Advisory Committee..., 1974.

вой и соответствующим образом направляли ее внешнюю политику. Не случайно один из ярких противников активной политики на Дальнем Востоке военный министр А. И. Чернышев, видевший в Сибири огромный каторжный мешок, считал, что с процветанием Дальнего Востока и Российских земель в Америке этот каторжный мешок станет дырявым: политические заключенные получают возможность бежать не только на запад, но и на восток.

Русская церковь на Уналашке. Фото Г. И. Щедрина.

Реконструированная церковь-часовня в форте Росс. Фото Г. Шишкина.

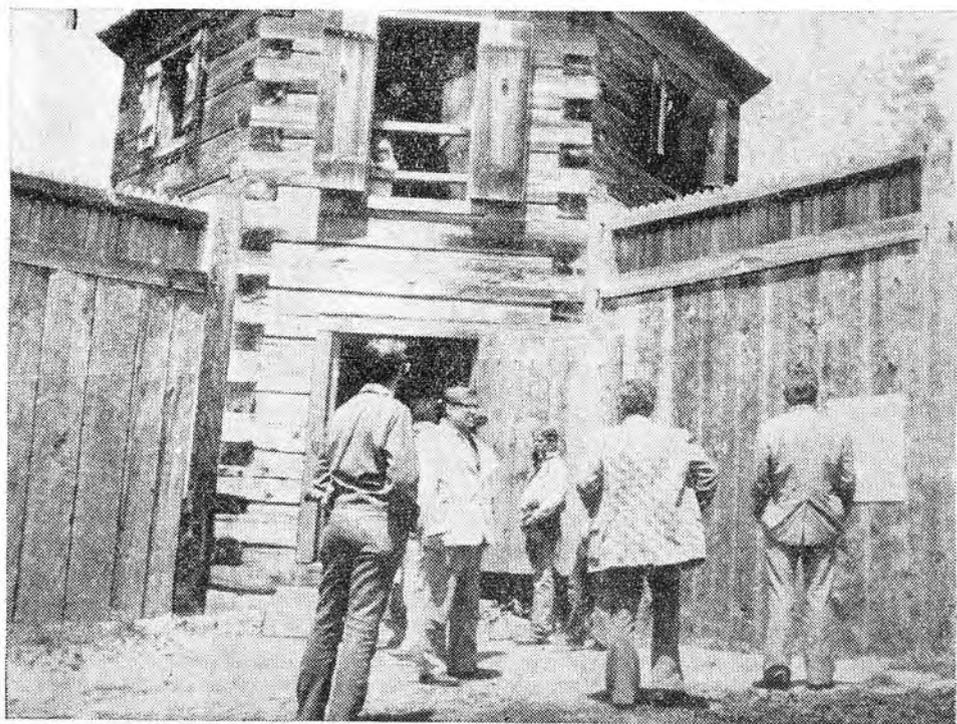
Трудно пришлось бывшей Русской Америке в первые десятилетия ее существования под флагом США. Вот как характеризовал положение жителей Аляски «Американский Православный Вестник» через тридцать лет после ее продажи: «Тридцать лет, прожития Аляской после снятия здесь русского флага, довели коренных ея жителей до последней степени нищеты. Все созданное здесь русской цивилизацией разрушено и уничтожено и обитатели страны поставлены ныне в условия гораздо более худшие, чем даже в каких они были до появления в Аляске белого человека»¹. Нажива, нажива и нажива — вот что руководило американскими промышленниками, наводнившими бывшую Русскую Америку. Сейчас бывшая Русская Америка — штат Аляска Соединенных Штатов Америки — самый отдаленный и самый суровый штат, превращенный американцами в сеть воздушных и военно-морских баз, в полигон для испытаний атомного оружия.

¹ «Американский Православный Вестник». Нью-Йорк, 1897, № 1, с. 13.

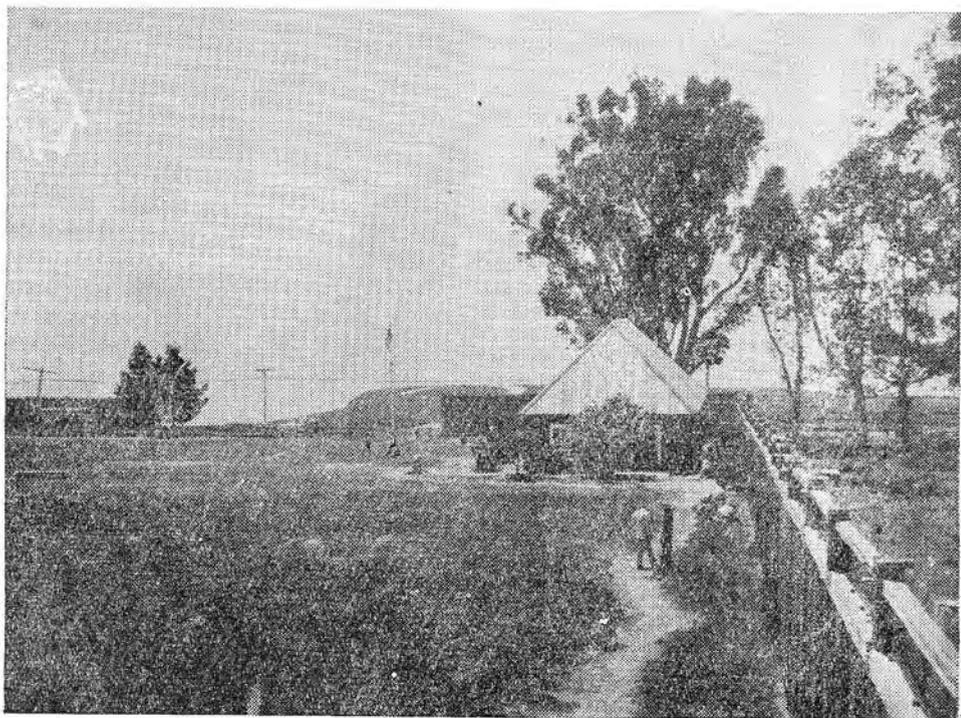
В Капитанской гавани на Уналашке находится одна из главных военно-морских баз США, а на острове Амчитка американцы взрывали свои атомные бомбы.

Но на Аляске помнят ее историческое прошлое. Самым романтичным городом Аляски называют американцы Ситху — бывший Ново-Архангельск. В нем около двух с половиной тысяч жителей, и среди них немало потомков первых креолов и русских. До сих пор гремят колокола на колокольне собора Св. Михаила, каждый год 18 октября отмечается традиционный «День Аляски» в память о Русской Америке, когда жители наряжаются в старые национальные одежды и исполняют памятные обряды и танцы.

Память о Русской Америке хранится и на Алеутских островах, и в легендарном форте Росс. В Капитанской гавани сохраняется старая русская церковь, остатки бывших строений. С 1906 года форт Росс стал историческим музеем, а окружающая его местность, где до настоящего времени существуют русские названия — Московская дорога, Русская теснина и другие, объявлена государственным заповедником. В музее

Реконструированная сторожевая башня в форте Росс.

Современный вид форта Росс. Видна часть реконструированной ограды и дома И. А. Кускова. Фото Г. Шишкина.

реставрированы часовня, сторожевые башни, частокол. Найдены места, где стоял дом И. А. Кускова, установлены подлинные орудия, найден кусковский колодец.

Добрые семена посеяли русские поселенцы на калифорнийской земле, и память о них жива среди американцев.

В Америке помнят, что Аляска, по площади равная Техасу, в течение 126 лет осваивалась русскими. Напоминает об этом и географическая карта северо-западного побережья Северной Америки и карта Алеутских островов. Это Андреяновские острова, бухта и мыс Баннера, остров Бобров, остров Богослов, Капитанская гавань, гавань Чичагова, мыс Чирикова, остров Баранова, Константиновская гавань, остров Давыдова, остров Деларова, остров и пролив Хвостова, бухта Кириллова, бухта и мыс Коровина, мыс Коврижка, мыс Лазарева, мыс Литке, бухта, мыс и вулкан Макушина, мыс Мофет, гора Всевидова, Никольская бухта, бухта Открытие, мыс и бухта Подсопочные, вулкан Погромный, порт Левашев, мыс Рукавица, Русская бухта, мыс Сарычева, остров Семисопочный, бухта Середка, вулкан Шишалдин, мыс Средний, бухта Старая,

мыс Старичков, бухта Стеллера, бухта Степанова, мыс Тебенькова, бухта Убиенная, мыс Врангеля и многие другие — свидетели русского прошлого. Это не лишнее напоминание для тех, кто пытается фальсифицировать на картах и в атласах историю Русской Америки, историю Аляски.

Названия эти и многие другие напомнят читателю еще раз, перед тем как будет закрыта последняя страница книги, историю и судьбу Русской Америки, земля которой так обильно полита потом и кровью тех, кто открыл, исследовал и освоил ее.

Основная литература

- Адамов Е. США в эпоху гражданской войны и Россия. Документы. Т. 1. М., 1930.
- Алексеев А. И. Братья Шмалевы. Магадан, 1958.
- Алексеев А. И. Колумбы Росские. Магадан, 1966.
- Алексеев А. И. Федор Петрович Литке. М., 1970.
- Алексеев А. И. Гавриил Андреевич Сарычев. М., 1966.
- Алексеев А. И. Охотск — колыбель Русского Тихоокеанского флота. Хабаровск, 1958.
- Алексеев А. И. Сыны отважные России. Магадан, 1970.
- Андреев А. И. Русские открытия в Тихом океане в первой половине XVIII века. — ИВГО, 1943, т. 75, вып. 3.
- Андреев А. И. Экспедиция Беринга. — ИВГО, 1943, т. 75, вып. 2.
- Андреев А. И. Экспедиция на восток до Беринга (в связи с картографией Сибири первой четверти XVIII века). — «Труды историко-архивного института». М., 1946, т. 2.
- Белов М. И. Дания и Витус Беринг. — В кн.: Путешествия и географические открытия в XV—XIX веках. М., 1965.
- Белов М. И. История открытия и освоения Северного морского пути. Т. 1, М., 1956.
- Белов М. И. О продаже Аляски. — «Наука и жизнь», 1967, № 1.
- Белов М. И. Русские мореходы в Ледовитом и Тихом океанах. Сб. документов. Л. — М., 1952.
- Белов М., Плансон К., Клыкков М. Краткий исторический очерк гидрографии русских морей. СПб, 1896—1916.
- Берг Л. С. Открытие Камчатки и экспедиция Беринга. М. — Л., 1940.
- Берг Л. С. Очерки по истории русских географических открытий. М. — Л., 1949.
- Берх В. Н. Первое морское путешествие россиян. СПб, 1823.
- Берх В. Н. Хронологическая история открытия Алеутских островов, или подвиги Российского купечества. СПб, 1823.
- Барсуков И. П. Иннокентий митрополит Московский и Коломенский. М., 1883.
- Болховитинов Н. Н. Становление русско-американских отношений. 1775—1815. М., 1966.
- Ваксель С. Вторая Камчатская экспедиция Витуса Беринга. М. — Л., 1940.

- Вдовин И. С. Очерки истории и этнографии чукчей. М., 1965.
- Вениаминов И. Е. Записки об островах Уналашкинского отдела. Ч. I—III. СПб, 1840.
- Врангель Ф. П. Записки о сочинении: Атлас северо-западных берегов Америки и пр. — «Морской сборник», 1854, т. 12, № 6.
- Врангель Ф. П. Обитатели северо-западных берегов Америки. — «Сын Отечества», т. VII, отд. III, «Наука». СПб, 1839.
- Гагемейстер Ю. А. Статистическое обозрение Сибири. Т. I—III. СПб, 1854.
- Глушанков И. В. Секретная экспедиция. Магадан, 1972.
- Гильзен К. К. Илья Гаврилович Вознесенский. Сб. МАЭ, т. III. СПб, 1916.
- Головнин В. М. Сочинения. М. — Л., 1949.
- Гольденберг Л. А. Федор Иванович Соймонов. М., 1966.
- Давыдов Г. И. Двукратное путешествие в Америку морских офицеров, писанное последним. СПб, 1810—1812.
- Дивин В. А. Великий русский мореплаватель А. И. Чirikов. М., 1953.
- Дивин В. А. К берегам Америки. М., 1956.
- Дивин В. А. Русские мореплаватели на Тихом океане в XVIII веке. М., 1971.
- Есаков В. А., Плахотник А. Ф., Алексеев А. И. Русские океанические и морские исследования XIX — начала XX вв. М., 1964.
- Ефимов А. В. Атлас географических открытий в Сибири и в Северо-Западной Америке XVII—XVIII веков. М., 1964.
- Ефимов А. В. Из истории великих русских географических открытий. М., 1971.
- Ефимов А. В. Очерки истории США. М., 1958.
- Ефимов А. В. Россия и колонизация Америки в первой половине XVIII века. — «Изв. АН СССР. Сер. историч. и философ.», 1947, т. IV, № 2.
- Завалишин Д. И. Дело о колонии Росс. М., 1866.
- Завалишин Д. И. Российско-Американская компания. М., 1865.
- Загоскин Л. А. Пешеходная опись части русских владений в Америке, произведенная лейтенантом Л. Загоскиным в 1842, 1843 и 1844 годах. Ч. I, II. СПб, 1847—1848.
- Зубкова З. Н. Алеутские острова. М., 1948.
- Зубов Н. Н. Отечественные мореплаватели — исследователи морей и океанов. М., 1954.
- Кабанов П. И. Амурский вопрос. Благовещенск, 1959.
- Кашеваров А. Ф. Атлас Восточного океана. Записки Гидрографического департамента. Ч. VIII. СПб, 1850.
- Кострин К. В. «Нешастное кораблекрушение фрегата «Невы». — «Дальний Восток», 1969, № 9.
- Крафт И. Ф. Колония Росс. Примиздат, 1950.
- Крестовский В. С. Эскадры генерал-адмирала Лесовского. — «Морской сборник», 1880, № 12.
- Лебедев Д. М. География в России петровского времени. М., 1950.
- Лебедев Д. М. Очерки по истории географии в России XVIII в. М., 1957.

- Лисянский Ю. Ф. Путешествие вокруг света в 1803, 4, 5 и 1806 годах, по повелению его императорского величества Александра Первого, на корабле Неве. СПб, 1812.
- Макарова Р. В. Русские на Тихом океане во второй половине XVIII века. М., 1968.
- Масленников Б. Г. Морская карта рассказывает. М., 1973.
- Материалы для истории русских заселений по берегам Восточного океана. Вып. 1—4. СПб, 1861.
- Марков С. Н. Летопись Аляски. М., 1948.
- Нарочницкий А. Л. Колониальная политика капиталистических держав на Дальнем Востоке 1860—1895. М., 1956.
- Нарочницкий А. Л. Международные отношения на Дальнем Востоке во время «опиумных войн» и тайпинского восстания (30—60-е годы XIX в.). — В кн.: Международные отношения на Дальнем Востоке. Кн. I. М., 1973.
- Невельской Г. И. Подвиги русских морских офицеров на крайнем востоке России. Хабаровск, 1969.
- Окладников А. П. Далекое прошлое Приморья. Владивосток, 1959.
- Окунь С. Б. Российско-Американская компания. Л. — М., 1939.
- Островский Б. Г. Беринг. Л., 1939.
- Покровский М. Н. Дипломатия и войны царской России в XIX столетии. М., 1923.
- Потехин В. Селение Росс. СПб, 1859.
- Паллас П. С. О российских открытиях на морях между Азией и Америкой. Месяцеслов исторический и географический на 1781 год. СПб, 1780.
- Покшишевский В. В. Заселение Сибири. Иркутск, 1951.
- Полевой Б. П. Григорий Шелихов — «Колумб Русский». Магадан. 1960.
- Полевой Б. П. Из истории открытия северо-западной части Америки (от первого известия сибирских землепроходцев об Аляске до петровского плана поиска морского пути к Америке). — В кн.: От Аляски до Огненной земли. М., 1967.
- Русские мореплаватели. Сб статей. М., 1953.
- Русские открытия в Тихом океане и в Северной Америке в XVIII—XIX веках. Сб. документов. М. — Л., 1944.
- Сарычев Г. А. Путешествие флота капитана Сарычева по северо-восточной части Сибири, Ледовитому морю и Восточному океану в продолжении осьми лет при географической и Астрономической экспедиции, бывшей под начальством флота капитана Биллингса с 1785 по 1793 год. СПб, 1802.
- Сарычев Г. А. Атлас северной части Восточного океана. СПб, 1826.
- Сгибнев А. С. Исторический очерк главнейших событий в Камчатке. — «Морской сборник». СПб, 1869, № 4—8.
- Слодкевич В. С. Из истории открытия и освоения русскими Северо-Западной Америки. Петрозаводск, 1956.
- Скальковский К. Русская торговля в Тихом океане. СПб, 1883.
- Скальковский К. Внешняя политика России. СПб, 1901.
- Славинский Н. Письма об американской жизни. — «Отечественные записки», 1872, № 5.
- Собрание разных инструкций, данных в разное время командирам русских судов при отправлении в дальнее плавание. СПб, 1853—1859.

Соколов А. П. Северная экспедиция 1733—1743. — «Записки Гидрограф. д-та», ч. IX. СПб, 1851.

Соколов А. П. Экспедиция к Алеутским островам капитанов Креницына и Левашева 1764—1769 гг. — «Записки Гидрограф. д-та», ч. X. СПб, 1852.

Соколов А. П. Хвостов и Давыдов. — «Морской сборник», 1853, № 5.

Степанова М. В. И. Г. Вознесенский и этнографическое изучение северо-запада Америки. — ИВГО, 1944, вып. 5.

Степанова М. В. Из истории этнографического изучения бывших русских владений в Америке. — «Советская этнография», 1947, № 3.

Тебенъков М. Д. Атлас северо-западных берегов Америки от Берингова пролива до мыса Корриэнтес и островов Алеутских. С присовокуплением некоторых мест северо-восточного берега Азии. СПб, 1852.

Тебенъков М. Д. Гидрографические замечания к Атласу северо западных берегов Америки. СПб, 1852.

Тверской П. А. Очерки Северо-Американских Соединенных Штатов. СПб, 1895.

Тихменев П. А. Историческое обозрение образования Российско-Американской компании. Т. I—II. СПб, 1861—1863.

Федорова С. Г. К вопросу о ранних русских поселениях на Аляске. — «Летопись Севера». М., 1964, вып. 4.

Федорова С. Г. Русское население Аляски и Калифорнии. М., 1971.

Федорова С. Г. Флаг Российско-Американской компании. — В кн.: От Аляски до Огненной земли. М., 1967.

Федорченко Т. П. К вопросу о картах плавания И. Л. Голикова и Г. И. Шелихова к тихоокеанским берегам Северной Америки в 1783—1786 гг. — «Вопросы географии», М., 1950, сб. 22.

Хлебников К. Т. Взгляд на подвекка моей жизни. — «Сын Отечества». СПб, 1836, ч. 175, раздел. II.

Хлебников К. Т. Жизнеописание А. А. Баранова. СПб, 1835.

Хлебников К. Т. Жизнеописание Г. И. Шелихова. — «Сын Отечества». СПб, 1838.

Хлебников К. Т. Записки о Калифорнии. — «Сын отечества». СПб, 1829.

Черненко М. Б. Путешествия по Чукотской земле и плавание на Аляску казачьего сотника Ивана Кобелева в 1779 и в 1789—1791 гг. — «Летопись Севера», т. 2. М., 1957.

Чихачев П. А. Калифорния и Усурийский край. — «Вестник Европы», 1890, т. III, № 6.

Шелихов Г. И. Российского купца Григория Шелихова странствования из Охотска по Восточному океану к Американским берегам. Хабаровск, 1971.

Экспедиция Беринга. Сб. документов. М., 1941.

Южаков С. Н. Англо-русская распря. СПб, 1885.

Яников Г. В. Великая Северная экспедиция. М., 1949.

Содержание

<i>А. Л. Нарочницкий.</i> Предисловие	5
<i>А. П. Окладников.</i> Напутствие	6
От автора	7
Введение	8
<i>Глава первая.</i> В поисках Америки	11
<i>Глава вторая.</i> Вслед за Берингом и Чириковым	38
<i>Глава третья.</i> Правительственные экспедиции	61
<i>Глава четвертая.</i> Российско-Американская компания. Шелихов	100
<i>Глава пятая.</i> Русская Америка. Баранов	137
<i>Глава шестая.</i> Морские офицеры управляют Русской Аме- рикой. Конец форта Росс	176
<i>Глава седьмая.</i> Исследования. Описания. Карты. Атласы. Книги	209
<i>Глава восьмая.</i> Почему же продали Русскую Америку? Основная литература	290 322

**Александр
Иванович
Алексеев**

ДАЛЬНЕВОСТОЧНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА

**СУДЬБА
РУССКОЙ
АМЕРИКИ**

Редактор *Л. Н. Ягунова*. Художественный редактор *Д. Д. Власенко*. Технические редакторы *Л. В. Выдрина*, *В. В. Плоская*. Корректор *Г. А. Козеева*. Сдано в набор 22/VIII 1975 г. Подписано к печати 22/XII 1975 г. АХ—01628. Формат 70×90/16. Бум. тип. № 2. Объем 20,5 физ. п. л.—0,38 физ. п. л. вклейки, 23,99 усл. п. л.—0,44 усл. п. л. вклейки, 23,89 уч.-изд. л. Тираж 15 000. Заказ 5483. Цена в делеринговом переплете 1 р. 06 к., в коленкоровом — 1 р. 01 к. Магаданское книжное издательство, 685000, г. Магадан, ул. Пролетарская, 15. Областная типография Управления издательств, полиграфии и книжной торговли Магаданского облисполкома, г. Магадан, пл. Горького, 9.

Алексеев А. И.

А 47. Судьба Русской Америки. Предисл. акад. А. Л. Нарочницкого, вступит. статья акад. А. П. Окладникова. Магадан, Кн. изд-во, 1975.

327 с. с ил., карт. (Дальневосточ. историч. б-ка).

В «Судьбе Русской Америки», основанной на архивных и старых, порою забытых публикациях, прослеживается 126-летняя история освоения русскими людьми Алеутских островов, Аляски и северо-западного побережья Северной Америки.

Это историко-географическое исследование касается вопросов формирования территории Русской Америки, истории географического изучения Алеутских островов и северо-западной части Северной Америки.

В книге анализируется экономическое состояние Российско-Американской компании, рассматриваются причины продажи Русской Америки.

А $\frac{0284-034}{M-149(03)-75}$ 35-75

91 (С)

